

И.С.
ТУРГЕНЕВ

И.С. ТУРГЕНЕВ

БИБЛИОТЕКА
ТАРИНА

Собрание
И.С. Тургенев

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов,
Б. Ф. Егоров (и. о. главного редактора), В. М. Жирмунский,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

И. С. ТУРГЕНЕВ

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. Ямпольского*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1970

И. С. Тургенев в начале своей литературной деятельности, в 30-е и в 40-е годы, написал значительное число стихотворений и поэм. Поэмы, созданные в духе «натуральной школы» («Параша», «Помещик» и др.), получили высокую оценку В. Г. Белинского. Такие стихотворения Тургенева, как «Перед воеводой молча он стоит...» («Баллада») и «Утро туманное, утро седое...» («В дороге»), положены на музыку и приобрели широкую известность как романсы,

ПОЭЗИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА

Тургенев-прозаик, автор «Записок охотника», замечательных романов и повестей, естественно, заслонил собою в сознании многих поколений своих читателей Тургенева-поэта. Иные из них даже не подозревали и не подозревают, что в поисках своего подлинного призвания Тургенев испробовал и поэтические жанры.

Сам Тургенев немало способствовал этому забвению. Он неоднократно говорил, что испытывает чувство стыда при упоминании о своей поэтической деятельности, и никогда не включал стихотворения и поэмы в собрание своих сочинений. «Я чувствую положительную, чуть не физическую, антипатию к моим стихотворениям — и не только не имею ни одного экземпляра моих поэм — но дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете». ¹

А между тем поэзия Тургенева интересна во многих отношениях.

В поэзии наметились некоторые темы, мотивы, образы его прозы, и она, следовательно, проясняет самую эволюцию писателя, логику его художественного развития. Если учесть опыт Тургенева-поэта, более понятной окажется лирическая и мелодическая стихия его прозы.

Но дело не в одном этом. В отличие от других русских писателей того же поколения (Гончаров, Салтыков-Щедрин), это был у Тургенева не кратковременный эпизод, не простая «проба пера». В 30-е и в первой половине 40-х годов поэзия занимает преобладающее место в его творчестве, а в его поэтических оценках позднейших лет всегда

¹ Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма в 13 томах, т. 10, М.—Л., 1965, с. 256 (письмо к С. А. Венгерову от 19 июня 1874 г.). Дальше ссылки на это издание (1961—1968) даются сокращенно: Письма, с указанием тома и страницы.

чувствуется человек, сам пробовавший свои силы в этой области и хорошо в ней разбирающийся, навсегда сохранивший любовь к поэтическому слову, несмотря на разочарование в своих собственных силах.

Наконец, следует подчеркнуть, что стихотворения и особенно поэмы Тургенева воспринимались многими современниками и журнальной критикой как характерные и серьезные явления русской поэзии 40-х годов. В атмосфере некоторого разброда и поисков новых путей после смерти Лермонтова произведения Тургенева звучали свежо и обращали на себя пристальное внимание. Так, например, критик газеты «Русский инвалид», отмечая в поэме «Параша» незаурядное дарование Тургенева, считал этот факт тем более отрадным, что «со смертью Лермонтова осиротел наш Парнас, и мы уже потеряли надежду услышать снова звуки русской лиры». ¹ По свидетельству И. И. Панаева, «элегии и поэмы» Тургенева, которыми он начал свое литературное поприще, «всем нам тогда очень нравились, не исключая и Белинского». ² Провинциальный читатель Л. Екельн, благодаря А. А. Краевского за «благородные убеждения», которые выражаются на страницах «Отечественных записок», писал ему: «Если Вы увидите Тургенева (Т. Л.), скажите ему, что он прекрасен (сам я не знаю его); если увидите Гоголя, скажите ему, что есть человек, который читает его стоя, я. Да попросите их, чтоб не смеялись». ³

1

В 1880 году на одной из «пятниц» у Я. П. Полонского Тургенев рассказал об удивительной перемене, которая произошла с ним в пятнадцатилетнем возрасте, после болезни: «Прежде я знать не знал, что такое поэзия; а тут математику с меня точно сдуло, я начал мечтать и пописывать стихи». ⁴

Однако о поэтической деятельности Тургенева до конца 30-х годов мы располагаем весьма скудными данными. А писал он в это время очень много. Достаточно указать, что в марте 1837 года, посылая А. В. Никитенко драматическую поэму «Стено», Тургенев перечислил свои, не дошедшие до нас, поэмы и переводы и затем отме-

¹ Петербургская хроника. — «Русский инвалид», 1843, 9 мая.

² И. И. Панаев, Литературные воспоминания, 1950, с. 250.

³ В. И. Кулешов, «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века, М., 1959, с. 213.

⁴ Д. Н. Садовников, Встречи с И. С. Тургеневым. — «Русское прошлое», 1923, № 3, с. 117.

тил: «Сверх того, у меня около 100 мелких стихотворений — но всё не переписано — разбросано» (Письма, т. 1, с. 164).

Хотя Пушкин уже в ту эпоху был для Тургенева, по его собственному признанию, «чем-то вроде полубога»,¹ его литературная деятельность развивалась всецело под знаком романтических увлечений. При этом в сознании Тургенева уживались, по-видимому, две разнородные стихии: высокий романтизм, «байронизм», возродившийся в России в 30-е годы и являвшийся формой протеста против установившейся после разгрома декабрьского восстания политической реакции (виднейшим его представителем был Лермонтов), и вульгарный романтизм, «риторическая» или «ложновеличаявая школа» (Кукольник, Бенедиктов и др.), о которой впоследствии он столь презрительно отзывался как об отголоске внешнего величия николаевской монархии. «Первым сильным литературным впечатлением» Тургенева был роман М. Н. Загоскиша «Юрий Милославский» (т. 14, с. 81). В студенческие годы он «целовал имя Марлинского на обертке журнала — плакал, обнявшись с Грановским, над книжкой стихов Бенедиктова — и пришел в ужасное негодование, услышав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку» (Письма, т. 3, с. 62). С начала 30-х годов Тургенев испытал также большое влияние поэзии Жуковского.

Однако от этого периода, если не считать нескольких маловыразительных юношеских набросков (см. т. 1, с. 321—329), дошла до нас только драматическая поэма, или философская драма, «Стено».

Она написана шестнадцатилетним поэтом, к тому же еще плохо владевшим техникой стиха. Сам Тургенев назвал свою поэму «рабским подражанием байроновскому „Манфреду“» (т. 14, с. 11). Жанровое определение «драматическая поэма», основная проблема и многие черты главного героя, отдельные ситуации «Стено» восходят к Байрону. Так, обморок Стено, которого приводят в чувство рыбак Джакоппо и его сестра Джулия, соответствует сцене, где Манфреда на краю пропасти в Альпах спасает охотник; фигура монаха Антонио аналогична аббату, пытавшемуся обратить Манфреда на путь веры. Имеются и текстуальные совпадения.²

Действие поэмы происходит в Италии, в Риме. Отдельным сценам предшествуют ремарки: «Ночь. Колизей», «Ночь. Внутренность

¹ И. С. Тургенев, Литературные и житейские воспоминания. — Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения в 15 томах, т. 14, М.—Л., 1967, с. 12. Дальше ссылки на это издание (1960—1968) даются в тексте, с указанием тома и страницы.

² См.: М. О. Гершензон, Мечта и мысль И. С. Тургенева, М., 1919, с. 11—15.

готической церкви», «Келья Антонио. На столе череп и библия», а заканчивается она диалогом неких мистических голосов в вышине о свершившейся тайне, вечности и страдании. Вся поэма пронизана мрачным романтическим колоритом.

Преувеличенность чувств, выпяченный стиль, мелодраматические эффекты — все это в большей степени соответствует «ложновеличавой школе», чем Байрону. На некоторые сцены поэмы оказала, по-видимому, воздействие незадолго до этого вышедшая «драматическая фантазия в стихах» Нестора Кукольника «Торквато Тассо», ее стилистика и некоторые ситуации. Убийство доктора Риензи напоминает сцену, когда Тасс в умоисступлении убивает своего друга Гаскано (конец 2-го действия), а появление видения — появление духа в 3-м действии пьесы Кукольника.¹

Размышления о смысле жизни и бренности всего земного, о неизбежной оторванности мыслящей человеческой личности от мира природы и других людей воплощены в образе главного героя. Это — «апофеоза личности», считающей себя «центром окружающего мира», «апофеоза», о которой через десять лет Тургенев будет писать как об основном признаке романтизма в тоне решительного осуждения.² Мысли Стено выражены в монологах, насыщенных элементами романтического стиля, с бесконечными вопросительными и, особенно, восклицательными фразами. И он когда-то верил в бога, как братьев любил людей, испытал любовь к прекрасной девушке. Но ему была предназначена иная, «ужасная судьба»; его «высокий ум» увидел подлинную, нагую жизнь; жалких людей «с душой обыкновенной»

¹ Следует отметить, что восторженные отзывы о первых произведениях Кукольника исходили не только от О. И. Сенковского и «Библиотеки для чтения», но и от некоторых литераторов передового лагеря. В. К. Кюхельбекер назвал «Торквато Тассо» «лучшей трагедией на русском языке, не исключая и «Годунова» Пушкина». По его словам, Пушкин, Марлинский и Кукольник — «надежда и подпора нашей словесности» (В. К. Кюхельбекер, Дневник, Л., 1929, с. 232—233, 235). Да и Белинский писал в 1835 году, в рецензии на «Арабески» и «Миргород» Гоголя, что «„Торквато Тассо“ г. Кукольника порадовал было любителей изящного, как приятная, хотя и детская греза. Прекрасные стихи, несколько поэтических мест в сем произведении заставили было публику поздравить себя с новым поэтом, подававшим блестящие надежды» (Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1953, с. 173. Дальше ссылки на это издание (1953—1959) даются в тексте, с указанием тома и страницы). Тем более нет ничего удивительного, что драма Кукольника могла произвести сильное впечатление на шестнадцатилетнего Тургенева.

² Рецензия на «Фауста» Гете в переводе М. П. Вронченко (т. 1, с. 220).

Стено презирает. Жизнь ему, во всем разочаровавшемся, в тягость; его иссохшее сердце несет гибель всему, что встречается на его пути.

Поэма по существу статична и лишена внутреннего движения. Остальные герои нужны только как фон для переживаний Стено, чтобы показать трагические следствия его исключительности. Джулия, воплощение едва расцветшей девичьей души, влюбляется в Стено и гибнет; гибнет и ее брат, решивший отомстить за ее смерть; гибнет от руки последнего и их ни в чем не виноватый друг; наконец, кончает с собою осознавший бессмысленность своего существования Стено.

При всей подражательности, как отметил М. О. Гершензон, Тургенев проявил и известную самостоятельность. Все действие в поэме Байрона символично, арена действия — не мир, а душа Манфреда. Между тем Тургенев, весьма наивно и неумело, стремился все же сделать своих героев не только символами, но и конкретными людьми, наделив их в какой-то мере, при всей их условности, индивидуальными чертами характера.

Кроме того, сам Стено существенно отличается от Манфреда. Герой Байрона гораздо более целен и монолитен; это натура титаническая. Стено же изъеден рефлексией, надломлен, что характерно для настроений русской интеллигенции в годы создания поэмы.¹

Применительно к Стено следует вспомнить то, что свойственно драматургии Лермонтова.² Речь идет о «двойном сочувствии», которое испытывает читатель, — не только естественном сочувствии к жертвам Стено, но и глубоком сострадании к нему самому, его внутренней борьбе и страданиям.

Образ Стено интересен и в том отношении, что открывает целую галерею позднейших тургеневских героев — с их внутренней разорванностью и сомнениями, с их неумением обрести свое место и дело в жизни, неспособностью полюбить. Ситуация Стено — Джулия окажется впоследствии весьма важной для тургеневского творчества. Но если в его юношеской поэме все это (в том числе мировая скорбь Стено) показано как неизбежный удел человеческого существования и игра каких-то таинственных сил, то в годы творческой зрелости будет осмыслено в социально-исторической и социально-психологической плоскости.

¹ См. об этом: А. Е. Грузинский, И. С. Тургенев, М., 1918, с. 24.

² См.: Б. М. Эйхенбаум, Драммы Лермонтова. — В кн.: Б. М. Эйхенбаум, Статьи о Лермонтове, М.—Л., 1961, с. 210—211.

О социально-политических симпатиях Тургенева этих лет мы почти ничего не знаем. И все же в повести «Первая любовь», на автобиографическую основу которой указывал сам Тургенев и действие которой отнесено к лету 1833 года, рассказчик — в то время шестнадцатилетний мальчик — называет себя «молодым демократом», мечтающим о свободе (т. 9, с. 30—31). О своих «демократических тенденциях» в годы, когда он учился в Московском университете (1833—1834), Тургенев вспоминал в беседе с американским писателем Х. Бойсененом.¹ Наконец, в том же 1834 году Тургенев вступился за крепостную девушку, не разрешив ее продавать и встретив исправника и понятых с ружьем в руках. В результате возникло «дело о буйстве», затянувшееся на много лет.²

В связи с этим естественно возникает следующий вопрос. Разумеется, образ Стено отражает определенные тенденции умственной жизни русской интеллигенции 30-х годов. Но отразились ли в нем и те демократические тенденции, о которых говорилось выше, и если да, то сознавал ли это, и в какой степени, молодой поэт? Некоторые отрывки поэмы допускают положительный ответ, осложняющий наше представление о ней.

Я не один преследуемый роком,
Но люди есть, которые тогда
Всё доброе в своей груди задавят
И станут ниже человека. Правда,
Тогда они несчастья не узнают,
Но оттого, что слишком станут низки
Они — чтоб быть предметом гнева
Судьбы. И мне ли, мне, который
Так долго с ней боролся, избежать
Ударов моего врага — упав,
Как подлый раб, к ее ногам. Мне стыдно,
Что я мгновенье это думать мог.

Слова эти могут быть истолкованы по-разному. Можно усмотреть в них и известное социально-политическое звучание, характеристику состояния русского общества, пресмыкающегося перед властью.

¹ Иностранная критика о Тургеневе, изд. 2, СПб., (1908), с. 145.

² А. Д у н и н, «Дело о буйстве» И. С. Тургенева. — «Исторический вестник», 1912, № 2, с. 629—631.

О лирике Тургенева писать нелегко — и не только потому, что она довольно пестра по своему составу, не имеет некоего единого стержня, не только потому, что, систематически печатая стихотворения в 1841—1847 годах (главным образом в «Отечественных записках» Белинского) и начав нащупывать нечто свое, оригинальное, он резко оборвал поэтическую деятельность. Дело еще в том, что русская поэзия первой половины 40-х годов в целом, особенно после гибели Лермонтова, являла собой картину известного застоя, «если не умерла, то уснула» (Белинский, т. 7, с. 65). Несравненно меньше, чем проза, она была способна стать выразительницей современных идей и настроений, решать новые задачи, стоявшие перед литературой, которые заключались прежде всего в тесном сближении с действительностью.

Кончили свою жизнь или замолкли к 40-м годам многие представители пушкинского поколения и старшие современники Пушкина: Дельвиг, Полежаев, Давыдов, Козлов, Подолинский и др. Правда, активно печатается Языков, изредка появляются стихи Вяземского, выпускает свой последний сборник «Сумерки» Баратынский. Но все они, как и Жуковский, либо вовсе изолированы от живой литературной жизни, либо, по разным причинам, не оказывают заметного воздействия на развитие русской поэзии. Ничего не публикует Тютчев, известность к которому пришла лишь в следующее десятилетие. Теряет свою популярность у интеллигентных читателей, благодаря статьям Белинского, Бенедиктов. Вне главных путей литературы и славянофильские поэты (Хомяков и др.). С другой стороны, — что не менее существенно, — неясными еще поисками отмечены первые шаги представителей молодого поколения, в будущем виднейших русских поэтов — Некрасова, Фета, Огарева, Полонского, только что вступивших на литературное поприще. Не обозначились еще отчетливо поэтические направления эпохи, сформировавшиеся позже — в 50-х годах.¹

При анализе лирики Тургенева и ее эволюции неизбежно встает вопрос об ее отношении к романтизму. Ясен этот вопрос для раннего периода, когда писатель был еще весь во власти романтических идей и романтического стиля. Но он остается вполне законным и для последующей его лирики. Настойчивая борьба Тургенева с романтизмом и в поэзии, и в драматургии, и в критике, и в прозе

¹ См. вступительную статью Б. Я. Бухштаба к сборнику «Поэты 1840—1850-х годов» (М.—Л., 1962, «Библиотека поэта», Малая серия), в которой дан общий обзор поэзии 40-х годов.

в первой половине 40-х годов, в годы, когда складывалась «натуральная школа», свидетельствует о том, что он чутко схватывал тенденции развития современной литературы. Он чувствовал, кроме того, настоятельную потребность рассчитаться со всем, что оставалось от прошлого в его собственном сознании и творчестве. Однако в лирике перевооруженис, переход на новые позиции бывает обычно труднее и длительнее, чем в эпических жанрах, тем более, что и поэмы Тургенева не дают, как мы увидим дальше, гладкой, прямолинейной картины: вслед за «Парашей» появилась чисто романтическая поэма «Разговор».

Нельзя, конечно, назвать точную дату перехода Тургенева к реализму, разнообразные тенденции совмещались и переплетались в его стихах, но самый процесс шел в этом направлении. К тому же вопрос о признаках реализма в лирике сложен вообще¹, и применительно к данному периоду в частности.

Уже в 1860 году, критикуя не дошедшую до нас поэму К. К. Случевского, талант которого он высоко ставил, Тургенев бранил его за вычурность отдельных мест (по поводу одного из них он прибавил: «à la Бенедиктов»), а о выражении «тревожный мрак» обронил следующее замечание: «Пора бросить эти староромантические замашки» (Письма, т. 4, с. 143—145). По-видимому, Тургенев имел в виду не простое наличие метафорического эпитета, которым и сам пользовался — лишь в более умеренных размерах — не только в стихах, но и в позднейших прозаических произведениях, а впечатление некоей невнятицы, даже нарочитой таинственности, которые противостояли его стремлению к логической ясности и которые он воспринимал как пережитки романтизма. С этой точки зрения, за «непонятность» и вычурность, Тургенев постоянно сетовал и на Фета, когда редактировал сборник его стихотворений 1856 года. Критикуя Фета и Случевского, Тургенев не мог не иметь в виду — хотя бы подсознательно — и свой собственный поэтический опыт.

По существу, «свежий мрак» («В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный...») столь же понятен, или непонятен, как «тревожный мрак», а выражения вроде «невнятная тоска» — Тургенев оценил его как «nonsens» (бессмыслицу) — у него тоже нетрудно обнаружить: «томительно-несмая... тишина» в стихотворении «В ночь летнюю, когда...» или «странной тоскою томится» в стихотворении «Долгие, белые тучи плывут...».² В научной литературе отмечалась

¹ См. об этом: Л. Гинзбург, О лирике, М.—Л., 1964, с. 206 и сл.

² Любопытно, что рецензент «Библиотеки для чтения» (может быть, сам Сенковский) в отзыве о поэме «Разговор» (1845, № 2),

также известная дань Тургенева «риторической» школе, романтические штампы, иногда в духе Бенедиктова. В этой связи не раз называли стихотворение «Нева» — образы «корабля далекой стороны», реки, лобзающей темные бока кораблей, ветра, позабывшего свои безумные порывы, огненного алоэса и пр. Можно прибавить пышное сравнение заката с пожаром дворца Сарданапала в стихотворении «Призвание», томный месяц, водопад, крутобокую чашу, лебедей и прочий традиционный антураж в том же «Призвании».

Но обратимся к последовательному изложению, имея в виду, что основное стремление реалистической лирики — освободиться от всякого рода условностей в изображении внутреннего мира человека, уловить главные черты современного сознания. Для каждой эпохи возникают в связи с этим свои задачи.

3

Первые два стихотворения Тургенева появились в печати в 1838 году в «Современнике» П. А. Плетнева. Это — «Вечер» и «К Венере Медицейской». Со времени «Стено» поэт проделал существенную эволюцию. По культуре стиха и поэтического слова они не идут ни в какое сравнение с юношеской поэмой.

Стихотворение «Вечер» — с подзаголовком «Дума» — носит на себе явные следы воздействия лирики Жуковского, хотя Тургенев и писал в своих воспоминаниях, что к 1834 году Жуковский утратил в его глазах «прежнее значение» (т. 14, с. 77). Дело не только и даже не столько в том, что в «Вечере» Жуковского — с подзаголовком «Элегия» — можно найти близкие аналогии (ср., например, «Прощальный блеск зари на небе догорал» и «Всё тихо: звука нет! всё тихо: нет движенья!» со стихами Жуковского «Последний луч зари на башнях умирает» и «Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой»), сколько в общем колорите стихотворения Тургенева. Все в нем — и пейзаж, и раздумья поэта — дано в духе элегической настроенности, эмоциональной приглушенности, которые так характерны для Жуковского и поэтов его направления. Состояние сна, покоя разлито во всей природе: волны реки «дремали», дуб склонился над

с целью доказать ее бессмысленность, издевался и над ее стилем, особенно над такими сочетаниями, как «шептали боязливо» (о берегах) и т. п. С другой стороны, Белинский, ознакомившись с поэмой в корректуре и высоко оценивший ее, иронически отозвался о стихе «Торжественно неслись в надменной тишине» (о звездах): «Что такое: надменная тишина? — Великодушный кисель?» (т. 12, с. 247).

«сонной гладью вод», «везде глубокий сон — на небе, на земле», «заснула жизнь; природы дремлют силы» и т. д. В эту картину органически входят и «отлогие берега» реки, и «прощальный блеск зари». А если иногда и проносится «ветра вздох» или мелькнет перед глазами неслышно падающий лист, то они еще больше подчеркивают неподвижность засыпающей природы. Правда, поэт в какой-то мере противопоставляет себя природе. Тоже «безмолвный», он стоит на берегу, однако чувствует, что «везде покой — но не в моей душе». Он хочет узнать о «тайнах бытия», о том, что «будет там», и не получает ответа на тревожащие его вопросы. Но это не вызывает у него бурных эмоций протеста, как в «Стено». Он ищет в природе соответствий с тем, что его ожидает там: «Здесь света с тьмой — там радостей, страданий С забвением и смертью слипнись». Кстати сказать, эти «здесь» и «там» также восходят к Жуковскому. И мелодический строй стихотворения, небольшое количество «переносов» — enjambement (которые при этом не отличаются резкостью), и отобранная лексика соответствуют общему настроению грусти, покорности, примирности.

Второе стихотворение не похоже на «Вечер» ни по своей теме, ни по поэтическому стилю. Приглушенным эмоциям «Вечера» противостоят декламационные интонации «К Венере Медицейской», выраженные в обильных восклицательных предложениях. Восторг перед античным миром, античным искусством, которое ярко воплотило дух народа и является вместе с тем образцом бессмертной красоты, — вот что составляет пафос стихотворения Тургенева. Тургенев, хорошо знавший немецкую литературу, мог воспринять его у Шиллера. Той же мыслью пронизаны, например, его известные «Боги Греции». В области теории, эстетики идеализация классического искусства наиболее полно отразилась в работах И. Винкельмана, пользовавшихся огромной популярностью. Возврат к классическим образцам означал для него возврат к природе, к простоте и естественности, преодоление всякой напряженности и вычурности. Через год с лишним после стихотворения Тургенева Белинский в статье «Менцель, критик Гете» писал: «Храмы сокрушились, и их развалины заросли травой, а статуи взяла железная рука варвара-победителя; — но разве умерла для нас она, эта прекрасная Греция?.. Разве эти чудные статуи, пережившие тысячелетия, не предстали Винкельману во всем очаровании вечной юности и не открыли ему сокровенных тайников исчезнувшей жизни светлых чад Эллады, и не поведали ему дивных тайн творчества?» (т. 3, с. 394). И подобно тому как Шиллер обращал свой взор к античному миру не только с восторгом, но и с грустью, как к своего рода земному раю, утраченному человечеством, так и

Тургенев, в соответствии с обстоятельствами русской жизни, гармоническому спокойствию античного искусства, цельности природы, полноте чувств античного человека противопоставлял разорванное сознание, душевную дряблость своих современников:

Но нам их бурный жар и чужд и непонятен;
Язык любви, страстей нам более не внят;
Душой увяли мы.

Словом, не только восторг, но и упрек заключен в стихотворении. Но этот упрек существенно отличается от того, который звучит в «Последнем поэте» Баратынского (1835) по адресу «промышленного» века, поглощенного одними лишь заботами о «насушном» и «полезном». Не утилитаризм и «корысть», а душевная вялость и апатия противостоят, по Тургеневу, античному идеалу красоты. В стихотворении — в несколько иной форме — поставлена проблема, отраженная уже в «Стено» и затем не раз приковывавшая к себе внимание писателя.

Прежде чем перейти к анализу основных линий и особенностей лирики Тургенева, коснемся еще двух-трех его ранних стихотворений.

В поэзии Тургенева не очень заметно воздействие устного народного творчества. Но одно из его стихотворений, озаглавленное «Баллада» («Перед воеводой молча он стоит...»), явно восходит к песне о Ваньке-ключнике и другим, близким к ней по сюжету.¹ Тургенев сохранил присущее народной балладе преимущественно драматическое, в прямой речи, раскрытие образа героя. Вместе с тем стихотворение не является простым пересказом. В «Балладе» крестьянский парень, в отличие от Ваньки-ключника, камер-лакея и пр., — не дворовый воеводы. Она осложнена, кроме того, мотивами так называемых «разбойничьих песен», в которых резко выражен протест против социального угнетения народа. При этом стихотворение гораздо короче, лаконичнее песни, и потому основной конфликт, освобожденный от ряда подробностей, более подчеркнут. В частности, обострению конфликта способствует то обстоятельство, что в стихотворении Тургенева внимание сосредоточено на двух действующих лицах, а жена воеводы остается на заднем плане, ее переживания и судьба совсем не затронуты.

Поскольку речь зашла о балладе, остановимся коротко на отражении литературной, книжной баллады в поэзии Тургенева. В этой

¹ С. И. Родзевич, Тургенев, Киев, 1918, с. 22—23.

связи следует упомянуть о двух стихотворениях, напечатанных в 1841—1842 годах, но написанных, вероятно, значительно раньше: «Старый помещик» и «Похищение». В «Похищении» отмечались явные точки соприкосновения с Жуковским, с его балладой «Людмила» (сюжетная схема, стихотворный размер, отдельные детали, пейзаж), но, конечно, все здесь переосмыслено, поскольку мистические, «загробные» мотивы (похищение девушки мертвым женихом) переведены в чисто бытовой, реальный план.

4

Особый цикл представляет собой любовная лирика. Любовные стихи Тургенева обращены к разным лицам, но большая их часть является отражением его романа с Т. А. Бакуниной, сестрой Михаила Бакунина, с которым писатель незадолго до этого познакомился и сблизился.

Этот роман относится к 1841—1842 годам и носит в биографической литературе название «премухинского» — от названия родового имени Бакуниных в Тверской губернии. В Премухине бывали многие выдающиеся люди конца 30-х — начала 40-х годов — Белинский, Станкевич, Боткин, Грановский и другие. Там царил атмосфера высоких интеллектуальных интересов, увлечения немецкой идеалистической философией и романтической литературой и вместе с тем атмосфера влюбленности, окружавшая сестер Бакунина.

Дошедшие до нас три письма Тургенева к Т. А. Бакуниной и, особенно, девять писем к нему Бакуниной дают представление об этом романе, очень кратковременном, но оставившем свой след и в поэзии, и в прозе писателя. Экзальтированная и поглощенная самоанализом натура девушки, во многом головной характер ее чувства, иногда дидактические нотки в ее отношении к Тургеневу — все это довольно скоро охладило Тургенева, и он, после известных колебаний, решился на разрыв. Бакунина восприняла это крайне болезненно.¹

В стихах все предстает в более спокойных красках — и дело тут не в каких-либо внешних причинах, а в особенностях лирики, как и всего творчества Тургенева. Он не любил обнажать или выворачивать

¹ Об этом эпизоде биографии Тургенева см.: Л. Крестова, Татьяна Бакунина и Тургенев (сб. «Тургенев и его время», М.—Пг., 1923); Н. Л. Бродский, «Премухинский роман» в жизни и творчестве Тургенева (сб. «Документы по истории литературы и общественности, вып. 2. И. С. Тургенев», М.—Пг., 1923).

наизнанку душу — как свою, так и своих героев. Некоторая сглаженность и приглушенность, меланхолический, грустный колорит существенно отличается, однако, от общего тона лирики Жуковского. У Тургенева постоянно присутствует подспудный драматизм ситуации и переживаний лирического «я», чувствующего свою невольную вину, огорченного тем, что причинил страдания влюбленной в него женщине. Он сожалеет о «погибшей любви» (тема «погибшей любви» проходит через ряд его стихотворений), с болью вспоминает о моменте разлуки, которая стоила ему, очевидно, больших душевных усилий и надолго осталась в его сознании:

Когда с тобой расстался я —
Я не хочу танть,
Что я тогда любил тебя,
Как только мог любить.

(«Когда с тобой расстался я...»)

Самый облик женщины относительно мало, скупыми штрихами отразился в стихах Тургенева (хотя и в большей степени, чем в лирике того же Жуковского, в его стихах, посвященных несчастной любви к М. А. Протасовой). В первую очередь это относится к ее горьким душевным переживаниям, о которых почти нет речи. Больше говорится об ее внешних чертах; это беглые, но отнюдь не нейтральные в поэтическом контексте упоминания об ее глазах (в одном месте «голубых», в другом «больших»), печальном или грустном взгляде, светлой или томной улыбке, густых волнах волос, длинных ресницах. Несколько иначе обстоит дело в стихотворении «К А. С.», обращенном к другому, неустановленному, лицу. Здесь портретная характеристика более пространна; здесь также есть упоминание о прошедшей, как «безотрадный и напрасный» сон, любви, но главное не в этом. В стихотворении перед нами два облика А. С. — как в «Евгении Онегине»: незаурядная девушка, на которую поглощенный «тревогой страстной» лирический герой не обратил внимания, и красавица, «богиня гордого страданья», которую он случайно встретил через много лет.

Мотив «погибшей любви» словно наплывом возникает и в стихотворении «Нева» в связи с воображаемыми переживаниями другого человека, моряка из «далекой стороны», который отдыхает на палубе своего корабля, заплывшего в незнакомую ему Россию. Пытаясь проникнуть в его душу, Тургенев спрашивает:

О чем ты думаешь? Быть может,
Тебя минувшее тревожит —

Ты вспомнил прежнюю любовь,
Разлучный час и взгляд печальный —
И на губах, как будто вновь,
Зажегся поцелуй прощальный.
Теперь, быть может, у окна
Она сидит. . .

и т. д.

И далее поэт прерывает нить своего воображения, восклицая: «Но нет. . . свои воспоминанья Я на чужого перенес». И по контрасту он говорит о простой, беззаботной любви, без «смутного страданья» и «напрасных слез».

Обращаясь к традиционным мотивам, Тургенев находит иногда живые слова и тонкие оттенки. Что может быть банальнее просьбы поцеловать руку у любимой женщины? Но Тургенев пишет: «Позволь руке твоей стыдливо Коснуться робких губ моих» («К ***») — и эти заключительные строки увеличивают выразительность всего стихотворения.

Тургенев не чуждается освященных традицией соответствий между жизнью природы и движениями человеческой души, ликованием весеннего дня и охватившей ее любовью: «И цвела, расцвела земля, И цвела, расцвела любовь» («Ах, давно ли гулял я с тобой! . .»). Не пренебрегает он и элементарной аллегорией. Судьба сорванного и вдетого в петлицу, а затем быстро завядшего цветка явно проецирована на человеческие отношения, отношения между мужчиной и женщиной. Сквозь отдаленные отзвуки «Цветка» Жуковского («Минутная краса полей. . .») и Пушкина («Цветок засохший, безуханный. . .») звучат иные мотивы:

Он ждал тебя — в траве росистой
Он одиноко расцвстал. . .
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал. . .
. . . Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего.

(«Цветок»)

Итак, в центре любовной лирики Тургенева — переживания лирического «я» (лишь намеками он касается внутреннего мира «ты», любимой женщины), его сожаления, душевные противоречия (рас-

ставаясь, он любил), рефлексия. В январе 1845 года Тургенев писал А. А. Бакунину, что время близости с его семейством остается для него дорогим, хотя он по понятным причинам (речь идет об отношениях с Т. А. Бакуниной) как бы раззнакомился с ним. И далее следуют весьма важные слова: «Я в последнее время жил уже не фантазией, как прежде — а более действительным образом, и потому мне было некогда много думать о том, что во всех отношениях — стало для меня прошедшим» (Письма, т. 1, с. 240). Пройдет еще три года, и Тургенев гротескными красками изобразит Т. А. Бакунину в очерке «Татьяна Борисовна и ее племянник», в эпизодическом образе восторженной и взбалмошной «старой девицы». Но в стихах 1842—1843 годов другие слова и другие пропорции. Чувство сожаления об утраченном еще очень сильно, и диапазон противоречий весьма велик. Достаточно отметить, что в одном из стихотворений цикла «Варяжин» поэт с сердечной теплотой вспоминает о минувшей любви и тут же утверждает, что тот далекий весенний день, те порывы любовной тоски стали ему смешны, «как пустые, плохие стишки». И еще резче в стихотворении «Когда давно забытое названье...». Поэт называет воспоминание о прошлом «хламом», и в то же время ему грустно, что он готов был осмеять «Все прежние, все детские мечты, Всё, что в душе цветет так боязливо, Как первые, весенние цветы».

В стихотворениях Тургенева отразилось не любовное чувство вообще, как нередко в ранней лирике Фета, а переживания, в которых явно ощущается автобиографический подтекст. Вместе с тем они в такой степени удалены от конкретного первоисточника, что приобретают некий общезначимый смысл. Говоря об ощущении автобиографического подтекста, следует, может быть, пояснить, что имеется в виду. Конечно, речь идет не о том, что читатели были посвящены в факты биографии Тургенева (их знали только близкие знакомые), но впечатление достоверности, подлинности было заложено в самом поэтическом тексте. Эта особенность любовной лирики Тургенева — преломление тех поэтических открытий, которые связываются обычно с именами Пушкина и Баратынского, с их творчеством последнего периода.¹

Лирика Тургенева сосредоточена не столько на моменте влюбленности, на перипетиях развития любовного чувства, сколько на разду-

¹ См.: Е. Н. Купрянова, Е. А. Баратынский. — В кн.: Е. А. Баратынский, Полное собрание стихотворений, Л., 1957, с. 14—24 («Библиотека поэта», Большая серия); Л. Гинзбург, О лирике, с. 213—217.

мьях по поводу уже пережитого. Переживания, отразившиеся в стихах, подчас смутны и не укладываются в простую формулу. Но и в этих личных, интимных переживаниях сказывается идейная атмосфера эпохи, душа современного человека, его стремление преодолеть дорогие его сердцу иллюзии, стать лицом к лицу с истиной, которое характеризовало настроения передовой русской интеллигенции тех переходных лет.

5

Мотивы рефлексии, мучительного самоанализа наиболее ярко отразились в нескольких стихотворениях 1843—1845 годов. Весьма интересно в этом отношении стихотворение «Один, опять один я. Разошлись...», очень нравившееся Некрасову («дорогое нам по личным нашим воспоминаниям»¹). Написанное белым стихом, оно представляет собою размышления о жизни и людях. Гости разошлись, и поэт остался наедине со своими беспокойными мыслями и воспоминаниями, которые наплывами возникают в его сознании, как несутся на небе тучи в начале стихотворения. Но что бы и кого бы ни вспоминал Тургенев — облик давно позабытой девушки, печально проходящей мимо, горькую судьбу своего учителя, самого себя, кого-то ожидающего в осеннем обнаженном саду, — все это возбуждает тревожные думы и слагается в общую картину жизни. Это подчеркивается последним «кадром» — ручеек в тесной долине, среди высоких гор, внезапно исчезающий в расселине, по поводу которого у поэта вырывается: «„Вот жизнь моя!“ — подумал я тогда».

А дальше он возвращается мыслью к ушедшим гостям, сдержанно, но по существу весьма критически их характеризует. Они добились своего места в жизни и по-своему счастливы, но кому из них можно позавидовать: «Где тот, который смело И без обмана скажет мне: „Я жил!“». Несколько неожиданно стихотворение кончается строками:

Мне весело... но ты меж тем, о ночь!
Не медли — проходи скорей и снова
Меня предай заботам милой жизни.

Эти горькие строки передают примерно то же, что Тургенев уже в 70-е годы по совсем другому поводу выразил в письме к М. А. Милутиной: «Но теперь, по-видимому, все снова вошло в обычную ко-

¹ Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, М., 1950, с. 201.

лею... О, блаженшая прелесть однообразия и схождения нынешнего дня со вчерашним!» (Письма, т. 11, с. 32). Тургенев не выражает своих чувств прямо, но конфликт между «существенностью» и мечтой, привязанностью к жизни и неудовлетворенностью выпавшей ему на долю судьбой, горькое сознание одиночества, неустроенности и отчуждения от царящей в окружающем обществе пошлости — являются основой, «подтекстом» всего стихотворения. За личными, казалось бы, переживаниями встает более широкая перспектива.

Указанные и аналогичные им мотивы характерны для рефлексивной лирики 30—40-х годов. Недаром Белинский, Герцен, В. Майков и многие другие считали скептицизм и рефлексию одним из главных признаков русской общественной мысли и литературы с их развенчанием современных «призраков» и пытливым проникновением в подлинную, живую жизнь. «Наш век — век рефлексии, мысли, тревожных вопросов», — писал Белинский в 1845 году, в статье о «Тарантасе» В. А. Соллогуба.¹ И тут же он характеризовал переживаемую эпоху как «критическую эпоху, эпоху... отрицания старого при одном предчувствии нового» (т. 9, с. 77—78). «Отличительная черта нашей эпохи — есть grübeln (рефлексия, размышление), — так начинается статья Герцена «По поводу одной драмы». — Мы не хотим шага сделать, не выразумев его, мы беспрестанно останавливаемся, как Гамлет, и думаем, думаем... Некогда действовать... Это болезнь промежуточных эпох».² Наконец, сам Тургенев в статье о переводе «Фауста» Гете писал вслед за Белинским и Герценом: «Присутствие элемента отрицания, «рефлексии» в каждом живом человеке составляет отличительную черту нашей современности; рефлексия — наша сила и наша слабость, наша гибель и наше спасение» (т. 1, с. 244).

В этой связи в качестве предшественников Тургенева-поэта можно назвать поэтов кружка Станкевича И. П. Ключникова (лично ему известного) и В. И. Красова и, конечно, Лермонтова, с той оговоркой, что у Лермонтова более резко были выражены чувство протеста и неприятия современной действительности, что его «железный стих» был в гораздо большей степени облит «горечью и злостью». А после смерти Лермонтова у поэтов разных направлений, в то время еще не

¹ О рефлексии как «законном элементе поэзии нашего времени», о «духе сомнения» как движущей силе человеческого развития Белинский писал и значительно раньше — в статьях о Лермонтове и Баратынском (т. 4, с. 253, 518—520; т. 6, с. 473).

² А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. 2, М., 1954, с. 49. Дальше ссылки на это издание (1954—1966) даются в тексте, с указанием тома и страницы.

вполне определенно выявившихся, те же мотивы прослеживаются не менее ясно. Достаточно назвать имена Огарева, Плещеева, Ив. Аксакова, Ап. Григорьева, Э. Губера, отчасти молодого Полонского и других. Окраска этих мотивов не у всех одинакова (нередко это не энергичный протест против общественного уклада и привычных понятий, а бессильные жалобы, безотрадные lamentации), их эволюция в творчестве названных поэтов разная, но сам факт их наличия весьма существен для той эпохи.¹

Отдельную группу составляют три стихотворения Тургенева: «Человек, каких много» (1843), «Толпа» (1843) и «Исповедь» (1845), в которых затронуты жгучие вопросы эпохи — о типе «романтика» и его метаморфозе, о правах личности и толпы, о современном молодом поколении. Некоторые из них, как увидим далее, ставились одновременно и в поэмах, иногда под иным углом зрения или с иными оттенками.

Яснее всего обнаружилась позиция автора в первом из названных стихотворений, где дан портрет человека, предававшегося «мечтам и снам», а затем превратившегося в обывателя и пошляка. Характеризуя в статье «Русская литература в 1845 году» часто встречающийся в русской жизни тип «романтика», Белинский цитирует, не называя автора, третью и пятую строфы стихотворения, и замечает: «Никакой натуралист так хорошо и полно не составлял истории какого-нибудь *genus* или *species* (рода или вида) животного царства, как хорошо и полно рассказана в этих восьми стихах история человеческой породы, о которой говорим мы. Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропанье стишков и идеальное обожание неземной девы — вот родные признаки этих «романтиков» жизни» (т. 9, с. 379—380). Уже из отзыва Белинского видно, насколько актуально звучало стихотворение. Актуальность его подтверждается также обращением к той же теме других писателей — современников Тургенева. Интересны в этом отношении строки из поэмы А. Н. Майкова «Две судьбы» (1845):

Он увидел, как, сбросив маски с лиц,
Избраницы его преобразались
В боярынь из мечтательных девиц,
В Настасии Лукьяновны из Насти. . .

¹ Не лишено некоторого интереса, что в более позднем стихотворении Полонского «На пути из гостей» имеются переклички (не заимствования) со стихотворением Тургенева «Один, опять один. . .».

С «Человеком, каких много» бесспорно связано приписываемое Некрасову стихотворение «Женщина, каких много» (1846), посвященное перерождению «девицы идеальной», «чувствительной Теклы» в откровенную обывательницу и крепостницу. Об этом перерождении говорит и рассказ Писемского «Нина» (1848). Все они расценивают этот процесс как вполне естественный и неизбежный. «Неужели она так изменилась? — спрашивает Писемский, встретив свою героиню в новом обличье. — Нет, всегда она, видно, была такая, но только я придал ей то, что мне хотелось видеть в ней, и Нину живую облек в форму Нины мечтательной».

Сложнее авторская позиция в стихотворении «Толпа», которое в известной мере перекликается с лермонтовским «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой. . .». Начинается стихотворение в спокойном повествовательном тоне, вводящем в суть конфликта между двумя равноправными сторонами:

Среди людей, мне близких. . . и чужих,
Скитаюсь я — без цели, без желанья.
Мне иногда смешны забавы их. . .
Мне самому смешней мои страданья.

Дальше элементы самокритики нарастают. Поэт признает правоту «толпы», которая равнодушна к «задумчивой» (это слово набрано курсивом и потому звучит иронически) душе. Толпа велика, сильна, бог «носится тревожно» над нею. И хотя толпа чужда поэту, он не может не признать: «ты растешь, как море в час грозы, Без моего ненужного участия».

Однако стихотворение, свидетельствующее о существенном сдвиге, не дает оснований для тех односторонних выводов, которые иногда из него делают. Поэт действительно иронизирует над самим собою, над своим ребяческим прошлым, но похвалы толпе тоже всюду сопровождаются оговорками. С самого начала появляется такой штрих в ее характеристике: «Толпа — наш царь — и ест и пьет исправно». Все тонет без разбору в ее волнах — и нелепая тоска, и истинное горе; поэт может преклониться перед нею, но не может ее полюбить; он рад, что не зависит от нее и не должен служить ей ради хлеба. И поскольку он окончательно расстался с прежними мечтами, ему

. . . *жить* не суждено. . .

И я тяну с усмешкой торопливой
Холодной злости — злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино.

Остается ощущение некоей безысходности. Этому способствует, по видимому, то обстоятельство, что самое понятие «толпа» еще недостаточно дифференцировано: толпа, которая «ест и пьет исправно», и толпа, которая «растет, как море в час грозы», — это разные толпы, но у Тургенева они еще подчас сливаются в одном понятии. В той же статье Белинского, где дана высокая оценка «Человека, каких много», указан следующий признак современных «романтиков»: «Их призвание — страдать, и они горды своим призванием... Для чего все это? — Для того, что толпа любит есть, пить, веселиться, смеяться, а они, во что бы то ни стало, хотят быть выше толпы. Им приятно уверять себя, что... на их долю им осталось одно горькое разочарование... Разлад с действительностью — болезнь этих людей» (т. 9, с. 380—381). Уже одно это сопоставление говорит о противоречивости позиции Тургенева, отразившейся в «Толпе», о некоторых пережитках романтического индивидуализма в его сознании. Уже через год Тургенев иначе решает вопрос о «толпе» в статье о переводе «Фауста» Гете.

Последним из этой группы стихотворений является «Исповедь» (1845), написанная в духе лермонтовской «Думы», от имени целого поколения. Тургенев горько сетует на его тяжелые недуги — душевную апатию, бесплодный скептицизм, неверие в собственные силы. Ему недоступны и «злоба дельная»,¹ и «желание честное Добра», переходящее в дело. «Разрушительные силы», то есть силы отрицания и критики, не превращаются в его руках в средства, способствующие общественному прогрессу.² Политическая атмосфера николаевской эпохи, которая породила психологию и жизненное поведение «лишних людей», иносказательно охарактеризована в стихотворении, как царство молчания, «холодной полутьмы».³ Но пассивное неприятие самодержавно-крепостнической действительности силою вещей

¹ Тургеневская «злоба дельная» аналогична появившемуся одновременно, в стихотворениях 1845 года, некрасовскому образу «злобы», «злости», за которым скрывалась ненависть к несправедливому общественному укладу (см. об этом: К. Чуковский, Мастерство Некрасова. — Собрание сочинений, т. 4, М., 1966, с. 338—339).

² Незадолго до этого Тургенев писал в статье о переводе «Фауста»: «Отрицательное начало, получив наконец право гражданственности, постепенно теряет свою чисто разрушающую ироническую силу, наполняется само новым положительным содержанием и превращается в разумный и органический прогресс» (т. 1, с. 226).

³ В обращении к друзьям в цикле «С того берега» (1849) Герцен характеризовал николаевскую Россию как «царство мглы, произвола, молчаливого замиранья, гибели без вести, мучений с платком во рту» (т. 6, с. 12).

нередко приводило к практическому примирению с нею, и это со всей остротой выдвигало вопрос о необходимости поисков новых путей.

«Нельзя не подивиться быстроте, с которою движется вперед русское общество», — писал в конце 1844 года Белинский (т. 7, с. 447). И действительно, хотя и сам он и его единомышленники считали XIX век веком рефлексии и скептицизма, оставаться в их пределах длительное время было невозможно. И Белинский в последние годы своей жизни ведет настойчивую борьбу с болезненной рефлексией и «гамлетовским направлением». Огарев, который был одним из объектов нападок Белинского в связи с его стихотворным циклом «Монологи», также писал в 1847 году: «Зрелость взгляда отрицания ради — неполная зрелость, ибо невольно перебрасывает человека в романтическое отвлечение от деятельности. Внутри нас должен совершиться еще переход в положительную деятельность при всех скорбных задатках отрицания».¹ Характерно для тех лет, что борьба с пережитками романтизма и борьба с рефлексией и психологией «лишнего человека» сливаются воедино.

Таким образом, размышления, отразившиеся в «Толпе», а затем в поэме «Разговор» (1844) и в «Исповеди», были тесно связаны с ростом русской общественной мысли и литературы, постоянным дружеским общением, беседами и спорами Тургенева с Белинским. Сила обличения в «Исповеди» свидетельствует о том, что Тургенев, как и другие передовые люди, ясно представлял себе актуальные вопросы, выдвинутые перед интеллигенцией самим ходом русской жизни.

6

Приобщение к жизни природы нередко было у Тургенева средством преодоления внутренних противоречий и рефлексии (до конца преодолеть их Тургеневу так и не удалось), было тесно связано с его постоянной тягой к душевной непосредственности. В его пейзажной лирике 40-х годов, как и в раннем «Вечере», преобладает умиротворенная природа, «отдыхающая», «успокоенная», «нежащаяся», «млеющая» земля, а не ее хаотические, недоступные разуму человека проявления. Если Тургенев обращается к грозе, то наряду с ее описанием рисует своеобразное очищение природы после нее («Гроза»), либо прямо касается послегрозового времени («Гроза промчалась»).

¹ Н. П. Огарев, Избранные социально-политические и философские произведения, т. 2, М., 1956, с. 416; письмо к Е. Ф. Коршу.

Интересно, что в его стихах нет противопоставлений «дня» и «ночи» (как воплощения хаотических начал), подобного тютчевскому.

В отличие от большей части любовных стихотворений, пейзажная лирика Тургенева характеризуется обильной детализацией и почти естественнонаучной точностью, а иногда графической четкостью отдельных деталей.¹ В стихотворении «Весенний вечер», состоящем из шестнадцати строк, перед нами и золотые тучи, и просторные, немые поля, облитые росой, и ручей, журчащий в долине, и звучащий в отдалении гром, и темный лес, и звезда, дрожащая в лучах заката. Все это пронизано общим настроением, которое выражено в заключительных стихах: «А на душе легко и свято, Легко, как в детские года». Другие запоминающиеся детали также гармонируют с этим общим впечатлением и подготавливают его. Именно в этом стихотворении тучи золотые гуляют «над отдыхающей землей», а ленивый ветер в листве осины «трепещет пойманным крылом».

Иначе построено стихотворение «Осень». Здесь нет аналогичной концовки, формулирующей душевное состояние поэта. Зато оно начинается словами: «Как грустный взгляд, люблю я осень». Эта тихая грусть, о которой Тургенев говорит и дальше, разлита во всех деталях: и в том, как он кусает «кислый лист», и в тонком свисте дятла, и в задумчивом шуме сосен. Все это влечет его к воспоминаниям и мечтам.

Есть в пейзажной лирике Тургенева известная монотонность, проявляющаяся не только в общем колорите и настроении, но и в повторяющихся деталях (например, «немые поля» в стихотворениях «Весенний вечер» и «К ***»). Много таких параллельных мест в стихотворениях «Гроза промчалась» и «К ***», напечатанных в соседних номерах «Отечественных записок». Очевидно, это не смущало Тургенева. С другой стороны, следует отметить выразительную подчас цветовую или звуковую гамму: белое небо — темные сосны — спокойный блеск завядшей травы («Осень»); журчит ручей — в отдалении гремит гром — молчит лес, и лишь время от времени прошелестит бессонный лист («Весенний вечер»).

Тургенев, как мы уже отчасти видели, не чуждался эмоциональных, метафорических эпитетов и образов. Их внутренний смысл заключается в одухотворении явлений природы, слиянии с нею человеческой души. Ветер в его стихотворениях «тихо дышит», каждый лист «тихо плачет» («Гроза промчалась»), «дышит холодом и ленью

¹ По словам С. А. Андреевского (Литературные очерки, СПб., 1902, с. 294), Тургенев природу «постигал и боготворил одновременно как натуралист, как философ, как живописец и как поэт».

Полузаснувшая волна» («Брожу над озером. . .»), тополь «кивает мне слегка» («Откуда веет тишиной. . .»). Пользуется Тургенев и другим приемом, подчеркнуто, в пределах одного стихотворения употребляя один и тот же эпитет применительно к внешнему миру и душевной жизни. Таковы «тихий день» и «тихая грусть» в «Осени».

Стихотворения «Осень», «Весенний вечер», «Гроза» и другие значительно отличаются от раннего «Вечера». «Вечер» характеризуется двухчастной композицией; в нем, как и во многих стихотворениях Жуковского, пейзаж является лишь поводом, толчком для лирических излияний и раздумий поэта и затем вовсе исчезает. В более поздних стихотворениях картины природы имеют и самостоятельное значение, хотя отдельные предметные детали и пейзаж в целом окрашены, разумеется, авторским мироощущением, сквозь них постоянно просвечивает лирическое «я». Здесь — естественно, в меру поэтического дарования Тургенева — учтен опыт Пушкина и Лермонтова.

Цикл «Деревня» и предшествующее ему стихотворение «Федя» представляют собою своеобразную увертюру к «Запискам охотника» — правда, без социальной насыщенности последних. Перед нами среднерусская деревня, с очарованием ее мягкого летнего и осеннего пейзажа, вплоть до первого снега, когда поэт слышит зов города:

Падай обильнее, снег! Зовет меня город далекий;
Хочется встретить опять старых врагов и друзей.

Это последние строки всего цикла. Но в целом прямое выражение лирического «я» отходит в «Деревне», как и в «Записках охотника», на задний план.

Общий тон циклу дает первое его стихотворение «Люблю я вечером к деревне подъезжать. . .», которое рисует широкую панораму, с большим количеством пейзажных и бытовых деталей. Здесь и сельская церковь, и заброшенный сад, и бесконечная степь за селом, и лай собак, и мычанье коров, и старуха, направляющаяся к колодцу за водою, и круглолицая крестьянская девушка, выходящая на крыльцо поглядеть на зарю, и возы, возвращающиеся «с пахучей данью пышной нивы», и грустная песня, которую затянул проезжий. Все эти и другие подробности даны без нажима, почти в одном только перечислении. Они возникают как будто бы случайно, как будто бы это первое попавшееся на глаза, но в самом деле отбор произведен весьма тщательно, уловлено то, что необходимо для создания нужного автору впечатления.

Другие стихотворения менее панорамны, посвящены отдельным

моментам жизни природы: гроза, ночь, навевающий грусть осенний пейзаж, первый снег, наконец охота, которая, как сказал Тургенев в другом месте, «сближает нас с природой» (т. 5, с. 421; статья о «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова).

В цикле объединены разные по своему стилю стихотворения — одно из них построено на развернутом сравнении теплой тихой ночи с уставшей от любовных ласк женою («Безлунная ночь»), другие, напротив, написаны в строгой манере и ориентируются на принцип «нагой простоты» («Дед», «Другая ночь»). В цикле сказались в известной мере те художественные принципы, о которых Тургенев писал несколько позже в статье о С. Т. Аксакове. Возражая в равной степени и против риторики, напряженности, и против туманности, неопределенности в описании природы, Тургенев утверждал: «В самой природе нет ничего ухищренного и мудреного, она никогда ничем не щеголяет, не кокетничает. . . Все поэты с истинными и сильными талантами не становились в «позитуру» пред лицом природы; они не старались, как говорится, «подслушать, подсмотреть» ее тайны; великими и простыми словами передавали они ее простоту и величие; она не раздражала их, она их воспламеняла, но в этом пламени не было ничего болззенного». Тургенев говорил в этой связи о Пушкине, и хотя воздавал должное «счастливым, вкрадчивым стихам Тютчева или Фета», но Пушкин ему явно более близок (т. 5, с. 418—420).

По спокойному, сдержанному тону, характеру детализации некоторые стихотворения цикла соприкасаются с антологической лирикой. Недаром в одном из стихотворений — «На охоте — летом» — неожиданно возникает образ дриады, а три стихотворения написаны элегическим дистихом, как и переведенная до этого Тургеневым двенадцатая «римская элегия» Гете. Напомним, что именно в статье о «Римских элегиях» Гете, одном из лучших образцов антологической лирики, Белинский заметил: «Сущность антологических стихотворений состоит не столько в содержании, сколько в форме и манере» (т. 5, с. 257). И действительно, в круг антологической лирики современники Тургенева нередко включали не только произведения, непосредственно связанные с античным миром, античным искусством, но чем-нибудь близкие им по своим краскам. Так, среди антологических стихотворений в сборнике А. Н. Майкова 1842 года помещено некоторое количество деревенских пейзажей. Цикл Тургенева, повторяю, кое в чем сближается с антологическим жанром, который нередко был не просто холодной стилизацией, а по-своему выражал душу современного человека, видевшего в нем воплощение гармонического

взгляда на мир. В частности, общее настроение стихотворения «Люблю я вечером. . .», выраженное в строках:

Задумчиво глядишь на лица мужиков —
И понимаешь их; предаться сам готов
Их бедному, простому быту. . . —

отчасти напоминает стихотворение Майкова «Зимнее утро», но лишено известной нарочитости, свойственной его автору, который, возводя «бедный, простой» быт в ранг поэтического, употребляет архаические усеченные прилагательные, называет охотника «звероловом» и т. п.

Выше мы упоминали стихотворение «Федя», напечатанное за три года до «Деревни». Крестьянский парень появляется ночью на окраине родного села. Он спрашивает встретившуюся ему старуху — все ли благополучно у матери и братьев и правда ли, как ему сказали в Москве, что овдовела Параша. Получив ответ, что семья его живет в довольстве, а что Параша действительно овдовела, но скоро вышла замуж за другого, парень молча повернул лошадь и пропал в ночной темноте. Эта сжатая картинка, заключающая в себе целую драму (однако без описания душевных переживаний героя), находится в русле тех тенденций, которые получили яркое выражение в стихотворениях из крестьянского быта Огарева («Деревенский сторож», «Кабак», «Изба», 1840—1842), а затем Некрасова («В дороге», «Тройка», 1845—1846), но без их подчеркнутой социальной направленности.

Стихи Тургенева отличаются большей частью удивительной скромностью в пользовании выразительными поэтическими средствами. Он их не подчеркивает как нечто необычное — будь то свежий образ, эпитет или что-нибудь другое. Отмеченная выше черта Тургенева-лирика отчетливо сказалась в стихотворении «В дороге» из цикла «Варяции» — пожалуй, лучшем его стихотворении. В нем всего двенадцать строк, и мы приведем его полностью:

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

В стихотворении переплетаются два временных плана: первый, когда, так сказать, происходит действие (если это можно назвать действием) и к которому относится грустный осенний пейзаж, и второй — воспоминания, возникшие у лирического «я». При этом в скупых строках, выраженных частично в форме назывных предложений, содержится глубокий подтекст, скрывается напряженный драматический конфликт, данный лишь намеками и представляющий возможность для творческой активности читателя в связи с его собственным эмоциональным опытом. На это сотворчество словно и рассчитывает поэт. Так, слова о первых и последних встречах, странной улыбке при разлуке требуют какого-то дальнейшего раскрытия.

Своеобразную лирическую окраску придает стихотворению то, что о сравнительно недавних переживаниях Тургенев говорит (не только в этом стихотворении), как о «давно позабытом» прошлом, и, кроме того, что тема давно позабытой любви сочетается с традиционной темой русской поэзии — о дороге, тройке, ямщике и пр., на которую написано и до и после Тургенева столько замечательных мучительно грустных стихотворений и песен. И дорога тоже описана очень скупой — на нее указывает заглавие, да еще в предпоследнем стихе говорится о непрестанном ропоте колес, вызывающем воспоминания. Этот тургеневский, ни на кого не похожий ропот колес играет существенную роль в воспроизведении поэтического замысла. Как мы видим, элементы любовной и пейзажной лирики туго связаны в стихотворении. Конкретные, предметные образы легко сочетаются с эмоциональными (тот же ропот колес или печальные нивы), благодаря чему чувство лирического «я» пронизывает все детали и разливается во всем окружающем мире.

Особая поэтическая выразительность заключена в возможности разного истолкования некоторых деталей. К их числу прежде всего относится «седое утро». Что именно обозначает эпитет «седое»? Является ли он продолжением определения «туманное» и в какой-то мере его синонимом, или он как бы подготавливает появление в следующем стихе покрытых снегом полей, или речь идет об изморози, инее, — нельзя сказать с полной определенностью. Да Тургеневу и не нужна была такая точность, которая суживала бы эмоциональное звучание стихотворения. Показательно в этом отношении, что Александр Блок назвал свое стихотворение 1913 года «Седым утром»

(«Утреет. С богом! По домам!..»), взяв в качестве эпитафии к нему первую строку стихотворения Тургенева, которое очень любил. Так же назвал он и пятый сборник своей лирики (1906—1916), изданный в 1920 году. Но Блок придал эпитету «седое» чисто психологическое и символическое значение.

При чтении стихотворения Тургенева неизменное удивление вызывает, что оно написано в 1843 году, словно Тургенев заглянул лет на тридцать вперед. Близко к нему по своей структуре, по общему замыслу стихотворение А. Н. Апухтина «Ночи безумные, ночи бессонные...» (1876), в котором, правда, более обнаженно использованы надрывные интонации цыганского романса. Характерно, что оба они вошли в репертуар цыганских хоров и получили широкое распространение.¹

7

Пять поэм Тургенева — от «Параши» до «Андрея» (1843—1845), занимающие существенное место в его творчестве до «Записок охотника», свидетельствуют о настойчивых исканиях писателя. В этих исканиях он опирался на традиции Пушкина и Лермонтова, а затем и Гоголя.

Начнем с некоторых формальных особенностей поэм.

«Поп» и «Андрей» написаны пятистопным ямбом, октавами, как и «Домик в Коломне» Пушкина. Разумеется, октава была у нас в ходу и раньше, но в соединении этой строфы с жанром шуточной поэмы (а поэмы Тургенева в той или иной степени связаны с ним) Тургенев шел по следам именно Пушкина. Тринадцатистроочная строфа «Параши» (ababacdcdeeff) несомненно восходит к одиннадцатистроочной строфе «Сашки» и «Сказки для детей» Лермонтова (ababacsddee). Полностью совпадает первая часть (пять стихов) и последняя (четыре стиха). Правда, «Сашка» напечатан в то время не был, но, по-видимому, распространялся в списках, а «Сказка для детей» появилась за год до создания «Параши». Наконец, «Разговор» по своему стиху (четырёхстопный ямб с мужскими, по преимуществу

¹ Н. В. Фридман справедливо заметил, что Тургенев, «как ни парадоксально, в известной мере предвосхитил цыганские мелодические повторы Блока». В качестве примера он привел строки:

Тот голос страстный, голос милый
Летит и просится ко мне, —

из стихотворения «К чему твержу я стих унылый...» («Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1969, вып. 3, с. 242).

смежными рифмами) близок к «Мцыри», а в шестнадцатистроочной строфе «Помещика» (ababddceeffghgh) есть нечто от онегинской строфы — первые три четверостишия, в несколько измененном порядке, дают образцы трех систем расположения рифм — перекрестной, охватной и смежной. «Помещик» тоже написан четырехстопным ямбом.

Четыре из названных выше поэм (за исключением «Разговора») характеризуются прозаическим строем стихотворной речи. Это проявляется и в «сниженной» повседневной лексике (например, в «Параше»: «...наши добрые отцы Любили яблоки — да огурцы», «С лицом, весьма похожим на пирог»), обилии бытовых деталей, и в синтаксисе. В них много «переносов» (enjambement) не только из одного стиха в другой, но и из одной строфы в другую. Вслед за Пушкиным («Домик в Коломне») Тургенев разъединяет имя и отчество героев, помещая первое в конце одного стиха, а второе в начале следующего:

...Спешит Адам
Адамыч в комнатку...
(«Помещик»)¹

В конце стиха, в рифме Тургенев помещает даже союз:

Мы ничего пока не скажем... Но
Посмотрим, что то нам откроет время?
(«Андрей»)²

Иногда прозаический (но не разговорный) строй речи сообщается книжными выражениями, ссылками на уже сказанное или на источники тех или иных утверждений:

В такой-то день — Параша в темный грот
(О нем смотрите выше) шаг за шагом.
(«Параша»)

¹ По словам Б. В. Томашевского (Пушкин, кн. 2, М.—Л., 1961, с. 402), «этот прием был канонизирован всеми подражателями „Домика в Коломне“».

² Ср. в «Сказке для детей» Лермонтова: «Неслышно говорю с тобою, — но Слова мои, как тень, проходят мимо» или в «Евгении Онегине»: «Поллюбите вы снова... по Учитесь властвовать собою». Разумеется, такая рифма возможна и в произведениях, написанных в иной стилистической манере («Разговор» Тургенева, «Возмездие» Блока), но речь идет не об отдельных признаках, а об их сочетании.

Да сверх того вся пишущая братья
На «свет и роскошь» сыпала проклятья...
А потому см(отри) творенья их.

(«Параша»)¹

И вообще поэмы изобилуют попутными замечаниями в скобках — большей частью ироническими, но местами просто дополняющими текст, имеющими характер ремарок и т. д.

Прозаический строй речи, с преобладающими разговорными интонациями, был одним из существенных признаков жанра шутовой поэмы, с которым, как отмечено выше, поэмы Тургенева связаны. Ближайшими их предшественниками были «Сашка» А. И. Полежаева, «Домик в Коломне» Пушкина, «Сашка» и «Сказка для детей» Лермонтова — в России, «Беппо» Байрона (недаром «Беппо» назван в начале поэмы «Поп») и некоторые поэмы А. Мюссе — на Западе. К этим традициям следует отнести «Графа Нулина» Пушкина и «Тамбовскую казначейшу» Лермонтова. Сам Тургенев отчетливо сознавал жанровые традиции своих поэм. В «Параше» читаем:

Боюсь — рукой читателя махнут
И этой сказки вовсе не прочтут.

В «Попе»:

... дошел я до развязки
Моей весьма немногосложной сказки.

В обоих случаях слово «сказка» употреблено не в обычном, наиболее распространенном смысле, а как обозначение жанра шутовой бытовой поэмы в стихах. Отметим, что сказкой называют «Графа Нулина» Пушкин и «Тамбовскую казначейшу» Лермонтов.²

Тургенев подчеркивает, что внимание его привлекают будничная жизнь и обыкновенные люди, тем самым определяя антиромантическую направленность своих поэм. Нарочитая возвышенность героев, чрезмерная приподнятость их чувств и переживаний, свойственные романтической поэме, вызывают у него сопротивление и насмешку. Вслед за Пушкиным он не склонен видеть в своих героях «совершенства образец», и, с другой стороны, не «муки тайного злодейства» («Евгений Онегин», гл. 3) являются предметом его изображения.

¹ Характерно даже это сокращение «см».

² О жанре шутовой поэмы см. вступительную статью А. Н. Соколова к сб.: «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века», Л., 1969 («Библиотека поэта», Большая серия).

«Пою простые приключения», — пишет Тургенев в первых же стихах поэмы «Андрей». Не только в «Попе» он высмеивает «святую, возвышенную» любовь и все «неземное», заключая эти слова в кавычки. Рисуя трогательную историю Андрея и Дуняши («Андрей»), Тургенев не без иронии говорит о том, что связывает ее с «возвышенным» романом:

Смешно глядеть на круглую луну;
Смешно вздыхать — и часто, цепenea
От холода, ночную тишину
«Пить, жадно пить» — блаженствуя, немея...
Зевать — и прозаическому сну
Противиться, затем, что с эмпирея
Слетают поэтические сны...

Разумеется, «Андрей» в этом отношении, в связи с общим замыслом, решительно отличается от «Попы». В «Андрее» описаны подлинные человеческие чувства, но вместе с тем без отсценки какой бы то ни было исключительности. Характерен с этой точки зрения и образ Параша, внешний облик и внутренний мир которой показаны в привлекательных красках, однако без ложной идеализации и даже с элементами «снижения». Интересна роль союза «но» в ее описании и характеристике в разных местах поэмы: «Немного велика была рука; Но пальцы были тонки и прозрачны»; она «равно Марлинского и Пушкина любила», но «не восклицала: „Ах, как это мило!“». Подробно описав взгляд Парашиных глаз, Тургенев оговаривается:

Но, признаюсь, я говорил довольно
Об этом взгляде; мне подумать больно,
Что — может быть — читающий народ
Всё это неестественным найдет.

Для шуточной поэмы характерен относительно простой, даже элементарный сюжет и не менее важные в ее структуре обильные отступления — описательные, лирические, иронические, которые замедляют развитие действия. Определяя в «Намуне» (1832) жанровые особенности своей поэмы, Мюссе, с творчеством которого Тургенев, без сомнения, был хорошо знаком, прибегает к образам «Энеиды» Вергилия. Поэт пишет, что сам себе напоминает Энея, несущего своего отца Анхиза:

Креуза поотстала. «Почему ты
Нейдешь со мной?» — муж обратился к ней.

«Подвязку поправляла я, Эней. . .»
— «Идем, нельзя нам медлить ни минуты,
Иначе я Анхиза уроню. . .»
Вы поняли, к чему я речь клоню?

Анхиз — моя поэма, а Креуза —
Моя, путь замедляющая, муза.
Она не может иначе идти:
То камешек поднимет на пути,
То увлечется бабочкою в поле,
И сам я замедляю поневоле.

Анхиз ворчит, Креуза отстает,
На горизонте зарево растет;
Несчастливая, пылающая Троя
Зовет к себе усталого героя,
И все-таки, как между двух огней,
Остановиться должен был Эней.

(Перевод Д. Д. Минаева)

Свободный, непринужденный тон придают повествованию и постоянные обращения к читателю. Автор или, вернее, повествователь, рассказчик, то и дело входит в непосредственное общение и беседует с ним. С такого обращения начинается и им кончается «Параша». Обращением к читателю заканчиваются «Помещик» и «Андрей». Подобные обращения находим и во многих других местах. Иногда «читатель» заменяется «друзьями»: «Друзья! я вижу беса» («Параша»). В иных случаях обращение к читателю выражено в одной глагольной форме второго лица множественного числа. Но и независимо от таких обращений мы неизменно ощущаем присутствие автора, который как бы сообщает нам в поэме о хорошо известных ему реальных фактах и людях и немало говорит о самом себе, своих размышлениях, переживаниях и наблюдениях. Вот примеры из «Параша»: «И даже я, чудак довольно мрачный. . .», «Всегда казалось мне: ей суждено. . .» и т. д. Нередко автор отдается своим воспоминаниям в связи с тем, о чем он рассказывает: «Я помню сам старинный, грустный сад. . .»

Автор рекомендует своих героев читателям как близких знакомых («приятель мой»), а порой обращается и к ним: «. . . в этот чудный час Я, признаюсь, хотел бы встретить вас, О барышня моя» («Параша»). В «Попе» автор не просто свидетель происшедшего, но и персонаж, непосредственный участник событий.

Разумеется, образ автора или рассказчика, объединяющий и освещающий весь материал поэмы, нельзя отождествлять с образом самого Тургенева, хотя немалая доля подлинно тургеневского в нем имеется. Этот образ меняется от поэмы к поэме, но в чем-то остается единым. Манера повествования, о которой идет речь, восходит не только к жанру шутильной поэмы, но и к «Евгению Онегину» Пушкина и «Дон Жуану» Байрона.

Весьма существен для поэм Тургенева иронический тон повествования. Он проявляется в разной степени, приобретает различные формы и несет разнообразные идейно-художественные функции.

Иногда это легкая усмешка, имеющая целью предостеречь читателя от восторженного взгляда на вещи, избавить его от штампов романтической литературы, неестественной приподнятости стиля, ввести героев и сюжет в русло подлинной действительности. Тургенев иронизирует не над поэтическими проявлениями человеческой души, а над их романтической трактовкой, экзальтацией, патетикой, мешающими проникновению в их сущность.

Ироническая улыбка, несколько заземляющая изображаемое, и рядом с нею лирическое проникновение (они часто переплетаются) мотивируются в «Параше» жизненным опытом и даже «старостью» автора-повествователя, уже много видевшего и пережившего (Тургеневу было тогда двадцать четыре года): «Состарившись — и тяжело и трудно Припоминать блаженство прежних дней» и т. п. Такой тон не обязательно предполагает прямое упоминание о старости; но в нем явственно просвечивает эта внутренняя предпосылка — большая зрелость ума, возмужалость автора, испытавшего свойственные юности прекрасные чувства, порывы и тревоги, воспоминание о которых останется на всю жизнь, и вместе с тем наивные представления и иллюзии. Подобные воспоминания попадают и в иной контекст. Таковы, например, строки из «Помещика»:

Ах! этому — давно, давно. . .
Я был тогда влюблен и молод —
Теперь же. . . впрочем, всё равно!
Приятен жар — полезен холод.

Эти строки вклинены в сатирическое описание бала. Автор напоминает те дни, когда и сам «сиял уездною звездой». И здесь также ирония распространяется на него самого.

Но речь идет, конечно, не столько о приметах возраста, сколько об эволюции сознания. С другой стороны, надо ли говорить, что критика и развенчание иллюзий у Тургенева не имеют ничего общего

с обывательской точкой зрения, которая тоже по-своему восставала против всяких восторгов и «высоких материй». В этом отношении интересны не только резкие обличения обывательщины, но и такое попутно брошенное замечание:

...способность праздного ума
Смеяться надо всем — смешна сама.

(«Параши»)

Для многих персонажей поэм легкая насмешка — слишком тонкий и неподходящий инструмент; ирония перерастает в довольно злую сатиру. Таковы, прежде всего, образы обывателей, погрязших в тине мелочей, и помещицей крепостнической среды. Напомним гротескные фигуры попа, его супруги и поручика Чубкевича в поэме «Поп»; мужа Дуняши, уездного обывателя, совершенно равнодушного к внутренней жизни своей жены, в поэме «Андрей». Такова поэма «Помещик» в целом. Здесь уже не элементы сатирического изображения, а сатира как таковая, с обнажением социальной природы обличаемых героев и явлений.

Наконец, в поэмах, что бросается в глаза даже при беглом чтении, немало бытовых подробностей и зарисовок, которые создают в своей совокупности социальный фон, понадобившийся Тургеневу для прояснения волновавших его вопросов и характеров.

8

И по своим художественным тенденциям, и по своей проблематике поэмы Тургенева, равно как поэмы Н. П. Огарева и А. Н. Майкова 40-х годов, представляют собой заметное явление в развитии реалистических начал русской поэзии. В частности, здесь поставлены многие вопросы, находившиеся в центре внимания передовой русской прозы. Уже в поэмах отчетливо проявилось то свойство таланта Тургенева, которое не раз отмечалось критикой, — его умение улавливать настроения, идейные устремления и насущные задачи времени.

Литературные традиции, на которые опирался Тургенев, имели определяющий характер для его идейно-художественных устремлений, хотя это отнюдь не означает, что он только подражал своим великим предшественникам. Напротив, уже тогда Тургенев проявил бесспорную самостоятельность, что отразилось в оценках русской критики. Успех поэм и был следствием свежести их поэтического

слова и, в первую очередь, «дельности» содержания (выражение Белинского), то есть актуальности поставленных им проблем современной русской жизни. Последнее полностью относится и к поэме «Разговор» (1844), которая стоит несколько особняком, написана в иной, по сравнению с остальными поэмами, художественной манере.

Утверждая, что русская поэзия «давно уже пережила свой период прекрасных чувств и сладостных мечтаний и еще с Пушкина начала период мысли», Белинский в этой связи рассматривает «Парашу». «Стих обнаруживает необыкновенный поэтический талант, — пишет он, — а верная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная из тайника русской жизни, изящная и тонкая ирония, под которою скрывается столько чувства, — все это показывает в авторе, кроме дара творчества, сына нашего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его». Отводя возможный упрек, будто «Параша» является подражанием Пушкину и особенно Лермонтову, Белинский замечает, что нельзя смешивать «живую историческую последовательность литературных явлений», то есть их преемственность, с «холодной и бездушной подражательностью» (т. 7, с. 65, 78—79). Критик «Литературной газеты» (по-видимому, Н. А. Некрасов), указывая достоинства поэмы, отмеченные Белинским, утверждает, что «по смерти Лермонтова русская поэзия снова начала подвигаться назад, — возвратилась к нравственному индифферентизму и из мира действительности переселилась снова в сферу отвлеченных идей, населенную *мечтами* и *девами* и освещенную *луной* вместо солнца». Но Тургенев, по его словам, «более всех других русских поэтов... приближается к новой школе поэзии, которая началась у нас Лермонтовым». ¹

Ориентация на прозаические жанры выражена в подзаголовке «Параша» — «Рассказ в стихах». Эпиграфом из «Думы» Лермонтова («И ненавидим мы, и любим мы случайно») Тургенев указывает, что в простом, неприхотливом сюжете поэмы и в ее героях заключено более значительное содержание, чем кажется на первый взгляд. Их чувства и переживания — чувства и переживания «нашего поколения». Это сквозит и в других местах поэмы, главным образом в отступлениях, которые имеют ту же цель — внушить читателю, что речь идет не о случайном, незначущем эпизоде. Так, характеризуя Виктора, говоря об его поездках в «чужие страны», Тургенев заявляет: «Мы за границу ездим, о друзья! Как казаки в поход» и т. д.

¹ Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году. — «Литературная газета», 1844, 1 января.

Вообще, и в этой и в других поэмах отступления несут часто функцию типизации и комментирования того, что содержится во внешней сюжетной канве.

Второе, что сразу же бросается в глаза, — социально-бытовой фон, на котором показана судьба героев. В первой же строфе, описывая довольно неказистый помещичий дом, Тургенев пишет о нем:

Свидетель буйной жизни, лени праздной
Двух или трех помещичьих племен.

И дальше он сообщает сведения об отце Параша, «помещике беззаботном»: он служил, вышел в отставку, обзавелся «супругой плотной», стал «большим дельцом»; живет в ладу со своими «мужичками», «торгуется и пьет чаек с купцами»; вообще же он «очень добр и очень плутоват». А затем мы узнаем, что в Москву они не ездят: «с каждым годом падают доходы». Имеются в поэме и другие бытовые детали, связанные как с семьей Параша, так и с их соседом Виктором. В своей совокупности они важны для понимания замысла поэмы.

Параша если и не враждебна окружающим ее людям, то, во всяком случае, совершенно чужда им, их мелким интересам. Она любит природу, любит книжку, душа ее погружена в смутные мечты. Это обыкновенная девушка, простая и естественная, способная по-настоящему чувствовать, лишенная всякой ложной аффектации и «приторных ужимок». Некоторое намеренное снижение образа, как указывалось выше, имеет целью интимно приблизить ее к читателю, что так мастерски умел делать впоследствии Тургенев.

Тургенев прямо сопоставляет Парашу с пушкинской Татьяной:

...на скамью потом
Она садилась... помните Татьяну?
Но с ней ее я сравнивать не стану...¹

Однако сравнение уже сделано. Лицо Параша «задумчивою грустию дышало», как и о Татьяне сказано: «Задумчивость, ее подруга от самых колыбельных дней...» О Параше читаем: «Никто красоткой Ее б не назвал — правда; но...» Ср. в «Евгении Онегине» (гл. 8): «Никто б не мог ее прекрасной Назвать; но...»¹

¹ Те же черты отмечены у Натальи в «Рудине» (гл. 5). Тургенев всю жизнь преклонялся перед Пушкиным и считал его своим учителем. Не раз писали, что не только поэмы, но и романы и повести Тургенева насыщены «элементами пушкинской поэзии» (И. Эйгес, Значение Пушкина для творчества Тургенева. — «Литературная

Параша попроще Татьяны, но, подобно ей, она — «нашей Руси дочь» (у Пушкина: «русская душою»). Характерно, что в предшествующей строфе, рисуя мечты Параша о далеких странах, Тургенев говорит о глубоком впечатлении, которое производили на нее русские песни:

Вдруг русской песни грустный перелив
Напомнит ей о родине печальной. . .

Тургенев заявляет, что он благодарен «таким чтецам, как барышня моя», и для них пишет. Чтобы у читателей не создалось впечатления, что Параша — из числа тех нередко встречающихся в деревне «восторженных девиц», которые всем восхищаются, любят «сладенькие стишки» и т. д., он замечает, что Параша — «другого рода». Он настойчиво выделяет иные черты ее характера — Параша бывала подчас насмешлива, зла, горда, и слова «гордо», «гордость» несколько раз возникают в разном контексте. Интересно, что именно это вызвало впоследствии недовольство Ап. Григорьева; в этом он увидел «крайние крайности направления, оставшегося нам в наследство после покойного Лермонтова»,¹ направления, воздействие которого он сам испытал в 40-е годы.

Но вот наконец, как и в пушкинском романе, «пора пришла, она влюбилась». Что же собою представляет Виктор? Тургенев дает ему подробную и вполне определенную характеристику:

Хотите ль знать, что он за человек?
Извольте: он богат, служил в военной;

учеба», 1940, № 12, с. 75). Ряд переключек с образами Татьяны и Онегина и реминисценций из романа Пушкина указан в статье А. Цейтлина «„Евгений Онегин“ и русская литература» (сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.—Л., 1941, с. 345—347). См. также статью Н. В. Фридмана «Поэмы Тургенева и пушкинская традиция» («Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1969, вып. 3), где наряду с интересными наблюдениями имеются некоторые натяжки и преувеличения. Стремление решительно все в поэмах Тургенева возвести к Пушкину кажется мне малопродуктивным. Здесь уместно напомнить слова Герцена об Онегине в его «О развитии революционных идей в России»: «Образ Онегина настолько национален, что встречается во всех романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и не потому, что хотели копировать его, а потому что его постоянно находишь возле себя или в себе самом» (т. 7, с. 204). Реминисценции из Пушкина (наиболее бесспорные и существенные) отмечены и в примечаниях к настоящему изданию.

¹ И. С. Тургенев и его деятельность (1859). — Собрание сочинений, вып. 10, М., 1915, с. 8.

Чужим умом питался весь свой век —
Но ловок был и вкрадчив. Изнуренный,
Скучающий, направил он свой бег
В чужие страны; с грустною улыбкой
Везде бродил, надменный и немой;
Но ум его насмешливый и гибкой
Из-за границы вынес целый рой
Бесплодных слов и множество сомнений...
Он надо всем смеялся; но устал —
И над собой смеяться перестал.

В годы службы Виктор вел веселую жизнь, был беспечен, мил, влюбчив. «И многих женщин был он недостоин, Обманутых и позабытых им».

В характеристику Виктора вклинивается упомянутое выше ступление, назначение которого заключается в том, чтобы придать ей более общее, типическое значение. Тургенев говорит о русских, которые спешат набраться за границей разных сведений, после чего, «без страсти, без огня», твердят то,

Что и до нас дошло — но что, быть может,
Среди борений грозных рождено,
Что там людей мучительно встревожит,
Что там погубит сердце не одно...

Не очень умный, никакими особыми талантами не одаренный человек, Виктор пошел «дорогой столбовой» — стал все бранить, смеялся над «толпой», но вместе с тем дружил с сильными мира сего и склонялся пред «золотым тельцом». Итак, образ Виктора — набросок довольно заурядного человека, с «душой самолюбивой и холодной», ничего глубоко не пережившего, но проникнувшегося скукой и презрением ко всему и наделенного иными чертами разочарованных «лишних людей». Однако от других «лишних» — Онегина, Печорина — его отличает отсутствие широких стремлений и порывов. Таким образом, уже в первой поэме совершается суд над героем, проверяется его общественная ценность, что является отличительным признаком романов Тургенева.

В поэме дана развернутая экспозиция, за которой следует относительно небольшая — в несколько строф — развязка. Подробное развитие характеров и сюжета Тургеневу не понадобилось. В этом сказались и неопытность писателя, и отчасти особенности самого замысла. Может быть, уже тогда проявился в какой-то мере и метод вершинной композиции, свойственный Тургеневу-романисту.

Прошло несколько лет. Поэт снова встретился со своими героями. Они были уже давно женаты, жизнь их текла тихо и плавно. Виктор совсем переродился и «как-то странно потолстел» (обломовский признак). Приход старого знакомого встревожил Парашу — теперь Прасковью Николаевну. И Тургенев грустит вместе с нею: о том ли он думал, лаская в ней свою «последнюю мечту», то ли ей сулила летняя почва, «когда с такой тревожной быстротой В ее душе сменялись вдохновенья». Наблюдая этот мирный сон Парашиной души, Тургенев испытывает чувство глубокого огорчения, повторяя: «ее мне жаль».

Впрочем, уже в основной части поэмы мы слышим скептический голос автора: «И вот в кого ей было суждено Влюбиться» и т. д. Казалось бы, сбылись ее мечты, но от всего рассказанного веет какою-то горечью. В самом переплетении лирических и насмешливых интонаций чувствуется предвидение Парашиной судьбы. И Тургенев призывает на помощь «хохот сатаны». Опершись на забор, бес насмешливо наблюдает за влюбленными:

Мне кажется, он смотрит не на них —
Россия вся раскинулась, как поле,
Перед его глазами в этот миг...
И как блестят над тучами зарницы,
Сверкают злобно яркие зеницы;
И страшная улыбка проползла
Медлительно вдоль губ владыки зла.

И эти строки также подчеркивают более общий смысл личной истории Параша и Виктора, коренящийся в социальных обстоятельствах. Непосредственно после них следует заключительная часть поэмы.

Вскоре после «Параша» аналогичный Виктору образ был создан А. Н. Майковым в его поэме «Две судьбы. Быль». Его Владимир, тоже тяготившийся укладом русской жизни, много странствовал за границей, но не был способен проникнуть в новые для него стремления и интересы, скучал там, как и на родине, оставаясь «чужим на празднике чужом». Мимоходом загубивший влюбившуюся в него девушку, Владимир возвращается в родное гнездо и превращается в заурядного помещика. Как и Виктор, он «потолстел» и вообще пришел к выводу, что «в еде спасенье только есть». Владимир принадлежит к тому же типу людей, что и Виктор, хотя, пожалуй, несколько выше его. Этим объясняются сочувственные слова Герцена в дневнике 1845 года: «Майкова поэма «Две судьбы». Много прекрасных мест, много раз он умел коснуться до тех струн, которые

и в нашей душе вибрируют болезненно. Хорошо отразилась в нем тоска по деятельности, наша чуждость всем интересам Европы, наша апатия дома etc., etc.» (т. 2, с. 411).¹

Затем разные варианты образа «лишнего человека», со все большей степенью авторского осуждения, появляются в поэмах Огарева («Господин», конец 40-х годов), Некрасова («Саша», 1855) и других русских поэтов.

Впоследствии, как известно, и сам Тургенев не раз обращался к разным представителям этого человеческого типа и в стихах, и в прозе.

Если в «Стено» мужской образ явно превалирует над женским, то в «Параше» они как бы поменялись местами и в какой-то мере превосходят ситуации более поздних, зрелых произведений Тургенева, где сильная девушка оказывается выше слабого мужчины. Это отразилось и в заглавиях: «Стено» и «Параша».

Следует подчеркнуть, что, сожалея о судьбе Параша, Тургенев не склонен возлагать на нее вину. И в этом отношении акценты, расставленные в поэме, иные, чем в некоторых других произведениях 40-х годов (см. выше, с. 22—23). Тургенев иначе относится к Параше, с самого начала отделяя ее от «восторженных девиц» и не доводя ее до столь плачевного конца. Виноваты общие условия существования, а если уж и говорить о личной вине, то она лежит скорее на Викторе, чем на ней. Нельзя согласиться с Б. Я. Бухштабом, который видит в поэме развенчание в равной степени Параша и Виктора.² Параша открывает галерею обаятельных тургеневских девушек с пробудившейся или пробуждающейся душой, хотя те качества, которыми он наделял их впоследствии, намечены здесь еще неуверенной рукой.

В «Параше», как и в других поэмах, можно обнаружить следы незрелости (длинноты, не очень удачные остроты и пр.), а также отдельные пережитки романтической стилистики, но более важно другое — то новое, что она внесла в творчество Тургенева. Это был существенный поворот писателя к реализму, сказавшийся и в изображении героев, и в представлении о социальных причинах изображаемых явлений.

Отмечая большой шаг вперед в понимании окружающего мира, Л. М. Долотова вместе с тем утверждает, что писатель сохранял еще (не только в «Параше», но и в «Помещике») романтический идеал, с точки зрения которого судил о действительности и судил

¹ «Прекрасной по мысли» считал поэму и Белинский (т. 8, с. 635).

² Вступительная статья к сборнику «Поэты 1840—1850-х годов», с. 65.

действительность, что, в частности, ему свойственна идеализация страдания, на которые обречена в этом мире возвышенная романтическая натура.¹ Это утверждение, на наш взгляд, недостаточно убедительно. Или, если угодно, с таким же основанием можно отнести его и к «Рудину», и к «Дворянскому гнезду», и к другим произведениям Тургенева. Вероятно, ни для кого из русских писателей середины XIX века вопрос об элементах романтического мировосприятия, по-своему переосмысленных и переплавленных в другой идейно-художественной системе, не является столь сложным, как для Тургенева. Но это уже вопрос не о неизжитом или возрожденном романтическом идеале и художественном методе, а о разных типах русского реализма XIX века.

9

В некотором отношении «Разговор» (1844) является шагом назад или, во всяком случае, в сторону по сравнению с «Парашей». Это возвращение к романтической поэме. Конфликт, лежащий в основе «Разговора», показан вне всякой бытовой обстановки, намеренно схематически; в «Разговоре» господствует тон исповеди, свойственный романтической поэме; в нем сильна стихия патетической, напряженной речи; пейзаж лишен конкретности, носит условный характер:

Настала ночь. Высокий бор
И спит и шепчет. Чуток — нем
Холодный мрак... окружена
Туманом дымчатым луна...

В поэме лишь два персонажа, очень слабо индивидуализированные и резко противопоставленные один другому. Чтобы подчеркнуть характер этого противопоставления, они даже не наделены именами; это просто «Старик» (он же — «отшельник» и «пустынник») и «Молодой человек» (он же — «странник»). Иначе говоря, перед нами «отцы и дети» 40-х годов (но с совсем иным, по сравнению с романом, соотношением героев), столкновение двух поколений, их мироощущения и жизненного поведения. Большую часть поэмы составляет прямая речь героев, их самораскрытие, их взаимные упреки. Сопоставление двух поколений и соответствующая их характеристика,

¹ Проблема романтического идеала и действительности в раннем творчестве И. С. Тургенева. — «Ученые записки» Саратовского университета, т. 33, 1953.

кроме непосредственных жизненных впечатлений, самонаблюдений, бесед с Белинским и пр., могли быть подсказаны Тургеневу и Лермонтовым — стихотворениями «Бородино» («Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри — не вы!»)¹ и «Дума» («Печально я гляжу на наше поколенье. . .»).

Старик — человек начала XIX века, «полуживой», отошедший от активной деятельности, живущий яркими воспоминаниями прошлого, но вместе с тем не сломленный:

Бывало, пламенная речь
Звенела, как булатный меч,
Гремела, как набат, когда
Во дни покорности, стыда
Упругой меди тяжкий рев
В народе будит ярый гнев
И мчатся граждане толпой
На грозный, на последний бой. . .²

Он с воодушевлением говорит о боевых подвигах русской армии, «гордых лицах вождей», «блеске и стуке мечей», визге ядер.

А Молодой человек — дитя следекабрьской реакции, «лишний человек» 40-х годов, не находящий себе места в жизни, заеденный рефлексией, ни во что не верящий. Несчастье его, по его собственному признанию, состоит в том, что

коварный бог
Пытливый дух во мне зажег —
А силы. . . силы не дал он.

Старик, и раньше встречавшийся со своим собеседником, упрекает его в том, что он не по возрасту «вял и хил»; он спрашивает Молодого человека: «Какой ты подвиг совершил? Какому богу ты служил?»; обвиняет его в том, что тот не увидел среди окружающих его людей ни «юношей живых, Неговорливых и простых», то есть тех, кто мог продолжить дело своих отцов, ни «старцев и мужей, Достойных, опытных вождей».

¹ Недаром Белинский писал, что главная идея «Бородина» — «жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» (т. 4, с. 503, «Стихотворения М. Лермонтова»).

² Нетрудно уловить здесь отзвуки «Поэта» Лермонтова: «Бывало, мерный звук твоих могучих слов» и т. д.

В ответ на вопрос: «Какому богу ты служил?» — Молодой человек заявляет, что и он когда-то верил в лучшее будущее, в людей. Если бы «пророк святой» обратил к нему свой призыв, он с радостью пошел бы за ним, не смущаясь мнением «толпы рабов, толпы слепой», — «но где пророки?». Итак, если употреблять классификацию молодого поколения 40-х годов в статье Тургенева о переводе «Фауста» Гете, в «Параше» изображен «эгоист», сосредоточенный на одном себе, превратившийся затем в «доброе и здорового пошлеца», а герой «Разговора» — из тех юношей, которые до конца своих дней «вянут и сохнут, как надломанная ветка» (т. 1, с. 230).

И, столкнувшись с опустошенной душой Молодого человека, Старик проклинает его за то, что он разрушил в нем надежды на молодое поколение, мечты «о жизни молодой, О новых, сильных племенах», о «блаженных, ясных днях», наступления которых он горячо желал «земле возлюбленной своей».

А Молодой человек, осознав свою ненужность, отсутствие ясной жизненной цели, спешит покинуть родные небеса. Ему предстоит скитанья «среди чужих, в земле чужой», где душа его, надеется он, будет вольна, где он сможет бестрепетно ответить вызовом врагу

И, наконец, на зло судьбе,
Погибнуть в радостной борьбе!

В последних словах как бы намечена судьба Рудина, погибшего на парижских баррикадах 1848 года. Но это только предчувствие, надежды, и бог весть, осуществятся ли они.

Молодой человек бросает ответные упреки Старика. Что же сделали для нас вы, каковы плоды ваших «доблестных трудов», выросли ли благодаря им народ? Мы оба ляжем в могилу, «не пережив унылой тьмы», и потомки пройдут мимо нас без чувства благодарности. Здесь слова лермонтовской «Думы» — «над миром мы пройдем без цели и следа» — распространены на оба поколения.

Еще в дореволюционных работах высказывалась мысль, что, когда Тургенев создавал образ Старика, в его сознании носились воспоминания о декабристах.¹ И действительно, приведенные выше строки о пламенной рсчи, пробуждавшей в народе ярый гнев, и о гражданах, которые мчатся «на грозный, на последний бой», подтверждают это предположение. С другой стороны, патетические

¹ Ч. Ветринский, Сороковые годы XIX века. — В кн.: История русской литературы XIX в., под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. 2, М., 1909, с. 195. И. Иванов, И. С. Тургенев, Нежин, 1914, с. 75.

слова о войне с внешними врагами как будто бы говорят об участнике Отечественной войны 1812 года. И это не противоречит одно другому, а скорее дополняет, поскольку декабристы в своем большинстве прошли через Отечественную войну, которая способствовала формированию их политических взглядов. Может быть, недостаточно осторожно прямо называть Старика декабристом и тем более подыскивать ему реальный прототип, но это, бесспорно, образ человека декабристского поколения, декабристской или близкой ей среды.¹

Нет сомнения, что симпатии Тургенева на стороне Старика, что в себе самом он стремился изжить в это время психологические черты «лишнего человека», но и Старик не является для него абсолютным идеалом; об этом свидетельствуют упреки, которые он вложил в уста Молодого человека. По-видимому, преклоняясь, как и многие другие передовые люди того времени, перед подвигом декабристов, Тургенев в какой-то мере чувствовал их слабые стороны, их оторванность от народа. Все это открывало возможность для разных толкований «Разговора». Белинский подчеркивал в качестве главной темы развенчание «болезни нашего века — апатии чувства и воли при пожирающей деятельности мысли»; В. Майков, в рецензии которого много сходного с оценкой поэмы, сделанной Белинским, склонен был отдать предпочтение Молодому человеку (см. примечания, с. 433).

Разумеется, слова «отшельник», «пустынник», равно как мрачная и сырая пещера, где он живет, — дань (возможно, вынужденная) иносказательной речи. И, как часто бывает в таких случаях, в них можно вложить разный конкретный смысл. Пещера — сибирская ссылка, или далекая от столичной умственной жизни и столичной суеты деревня, где поселился Старик, или просто уединенная, замкнутая жизнь в столице — все это возможные и вполне правдоподобные расшифровки. Вообще же то обстоятельство, что мотивы и образы поэмы подлежат не только, а может быть, не столько чисто психологической, сколько социально-исторической и даже социально-политической интерпретации, достаточно ясно подчеркнуто и в самом

¹ В некрологе декабриста Н. И. Тургенева (1871) писатель, отмечая цельность и активность его натуры, характеризует его теми же чертами: «Подобно многим своим сверстникам, этот старик остался юноша душою, и трогательна и изумительна для всех нас, столь рано устающих и столь слабо увлекающихся, была свежесть и яркость впечатлений этого неутомимого борца!» (т. 14, с. 221). Возможно, что в образе Старика отразились некоторые черты М. Ф. Орлова, в московском доме которого бывал Тургенев (см.: Я. П. Полонский, Мои студенческие воспоминания. — «Ежемесячные литературные приложения» к «Ниве», 1898, № 12, с. 645).

тексте «Разговора» (где речь идет о «цепях», «наглом пире», «неправде», «гражданах», «славном поприще Добра» и пр.) и — особенно — во введении, написанном другим размером, шестистопным ямбом. Это введение, общим тоном и отдельными деталями близкое к 11-й и 12-й строфам «Сказки для детей» Лермонтова, дает ключ к проблематике поэмы, ведет мысль читателя в нужном автору направлении. Здесь дан явно петербургский пейзаж: ночь, сумрачный дворец, где уже утих блестящий пир и замер «громкий смех веселого безумья», каменные львы, молчаливо глядящие «в стальное зеркало темнеющей волны», — и на этом фоне тягостные раздумья о жизни, «об Истине святой», которые возникают у поэта перед лицом спящего города и вечной природы. Все дальнейшее, то есть все содержание поэмы, встреча и разговор Старика с Молодым человеком, и является результатом этих раздумий.

Не только своим стихом, но и исповедальным тоном «Разговор» сближается с «Мцыри» Лермонтова, на что не раз указывалось в научной литературе.¹ Следует, однако, отметить и несколько более отдаленных предшественников. Речь идет о поэтах-декабристах, в первую очередь о Рылееве и его поэме «Войнаровский». Мы обнаруживаем у Тургенева некоторые соприкосновения с особенностями лексики декабристской поэзии — слова-сигналы, дающие ключ для понимания общественно-политического смысла поэмы. Не всегда такие определенные, как у поэтов-декабристов, и не в таком количестве, они все же имеются в «Разговоре» и играют немалую роль. Сюжетно-композиционная схема «Войнаровского» (как, впрочем, и «Мцыри») по-своему преломилась в «Разговоре». Правда, она основательно трансформирована в связи с общим замыслом поэмы Тургенева; у него мы сталкиваемся с речами двух героев, а не с монологом одного из них. Совпадают отдельные детали — например, слово «странник» в применении ко второму герою. Все это говорит не о непосредственном влиянии декабристов и Рылеева на Тургенева (хотя и оно не исключено), а о поздних отголосках их поэтических принципов.²

¹ Уже в 1865 году в предисловии к французскому переводу поэмы Лермонтова Тургенев писал об ее стихе: «Эта форма, самым своим однообразием, придает поэме необыкновенную силу. Ее ритм сравнивали с трудом заключенного, который неустанно стучит усиленным стуком в стену своей темницы» (т. 15, с. 91). Это отчасти может быть отнесено и к стиху «Разговора», не отличающемуся, конечно, таким совершенством, как стих «Мцыри».

² С декабристской традицией была в известной мере связана, по-видимому, и поэма «Филиппо Стродзи», из которой нам известен только один отрывок.

Молодые писатели, начавшие свою литературную деятельность во второй половине 30-х — начале 40-х годов (многие из них прошли, как и Тургенев, через полосу увлечения романтизмом), писатели разной степени дарования и даже разных общественных настроений, понявшие, однако, бесплодность обветшавших литературных идей и тенденций, объединились под знаменем Белинского и Гоголя и примкнули к так называемой «натуральной школе», то есть гоголевскому реалистическому направлению 40-х годов. Впоследствии, когда вполне определился характер могучего и оригинального таланта Тургенева, его связь с традициями «натуральной школы» осложняется целым рядом новых своеобразных черт. Но в 40-е годы он стал одним из виднейших ее представителей, и именно так воспринимался читателями и критикой.

В поэтическом творчестве Тургенева это наиболее отчетливо проявилось в поэме «Помещик» (1845). Не случайно поэма появилась в изданном Некрасовым «Петербургском сборнике», программном сборнике писателей «натуральной школы», рядом с «Бедными людьми» Достоевского, стихотворениями Некрасова, поэмой А. Н. Майкова «Машенька», «Капризами и раздумьем» Герцена, «Мыслями и заметками о русской литературе» Белинского.

Одним из наиболее популярных жанров «натуральной школы» был «физиологический очерк», ставивший своей целью художественное исследование быта, нравов разных слоев современного русского общества (преимущественно социальных низов), воспроизведение представителей разных социальных групп, профессий и пр. Сюжет, конфликт, интрига отходили поэтому на задний план. Именно так обстояло дело в поэме «Помещик». Новшество заключалось в том, что «физиологический очерк» — жанр прозаический, притом сосредоточивший свое внимание на жизни города, а Тургенев перенес его принципы в поэзию и применил к изображению деревенской жизни. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский, высоко оценив «Помещика», назвал его «физиологическим очерком помещичьего быта» (т. 10, с. 345).

Итак, в поэме почти ничего не происходит — и это соответствует замыслу Тургенева, так что упрек одного из критиков враждебного лагеря, что в поэме «нет ни завязки, ни развязки»,¹ бьет мимо цели. В первых ее строках помещик совершает свою утреннюю трапезу.

¹ Ф. Булгарин), Журнальная всякая всячина. — «Северная пчела», 1846, 1 февраля.

Жена уехала на богомолье. Не спеша поев, он обходит свои владения, встречает крепостных — с бабами заигрывает, мужикам читает правоучения, затем возвращается домой; ему попадают дети, гувернер-немец, «мамзель-француженка» и пр. Наконец, не зная, чем заняться, он решает воспользоваться отсутствием жены и велит заложить тарантас, чтобы направиться к соседней помещице-вдовушке. В дороге ломается ось, а в это время на горизонте появляется жена — уже с богомолья. Догадавшись, куда он держит путь, она возвращает покорного мужа обратно. Вот, собственно, и все.

Но, конечно, суть дела не во внешней фабуле, а в бытовых подробностях, сценках, отступлениях — то совсем коротеньких, то более пространных. Таково, например, описание кабинета помещика, передающее при помощи множества деталей общий колорит помещичьей жизни: стены с аллегорическими изображениями в виде «сочных дам с улыбкой сладостной и томной», под потолком грязные клетки с соловьем и чижами, на столе тарелка с дыней, под окном бутылки, в углу кованный сундук, покрытое слоем липкой пыли зеркало, на шкафу «безносый, бородатый Белеет гипсовый мудрец» — неизвестно, кто именно, а затем кипы бумаг, записок, счетов, распоряжений и рапортов. Упоминанию о столе и шкафу сопутствуют определения — «огромный на толстых ножках» и «просторный, шишковатый», передающие в какой-то степени вкус и образ жизни помещика. Во всем этом явно ощущается гоголевская традиция. Все в кабинете, говоря словами Гоголя о Собакевиче, «имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома... каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: и я тоже Собакевич! или: и я тоже очень похож на Собакевича!» Вообще же накопление бытовых деталей и создает стилистическую доминанту поэмы.¹

Пока вся дворянская жизнь занята выполнением приказа помещика, Тургенев рассказывает о вдовушке-соседке, ее покойном муже — гусарском корнете, об ее балах. Заговорив о балах, он получает возможность дать беглый, но довольно выразительный очерк уездного дворянского общества, с эпиграмматическим лаконизмом и остротой характеризуя отдельных персонажей. Здесь и «законодатель бальный» — болтун и нахальный шут, и злой и грязный остряк, и шпион и шулер — «впрочем, малый знатный, Угодник дамский, балагур», и благообразный по виду старик — известный взяточник, и

¹ Из воспоминаний Тургенева мы знаем, что произведения Гоголя он в те годы «чуть не знал наизусть». А в 1836 году на первом представлении «Ревизора» «не понял значения того, что совершалось перед моими глазами» (т. 14, с. 65, 15—16).

болтливая, как трещотка, девица, и ядовито описанная «Коринна молодая», и вообще вереница «широких лиц, больших носов, Улыбок томных... платьев белых, Турбанов, перьев, плеч дебелих, Зеленых, серых, карих глаз». В этом суммарном портрете черты женских лиц намеренно перемешаны с подробностями туалета. Коснувшись военных, Тургенев ограничивается простым перечислением, поскольку тут нужно, как он сам говорит, проявлять осторожность. При этом, описывая балы, он как бы переплетает свои личные воспоминания с тем, что ему как автору известно о посетителях балов помещицы.

Тургеневское описание провинциального дворянства восходит к аналогичным местам в «Евгении Онегине» (гости Лариных в гл. 5) и «Тамбовской казначейше» (гости казначея). Так же, как у Пушкина и Лермонтова, оно имеет целью дать общую картину, а не развернутые характеристики отдельных представителей провинциального дворянского общества.

И описание бальных завсегдатаев, и детали быта и времяпрепровождения помещика создают угнетающую атмосферу скуки, безделья, обжорства, паразитического образа жизни. Этому служит буквально каждая деталь. Вот, например, после завтрака помещик сосредоточенно смотрит, «как боров о забор С эгоистическим стараньем, Зажмурив глазки, спину тер», — и мы чувствуем, что какая-то сонная одурь одолевает в равной мере и борова и его хозяина. Следует сказать, что не только во второстепенных, эпизодических персонажах, но и в главном герое поэмы выделены лишь видовые признаки, индивидуальный характер в данном случае лежит за пределами замысла Тургенева, ирония его направлена на социальный портрет как таковой.

Тургенев не раз насмешливо подчеркивает дворянскую сущность своего героя. Так, в первой же строфе читаем:

И наслаждалась бесконечно
Его дворянская душа.

И дальше:

И под его дворянским телом,
Довольно плотным и дебелим,
Скрыпят рессоры...
...Но дворянин мой хладнокровно
Поля родные проезжал.

Тургенев высмеивает его, как «степенного, мирного семьянина» и «настоящего славянина». Не в одной 28-й строфе, с намеками

на К. Аксакова, но и в других местах, например в приведенных словах о помещике — «настоящий славянин», да и во всем его облике развенчивается славянофильская — и не только славянофильская — идеализация патриархальных нравов, патриархального застоя.

Попутно, словно невзначай, Тургенев затрагивает и такие предметы, которые выходят за рамки скуки и безделья и непосредственно касаются отношений с крепостными. У помещика нет с ними общего языка — тему эту неоднократно разрабатывали впоследствии сатирики 60-х годов. Беседуя с мужиком, помещик сообщает ему, что «с каждым днем мы развиваемся заметно». Но есть и более существенные подробности, благодаря которым и эта становится более острой. Увидев в своем поле чужих коров, он велел отыскать виновных мужиков, толковал им о чувстве долга,

Потом побил их — но слегка. . .
Легка боярская рука. . .

А вслед за приведенными выше строками о том, как он проезжал через родные поля, следует такой комментарий:

Он межевал их полюбовно,
Но без любви воспоминал.

О том, что обозначало «полюбовное» межевание, как оно неизменно сопровождалось отрезыванием лучших крестьянских земель, известно из многочисленных источников, и именно это имел в виду Тургенев. Характеризуя соседку-помещицу, он, опять-таки без нажима и будто бы мимоходом, упоминает, что та не раз сама, «своими белыми руками», наказывала провинившихся дворовых. Тургенев подчеркивает бытовой характер всех этих фактов, а его иронический тон достаточно ясно и убедительно передает его отношение к изображаемому. Даже такая деталь, как угрюмые лица дворовых, много говорила современным читателям. Достаточно вспомнить, что этот и аналогичные ему эпитеты играют существенную роль при обрисовке крепостных в «Записках охотника». Например, в «Бурмистре» читаем: «Все было действительно в отличном порядке, одни унылые лица мужиков приводили меня в некоторое недоумение». Или в самом начале того же очерка Тургенев не без иронии замечает: «Дворовые люди Аркадия Павлыча посматривают, правда, что-то исподлобья, — но у нас на Руси угрюмого от заспанного не отличишь» (т. 4, с. 143, 135). Примерно в эти же годы Герцен, характеризуя перемены, происшедшие

в народной душе, писал в своем известном сочинении «О развитии революционных идей в России»: «Русский народ дышит тяжелее, глядит печальней; несправедливость крепостничества и грабеж чиновников становится для него все невыносимей» (т. 7, с. 211).

Не мудрено, что «Помещик» пришелся не по вкусу консервативной критике. Задумав сатиру на помещиков, Тургенев написал сатиру на «плохих сочинителей», — утверждала «Северная пчела». ¹ «Единственное лицо, возбуждающее юмор, — сам автор», — вторил ей К. Аксаков. ²

В поэме нет положительного героя, однако эмоции автора выражены не в одном лишь негативном плане, но и в тех по-гоголевски звучащих лирических отступлениях («О Русь! Люблю твои поля» и пр.), говорящих о подлинной любви к России, русской природе и русскому народу, которые противопоставлены сонной апатии помещика. Нельзя не вспомнить в этой связи и об одном эпизодическом персонаже, резко выделяющемся на фоне уездного общества. Речь идет о пятнадцатилетней девушке, «ребенке робком и немом, С большими, грустными глазами», прообразе будущих тургеневских девушек, задыхающихся среди тех людей, которые их окружают, и рвущихся на простор. Тургенев видит на ее бледном лице «печальный след сомнений, Тревожных, ранних размышлений» и пророчит ей нелегкую судьбу:

Без одобренья, без участия,
Среди невежд осуждена
Ты долго жить... но ты сильна,
А сильному не нужно счастья.
О нем не думай... но судьбе
Не покоряйся...

Интересно, что Ап. Григорьев, в 1846 году весьма положительно оценивший всю поэму и, в частности, выделивший это «превосходное лирическое место», ³ затем изменил свой взгляд и писал, что Тургенев в «Помещике» «кадил горько-сатирическому направлению» и под влиянием Лермонтова благословлял на страдание молодых девчонок «в прелестной и задушевной, впрочем, строфе». ⁴

¹ «Северная пчела», 1846, 31 января; статья Л. В. Бранта о «Петербургском сборнике».

² «Московский ученый и литературный сборник на 1847 год», М., 1846, с. 38.

³ «Финский вестник», 1846, т. 9, с. 31.

⁴ И. С. Тургенев и его деятельность. — «Русское слово», 1859, № 4; Собрание сочинений, вып. 10, М., 1915, с. 8.

Последней поэмой Тургенева был «Андрей». Ее жанр, как и жанр «Параши», может быть точнее определен как рассказ в стихах или стихотворная повесть. Центральной темой поэмы тоже является история одной любви: недаром первоначально она так и называлась — «Любовь», «Недолгая любовь». Однако основная проблема и герои (особенно герой) здесь несколько иные.

Как и в «Параше», действие развивается на бытовом фоне, но уже не помещичьей усадьбы, а маленького уездного городка, который описан в первых же строфах: недостроенный собор, исправно содержащиеся «казенные места», покосившиеся дома, немощные улицы, фруктовые сады, огороды. К этому неодошевленному фону естественно примыкает и муж героини, «неслужащий дворянин», который, встретив на улице Андрея и едва узнав его, начинает разговор с сообщения очередной сплетни о жене городничего и рассказывает о своем времяпрепровождении и ежедневных партнерах по карточной игре. Эта своеобразная автохарактеристика дается в естественной, непринужденной форме и потому звучит ненавязчиво.

Характеристика же Андрея дана от имени поэта. «Наскучив должностной... и прочей гилью», он покинул Москву и вернулся в запустелый отчий дом. Андрей полюбил уединенье, но вместе с тем и томится им, скучает без всякого дела, мечтает. Однако Тургенев противопоставляет его типу мечтателя-романтика:

Как человек без разочарованья,
Не слишком был в отчаянье влюблен
И не лелеял своего страданья.

Андрей не бранил людей, ничего не презирал, и вообще «прямым и добрым малым был рожден».

Дуняша сразу произвела на Андрея, которого Тургенев называет «стыдливым юношей», сильное впечатление своей безыскусственностью, отсутствием позы (в этом смысле она родственна Параше), и сначала показана через его восприятие. Только после этого Тургенев сообщает читателям ее, так сказать, предысторию.

В «Параше» вспыхнувшее впервые чувство не находит удовлетворения в повседневности семейной жизни и постепенно гложет. У Дуняши оно развивается в ином направлении: погруженность в быт, жизнь с явно не подходящим ей мужем, которого она тем не менее по-своему, «без волнений, Без ревности, без тайного стыда», любила, а затем подлинное яркое чувство к столь не похожему на него Андрею. Это чувство было взаимным, и, казалось бы, «счастье

было так возможно, так близко», но ему не суждено было осуществиться. Андрей, с одной стороны, любит и любим, с другой — боится нарушить душевное спокойствие той, которая ему всего дороже, сделать ее объектом обывательских пересудов, не хочет лицемерить и таиться.

И всё предвидел он: позор борьбы,
Позор обмана, дни тревог и скуки...
..И страх, и всё, чем прокляты рабы...
...Андрей любил, но жертвовать собою
Умел...

И он воспользовался предоставившимся ему случайно поводом, чтобы разрешить эти сомнения, навсегда расставшись с Дуняшей.

От образа Андрея тянутся нити в разные стороны.

Вместе с Дуняшей они читали Пушкина. И в их отношениях по своему преломились отношения Онегина и Татьяны. Между ними стала проблема долга. Но если в романе Пушкина ее носительницей является Татьяна, то в поэме Тургенева эта роль предоставлена Андрею. При этом речь идет не о механическом подражании, а о самостоятельном преломлении пушкинской темы. Вообще же и в этой поэме многое идет от Пушкина, в частности, не раз указывалось в этой связи на письмо Дуняши к Андрею, одно из лучших мест, несмотря на некоторые длинноты, тургеневского произведения, где муки разбитого сердца переданы с большой эмоциональной выразительностью.

Нельзя не вспомнить и рассказ самого Тургенева «Андрей Колосов», написанный незадолго до поэмы, в 1844 году. В рассказе и поэме нет внешнего сходства. Но та простота и естественность, с которой Колосов порывает с Варей, когда понимает, что разлюбил ее, в какой-то мере родственна разлуке — по совсем другим причинам — Андрея с Дуняшей. «Герой стихотворного рассказа, как и герой рассказа прозаического, — пишет современный исследователь, — показывает образец естественной морали, свободной от книжных предвзятостей». Они находятся в разных обстоятельствах, руководствуются разными соображениями, но оба «оправданы автором за натуральность характера и поведения».¹

Нужно, впрочем, заметить, что полной ясности и определенности в решении Андрея (как и в поступке Колосова²) нет — здесь, надо

¹ Г. Бялый, Тургенев и русский реализм, М.—Л., 1962, с. 13—14.

² См. статью А. В. Дружинина о Тургеневе (Собрание сочинений, т. 7, СПб., 1865, с. 299—310) и письмо к нему Тургенева от 3 марта 1857 года (Письма, т. 3, с. 101).

думать, имели место и те нерешительность, «трусость», неумение бороться даже за свое собственное счастье, которые являются отличительными чертами многих позднейших героев Тургенева, принадлежащих к категории «лишних людей». Андрей тоже становится, как и они, «добровольным, грустным странником» и «скитальцем».

Что же касается Дуняши, то, искренно опасаясь за ее судьбу и принеся в жертву их любовь, Андрей нанес ей неизлечимую рану. Он на всю жизнь оставил ее в чуждой среде, в каждодневном общении с чужим ее сердцу человеком. В образе Дуняши, натуры более целостной, чем Андрей, запечатлен и тот много раз повторявшийся у Тургенева мотив, что женщина в любви бывает естественнее, непосредственнее и сильнее мужчины:

...Женщина всегда

В любви так бескорыстно хорода...

И предаются смело, до конца,

Одни простые женские сердца.

По мнению исследователей,¹ эта поэма вплотную примыкает к повестям и романам Тургенева с их общим поэтическим колоритом, мягкими, честными и неуверенными в себе героями, тонкой обрисовкой психологии любви, скупым, но метким изображением провинциального быта. Указывалось также, что проблематика «Андрея» перекликается с романом Герцена «Кто виноват?» — следует уточнить: со второй его частью, которую Тургенев не мог знать до написания «Андрея».² Меньшее место, по мере овладения спокойной манерой повествования, занимает в «Андрее» иронический тон.

В «Андрее» не только обозначился, но и был отчасти сформулирован метод тургеневского изображения душевного мира человека. В 1860 году Тургенев писал К. Н. Леонтьеву, тогда начинающему беллетристу: «Поэт должен быть психологом, но тайным: он должен

¹ М. Гершензон, Мечта и мысль И. С. Тургенева, с. 45; А. Г. Цейтлин, Мастерство Тургенева-романиста, М., 1958, с. 64—65; Б. Я. Бухштаб, Русская поэзия 1840—1850-х годов. — Сб. «Поэты 1840—1850-х годов», с. 66; Н. Ф. Басихин, Ранние поэмы И. С. Тургенева как подготовка будущего романного творчества, Саранск, 1968.

² Странное впечатление производит трактовка этой поэмы в работе К. К. Истомина «„Старая манера“ Тургенева» (СПб., 1913, с. 34—35). Он утверждает, что пошлостью проникнуты не только атмосфера города, муж Дуняши, но и она сама и Андрей. В наше время аналогичное мнение высказал В. И. Кулешов в книге «Натуральная школа в русской литературе XIX века» (М., 1965, с. 238—239).

знать и чувствовать корни явлений, но представляет только самые явления — в их расцвете или увядании» (Письма, т. 4, с. 135). Писатель не раз высказывался против излишней детализации психологического анализа, психологических «штучек», «тонкостей» и «самоковыряния». Сам Тургенев в молодости не был чужд этого, но характерно, что уже в поэме «Андрей», обращаясь к переживаниям Дуняши, он замечает:

.. Но в таинственную тьму
Чужой души мы наших изысканий
Не будем простирать.

И действительно, он говорил не столько о самих душевных переживаниях (а если говорил о них, то в самом общем виде), сколько об их внешних проявлениях — движениях, жестах, мимике и т. д.:

Работу на колени уронив,
Тихонько на груди скрестивши руки
И голову немножко наклонив,
Она сидит под обаяньем скуки.
И взор ее спокоен и ленив —
И на губах давно затихли звуки...
А сердце то расширится, то вновь
Задремлет... По щекам играет кровь.¹

Как в «Параше», так и в «Андрее» существенное место занимает пейзаж, в котором соединяются точность и конкретность деталей с общим лирическим тоном. Функции пейзажа разнообразны. Он то представляется своеобразной интродукцией (место действия и общая настроенность), то предшествует переживаниям героев, то следует за ними, то аккомпанирует им, то контрастирует с ними. Иногда пейзаж перенесен в лирические воспоминания автора, что не мешает ему выполнять те же функции. Наконец появляется и пушкинская тема «равнодушной природы» («Как равнодушна, как нема природа!»), вечной, спокойной, чуждой преходящим человеческим волнениям и страстям.

¹ В своем отношении к изображению внутренней жизни человека Тургенев ближе к Пушкину, чем к Лермонтову. И вероятно, Л. Толстой мог бы сказать об этой стороне творческого метода Тургенева примерно то, что он сказал в 1853 году о прозе Пушкина. Подчеркнув, что в «новом направлении» литературы «интерес подробностей чувства» стоит на первом плане, он заметил: «Повести Пушкина голы как-то» (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 46, М.—Л., 1934, с. 187—188).

Касаясь в своих воспоминаниях о Белинском времени перехода «Современника» в руки Некрасова и Панаева, Тургенев писал: Белинский «после первого приветствия, сделанного моей литературной деятельностью, весьма скоро... охладел к ней; не мог же он поощрять меня в сочинении тех стихотворений и поэм, которым я тогда предавался. Впрочем, я скоро догадался сам, что не предстояло никакой надобности продолжать подобные упражнения, — и возымел твердое намерение вовсе оставить литературу» (т. 14, с. 52). Охлаждение Белинского было связано с тем, что с середины 40-х годов основные задачи передовой русской литературы решались в прозаических жанрах, а интерес к поэзии вообще резко упал. «Роман и повесть овладели в наше время литературою, — констатировал он в 1847 году, — или вовсе вытеснив или оттеснив на задний план все другие ее роды» (т. 10, с. 102). Небывалый успех «Записок охотника» окрылил Тургенева, литературы он не оставил, но поэзию действительно бросил, лишь эпизодически прибегая к стихотворной форме — и то преимущественно в бытовой сфере.

Большая часть этих стихотворений была опубликована после смерти писателя, иные из них — совсем недавно. Известные нам эпиграммы Тургенева отличаются меткостью, отточенностью формы, а многие шуточные послания — подлинным остроумием. Вместе с тем они представляют бесспорный интерес и для характеристики его литературных и общественных взглядов. Весьма примечательны с этой же точки зрения, по всей вероятности, принадлежащие Тургеневу стихотворение «Кнут», распространявшееся в списках, и сочинения «Иереми Недобובה», опубликованные в «Искре» В. Курочкина. Нельзя не отметить также два стихотворения, написанные от имени Нежданова и включенные в роман «Новь» (в них явственно ощущаются следы воздействия Некрасова и некрасовской школы¹) и обличительное стихотворение «Крокет в Виндзоре», вызванное жестоким подавлением болгарского восстания 1876 года. Но все это (и еще кое-что) были отдельные разрозненные факты.

В глазах своих современников, да и в нашем восприятии, Тургенев-поэт неотделим от литературного движения 40-х годов. Его поэзия тесно соприкасалась с исканиями целой плеяды русских

¹ И. Н. Розанов объясняет это сознательным заданием Тургенева: «... что и понятно, — пишет он, — Нежданов в стихах своих и должен был находиться под влиянием Некрасова» (Певец молчания. — Сб. «Творчество Тургенева», М., 1920, с. 51).

поэтов, начинавших в ту пору свою литературную деятельность, а также с «натуральной школой». Она является существенным фактом в истории русской поэзии в годы между смертью Лермонтова и зрелым творчеством Некрасова. Тургенев-поэт не принадлежит к звездам первой величины, и многие его произведения привлекают наше внимание скорее своими поисками, чем достижениями. И все же некоторые его стихотворения (в первую очередь замечательное «Утро туманное, утро седое...»), некоторые образы, мотивы и отрывки поэм представляют не только историко-литературный интерес, но до сих пор сохраняют свое поэтическое обаяние.

И. Ямпольский

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. МОЯ МОЛИТВА

Молю тебя, мой бог! Когда
Моими робкими очами
Я встречу черные глаза
И, осененная кудрями,
К моей груди приляжет грудь,
О, дай мне силу оттолкнуть
От себя прочь очарованье.
Молю — да жгучее лобзанье
Поэта уст не осквернит
И гордый дух мой победит
Любви мятежной заклинанье.

Между 1834 и 1836

2. К ВЕНЕРЕ МЕДИЦЕЙСКОЙ

Богиня красоты, любви и наслажденья!
Давно минувших дней, другого поколенья
Пленительный завет!
Эллады пламенной любимое создание,
Какою негою, каким очарованьем
Твой светлый миф одет!

Не наше чадо ты! Нет, пылким детям Юга
Одним дано испить любовного недуга
Палящее вино!

Создаьем выразить душе родное чувство
В прекрасной полноте изящного искусства
Судьбою им дано!

Но нам их бурный жар и чужд и непонятен;
Язык любви, страстей нам более не внятен;
Душой увяли мы.
Они ж, беспечные, три цели знали в жизни:
Пленялись *славою*, на смерть шли за *отчизну*,
Всё забывали для *любви*.

В роскошной Греции, оливами покрытой,
Где небо так светло, там только, Афродита,
Явиться ты могла,
Где так роскошно Кипр покоится на волнах,
И где таким огнем гречанок стройных полны
Восточные глаза!

Как я люблю тот вымысел прекрасный!
Был день; земля ждала чего-то; сладострастно
К равнине водяной
Припал зефир: в тот миг таинственный и нежный
Родилась Красота из пены белоснежной —
И стала над волной!

И говорят, тогда, в томительном желаньи,
К тебе, как будто бы ища твоих лобзаний,
Нагнулся неба свод;
Зефир тебя ласкал эфирными крылами;
К твоим ногам, почтительно, грядями
Стремилась бездна вод!

Тебя приял Олимп! Плененный грек тобою
И неба и земли назвал тебя душою,
Богиня красоты!¹
Прекрасен был твой храм — в долине сокровенной,
Ветвями тополя и мирта осененный —
В сиянии луны,

¹ Alma mundi Venus. . .

Когда хор жриц твоих (меж тем как фимиама
Благоуханный дым под белый купол храма
Торжественно летел,
Меж тем как тайные свершались возлиянья)
На языке родном, роскошном, как лобзанье,
Восторга гимны пел!

Уже давно во прах твои упали храмы;
Умолкли хоры дев; дым легкий фимиама
Развеяла гроза.
Сын знойной Азии рукою дерзновенной
Разбил твой нежный лик, и грек изнеможенный
Не защитил тебя!

Но снова под резцом возникла ты, богиня!
Когда в последний раз, как будто бы святыни,
Трепещущим резцом
Коснулся Пракситель до своего созданья,
Проснулся жизни дух в бесчувственном ваяньи:
Стал мрамор божеством!

И снова мы к тебе стекаемся толпами;
Молчание храня, с поднятыми очами,
Любуемся тобой;
Ты снова царствуешь! Сынов страны далекой,
Ты покоряла их пластической, высокой —
Своей бессмертной красотой!

(1837)

3. ВЕЧЕР

Дума

В отлогих берегах реки дремали волны;
Прощальный блеск зари на небе догорал;
Сквозь дымчатый туман вдали скользили челны —
И грустных дум, и странных мыслей полный,
На берегу безмолвный я стоял.

Маститый царь лесов, кудрявой головою
Склонился старый дуб над сонной гладью вод;
Настал тот дивный час молчанья и покою,
Слиянья ночи с днем и света с темнотою,
Когда так ясен неба свод.

Всё тихо: звука нет! всё тихо: нет движенья!
Везде глубокий сон — на небе, на земле;
Лишь по реке порой минутное волненье:
То ветра вздох; листа неслышное паденье;
Везде покой — но не в моей душе.

Да, понял я, что в этот час священный
Природа нам дает таинственный урок —
И голос я внимал в душе моей смущенной,
Тот голос внутренний, святой и неизменный,
Грядущего таинственный пророк.

Кругом (так я мечтал) всё тихо, как в могиле;
На всё живущее неподвижность налегла;
Заснула жизнь; природы дремлют силы —
И мысли чудные и странные будила
В душе моей той ночи тишина.

Что если этот сон — одно предвозвещанье
Того, что ждет и нас, того, что будет нам!
Здесь света с тьмой — там радостей,
страданий
С забвением и смертью слиянье:
Здесь ночь и мрак — а там? что будет там?

В моей душе тревожное волненье:
Напрасно вопрошал природу взором я;
Она молчит в глубоком усыпленье —
И грустно стало мне, что ни одно творенье
Не в силах знать о тайнах бытия.

Июль 1837

Грустно мне, но не приходят слезы,
 Молча я поникнул головой;
 [Смутные] в душе проходят грезы,
 Силы нет владеть больной душой.
 Смотрит месяц в окна, как виденье,
 Долгие [бегут] от окон тени;
 Грустно мне — в тоске немого мленья
 Пал я на дрожащие колени.
 Бог мой, бог! Коснись перстом [творящим]
 [До груди] разрозненной моей,
 Каплю влаги дай глазам палящим,
 Удели мне Тишины твоей.
 И, тобой, творец, благословенный,
 Бледное чело я подыму —
 Всей душой, душой освобожденной,
 Набожно и радостно вздохну.
 Первый звук из уст моих дрожащих,
 Первый зов души моей молящей
 Будет песнь, какая б ни была, —
 Песнь души, веселый гимн творенья,
 Полный звук — как звуки соловья.

29 декабря 1838

5. НЕМЕЦ

Ich lag im hochgewachs'nen dunklen Kraute,
 Es duftete so lieblich rings umher:
 Der Felsen stieg steil abwärts, der ergraute —
 Es schillerte weithin das grüne Meer.
 Vom Süden kamen Schwäne hergezogen —
 Im Eichenlaub leis wispelte der Wind. . .
 Ich dacht' an sie — an sie die ich betrogen
 Und weinte wie ein Kind.

Die Sonne schien: und tausend zarte Fädchen
 Von Halm zu Halm — sie wehten her und hin;
 Es war so schön; doch das verlass'ne Mädchen,
 Es kam mir nicht, es kam nicht aus dem Sinn.

Das Herz zerfloss in tausend heisse Tränen —
Ich wusste nicht wie's enden konnte gar —
Und mich ergriff ein mächtig dringend Sehnen
Nach dem, was längst entschwunden war.

Als ich zog hin, wie war sie bleich und traurig!
Wie bitter still verschlossen war ihr Mund!
Es wurde Nacht — der Wind blies dumpf und schaurig;
Ich fühlte wohl — ihr Herz war blutend wund.
Sie wusste nicht — was sagen und was lassen;
Es zitterten die Lippen ihr so sehr;
Sie liebte mich — und konnte sich nicht fassen;
Ich liebte sie nicht mehr.

Was ich ihr sagt' im Scheiden — längst vergessen
Ist es von mir; doch war's kein freundlich Wort.
Ich war vergnügt und fröhlich — ja vermessen;
Und leichten Sinn's und mutig zog ich fort.
Aus meiner stillen Öde zog mich mächtig —
Ein Heer von Jugendträumen, bunt und licht:
Und ich vergass — die Zukunft schien so prächtig —
Ob — eines Mädchens Herz brach — oder nicht.

Doch als mein Fuss berührte meine Schwelle —
Da brach es los in herber Qual und Lust;
Sie lief mir nach mit wilder Liebesschnelle
Und hielt mich, heftig weinend. Durch die Brust
Erinn'ung zuckte wie verklung'ner Lieder
Gelinder Nachhall, da sie mich umging —
Doch was entschwand, das kehrt ja niemals wieder ¹ —
Ich küsste leis die Stirn' ihr und ich ging.

Und hatt' ich das — o! hatt' ich das geschworen
In jener schönen, ewig-schönen Nacht —
Als taumelnd fast, liebtrunken, und verloren
Sie gab mir hin der jungen Glieder Pracht?
Ach unter meinen Tränen, meinen Küssen
Blieb sie so stumm — ich schwur: sie sah mich an —
«Auch du wirst mich noch einst verlassen müssen»...
Und ich — ich hab's getan!

¹ Что было, то не будет вновь.

Und jetzt. . . da jeder Hoffnung ich entsage,
Da von dem Kampf ich kehre: matt und wund —
Mit bitt'rer Reu gedenk' ich jener Tage
Des lieben Kinds und mancher gold'ner Stund.
Vergessen hat sie mich! . . . O Gott, verwehr' es!
Doch ich verdien's — was deine Hand mir bot —
Stiess ich zurück. . . Ich lieg am Rand des Meeres
Und wünsche mir den Tod.

1839

ПЕРЕВОД

Я лежал среди высоких темных трав,
Вокруг так нежно пахло,
Круто обрывалась седая скала,
И блестела даль зеленого моря.
С юга пролетели лебеди,
В дубовой листве тихо шелестел ветер. . .
Я думал о ней, о той, которую я обманул,
И плакал как дитя.

Светило солнце, и тысячи нежных питей,
Протянувшихся от травинки к травинке, покачивались взад и
вперед;
Было так прекрасно; но мысль о покинутой девушке
Никак, никак не оставляла меня.
Сердце таяло, превращаясь в тысячи горячих слез, —
Я не знал, чем это кончится,
Меня охватила могучая тоска
По тому, что давно исчезло.

Как была она бледна и печальна, когда я уходил!
Как горько сомкнулись в молчании ее уста!
Настала ночь — ветер дул глухо и жутко;
Я чувствовал тогда — ее сердце было ранено до крови.
Она не знала, что сказать и что делать;
Губы ее так дрожали;
Она любила меня — и не могла взять себя в руки;
Я уже не любил ее.

Что я ей сказал при расставании — я давно забыл;
Но это было не ласковое слово.
Я был бодр и весел, даже дерзок;
И с легким сердцем и смело я ушел.
Из моей тихой пустыни меня влекла
Толпа юношеских мечтаний, пестрая и светлая,
И я забыл — так великолепно сияло мне будущее, —
Разбилось ли девичье сердце или нет.

Но когда нога моя коснулась моего порога —
Тогда вырвалась вся жестокая мука и любовь;
Она бросилась за мной с неистовой быстротой любви
И обняла меня, сильно плача. В груди моей
Точно шевельнулся слабый отклик
Отзвучавших песен, когда она обняла меня.
Но что ушло, то никогда ведь не возвращается, —
Я тихо поцеловал ее в лоб и ушел.

А разве не клялся я, не клялся
В ту прекрасную, навеки прекрасную ночь,
Когда, почти падая, опьяненная любовью и растерявшаяся,
Она отдала мне прелесть юного тела?
Когда я плакал, целовал ее,
Она была так молчалива. Я поклялся, она посмотрела на меня:
«И тебе когда-нибудь придется меня покинуть».
И я, я это сделал!

А теперь. . . когда я отказался от всех надежд,
Когда я возвращаюсь усталый и израненный после борьбы —
С горьким раскаянием вспоминаю я те дни,
Милую девушку и золотые мгновенья.
Она меня забыла! . . . О боже, не допусти!
Но я этого заслуживаю — что твоя рука давала мне,
Я оттолкнул. . . Я лежу на берегу моря
И желаю себе смерти,

РУССКИЙ

Вы говорили мне — что мы должны расстаться —
Что свет нас осудил — что нет надежды нам;
Что грустно вам — что должен я стараться
Забывать вас, — вечер был; по бледным облакам
Плыл месяц; тонкий пар лежал над спящим садом;
Я слушал вас, и всё не понимал:
Под веяньем весны, под вашим светлым взглядом —
Зачем я так страдал?

Я понял вас; вы правы — вы свободны;
Покорный вам, иду — но как идти,
Идти без слов, отдав поклон холодный,
Когда нет мер томлениям души?
Сказать ли, что люблю я вас. . . не знаю;
Минувшего мне тем не возратить;
От жизни я любовь не отделяю —
Не мог я не любить.

Но неужель всё кончено — меж нами
Как будто не бывало милых уз!
Как будто не сливались мы сердцами —
И так легко расторгнуть наш союз!
Я вас любил. . . меня вы не любили —
Нет! Нет! Не говорите да! — меня
Улыбками, словами вы *дали* —
Вам душу предал я.

Идти — брести среди толпы мне чуждой
И снова жить, как все живут; а там
Толпа забот — обязанности — нужды, —
Вседневной жизни безотрадный хлам.
Покинуть мир восторгов и видений,
Прекрасное всем сердцем понимать
Не в силах быть — и новых откровений
Больной душе печально ждать —

Вот что осталось мне — но клясться не хочу я,
Что никогда не буду знать любви;

Быть может, вновь — безумно — полюблю я,
Всей жаждой неотвеченной души.
Быть может, так; но мир очарований,
Но божество, и прелесть, и любовь —
Расцвет души и глубина страданий —
 Не возвратятся вновь.

Пора! иду — но прежде — дайте руки —
И вот конец и цель любви моей!
Вот этот час — вот этот миг разлуки. . .
Последний миг — и ряд бесцветных дней.
И снова сон, и снова грустный холод. . .
О мой творец! не дай мне позабыть,
Что жизнь сильна, что всё еще я молод,
 Что я могу любить!

1840

6. (А. Н. ХОВРИНОЙ)

Что тебя я не люблю —
День и ночь себе твержу.
Что не любишь ты меня —
С тихой грустью вижу я.
Что же я ищу с тоской,
Не любим ли кто тобой?
Отчего по целым дням
Предаюсь забытым снам?
Твой ли голос прозвенит —
Сердце вспыхнет и дрожит.
Ты близка ли — я томлюсь
И встречать тебя боюсь,
И боюсь и привлечен. . .
Неужели я влюблен? . .

Между февралем и апрелем 1840

Луна плывет высоко над землею
 Меж бледных туч;
 Но движет с вышины волной морскою
 Волшебный луч.

Моей души тебя признало море
 Своей луной. . .
 И движется и в радости и в горе
 Тобой одной. . .

Тоской любви, тоской немых стремлений
 Душа полна. . .
 Мне тяжело. . . но ты чужда смятений,
 Как та луна.

Между февралем и сентябрем 1840

Я всходил на холм зеленый,
 Я всходил по вечерам;
 И тебя, мой ангел милый,
 Ожидал и видел там.
 Помнишь шепот старых сосен,
 Шелест трав и плеск ручья. . .
 Ах! с тех пор, как околдован,
 У холма скитаюсь я.

Загорятся ль в небе звезды,
 Светляки в лесу, в траве —
 Я бегу на холм знакомый
 Через поле по росе.
 Бледный месяц! милый месяц,
 Поленись, не выходи. . .
 Из-за моря, через горы,
 Ветер! тучи нанеси!

Я стою... и сердце бьется.
Что за шорох? — сонный сук
Закачался... вот — промчался
Надо мной вечерний жук.
По деревне лай и пенье...
Замелькали огоньки...
Месяц близок... иль он хочет
Подсмотреть детей земли?

Слышу, по песку дорожки
(.) ¹
Торопливо мчатся ножки,
Ножки [милые] твои,
И тебя я подымаю
[И ношу, как мать дитя...]
Ах, с тех пор, как околдован,
У холма скитаюсь я!

1840

9. СТАРЫЙ ПОМЕЩИК

1

Вот и настал последний час...
Племянник, слушай старика.
Тебя я бранивал не раз
И за глазами и в глаза:
Я был брюзглив — да как же быть!
Не научился я любить...
Ты дядю старого прости,
Казну, добро себе возьми,
А как уложишь на покой —
Не плачь; ступай, махни рукой!

2

И я был молод, ел и пил,
И красных девушек ласкал,

¹ Стих не написан. — *Ред.*

И зайцев сотнями травил,
С друзьями буйно пировал. . .
Бывало, в город еду я —
Купцы бегут встречать меня. . .
Я первым славился бойцом,
И богачом, и молодцом.
Богатство всё перевелось —
Да что! . . любить не довелось!

3

И сам не знаю отчего:
Не то чтоб занят был другим —
Иль время скоро так прошло. . .
Но только не был я любим —
И не любил; зато тоска
Грызет и давит старика —
И в страшный час, последний час,
Ты видишь — слезы льют из глаз:
Мне эти слезы жгут лицо,
И стыдно мне и тяжело. . .

4

Ах, Ваня, Ваня! что мне в том,
Что я деньжонок накопил,
Что церковь выстроил и дом:
Я не любим, я не любил!
Что в деньгах мне? Возьмите всё,
Добро последнее мое —
Да лишь бы смерть подождала
И насладиться мне дала. . .
Ах, дайте страсть узнать и жизнь —
И я умру без укоризн!

5

Я грешник, Ваня. Мне бы след
Теперь подумать и о том,
Как богу в жизни дать ответ,
Послать бы надо за попом. . .

Но всё мерещится — вот, вот
Ко мне красавица идет...
Я слышу робкий шум шагов
И страстный лепет милых слов,
И в голове моей седой
Нет места мысли неземной.

6

Я худо вижу... Смерть близка...
Ну, жизнь бесплодная, прощай!
Ох, Ваня! страшная тоска...
Родимый, руку мне подай...
Смотри же, детям расскажи,
Что дед их умер от тоски,
Что он терзался и рыдал,
Что тяжело он умирал —
Как будто грешный человек,
Хоть он и честно прожил век.

(1841)

10. БАЛЛАДА

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил — сумрачно глядит.

С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.

Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!

Думает он думу — дышит тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.

«Что, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенёта волк не забегал!

Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;

Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь».

Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;

Завтра умирать мне смертию лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!..

Мы певали песни, как из леса шли —
Как купцов с товаром мы в овраг вели...

Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да не долго песней тешились купцы...

Да еще певал я — в домике твоём;
Запивал я песни — всё твоим вином;

Заедал я чарку — барскою едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

(1841)

11

Долгие, белые тучи плывут
Низко над темной землею...
Холодно... лошади дружно бегут,
Еду я поздней порою...

Еду — не знаю, куда и зачем.
После подумать успею.
Еду, расставшись со всеми — совсем,
Со всем, что любить я умею.

Молча сидит и не правит ямщик...
Голову грустно повесил.
Думать я начал — и сердцем поник,
Так же, как он, я невесел.

Осень... везде пожелтела трава,
Ветер и воет и мчится.

Дрожью сокрытой дрожит вся душа,
Странной тоскою томится.

Смерть ли я вспомнил? иль жаль мне моей
Жизни, изгаженной роком?
Тихо ямщик мой запел — и темней
Стало на небе широком.

Конец 1841 или январь 1842

12. ПОХИЩЕНИЕ

Конь мой ржет и бьет копытом...
Мне напомнил он о ней —
О блаженстве позабытом
Быстрых, пламенных очей.
Ах, пора, пора былая!..
Мне не спится... ночь глухая...
Душно мне — и вскрикнул я:
«Эй! седлайте мне коня!
Спите сами, если спится,
А мне дома не сидится».

Стали тучи над луною,
Дремлют бледные поля;
Скачет, скачет предо мною
Тень огромная моя.
Лес как будто сном забылся —
Хоть бы лист зашевелился...
Я на гриву лег лицом,
Осенил себя крестом,
Тихомолком попеваю
Да былое вспоминаю.

Вот и домик — стук в окошко...
«Ты ли, милый?» — «Встань, душа;
Поболтай со мной немножко,
Как в бывалые года.
Если ж хочешь, молви слово:
Дома комната готова;

Ночь туманна и темна —
Лошадь добрая сильна;
Посмеемся и поплачем —
Хоть поплачем, да ускачем!»

Дверь скрипнула. . . «Милый, милый,
Наконец вернулся ты!
Иль узнал, что разлучили
Нас с тобою клеветы?
Я невинна. . .» — «Ах, не знаю!
За тобой я приезжаю;
Ты виновна или нет —
Без тебя мне тошен свет. . .
И забыть тебя старался,
Думал, думал — да примчался». .

Как она была прекрасна! . .
Мы пустились в дальний путь. . .
Как она склонялась страстно
Головой ко мне на грудь!
Я берег ее так нежно —
Сердце билось так мятежно. . .
Всё так тихо, чудно спит —
Лошадь весело бежит;
И, как ветра слабый ропот,
Милых слов я слышу шепот:

«Без тебя меня родные
Выдать замуж собрались.
Я рыдала. . . Братья злые
Погубить меня клялись.
Как тебя я дожидалась!
Жениха как я боялась!
Вдруг привстанет, да зевнет,
Белым усом поведет,
Щеки толстые надует,
Подойдет, да поцелует. . .»

Я дыханьем грел ей руки,
Целовал ее в глаза:

«Позабудь бывшие муки
И бывшего жениха!
Разочтутся с ним родные. . .
А усы его седые
Срежу шашкою кривой
Вместе с глупой головой!
Сторож, сторож, отворяй-ка!
К вам приехала хозяйка».

(1842)

13

Осенний вечер. . . Небо ясно,
А роща вся обнажена —
Ищу глазами я напрасно:
Нигде забытого листа
Нет — по песку аллей широких
Все улеглись — и тихо спят,
Как в сердце грустном дней далеких
Безмолвно спит печальный ряд.

Апрель 1842

14

Дай мне руку — и пойдем мы в поле,
Друг души задумчивой моей. . .
Наша жизнь сегодня в нашей воле —
Дорожишь ты жизнью своей?
Если нет, мы этот день погубим,
Этот день мы вычеркнем шутя —
Всё, о чем томилась мы, что любим,
Позабудем до другого дня. . .
Пусть над жизнью пестрой и тревожной
Этот день, не возвращаясь вновь,
Пролетит, как над толпой безбожной
Детская, смиренная любовь. . .
Светлый пар клубится над рекою,
И заря торжественно зажглась.

Ах, сойтись хотел бы я с тобою,
Как сошлись с тобой мы в первый раз.
«Но к чему? не снова ли былое
Повторять?» — мне отвечаешь ты.
Позабудь всё тяжкое, всё злое,
Позабудь, что расставались мы.
Верь: смущен и тронут я глубоко,
И к тебе стремится вся душа
Жадно так, как никогда потока
В озеро не просится волна. . .
Посмотри. . . как небо дивно блещет,
Наглядись — а там кругом взгляни:
Ничего напрасно не трепещет —
Благодать покоя и любви. . .
И в себе присутствие святыни
Признаю, хоть недостойн ей. . .
Нет стыда, ни страха, ни гордыни,
Даже грусти нет в душе моей. . .
О, пойдем — и будем ли безмолвны,
Говорить ли станем мы с тобой,
Зашумят ли страсти, словно волны,
Иль уснут, как тучи под луной, —
Знаю я, великие мгновенья,
Вечные с тобой мы проживем.
Этот день, быть может, день спасенья;
Может быть, друг друга мы пойдем.

Весна 1842

15

Заметила ли ты, о друг мой молчаливый,
О мой забытый друг, о друг моей весны,
Что в каждом дне есть миг глубокой, боязливой,
Почти внезапной тишины?

И в этой тишине есть что-то неземное,
Невыразимое. . . душа молчит и ждет:
Как будто в этот миг всё страстное, живое
О смерти вспомнит и замрет.

О, если в этот миг невольною тоскою
Стеснится грудь твоя и выступит слеза...
Подумай, что стою я вновь перед тобою,
 Что я гляжу тебе в глаза.

Любовь погибшую ты вспомни без печали;
Прошедшему, мой друг, предаться не стыдись...
Мы в жизни хоть на миг друг другу руки дали,
 Мы хоть на миг с тобой сошлись.

1842

16. ОСЕНЬ

Как грустный взгляд, люблю я осень.
В туманный, тихий день хожу
Я часто в лес и там сижу —
На небо белое гляжу
Да на верхушки темных сосен.
Люблю, кусая кислый лист,
С улыбкой развалясь ленивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятлов тонкий свист.
Трава завяла вся... холодный,
Спокойный блеск разлит по ней...
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей...
Чего не вспомню я? Какие
Меня мечты не посетят?
А сосны гнутся, как живые,
И так задумчиво шумят...
И, словно стадо птиц огромных,
Внезапно ветер налетит
И в сучьях спутанных и темных
Нетерпеливо прошумит.

1842

17. НЕВА

Нет, никогда передо мной,
Ни в час полудня, в летний зной,
Ни в тихий час перед зарею,
Не водворялся над Невою
Такой торжественный покой.
Глубоким пламенем заката
Земля и небо — всё объято. . .
И, неподвижный, я стоял,
И всё забыл, и по простору
Невы великой — волю дал
Блуждать задумчивому взору.
И я глядел: неслась река,
Покрыта вся румяным блеском,
И кораблям, с небрежным плеском,
Лобзала темные бока.
И много их. . . но все прижались
Друг к другу тесною толпой,
Как будто ввек они не знались
Ни с темным морем, ни с грозой —
И флагов мягкие извивы
Так слабо ветер шевелил,
Как будто тоже позабыл
Свои безумные порывы. . .
А недалёко от стены,
В воде спокойно отражаясь,
Стоял, дремотно колыхаясь,
Корабль далекой стороны.
И возле мачты, под палаткой,
Моряк лежал — и отдыхал;
Кругом стыдливо замирал
Вечерний луч и вскользь, украдкой,
Лицо нерусское ласкал.
Откуда ты? в наш край туманный
Зачем приплыл? на много ль дней?
Зачем глядишь с улыбкой странной
На небо родины моей?
О чем ты думаешь? Быть может,
Тебя минувшее тревожит —
Ты вспомнил прежнюю любовь,
Разлучный час и взгляд печальный —

И на губах, как будто вновь,
Зажегся поцелуй прощальный.
Теперь, быть может, у окна
Она сидит. . . и не страдает;
Но, как свеча от ветра, тает
И разгорается она. . .
Иль, руки страстно прижимая
К своей измученной груди,
Она глядит полуживая
На письма грустные твои.
Но нет. . . свои воспоминашь
Я на чужого перенес —
Не знал он смутного страданья,
Не проливал напрасных слез,
Не расставался, не сходилсь,
Не воскресал, не умирал. . .
Нет! беззаботно он влюбился
И безотчетно целовал.
И там, в стране его счастливой,
В стране широких, синих вод,
Где под белеющей оливой
Албэс огненный цветет,
В стране лучей и красок ярких,
В стране томительных ночей,
Объятий трепетных и жарких
И торжествующих страстей, —
Его беспечно ожидая,
Она за пряжею сидит. . .
Да утром, косу заплетая,
Поет и ходит, и, вздыхая,
На море синее глядит.

(1843)

18. ЦВЕТОК

Тебе случалось — в роще темной,
В траве весенней, молодой,
Найти цветок простой и скромный?
(Ты был один — в стране чужой.)

Он ждал тебя — в траве росистой
Он одиноко расцветал. . .
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал.

И ты срываешь стебель зыбкой.
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь, с медленной улыбкой,
Цветок, погубленный тобой.

И вот, идешь дорогой пыльной;
Кругом — всё поле сожжено,
Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно.

Он вырастал в тени спокойной,
Питался утренним дождем
И был заеден пылью знойной,
Спален полуденным лучом.

Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего.

Первая половина 1843

19

Для недолгого свиданья,
Перед утром, при луне,
Для безмолвного лобзанья
Ты прийти велела мне. . .

У стены твоей высокой,
Под завешенным окном,
Я стою в тени широкой,
Весь окутанный плащом. . .

Звезды блещут. . . страстью дивной
Дышит голос соловья. . .

Выйдь... о, выйди на звук призывный,
Появись, звезда моя!

Сколько б мы потом ни жили —
Я хочу, чтоб мы с тобой
До могилы не забыли
Этой ночи огневой...

И легко и торопливо,
Словно призрак, чуть дыша,
Озираясь боязливо,
Ты сойдешь ко мне, душа!

Бесконечно торжествуя,
Устремлюсь я на крыльцо,
На колени упаду я,
Посмотрю тебе в лицо.

И затихнет робкий трепет,
И пройдет последний страх...
И замрет твой детский лепет
На предавшихся губах...

Иль ты спишь, раскинув руки,
И не помнишь обо мне —
И напрасно льются звуки
В благовонной тишине?..

Первая половина 1843

20. ТОЛПА

Посвящено В. Г. Белинскому

Среди людей, мне близких... и чужих,
Скитаюсь я — без цели, без желанья.
Мне иногда смешны забавы их...
Мне самому смешней мои страданья.
Страданий тех толпа не признает;
Толпа — наш царь — и ест и пьет исправно;
И что в душе «задумчивой» живет,
Болезнию считает своенравной.

И права ты, толпа! Ты велика,
Ты широка — ты глубока, как море...
В твоих волнах всё тонет: и тоска
Нелепая, и истинное горе.
И ты сильна... И знает тебя бог —
И над тобой он носится тревожно...
Перед тобой я преклониться мог,
Но полюбить тебя — мне невозможно.
Я ни одной тебе не дам слезы...
Не от тебя я ожидаю счастья —
Но ты растешь, как море в час грозы,
Без моего ненужного участия.
Гордись, толпа! Ликуй, толпа моя!
Лишь для тебя так ярко блещет небо...
Но всё ж я рад, что независим я,
Что не служу тебе я ради хлеба...
И я молчу — о том, что я люблю...
Молчу о том, что страстно ненавижу, —
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмешками толпы я не обижу...
А толковать — мечтать с самим собой,
Беседовать с прекрасными друзьями...
С такой смешной — ребяческой мечтой
Расстался я, как с детскими слезами...
А потому... мне *жить* не суждено...
И я тяну с усмешкой торопливой
Холодной злости — злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино.

Первая половина 1843

21. КОГДА Я МОЛЮСЬ

Когда томительное, злое
Берет раздумие меня...
Когда, как дерево гнилое,
Всё распадается святое,
Чему так долго верил я...
Когда так дерзко, так нахально
Шумит действительная жизнь —
И содрогается печально

Душа — без сил, без укоризн...
Когда подумаю, что даром
Мой страстный голос прозвонит —
И даже глупым, грубым жаром
Ничья душа не загорит...
Когда ни в ком ни ожиданья,
Ни даже смутной нет тоски,
Когда боятся так страданья,
Когда так правы старики...
Тогда — тогда мои молитвы
Стремятся пламенно к нему,
Стремятся жадно к богу битвы,
К живому богу моему.

Первая половина 1843(?)

22—24. ВАРЬЯЦИИ

1

Когда так радостно, так нежно
Глядела ты в глаза мои
И лобызал я безмятежно
Ресницы длинные твои;

Когда, бывало, ты стыдливо
Задремлешь на груди моей
И я люблюсь боязливо
Красой задумчивой твоей;

Когда луна над пышным садом
Взойдет и мы с тобой сидим
Перед окном беспечно рядом,
Дыша дыханием одним;

Когда, в унылый миг разлуки,
Я весь так грустно замирал
И молча трепетные руки
К губам и сердцу прижимал, —

Скажи мне: мог ли я предвидеть,
Что нам обоим суждено
И разойтись и ненавидеть
Любовь, погибшую давно?

Июль 1843

2

Ах, давно ли гулял я с тобой!
Так отрадно шумели леса!
И глядел я с любовью немой
Всё в твои голубые глаза.

И душа ликовала моя...
Разгоралась потухшая кровь,
И цвела, расцветала земля,
И цвела, расцветала любовь.

День весенний, пленительный день!
Так приветно журчали ручьи,
А в лесу, в полусветлую тень
Так светло западали лучи!

Как роскошно струилась река!
Как легко трепетали листья!
Как блаженно неслись облака!
Как светло улыбалась ты!

Как я всё, всё другое забыл!
Как я был и задумчив и тих!
Как таинственно тронут я был!
Как я слез не стыдился моих! —

А теперь этот день нам смешон,
И порывы любовной тоски
Нам смешны, как несбывшийся сон,
Как пустые, плохие стишки.

Июль 1843

(В ДОРОГЕ)

Утро туманное, утро седое,
 Нивы печальные, снегом покрытые,
 Нехотя вспомнишь и время былое,
 Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
 Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
 Первые встречи, последние встречи,
 Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
 Многое вспомнишь родное далекое,
 Слушая ропот колес непрерывный,
 Глядя задумчиво в небо широкое.

Ноябрь 1843

25

В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный,
 От милого лица волос густые волны
 Заботливой рукой
 Я отводил — и ты, мой друг, с улыбкой томной
 К окошку прислонясь, глядела в сад огромный,
 И темный и немой. . .

В окно раскрытое спокойными струями
 Вливался свежий мрак и замирал над нами,
 И песни соловья
 Гремели жалобно в тени густой, душистой,
 И ветер лепетал над речкой серебристой. . .
 Покоились поля.

Ночному холоду предав и грудь и руки,
 Ты долго слушала рыдающие звуки —
 И ты сказала мне,
 К таинственным звездам поднявши взор унылый:
 «Не быть нам никогда с тобой, о друг мой милый,
 Блаженными вполне!»

Я отвечать хотел, но, странно замирая,
Погасла речь моя... томительно-немая

Настала тишина...

В больших твоих глазах слеза затрепетала —

А голову твою печально лобызала

Холодная луна,

Ноябрь 1843

26

К чему твержу я стих унылый,
Зачем, в полночной тишине,
Тот голос страстный, голос милый
Летит и просится ко мне, —

Зачем? огонь немых страданий
В ее душе зажег не я...
В ее груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к ее ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

Декабрь 1843

27. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.

Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит,

Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

1843

28

Когда с тобой расстался я —
Я не хочу таить,
Что я тогда любил тебя,
Как только мог любить.

Но нашей встрече я не рад.
Упорно я молчу —
И твой глубокий, грустный взгляд
Понять я не хочу.

И всё толкуешь ты со мной
О *милой* стороне.
Но то блаженство, боже мой,
Теперь как чуждо мне!

Поверь: с тех пор я много жил,
И много перенес. . .
И много радостей забыл,
И много глупых слез.

1843

29. ЧЕЛОВЕК, КАКИХ МНОГО

Он вырос в доме старой тетки
Без всяких бед,
Боялся смерти да чахотки
В пятнадцать лет.

В семнадцать был он малым плотным —
И по часам
Стал предаваться безотчетным
«Мечтам и спам».

Он слезы лил; добросердечно
Бранил толпу —
И проклинал бесчеловечно
Свою судьбу.

Потом, с душой своей прекрасной
Не совладев,
Он стал любить любовью страстной
Всех бледных дев.

Являлся горестным страдальцем,
Писал стишки. . .
И не дерзал коснуться пальцем
Ее руки.

Потом, любовь сменив на дружбу,
Он вдруг умолк. . .
И, присмирив, вступил на службу
В пехотный полк.

Потом женился на соседке,
Надел халат
И уподобился насадке —
Развел цыплят.

И долго жил темно и скупо —
Слыл добряком. . .
(И умер набожно и глупо
Перед попом.)

1843

Когда давно забытое название
Расшевелит во мне, внезапно, вновь,

Уже давно затихшее страданье,
Давным-давно погибшую любовь, —

Мне стыдно, что так медленно живу я,
Что этот хлам хранит душа моя,
Что ни слезы, ни даже поцелуя —
Что ничего не забываю я.

Мне стыдно, да; а там мне грустно станет,
И неужель подумать я могу,
Что жизнь меня теперь уж не обманет,
Что до конца я сердце сберегу?

Что вправе я отринуть горделиво
Все прежние, все детские мечты,
Всё, что в душе цветет так боязливо,
Как первые, весенние цветы?

И грустно мне, что то воспоминанье
Я был готов презреть и осмеять. . .
Я повторю знакомое названье —
В былое весь я погружен опять.

1843

31. КОНЕЦ ЖИЗНИ

Ночью зимней — в темный лес
(Повесть времени бывалого)
Въехал старый человек.
Он без малого
Прожил век.

Под повозкой снег скрипит.
Сосны медленно качаются.
Шагом лошади везут
И шатаются:
Нужен кнут.

Сорок лет в селе своем
Не был он, везде всё маялся —

.
И раскаялся...
Знать, пора!

Пожил; полно, наконец...
Что? Отрадно жизнь кончается?
Он в свою нору теперь
Забивается,
Словно зверь.

И домой не на житье
Он придет — гость непрощеный...
И исчезнет старый плут,
Словно камень, ночью брошенный
В темный пруд.

1843

32. ФЕДЯ

Молча въезжает — да ночью морозной
Парень в село на лошадке усталой.
Тучи седые столпились грозно,
Звездочки нет ни великой, ни малой.

Он у забора встречает старуху:
«Бабушка, здравствуй!» — «А, Федя! Откуда?
Где пропадал ты? Ни слуху ни духу!»
— «Где я бывал — не увидишь отсюда!»

Живы ли братья? Родная жива ли?
Наша изба всё цела, не сгорела?
Правда ль, Параша, — в Москве, мне сказали
Наши ребята, — постом овдовела?»

— «Дом ваш как был — словно полная чаша,
Братья все живы, родная здорова,
Умер сосед — овдовела Параша,
Да через месяц пошла за другого».

Ветер подул. . . Засвистал он легонько;
На небо глянул и шапку надвинул,
Молча рукой он махнул и тихонько
Лошадь назад повернул — да и сгинул.

1843

33. К А. С.

Я вас знавал. . . тому давно,
Мне, право, стыдно и грешно,
Что я тогда вас не заметил. . .
Вы только что вступили в свет —
Вам было восемнадцать лет. . .
На бале где-то я вас встретил.

И кто-то к вам меня подвел —
Я с вами нехотя пошел,
Я полон был тревоги страстной. . .
Тогда — тогда я был влюблен;
Но та любовь прошла, как сон,
И безотрадный и напрасный.

Другую женщину я ждал,
Я даже вам не отвечал;
Но я заметил ваши руки. . .
Заметил милый ваш наряд,
И ваш прекрасный, умный взгляд,
И речи девственные звуки.

Но всё, что в сердце молодом
Дремало легким, чутким сном
Перед внезапным пробуждением, —
Осталось тайной для меня. . .
Хоть, помню, вас покинул я
С каким-то смутным сожаленьем.

А случай вновь не сблизил нас. . .
И вдруг теперь я встретил вас.
Вы изменились, как Татьяна;
Я не слыхал таких речей.

Я не видал таких плечей,
Такого царственного стана...

На ваших мраморных чертах,
На несмеющихся губах
Печать могучего сознания...
Сияя страшной красотой,
Вы предстоите предо мной
Богиней гордого страданья.

И я молю вас в тишине:
Всю вашу жизнь раскройте мне...
Но взгляда вашего я трушу...
Нет, нет! я стар — нет, я вам чужд,
Давно в борьбе страстей и нужд
Я истощил и жизнь и душу.

1843

34. В. Н. Б.

Когда в весенний день, о ангел мой послушный,
С прогулки возвратясь, ко мне подходишь ты
И, руку протянув, с улыбкой простодушной
Мне подаешь мои любимые цветы, —

С цветами той руки тогда не разлучая,
Я радостно прижмусь губами к ним и к ней...
И проникаюсь весь, беспечно отдыхая,
И запахом цветов и близостью твоей.

Гляжу на тонкий стан, на девственные плечи,
Любуюсь тишиной больших и светлых глаз,
И слушаю твои младенческие речи,
Как слушал некогда я нянюшки рассказ.

Гляжу тебе в лицо с отрадой сердцу новой —
И наглядеться я тобою не могу...
И только для тебя в душе моей суровой
И нежность и любовь я свято берегу.

1843

35. ГРОЗА ПРОМЧАЛАСЬ

Гроза промчалась низко над землею...
Я вышел в сад; затихло всё кругом —
Вершины лип облиты мягкой мглою,
Обагрены живительным дождем.

А влажный ветер на листья тихо дышит...
В тени густой летает тяжкий жук;
И, как лицо заснувших томно пышет,
Пахучим паром пышет темный луг.

Какая ночь! Большие, золотые
Зажглися звезды... воздух свеж и чист;
Стекают с веток капли дождевые,
Как будто тихо плачет каждый лист.

Зарница вспыхнет... Поздний и далекий
Примчится гром — и слабо прогремит...
Как сталь, блестит, темнея, пруд широкий,
А вот и дом передо мной стоит.

И при луне таинственные тени
На нем лежат недвижно... вот и дверь;
Вот и крыльцо — знакомые ступени...
А ты... где ты? что делаешь теперь?

Упрямые, разгневанные боги,
Не правда ли, смягчились? и среди
Семьи твоей забыла ты тревоги,
Спокойная на любящей груди?

Иль и теперь горит душа больная?
Иль отдохнуть ты не могла нигде?
И всё живешь, всем сердцем изнывая,
В давно пустом и брошенном гнезде?

(1844)

Через поля к холмам тенистым
 Промчался ливень. . . Небо вдруг
 Светлеет. . . Блеском водянистым
 Блестит зеленый, ровный луг.
 Гроза прошла. . . Как небо ясно!
 Как воздух звучен и душист!
 Как отдыхает сладострастно
 На каждой ветке каждый лист!
 Оглашено вечерним звоном
 Раздолье мирное полей. . .
 Пойдем гулять в лесу зеленом,
 Пойдем, сестра души моей.
 Пойдем, о ты, мой друг единый,
 Любовь последняя моя,
 Пойдем излучистой долиной
 В немые, светлые поля.
 И там, где жатва золотая
 Легла волнистой полосой,
 Когда заря взойдет, пылая,
 Над успокоенной землей, —
 Позволь сидеть мне молчаливо
 У ног возлюбленных твоих. . .
 Позволь руке твоей стыдливо
 Коснуться робких губ моих. . .

1844

37. ПРИЗВАНИЕ

(Из ненапечатанной поэмы)

Не считай часов разлуки,
 Не сиди сложивши руки
 Под решетчатым окном. . .
 О мой друг! о друг мой нежный!
 Не следи с тоской мятежной
 За медлительным лучом. . .

Не скучай. . . Тревожный, длинный
 День пройдет. . . С улыбкой чинной

Принимай твоих гостей...
Не чуждайся разговора,
Не роняй внезапно взора —
И внезапно не бледней...

Но когда с холмов душистых
По краям полей росистых
Побежит живая тень...
И, сходя с вершин Урала,
Как дворец Сарданапала,
Загорится пышный день...

Из-под тучи длинной, темной
Тихо выйдет месяц томный
За возлюбленной звездой,
И, предчувствуя награду —
Замирая — к водопаду
Прибегу я за тобой!

Там из чаши крутобокой
Бьет вода волной широкой
На размытые плиты...
Над волной нетерпеливой,
Прихотливой, говорливой
Наклоняются цветы...

Там нас манит дуб кудрявый,
Старец пышный, величавый,
Тенью пасмурной своей...
И сокроет он счастливых
От богов — богов ревнивых,
От завистливых людей!

Слышны клики... над водами
Машут лебеди крылами...
Колыхается река...
О, приди же! Звезды блещут,
Листья медленно трепещут —
И находят облака.

.....
.....

О, приди! . . . Быстрее птицы —
От заката до денницы
По широким небесам
Пронесется ночь немая. . .
Но пока волна, сверкая,
Улыбается звездам

И далекие вершины
Дремлют, темные долины
Дышат влажной тишиной —
О, приди! Во мгле спокойной
Тенью белой, легкой, стройной
Появись передо мной!

И когда с тревожной силой
Брошусь я навстречу милой
И замрут слова мои. . .
Губ моих не лобызая —
Пусть лежат на них, пылая,
Губы бледные твои!

1844

38. (БРОЖУ НАД ОЗЕРОМ)

Брожу над озером. . . туманны
Вершины круглые холмов,
Темнеет лес, и звучно-странны
Ночные клики рыбаков.

Полна прозрачной, ровной тенью
Небес немая глубина. . .
И дышит холодом и ленью
Полузаснувшая волна.

Настала ночь; за ярким, знойным,
О сердце! за тревожным днем, —
Когда же ты заснешь спокойным,
Пожалуй, хоть последним сном.

1844

Откуда веет тишиной?
 Откуда мчится зов?
 Что́ дышит на меня весной
 И запахом лугов?
 Чего тебе, душа моя,
 Внезапно стало жаль —
 Скажи: какую вспомнил я
 Любимую печаль?

Но всё былое, боже мой,
 Так бедно, так темно. . .
 И то, над чем я плакал, — мной
 Осмеяно давно.
 Невежда сам, среди других
 Забывчивых невежд,
 Любуюсь гибелью моих
 Восторженных надежд.

Но всё же тих и тронут я —
 С души сбежала тень,
 Как будто тоже для меня
 Настал волшебный день,
 Когда на дереве нагом,
 И сочен и душист,
 Согретый ласковым лучом,
 Растет весенний лист. . .

Как будто сердцем я воскрес
 И волю дал слезам,
 И, задыхаясь, в темный лес
 Бегу по вечерам. . .
 Как будто я люблю, любим,
 Как будто ночь близка. . .
 И тополь под окном одним
 Кивает мне слегка. . .

1844

Один, опять один я. Разошлась
 Толпа гостей, скучая. Вот и полночь.
 За тучами, клубясь, несутся тучи,
 И тяжело на землю налегли
 Угрюмо неподвижные туманы.
 Не спится мне, не спится. . . Нет! во мне
 Тревожные, напрасные желанья,
 Неуловимо быстрые мечты
 И призраки несбыточного счастья.
 Сменяются проворно. . . Но тоска
 На самом дне встревоженного сердца,
 Как спящая, холодная змея,
 Покоится. Мне тяжело. Напрасно
 Хочу я рассмеяться, позабыться,
 Заснуть по крайней мере: дух угрюмый
 Не спит, не дремлет. . . странные картины
 Являются задумчивому взору.
 То чудится мне мертвое лицо, —
 Лицо мне незнакомое, немое,
 Всё бледное, с закрытыми глазами,
 И будто ждет ответа. . . То во тьме
 Мелькает образ девушки, давно
 Мною позабытой. . . Опустив глаза
 И наклонив печальную головку,
 Она проходит мимо. . . слабый вздох
 Едва заметно грудь приподнимает. . .
 То видится мне сад — обширный сад. . .
 Под липой одинокой, обнаженной
 Сажу я, жду кого-то. . . ветер гонит
 По желтому песку сухие листья. . .
 И робкими, послушными роями
 Они бегут всё дальше, дальше, мимо. . .
 То вижу я себя на лавке длинной,
 Среди моих товарищей. . . Учитель —
 Красноречивый, страстный, молодой —
 Нам говорит о боге. . . молчаливо
 Трепещут наши души. . . легким жаром
 Пылают наши лица; гордой силой
 Исполнен каждый юноша. . . Потом
 Лет через пять, в том городе далеком,

Наставника я встретил. . . Поклонились
Друг другу мы неловко, торопливо
И тотчас разошлись. Но я заметить
Успел его смиренную походку,
И робкий взгляд, и старческую бледность. . .
То, наконец, я вижу дом огромный,
Заброшенный, пустой, — мое гнездо,
Где вырос я, где я мечтал, бывало,
О будущем, куда я не вернусь. . .
И вот я вспомнил: я стоял однажды
Среди высоких гор, в долине тесной. . .
Кругом ни травки. . . Камни всё да камни,
Да желтый, мелкий мох. У ног моих
Бежал ручей, проворный, неглубокий,
И под скалой, в расселине, внезапно
Он исчезал с каким-то глупым шумом. . .
«Вот жизнь моя!» — подумал я тогда.

.
Но гости те. . . Кому из них могу я
Завидовать? Где тот, который смело
И без обмана скажет мне: «Я жил!»
Один из них, добряк здоровый, глуп,
И знает сам, что глуп. . . ему неловко;
Другой сегодня счастлив: он влюблен
И светел, тих и важен, как ребенок,
Одетый по-воскресному. . . другой
Острит или болезненно скучает. . .
А тот себе придумал сам работу,
Ненужную, бесплодную, — хлопочет
И рад, что «подвигается вперед». . .
Тот — юноша восторженный, а тот —
Чувствителен, но мелок и ничтожен. . .

.
Мне весело. . . но ты меж тем, о ночь!
Не медли — проходи скорей и снова
Меня предай заботам милой жизни.

41. ИСПОВЕДЬ

Нам тягостно негодованье,
И злоба дельная — смешна;
Но нам не тягостно молчанье:
Улыбка нам позволена.
Мы равнодушны, как могилы;
Мы, как могилы, холодны. . .
И разрушительные силы —
И те напрасно нам даны.

Привыкли мы к томленью скуки. . .
Среди холодной полутьмы
Лучи живительной науки
Мерцают нехотя. . . но мы
Под ум чужой, чужое знанье —
Желанье честное Добра —
И под любовь — и под страданье
Подделываться мастера.

Радушьем, искренней приязнью
Мы так исполнены — бог мой!
Но с недоверчивой боязнью
Оглядывает нас чужой. . .
Он не пленится нашим жаром —
Его не тронет наша грусть. . .
То, что ему досталось даром,
Твердим мы бойко наизусть.

Как звери, мы друг другу чужды. . .
И что ж? какой-нибудь чудак
Затеет дело — глядь! без нужды
Уж проболтался, как дурак.
Проговорил красноречиво
Все тайны сердца своего. . .
И отдыхает горделиво,
Не сделав ровно ничего.

Мы не довольны нашей долей —
Но покоряемся. . . Судьба!!
И над разгульной, гордой волей
Хохочем хохотом раба.

Но и себя браним охотно —
Так!! не жалеет укоризн!!
И проживаем беззаботно
Всю незаслуженную жизнь.

Мы предались пустой заботе,
Самолюбивым суетам. . .
Но верить собственной работе
Неловко — невозможно нам.
Как ни бунтуйте против Рока —
Его закон ненарушим. . .
Не изменит народ Востока
Шатрам кочующим своим.

31 декабря 1845

42—50. ДЕРЕВНЯ

1

Люблю я вечером к деревне подъезжать,
Над старой церковью глазами провожать
Ворон играющую стаю;
Среди больших полей, заповедных лугов,
На тихих берегах заливов и прудов
Люблю прислушиваться лаю

Собак недремлющих, мычанью тяжких стад;
Люблю заброшенный и запустелый сад
И лип незыблемые тени;
Не дрогнет воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
Блаженством безмятежной лени. . .

Задумчиво глядишь на лица мужиков —
И понимаешь их; предаться сам готов
Их бедному, простому быту. . .
Идет к колодезю старуха за водой;
Высокий шест скрипит и гнется; чередой
Подходят лошади к корыту. . .

Вот песню затаил проезжий. . . Грустный звук!
Но лихо вскрикнул он — и только слышен стук
Колес его телеги тряской;
Выходит девушка на низкое крыльцо —
И на зарю глядит. . . и круглое лицо
Зарделось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, с пригорка, за селом,
Огромные возы спускаются гуськом
С пахучей данью пышной нивы;
За конопляником зеленым и густым
Бегут, одетые туманом голубым,
Степей широкие разливы.

Та степь — конца ей нет. . . раскинулась, лежит. . .
Струистый ветерок бежит, не пробежит. . .
Земля томится, небо млеет. . .
И леса длинного подернутся бока
Багрянцем золотым, и ропщет он слегка,
И утихает, и синее. . .

2

НА ОХОТЕ — ЛЕТОМ

Жарко, мучительно жарко. . . Но лес недалёко
зеленый. . .
С пыльных, безводных полей дружно туда мы
спешим.
Входим. . . в усталую грудь душистая льется прохлада;
Стынет на жарком лице едкая влага труда.
Ласково приняли нас изумрудные, свежие тени;
Тихо взыграли кругом, тихо на мягкой траве
Шепчут приветные речи прозрачные, легкие листья. . .
Иволга звонко кричит, словно дивится гостям.
Как отрадно в лесу! И солнца смягченная сила
Здесь не пышет огнем, блеском играет живым.
Бархатный манит нас мох, руками дриад округленный. . .
Зову противиться в нас нет ни желанья, ни сил.
Все раскинулись члены; стихают горячие волны
Крови; машет на нас темными маками сон.
Из-под тяжелых ресниц взор наблюдает недолго
Мелких букашек и мух, их суетливую жизнь.

Вот он закрылся. . . Сосед уже спит. . . с доверчивым
вздохом
Сам засыпаешь. . . и ты, вечная мать, земля,
Кротко баюкаешь ты, лелеешь усталого сына. . .
Новых исполненный сил, грудь он покинет твою.

3

БЕЗЛУННАЯ НОЧЬ

О ночь безлунная, ночь теплая, немая!
Ты нежишься, ты млеешь, изнывая,
Как от любовных ласк усталая жена. . .
Иль, может быть, неведеньем полна,
Мечтательным неведеньем желаний, —
Стыдливая, ты ждешь таинственных лобзаний?
Скажи мне, ночь, в кого ты влюблена?
Но ты молчишь на мой вопрос нескромный. . .
И на тебе покров густеет темный.

Я заражен тобой. . . вдыхаю влажный пар. . .
И чувствую, в груди тревожный вспыхнул жар. . .
Мне слышится твой бесконечный ропот,
Твой лепет вкрадчивый, твой непонятный шепот —
И тень пахучая колеблется кругом.
Лицо горит неведомым огнем,
Расширенная грудь дрожит воспоминаньем,
Томится горестью, блаженством и желаньем —
И воздух ласковый, чуть дремлющий, ночной,
Как будто сам дрожит и дышит надо мной.

4

ДЕД

Вчера в лесу пришлось мне
Увидеть призрак деда. . .
Сидел он на лихом коне
И восклицал: победа!
И радостно глядел чужак
Из-под мохнатой шапки. . .
А в тороках висел русак
И грустно свесил лапки.

И рог стремянного звучал
Так страстно, так уныло. . .
Любимый барский пес, Нахал,
Подняв стерляжье рыло,

Махал тихохонько хвостом. . .
Суровый доезжачий
Смирал угрозой да бичом
Шумливый лай собачий.

Кругом — соседи-степняки,
Одетые забавно,
Толпились молча, бедняки!
И радовался явно

Мой дед, степной Сарданапал,
Такому многолюдью. . .
И как-то весело дышал
Своей широкой грудью.

Он за трубу¹ держал лису,
Показывал соседу. . .
Вчера, перед зарей, в лесу,
Я подивился деду.

5

ГРОЗА

Уже давно вдали толпились тучи
Тяжелые — росли, темнели грозно. . .
Вот сорвалась и двинулась громада.
Шумя, плывет и солнце закрывает
Передовое облако; внезапный
Туман разлился в воздухе; кружатся
Сухие листья. . . птицы притаились. . .
Из-под ворот выглядывают люди,
Спускают окна, запирают двери. . .
Большие капли падают. . . и вдруг
Помчалась пыль столбами по дорогам;

¹ Трубой называется хвост у лисицы.

Поднялся вихрь и по стенам и крышам
Ударил злобно; хлынули потоки
Дождя. . . запрыгал угловатый град. . .
Крутятся, бьются, мечутся деревья,
Смешались тучи. . . молнья! . . ждешь удара. . .
Загрохотал и прокатился гром.
Сильнее дождь. . . Широкими струями,
Волнуясь, льет и хлещет он — и ветер
С воды срывает брызги. . . вновь удар!
Через село растрепанный, без шапки
Мужик за стадом в поле проскакал,
А вслед ему другой кричит и машет. . .
Смятенье! . . Но зато, когда прошла
Гроза, как улыбается природа!
Как ласково светлеют небеса!
Пушистые, рассеянные тучки
Летят; журчат ручьи; болтают листья. . .
Убита пыль; обмылася трава;
Скрипят ворота; слышны восклицанья
Веселые; шумя, слетает голубь
На влажную, блестящую дорогу. . .
В ракитах раскричались воробьи;
Смеются босоногие мальчишки;
Запахли хлебом желтые скирды. . .
И беглым золотом сверкает солнце
По молодым осинам и березам. . .

6

ДРУГАЯ НОЧЬ

Уж поздно. . . Конь усталый мой
Храпит и просится домой. . .
Холмы пологие кругом —
Степные виды! За холмом
Печально светится пожар —
Овин горит. На небе пар;
На небе месяц золотой
Блестит холодной красотой,
И под лучом его немым
Туман волнуется, как дым.
Большие тени там и сям

Лежат недвижно по полям,
И различает глаз едва
Лесов высоких острова.
Кой-где, по берегам реки,
В кустах мерцают огоньки;
Внезапный крик перепелов
Гремит один среди лугов,
И синяя, ночная мгла
Как будто нехотя тепла.

7

Кроткие льются лучи с небес на согретую землю;
Стелется тихо по ней, теплый скользит ветерок.
Но давно под травой иссякли болтливые воды
В тучных лугах; и сама вся пожелтела трава.
Сумрак душистый лесов, отрадные, пышные тени,
Где вы? где ты, лазурь ярких и темных небес?
Осень настала давно; ее прощальные ласки
Часто милее душе первых улыбок весны.
Бурые сучья раскинула липа; береза
Вся золотая стоит; тополь один еще свеж —
Так же дрожит и шумит и тихо блестит, серебристый;
Но побагровел давно дуба могучего лист.
Яркие краски везде сменили приветную зелень:
Издали пышут с рябин красные гроздья плодов,
Дивно рдеет заря причудливым, долгим пожаром. . .
Смотришь и веришь едва жадно вперенным очам.
Но природа во всем, как ясный и строгий художник,
Чувство меры хранит, стройной верна простоте.
Молча гляжу я кругом, вниманья печального полный. . .
В тронутом сердце звучит грустное слово: прости!

8

ПЕРЕД ОХОТОЙ

Утро! вот утро! Едва над холмами
Красное солнце взыграет лучами,

Холод осеннего, светлого дня,
Холод веселый разбудит меня.

Выйду я . . . небо смеется мне в очи;
С сердца сбегают лобзания ночи . . .

Блестки крутятся на солнце; мороз
Выбелил хрупкие сучья берез . . .

Светлое небо, здоровье да воля —
Здравствуй, раздолье широкого поля!

Вновь не дожидаться подобного дня . . .
Дайте ружье мне! седлайте коня!

Вот он . . . по членам его благородным
Ветер промчался дыхањем холодным,

Ржет он и шею сгибает дугой . . .
Доски хрустят под упругой ногой;

Гуси проходят с испугом и криком;
Прыгает пес мой в восторге великом;

Ясно звучит его радостный лай . . .
Ну же, скорей мне коня подавай!

9

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Здравствуйте, легкие звезды пушистого, первого снега!
Быстро на темной земле тает вы чередой.
Но проворно летят за вами другие снежинки,
Словно пчелы весной, воздух недвижный пестря.
Скоро наступит зима, — под тонким и звучным железом
Резвых саней завизжит холодом стиснутый лед.
Ярко мороз затрещит; румяные щеки красавиц
Вспыхнут; иней слегка длинных коснется ресниц.
Так! пора мне с тобой расстаться, степная деревня!
Крыш не увижу твоих, мягким одетых ковром,
Струек волнистого дыма на небе холодном и синем,
Белых холмов и полей, грозных и темных лесов.
Падай обильнее, снег! Зовет меня город далекий;
Хочется встретить опять старых врагов и друзей.

(1846)

51. К.-А. ФАРИГАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Теперь, когда Россия наша
Своим путем идет одна
И наконец отчизна Ваша
К судьбам другим увлечена, —
Теперь, в великий час разлуки,
Да будут русской речи звуки
Для Вас залогом, что года
Пройдут — и кончится вражда;
Что, чуждый немцу с колыбели,
Через один короткий век
Сойдется с ним у той же цели,
Как с братом, русский человек;
Что, если нам теперь по праву
Проклятия гремят кругом, —
Мы наш позор и нашу славу
Икупим славой и Добром. . .
Всему, чем Ваша грудь согрета, —
Всему сочувствуем и мы;
И мы желаем мира, света,
Не разрушенья — и не тьмы.

7 марта 1847

52. (ИЗ ПОЭМЫ, ПРЕДАННОЙ СОЖЖЕНИЮ)

. . .И понемногу начало назад
Его тянуть: в деревню, в темный сад,
Где липы так огромны, так тенисты
И ландыши так девственно душисты,
Где круглые ракиты над водой
С плотины наклонились чередой,
Где тучный дуб растет над тучной нивой,
Где пахнет конопелью да крапивой. . .
Туда, туда, в раздольные поля,
Где бархатом чернеется земля,
Где рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами
И падает тяжелый, желтый луч
Из-за прозрачных, белых, круглых туч.

Там хорошо; там только — русский дома;
И степь ему, как родина, знакома;
Как по морю, гуляет он по ней —
Живет и дышит, движется вольней;
Идет себе — поет себе беспечно;
Идет. . . куда? не знает! бесконечно
Бегут, бегут несвязные слова. . .
Приподнялась уж по следу трава. . .
Ему другой вы не сулите доли —
Не хочет он другой, разумной воли. . .

(1848)

53

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок душою я стал;
И я сжег всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

1858

54. СИНИЦА

Слышу я: звенит синица
Средь желтеющих ветвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вестница осенних дней!

Хоть грозит он нам ненастьем,
Хоть зимы он нам пророк —
Дышит благодатным счастьем
Твой веселый голосок.

В песенке твоей приветной
Слух пленен ужели ж мой
Лишь природы безответной
Равнодушною игрой?

Иль беспечно распевает
И в тебе охота жить —
Та, что людям помогает
Смерть и жизнь переносить?

Сентябрь 1863

55. РАЗГАДКА

Как приликала к сердцу
Вся кровь в груди моей,
Когда в меня вперялись
Лучи твоих очей!

Мне долго непонятен
Был их язык немой. . .
Искал его значенья
Я с страхом и тоской. . .

Вдруг все сомненья пали
И страх навек затих. . .
Мой ангел, всё я понял
В один блаженный миг!

(1867)

56. РАЗЛУКА

О разлука, разлука!
Как ты сердцу горька. . .
Терзает его скука,
Сожигает тоска!

Где бывалая сила?
Увы, где прежний я?
Меня ты разлюбила. . .
Но не кляню тебя!

(1868)

На твой балкон взобраться снизу
 Я не могу, краса моя!
 Вотще к нему вздымаю руки,
 Его достигнуть мне нельзя!

Балкон высок — нет мне опоры,
 Но ты на помощь мне приди. . .
 Хоть бы струну с твоей гитары,
 Хоть ленту сверху мне спусти.

Иль из волос вынь гребень частый
 И волю тем дай ты кудрям,
 Что льются шелковым потоком
 С плечей твоих к твоим ногам.

За эту лестницу живую
 Я тотчас смело ухвачусь
 И до тебя по ней, мой ангел,
 Я доберусь, я доберусь!

1871(?)

58. КРÓКЕТ В ВИНДЗОРЕ

Сидит королева в Виндзорском бору. . .
 Придворные дамы играют
 В вошедшую в моду недавно игру;
 Ту крóкет игру называют.
 Катают шары — и в отмеченный круг
 Их гонят так ловко и смело. . .
 Глядит королева, смеется. . . и вдруг
 Умолкла. . . лицо побледнело.

Ей чудится: вместо точеных шаров,
 Гонимых лопаткой проворной, —
 Катаются целые сотни голов,
 Обрызганных кровию черной. . .
 То головы женщин, девиц и детей. . .
 На лицах — следы истязаний,

И зверских обид, и звериных когтей —
Весь ужас предсмертных страданий.

И вот королева младшая дочь —
Прелестная дева — катает
Одну из голов — и всё далее, прочь,
И к царским ногам подгоняет.
Головка ребенка в пушистых кудрях —
И ротик лепечет укоры. . .
И вскрикнула тут королева — и страх
Безумный застлал ее взоры.

«Мой доктор! На помощь! Скорей!» И ему
Она поверяет виденье. . .
Но он ей в ответ: «Не дивлюсь ничему;
Газет вас расстроило чтение.
Толкует нам «Times», как болгарский народ
Стал жертвой турецкого гнева. . .
Вот капли. . . примите. . . всё это пройдет!»
И — в замок идет королева.

Вернулась домой и в раздумьи стоит. . .
Склонились тяжелые вежды. . .
О ужас! кровавой струею залит
Весь край королевской одежды!
«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!»
— «Нет, ваше величество! Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!»

20 июля 1876

Милый друг, когда я буду
Умирать — вот мой приказ:
Всех моих писаний груду
Истреби ты в тот же час!
Окружи меня цветами,
Солнце в комнату впусти —

За закрытыми дверями
Музыкантов помести.
Запрети им плач печальный!
Пусть, как будто в час пиров,
Резко взвизгнет вальс нахальный
Под ударами смычков!
Слухом гаснувшим внимая
Замираниям струны,
Сам замру я, засыпая. . .
И, предсмертной тишины
Не смутив напрасным стоном,
Перейду я в мир иной,
Убаюкан легким звоном
Легкой радости земной!

(1876)

60. СОН

Давненько не бывал я в стороне родной. . .
Но не нашел я в ней заметной перемены.
Всё тот же мертвенный, бессмысленный застой,
Строения без крыш, разрушенные стены,
И та же грязь и вонь, и бедность, и тоска!
И тот же рабский взгляд, то дерзкий, то унылый. . .
Народ наш вольным стал; и вольная рука
Висит по-прежнему какой-то плеткой хилой.
Всё, всё по-прежнему. . . И только лишь в одном
Европу, Азию, весь свет мы перегнали. . .
Нет! никогда еще таким ужасным сном
Мои любезные соотчичи не спали!

Всё спит кругом: везде, в деревнях, в городах,
В телегах, на саях, днем, ночью, сидя, стоя. . .
Купец, чиновник спит; спит сторож на часах,
Под снежным пологом — и на припеке зноя!
И подсудимый спит — и дрыхнет судия;
Мертвó спят мужики; жнут, пашут — спят; молотят —
Спят тоже; спит отец, спит мать, спит вся семья. . .
Все спят! Спит тот, кто бьет, и тот, кого колотят!

Один царев кабак — тот не смыкает глаз;
И, штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!

⟨1876⟩

61. Я ШЕЛ СРЕДИ ВЫСОКИХ ГОР...

Я шел среди высоких гор,
Вдоль светлых рек и по долинам. . .
И всё, что ни встречал мой взор,
Мне говорило об едином:
Я был любим! любим я был!
Я всё другое позабыл!

Сияло небо надо мной,
Шумели листья, птицы пели. . .
И тучки резвой чередой
Куда-то весело летели. . .
Дышало счастьем всё кругом,
Но сердце не нуждалось в нем.

Меня несла, несла волна,
Широкая, как волны моря!
В душе стояла тишина
Превыше радости и горя. . .
Едва себя я сознавал:
Мне целый мир принадлежал!

Зачем не умер я тогда?
Зачем потом мы оба жили?
Пришли года. . . прошли года —
И ничего не подарили,
Что б было слаще и ясней
Тех глупых и блаженных дней.

Ноябрь 1878

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ЭПИГРАММЫ

62

Мужа мне, муза, воспой; с пределов далекой
Финляндьи
Даже до града Берлина [скитавшийся] долго и разно,
Много он бед претерпел, а боле от жен нечестивых.
Был он женолюбив и склонен к различным потехам,
Хитр и пронырлив весьма и в деле житейском искусен —
Слогом кудряв и речист, в ином и проворен
и ловок.

Но пиит сих его похождения,
Выбрав одно, он смиренно на лире нестройной
Хочет пред вами воспеть, как в известнейшем граде
Берлине
Разным бедám и напастям подвержен был юный Неверов.
В граде Берлине, под кровом семейного мира,
Юная дева жила, и дородством, и ростом, и станом
Равная [Зевса супруге]. Но гордость ее погубила.
Впрочем, смиренной работой она занималась — и даже
Лестницы мыла и в прочем служила усердно.
Даже и в [низком] быту сияя красую небесной,
Всех привлекая сердца — но сама оставалась холодной;
В брак не вступала желанный и всех женихов
презирала;

Многие с горя женились, другие пустились в писаки:
Так-то мы терпим и горе и нүжду от жен нечестивых.
Было ей имя — Шарлотта, звучное, полное имя!
[Твердо] решила Шарлотта остаться век —
старой девой,
Но что значат решенья людей пред вечною волею
Зевса!

Он повелел; и в Берлин, по долгом и разном скитанье,
Юный Неверов явился, цветущий, как мак пурпуровый.
Злая судьба им обоим напасти готовит,
В доме одном поселила и деву и мужа.
Пламенной страстию к ней душа возгорелась скитальца;
Искра запала любви в сердце доселе холодном
Северной Девы — и скоро веленьем Эроса
Бурным стало пожаром — и часто унылая дева
Долго мечтала о юном и стройном скитальце;
Слезы из глаз воловидных бежали струями,
Белую грудь воздымало дыханье; и юный Неверов
Также томился и млел и, на помощь богов призывая,
Впрочем, на хитрость свою, на искусство
надеяся твердо.

Козней коварных и слов увлекательных много,
Много вздохов и слез расточал перед нею скиталец;
Строго в сердце любовь таила злая Шарлотта —
Мнила, не хитрый ли дух ей готовит измену и горе,
Образ принявший людей, — и с страстью боролась
успешно. . .

Жертва судьбы. . . крутобокой подобно телушке,
В храм жрецом на закланье ведомой, проворно,
Бодро идет, головой и хвостом помавает,
Полная жизни и сил — и рогами цвета < . . >

Конец 1838 или 1839

63

На Альбанских горах — что за дьявол такой? —
Собрались и нависли туманы;
Разгуляться хотят молодецкой грозой,
Затопить города и поляны.
С африканской степи на широкой груди
Через море примчал их сирокко;
Дальше мне не летать, хоть и здесь благодать,
Молвил он да вернулся в Марокко.
На Альбанских горах, в башмачках да в очках —
Вижу — два forestiero¹ гуляют;

¹ Иностранца (итал.). — *Ред.*

Им твердит чичерон: Здесь родился Катон!
Скажут: Si? ¹, отойдут да зевают.
Хоть они не сыны той смешной стороны,
Что зовут: Inghiltrissa ², но всё же
«Север — край наш родной — край холодный,
сырой» —

На любой напечатано роже.
Двое их; первый толст; цвет лица: старый холст;
Кривоног и высокого роста,
А второй, сибарит, слоем жира облит,
Как кусочек capretto arrosto ³.

Эх ты, старый вулкан! был ты силен и рьян —
И сверкал и гремел в свое время;
Но замолк и потух — и под заступ и плуг
Преклонил ты послушное темя.
За три тысячи лет о тебе вести нет;
Схоронил ты суровое пламя,
Но проснись, взговори, горным пеплом дохни,
Разверни ты кровавое знамя!
Для незваных гостей ты себя не жалей,
Угости их, старик мой, на славу!
И навстречу друзьям по широким холмам
Покати красногрудую лаву!
О, тогда! господа, оробев и глаза
Растопырив — куда твои плоски!
Контенанс потеряв, в панталоны <...>
Навострят неуклюжие ножки —
Двадцать раз упадут, нос и <...> разобьют,
Задыхаясь, не взвидевши света,
И, примчавшись домой, отведут страх такой
Разве пятой бутылкой орвѐто.

1840

¹ Да? (итал.). — *Ред.*

² Англия (итал.; шутливое, вместо Inghilterra). — *Ред.*

³ Жареного козленка (итал.). — *Ред.*

64. (А. А. БАКУНИНУ)

Алексей божий человек,
Мы можем прожить целый век —
Глупей вчерашнего нам не бывать, —
Хорошо, что отправились спать.

Посылаю вам письмо,
Всё в нем хорошо,
Только дурно одно:
Что глупо оно.
Прощайте.
За мной заезжайте.

Январь 1842(?)

65. (М. В. БЕЛИНСКОЙ)

Отец твой, поп-бездельник,
Облопавшись кутьи,
Зачал тебя в сочельник
От гнусной попадьи.

Хоть и рожден болваном,
Пошел однако впрок
На масле конопляном
Взлелеянный цветок.

.....
И что ж? теперь наш пастырь,
Наш гений, наш пророк
Кладет на брюхо пластырь
И греет ей пупок!

Конец 1843 (?)

66. (М. П. БОТКИНОЙ)

Альбомчик Ваш перебирая,
Хотел бы я в один момент
Придумать лестный комплимент

Для Вас — других не обижая.
Но нет! прошла моя пора,
Мне рифма — страшная обуза;
И прежде не была бодра
Моя болезненная Муза —
Теперь же, подорвав живот,
Как старый конь, она лягает,
Хрипит, визжит, хвостом виляет —
А с места вовсе не идет.

12 июля 1850

67. (Н. Х. КЕТЧЕРУ)

Вот еще светило мира!
Кетчер, друг шипучих вин;
Перепер он нам Шекспира
На язык родных осин.

Конец 1840-х — начало 1850-х годов

68. (А. В. ДРУЖИНИНУ)

Дружинин корчит европейца.
Как ошибается бедняк!
Он труп российского гвардейца,
Одетый в английский пиджак.

Конец 1840-х — 1850-е годы

69. (А. В. НИКИТЕНКО)

Исполненный ненужных слов
И мыслей, ставших общим местом,
Он красноречья пресным тестом
Всю землю вымазать готов. . .

Конец 1840-х — 1850-е годы

70. (П. Н. КУДРЯВЦЕВУ)

К(удряв)цев, локоть отставляя
И взором томно помавая,
Перед графинею стоит;
И с хамоватой ссей графинею
О преподобной Антонине
Муж хлыщеватый говорит.
Он хлыщ! но как он тих и
скромен.
Он сладок, мил и вместе
томен,
Как старой девы билье-ду.
Но, возвышаясь постоянно,
Давно стал скучен несказанно
Педант, варенный на меду.

Начало 1852(?)

71. (А. А. ФЕТУ)

Все эти похвалы едва ль ко мне придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться
И Фету вычистил штаны.

Январь 1856

72. (В. П. БОТКИНУ И А. В. ДРУЖИНИНУ)

О мои кунцевские друзья,
Вы писали мне виршами, виршами ответчу и я —
Ваше письмо поразило меня в самый центр сердца
И произвело в нем боль язвительнее перца.
Тем она жесточе, что я все-таки поехать не могу. . .
Но в июле я буду непременно — в этом я не солгу.
Получил я вчера приятное известье,
Адресованное в мое поместье, —
Что паспорт мой уже подписан и готов —
И за границу меня пустили без лишних слов.

Вследствие этого события
8 июля хочу в Кунцеве быть я.

28 мая 1856

73. (П. В. АННЕНКОВУ)

Идеалист с широким пузом,
Ростбифа неуклонный жрец,
Помещик, милый русским музам,
Бог опечаток -- наконец!

3 января 1857

74. (Е. Я. КОЛБАСИНУ)

Мой юный друг, Колбасин Елисей,
Не далее как в среду намерен
Я город сей покинуть. — Потому
Прошу Вас из роскошной Вашей дачи
Перенестись в известный град Париж
В четверг в одиннадцать часов утра,
В Hôtel Вугон, на улице Лаффит.
Вы там меня найдете. — С удовольствием
В свои объятия заключу я Вас.
Но — может быть — меня не будет там. . .
(Дела меня задержат) — Вы тогда
Ни подлецом, ни гнусною свиньею,
Ни легкомысленным обманщиком меня
Не называйте. . . но великодушно
Простите друга Вашего — и снова
В Hôtel Вугон вернитесь в *субботу*.
Коль и тогда меня Вы не найдете,
То также не ругайтесь надо мною,
А прямо отправляйтесь в божий храм
И панихиду отслужите. — Я
В живых тогда не буду.

И. Тургенев

29 июня 1859

75. (Е. Я. КОЛБАСИНУ)

Многострадальный Колбасин, и в то же время
счастливец!

Благополучно в деревню третьего дня я приехал
(Имя ей: Куртавнель; лежит она в области «Брие»,
Близко от городишка Розэ, красот в ней не много) —
И чтобы слово сдержать, пишу к Вам это посланье.
Я, по милости вод, мной вкушенных обильно, доселе
Свеж и здоров; что́ будет далее — мне неизвестно.
Но вот горестный факт: не раньше 30-го июля
Буду я деньги иметь. . . Как быть? — Я должен Вам 300!
Знаю, что нужны Вам деньги. . . А потому припадаю
Прямо к стопам Шеншина и взываю к нему с умилением:
«Дайте Колбасину злато и всё считайте за мною! —
Буду я век благодарен». — А вы, птенец благородный,
Мне напишите два слова о том, что творите Вы,
также подробно

О грозившем недуге поведайте: так же ль жестоко
Он Вас грызет — иль начал слабеть пред искусством
Ловких врачей и адского камня! Всё мне скажите.
Кланяйтесь всем — и себя берегите. — Мизантропии
Не предавайтесь; не будьте ни злым самоедом,
Ниже скептиком мрачным. . . Лучше наденьте подрясник!
Впрочем, будьте здоровы; я крепко жму Вам десницу.

8 июля 1859

76. (Е. Я. КОЛБАСИНУ)

О юный Колбасин!

Горестью сердце исполнилось Вашего друга,
Узнавши
Силу недуга, томящего Вас. — Не огорчайтесь
Слишком; и беспрекословно лечитесь.
Я в понедельник увижу Вас в Аниере —
И возвращу Вам мой долг. — Но брат Ваш суровый
Взвел на меня клевету: я не только не думал
Вас обвинять
В лишних издержках; я всюду трубил о Вашем богатстве:
Анна Семеновна твердо уверена мною,

Что Вы ворочаете огромные груды червонцев,
Спите на алмазках (о, неудобное ложе!)...

А потому

Вы клевете сей не верьте и ждите меня в понедельник.

Это письмо написано мною

В фетовском стиле, его же размером.

Пребезобразный размер! а впрочем, я пребываю

Искренно преданный Вам

Тургенев, Иван, сын Сергья.

15 июля 1859

77. (А. А. ФЕТУ)

Бесценный Фет, мудрец и стихотворец,
Я получил любезное письмо,
Направленное Вами из «Поляны», —
В том замке, где Вы некогда со мною
Так спорили жестоко — и где я
У Вас в ногах валялся униженно.
В нем ничего не изменилось: только
Тот ров, который, помните, струился
Пред Вашими смущенными глазами,
Теперь порос густой травой — и высох.
И дети выросли. . . Что ж делать детям,
Как не расти? Один я изменился
К гораздо худшему. Я всякий раз
Как к зеркалу приближусь, с омерзеньем
На пухлое, носастое, седое
Лицо свое взираю. . . Что же делать!
Жизнь нас торопит, гонит нас, как стадо. . .
А смерть, мясник проворный, ждет —
да режет. . .

Сравнение, достойное Шекспира!
(Не новое, однако, к сожаленью!)
Я к Вам писал из города Виши
Недавно; стало быть, не нужно боле
Мне говорить о личности своей.
Скажу одно: в начале сентября
Я в Спасском, если шар земной не лопнет,
И вместе вальдшнепов мы постреляем

Об Вас я говорить хочу: я Вами
Ужасно недоволен; берегитесь!
Скучливый человек, Вы на стезю
Опасную ступили. . . не свалитесь
В болото злой, зевающей хандры,
Слезливого, тупого равнодушья!
Иллюзии, вы говорите, нет. . .
Иллюзия приходит не извне, —
Она живет в самой душе поэта.
Конечно, в сорок лет уж не летают
Над нами, в романтическом эфире,
Обсыпанные золотом и светом,
Те бабочки с лазурными крылами,
Которые чаруют наши взоры
В дни юности, — но есть мечты другие,
Другие благородные виденья,
Одетые в белеющие ризы,
Обвитые немеркнущим сияньем.
Поэт, иди за ними — и не хнычь!
(Фу, батюшки! какой высокий слог!)
А на земле — *коль* есть покойный угол,
Да добрый человек с тобой живет,
Да не грызет тебя недуг упорный —
Доволен будь — *«большаго»* не желай,
Не бейся, не томись, не злись, не кисни,
Не унывай, не охай, не канючь,
Не требуй ничего — и не скули. . .
Живи смиренно, как живут коровы,
И мирно жуй воспоминанья жвачку.
Вот мой совет — а впрочем, как угодно!
Увидимся — и больше потолкуем. . .
Ведь Вы меня дождетесь в сентябре?
Пожалуйста, поклон мой передайте
Супруге Вашей и сестре; скажите
Борисову, что я люблю и помню
Его; Толстого Николая поцелуйте
И Льву Толстому поклонитесь — также
Сестре его. Он прав в своей приписке:
Мне *не за что* к нему писать. Я знаю:
Меня он любит мало — и его
Люблю я мало. Слишком в нас различны
Стихии; но дорóг на свете много:

Друг другу мы мешать не захотим.
Прощайте, милый Фет; я обнимаю
Вас крепко. Здешняя хозяйка Вам
Велела поклониться. Будьте здоровы,
Душой и телом, Музу посещайте
И не забудьте нас.

Иван Тургенев.

16 июля 1859

78. (Е. Я. КОЛБАСИНУ)

1

Милый Колбасин!
Вы меня ждали
(Я полагаю) —
Но, к сожаленью,
Я Вас надул!

2

Злая холера
Гнусную трусость
Мне по привычке
В сердце вдохнула —
Я убежал!

3

День лишь единый
Был я в Париже;
Дочь подхвативши,
Прямо дал тягу
Я в Куртавнель.

4

Здесь я пробуду
Две-три недели;
Перед отъездом

В российские страны
Буду у Вас.

5

Вы мне скажите:
Что Вы? Здоровы ль?
Чище ли снега
На Эльборусе
Ныне Ваш зуб?

6

Видели праздник?
С русским акцентом,
Голосом хриплым
Вы не кричали:
«Фиф ламперер!»?

7

Нет! я уверен:
В знойном Анъере
С гордым величьем
Вы просидели
Эти два дня.

8

Кланяюсь низко
Жителям дома
Номер четвертый;
Вам же я руку
Дружески жму.

3 августа 1859

79. (А. А. ФЕТУ)

Покинув град Петров, я в Баден поспешил
И с удовольствием там десять дней прожил.
На брата посмотреть заехал я во Дрезден.

(Как у Веригиной на нас с приветом лез Ден,
Вы не забыли, чай? — Но в сторону его!)
Я в Бадене, мой друг, не делал ничего,
И то же самое я делаю в Париже
И чувствую, что так к природе люди ближе
И что не нужен нам ни Кант, ни Геродот,
Чтоб знать, что устрицу кладут не в нос, а в рот.
Недельки через две лечу я снова в Баден;
Там травка зеленой, и воздух там прохладен,
И шепчут гор верхи: «Где Фет? Где тот поэт,
Чей стих свежей икры и сладостней конфет?
Достойно нас воспеть один он в состояньи. . .
Но пребывает он в далеком расстояньи!»

31 марта 1864

**80. ИЗ «СОБОРНОГО ПОСЛАНИЯ
ДВУМ ОБИТАТЕЛЯМ СТЕПАНОВКИ ОТ СМЕРЕННОГО ИОАННА»**

Любезнейший Фет!
На Ваше рифмованное
И милейшее письмо
Отвечать стихами
Я не берусь;
Разве тем размером,
Который с легкой руки
Гёте и Гейне
Привился у нас и сугубо
Процвел под перстами
Поэта, носящего имя
Фет!
Размер этот легок —
Но и коварен:
Как раз по горло
Провалишься в прозу,
В самую скудную прозу —
И сиди в ней,
Как грузные сани
В весенней зажоре! —
Ну-с, как-то Вас боги
Хранят

На лоне обширной
Тарелки
Посредине которой
Грыбом крутобоким
Степановки милой
Засела усадьба?
Надеюсь — отлично;
Теперь же явился
К Вам оный премудрый
Странник и зритель,
Зовомый Васильем
Петровичем Боткиным.
Он в Ваши пределы
Стремился, как рьяный
Конь,
И все наши просьбы,
Наши жаркие убежденья
Презрел; так ужасно
Ему захотелось
Поесть ваших пулярдок
С рисом и трюфелями,
Которые запиваются
Шампанским,
Здесь, увы! неизвестным.
Признаться, не прочь бы
И я побывать там:
Но очень это уж далеко.
И я здесь остался
В цветущем эдеме
Баден-Бадена,
В котором, однако,
Вот уже более месяца
Царствует противнейший
Холод и ветер,
Льют дожди
С утра до вечера
И вообще всякая гадость
И пакость
Совершается на́ небе.
Что-то у Вас?
Но несмотря на
Всё это —

Я процветаю
Здоровьем;
Только ноги пухнут,
Пузырь болит,
Ноет правый вертлюг
От ревматизма,
Затылок трещит
От геморроя,
И глаза плохо видят;
Я ж, не унывая,
Пью какую-то мерзкую воду,
От которой воняет
Поповским
Местечком — так;
Хуже этой вони
Нет ничего в мире —
Но доктор божится,
Что это-то и нужно.
Засим прощайте,
Землянику ешьте,
Тетеревов лупите
И меня поминайте.

6 июня 1864

81. (А. А. ФЕТУ)

Где-то, что-то веет, млеет...
Нос сопит... язык немеет...
Стих свербит вокруг пупка...
Музе хочется какá!

26 июля 1867

82. (П. И. БОРИСОВУ)

Милый Петя!
Непростительно,
Скажу больше — отвратительно,
Что так долго я молчал,

Хоть писать и обещал.
Да что делать! Лень. . . охота. . .
И на ум нейдет работа.
Но теперь конец стрельбе!
Обращаюсь я к тебе.

Ну, приятель мой орловский,
Ныне гимназист московский,
Расскажи-ка мне путем,
Или прозой, иль стихом,
Как твое проходит время?
По плечу ль науки бремя?
Не скучаешь ли? Небось
Онемечился, хоть брось!
Но беды большой в том нету;
Много я бродил по свету,
Много слушал тех, других,
И своих-то, и чужих. . .
А скажу: перед Минервой
Немец всё же номер первый,
И учить нас, русаков,
Он особенно здоров.
С величайшим прилежаньем,
И терпеньем, и стараньем
Ты внимай его словам;
После, как окрепнешь сам,
Ты свои расправишь крылья
И помчишься без усилия
Всё вперед, вперед, вперед. . .
Все тогда разинут рот —
И воскликнут: «Эта птичка
С ноготком, хоть невеличка!»

25 января 1868

83. (А. А. ФЕТУ)

В ответ на возглас соловьиный
(Он устарел, но голосист!)
Шлет шур седой с полей чужбины
Хоть сильный, но приветный свист.

Эх! плохи стали птицы обе!
И уж не поюнетъ им вновь!
Но движется у каждой в зобе
Всё то же сердце, та же кровь. . .
И знай: едва весна вернется
И заиграет жизнь в лесах —
Щур отряхнется, встрепенется
И в гости к соловью — мах-мах!

18 февраля 1869

84. (А. А. ФЕТУ)

Фет, ну что Ваш Шопенгауэр?
Приезжайте посмотреть,
Как умеет русский Вауег¹
Кушать, пить, плясать и петь!
В будущее воскресенье,
В Спасском, всем на удивленье,
Будет задан дивный пир —
Потешайся, мценский мир!

8 июня 1870

85. (А. А. ФЕТУ)

Решено! Ура! виват!
Я — Шешковский, Фет — Марат!
Я — презренный волтерьянец. . .
Фет — возвышенный спартанец!
Я — буржуй и доктринер. . .
Фет — ре-во-лю-ци-о-нер!
В нем вся ярость нигилиста. . .
И вся прелесть — юмориста!

26 февраля 1872

¹ Крестьянин (нем.). — *Ред.*

86. (В. Г. АВСЕЕНКО)

По морде б я его ударил —
Но тратить с ним не буду слова...
Перекатковил он Каткова —
Булгарина перебулгарил!!

Март 1874

87. (П. В. ШУМАХЕРУ)

Друже милый, Петр Васильевич,
Получил я твою песенку,
И по нраву мне прилась она...
Только есть слова в ней странные,
Даже очень непонятные.
Хоть слова те всё старинные,
Подоплечные, народные;
Но повыдохлись, повымерли
И знакомы только книжникам.
Мреть, душмяный, голко, зáревить,
Оболочило, да пáветья,
Да обникнуло, да зáблестки...
Ты попробуй, попытайся-ко
Те слова прочесть крестьянину,
Настоящему сермяжнику...
Примет он тебя за немчина,
А слова те за французские.

Вот те и сказ.

Конец октября 1880

88

Жил был некакий мальчишка,
Всяк его Всезнайкой звал;
Хоть и плох был в нем умишко,
Геньем он себя считал.
Кто, бывало, что ни скажет,
Всё он лучше всех поймет,

Всё укажет, всё расскажет
И наверное соврет!

То с апломбом необычным
И высоко вздернув нос,
На экзамене годичном
Отвечая на вопрос,
Крикнет, важен, словно Мальцев,
Ветрен, словно какаду,
Что у нас двенадцать пальцев,
Десять месяцев в году.

То, совсем ужа не видя,
Возопит: какой карась!
То, верхом на кляче сидя
И в черкеса превратясь,
Машет шашкою Всезнайка —
Я фельдмаршал: Смерть врагу...
А учиться — ну давай-ка!..
Запищит: я не могу!

Раз наставник преискусный,
Самодурчику назло,
Молвил, вид принявши грустный,
Что там на небе кругло?
Ты всё знаешь, отвечай-ка,
Суть вещей тебе ясна.
Это сыр! сказал Всезнайка.
Оказалось, что луна.

Сколько раз Всезнайка падал,
Не сочтешь, вот те Христос.
Вот ему профессор задал
Исторический вопрос:
Кто сражался под Полтавой,
Ну, любезный, отвечай!
Цезарь бился там со славой...
А побит был кто? Мамай.

Эй, голубушка хозяйка,
Погляди-ка, вот блоха!
Это слон, вскричал Всезнайка
И хохочет. . . ха-ха-ха!
Блох все люди уважают —
От слонов не жди добра!
По ночам слоны кусают,
Прыгать также мастера.

Путешествуя в компании
Пешкурою налегке
(То случилось дело в Дании),
Он приблизился к реке. —
Здесь глубоко — замечай-ка,
Проводник ему шепнул.
Знаю, брат! сказал Всезнайка —
В реку бух! и утонул.

Ах, сусаля безбородый,
Курам на смех офицер,
Знай, всезнайки суть уроды,
Не бери ты с них пример.
В том тебя я уверяю:
Лучше, лучше во сто крат
Объявить: я, мол, не знаю,
Чем соврать, как чертов брат.

Лето 1881

Отсутствующими глазами
Увижу я незримый свет,
Отсутствующими ушами
Услышу хор немых планет.
Отсутствующими руками
Без красок напишу портрет.

Отсутствующими зубами
Съем невещественный паштет,
И буду рассуждать о том
Несуществующим умом.

Лето 1881

ПОЭМЫ И ПЬЕСЫ

90. СТЕНО

Драматическая поэма

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей etc.

Языков

But we, who name ourselves its sovereigns, we
Half dust, half deity, alive unfit
To sink or soar, with our mix'd essence make
A conflict of its elements and breathe
The breath of degradation and of prides... etc.

Manfred. Byron

...fly; while thou'rt bless'd and free...

*Shakespeare. Timon of Athens*¹

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

С т ё н о.
Д ж а к о п п о, рыбак.
Д ж у л и я, сестра Джакоппо.
А н т о н и о, монах.
Р и е н з и, доктор.
М а т т е о, слуга Стено.

Действие в Риме.

¹ Но мы, называющие себя его властителями, мы,
Наполовину прах, наполовину божество, неспособные при жизни
Погружаться или парить, вызываем своею смешанной
сущностью

Столкновения его элементов и выдыхаем
Дыхание вырождения и гордыни... и т. д.

Манфред. Байрон

...беги; пока ты счастлив и свободен...

Шекспир. Тимон Афинский

Сцена I

Ночь. Колизей.

С т е н о

(один)

Божественная ночь!.. Луна взошла;
Печально смотрит на седые стены,
Покрыв их серебристой дымкой света.
Как всё молчит! О, верю я, что ночью
Природа молится творцу... Какая ночь!
Там вдалеке сребрится Тибр; над ним
Таинственно склонились кипарисы,
Колебля серебристыми листьями...
И Рим лежит, как саваном покрыт;
10 Там всё мертво и пусто, как в могиле;
А здесь угрюмо дремлет Колизей,
Чернеясь на лазури темной неба!

.....
Прошли века над Римом чередой
Безмолвной и кровавой; и стирала
Их хладная рука всё то, что он хотел
Оставить нам в залог своей могучей,
Великой силы... Но остался ты,
Мой Колизей!..

Священная стена!

20 Ты сложена рукою римлян; здесь
Стекались властелины мира,
И своды вековые Колизея
Тряслись под ними... между тем как в цирке,
Бледнея, молча умирал гладьятор
Или, стоная, — раб, под лапой льва.
И любо было римскому народу,
И в бешеном весельи он шумел...
Теперь — как тихо здесь! В пыли
Высокая работа человека!
30 [Ленивый лазарони равнодушно
Проходит мимо, песню напевая,
И смуглый кондотьери здесь лежит,
С ножом в руке и ночи выжидая.]

.....
..... Быть может,
Чрез двести лет придет твоя пора,
Мой древний Колизей, — и ты падешь
Под тяжкою рукой веков... как старый,
40 Столетний дуб под топором. Тогда
Сюда придут из чуждых, дальних стран
Потомки любопытные толпой
Взглянуть на дивные твои останки
И скажут: «Здесь был чудный храм. Его
Воздвигнул Рим, и многие века
Стоял он, время презирая. Здесь,
Да, здесь был Колизей»...

Мгновение молчания.

Передо мной, как в сумрачном видении,
Встает бессмертный Рим, со всем, что было
50 В нем грозного и дивного. Вот Рим!
Он развернул могучею рукою
Передо мною свою жизнь; двенадцать
Столетий был он богом мира. Много,
О, много крови на страницах жизни
Твоей, о Рим! но чудной, вечной славой
Они озарены, и Рим исчез! о, много
С ним чудного погребено!..

Мне больно;

Мне душно; сердце сжалось; голова
Горит... О, для чего нам жизнь дана?
60 Как сон пустой, как легкое виденье,
Рим перешел... и мы исчезнем так же,
Не оставляя ничего за нами,
Как слабый свет луны, когда, скользя
По глади вод, он быстро исчезает,
Когда найдет на нее туча... О!
Что значит жизнь? что значит смерть? Тебя
Я, небо, вопрошаю, но молчишь
Ты, ясное, в величии холодном!
Мне умереть! зачем же было жить?
70 А я мечтал о славе... о безумный!
Скажи, что нужды в том, что, может быть,
Найдешь ты место в памяти потомков,

Как в бездне звук! Меня, меня,
Кипящего надеждой и отвагой,
Вскормила ль мать на пищу червякам? ..
Да, эта мысль меня теснит и давит:
Мгновение — и грудь, в которой часто
Так много дивного и сильного бывает,
Вдруг замолчит — на вечность! Грустно!
Грустно! ..

80 Быть так... ничем... явиться и исчезнуть,
Как на воде волнистый круг... и люди —
Смешно — гордятся своим бедным,
Пустым умом, существованьем жалким
И требуют почтения от такой же
Ничтожной грязи, как они... Но, Стено,
Что за могилой? ..

Когда я был молод,
Я свято верил в бога; часто слушал
Слова святые в храме; верил я.
Меня судьба возненавидела, — и долго
90 Боролся я с моим врагом ужасным...
Но наконец я пал; тогда вокруг
[Меня всё стало иначе... мне тяжело,]
Мне грустно было веру потерять,
Но что-то мощно мне из сердца
Ее с любовью вырвало... и я
Моей судьбе неумолимой
Отдался в руки... с этих пор
Я часто думал возратить молитвой
Огонь и жизнь в мою холодную
100 Нагую душу... Нет, вотще! Во мне
Иссохло сердце и глаза! Уж поздно!

.....
Я сделал шаг, и вдруг за мною тяжело
Низринулась скала — и преградила
Мне шаг назад; и я пошел вперед,
Пусть сбудется, чему должно! Вперед!

Минута молчания.

Мне дурно; сердце ноет... всё темнеет...
Вокруг меня... О... Стено... это смерть!

(Падает без чувств.)

За сценой слышен голос Джулии, она поет:

Тихо солнце над водами
110 Закатилось. Под окном
Кто-то стукнул и тайком
Ярко-черными очами
Заглянул в мое окно...
Я ждала тебя давно!

Входят Джулия и Джакоппо.

Джулия
Кто здесь лежит, о боже!

Джакоппо
Где?

Джулия
Мадонна!
Как бледен он!

Джакоппо
Он умер.

Джулия
Нет, о нет!
Смотри, смотри... он дышит! На челе
Холодный пот... уста полураскрыты.
Джакоппо...

Джакоппо
Джулия?

Джулия
Наш дом так близок;
120 Мой друг... снесем его туда...

Джакоппо поднял Стено.

Но тише
Бери его. Ты видишь, он так слаб...
В очах нет жизни...

Джакоппо
Пойдем... он легок...

Д жу л и я

Как чудно бледен он; луна
Сияет прямо ему в очи... Боже,
Как холодно его чело...

Д ж а к о п ц о

Сестра...

Скорей, скорей, я зябну...

С т е н о

(сквозь сон)

Горе... горе...

Д жу л и я

Что он сказал...

Д ж а к о п ц о

Не знаю... но недвижно

Он всё лежит... Пойдем...

(Про себя)

Сказал он: горе!

Уходят.

Сцена II

Неделю спустя.

Море. С т е н о, Д жу л и я.

Д жу л и я

Ты грустен, Стено?

С т е н о

Я? Да, Джулья.

Д жу л и я

Грустен?

130 Молчишь... угрюм... и чем я...

С т е н о

Джулья, Джулья,

Я никогда не знал веселья.

Д жу л и я

Ты?

С т е н о

(подходя к берегу)

О, я люблю смотреть на это море,
Теперь оно так тихо и лазурно,
Но ветер найдет, и, бурное, восстанет,
Катя пенястые валы, и горе
Тому, кого возьмет оно в свои
Безбрежные, могучие объятия...
Изменчивее сердца девы
Оно.

Д жу л и я

О Стено, Стено!

С т е н о

Да.

140 Моя душа — вот это море, Джулья.
Когда, забыв мои страдания, я
Вздыхну свободно после долгой
Борьбы с самим собой — я тих и весел
И отвечаю на привет людей...
Но скоро снова черными крылами
Меня обхватит грозная судьба...
Я снова Стено. И во мне опять
Всё то, что было, разжигает душу,
И ненавистно мне лицо людей,
150 И сам себе я в тягость...

Д жу л и я

С т е н о,

Когда найдет на душу мрачный час
И душно тебе будет средь людей,
Приди ко мне... люблю тебя я, Стено,
И более, чем брата... ты мне всё.
В тебя я верю, как бы в бога,
Твои слова я свято берегу...
С тех пор, как я тебя нашла
Без чувств, холодного у Колизея,

Мне что-то ясно говорит: вот он,
160 Кого душа твоя искала...
И я поверила себе... О Стено,
Мне уповательно дышать с тобой!
Люби меня... и буду я тебя
Лелеять, как мать сына... и когда
Свое чело горячее на грудь
Ко мне ты склонишь, я сотру лобзаньем
Твои морщины... Стено...

Стено

Джулья, Джулья!

Мне больно тебя видеть!

Джулия, бледнея, падает на колена, устремляя глаза на Стено
и обняв его ноги.

Итак, и ты, несчастное создание,
170 В мою ужасную судьбу вовлечена.
Любви ты просишь? Джулья, это сердце...
В нем крови нет... Давно, давно
Оно иссохло, Джулья... В моей власти
Всё, всё, но не любить... Послушай...
Но, может быть, тебя разочаруют
Мои слова... ты еще веришь в счастье.
Мне, дева... жаль тебя...
Оставь меня... я, я любви не стою.
Мне ль, изможденному, принять тебя,
180 Кипящую любовью и желаньем,
В мои холодные объятия... Нет!
Прости мне, Джулья... будь мне другом...
Но не теряй своей прелестной жизни.
Любить меня...

Джулия

О Стено... я умру...

Стено

(поднимает ее и сажает к себе на колена)

Не умирай, Джульетта... О, подумай,
Мне ль перенести ту мысль, что я, несчастный,
Проклятый небом, твой убийца... Нет!
Я буду слишком тяжко проклят небом!..
Тебе так хорошо?

Джулия

О, я готова

190 Здесь умереть. Но расскажи мне, Стено,
Молю тебя как друга, твою жизнь!
Ты еще молод, а морщины резко
Змеятся на челе твоём... И... можно ль
Мне как сестре его поцеловать?

(Целует его.)

Стено

Джулья! Джулья!

Много ночей не спал я; много горя

Я перенес в свою короткую,

Но тягостную жизнь... Послушай...

Я долго жил, как живут дети

200 Без горя и сознанья в горе мира.

Я был невинен, как ты, Джулия,

И добр. И я любил людей,

Любил как братьев. Я узнал их после...

Не знал я мать... но я любил Природу,

Не знал отца... но бога я любил.

И знал я одну деву... для меня

Она была всем... миром... и она

Меня любила... О, я ее помню!

Ты на нее похожа; но глаза

210 Твои чернее ночи; у моей

Небесной были очи голубые,

Как это небо... Я ее любил,

Любил, как любят в первый раз, любил,

Как бога и свободу...

(Закрывает лицо руками.)

О!

Джулия

Ну, что же?

Стено

Ни слова более; мне больно, Джулья,
Растравливать былые раны.

Джулия

Слушай,
Ты меня знаешь; я перед тобой
Открыла свою душу, и холодно
Ты мне внимал; мое моление
220 Отверг ты, Стено... Я не в силах видеть
Тебя и не любить... Итак, прости.
Ты отравил жизнь девы. .-. Но прощаю
Тебя я, Стено... Ты молчишь. Прости!
А ты любил!

Уходит Джулия.
Минута молчания.

Стено

(всё сидя на камне)

Когда я был еще ребенком... помню
Я этот день... однажды к нам взошла
Старуха... и потухшие глаза
Она на мне остановила... Тихо
Взглянула в очи мне и молвила печально:
230 «Он много горя испытает; много
Заставит горя испытать другим».
И тихо удалилась... предсказанье
Сбылось!..

Молчание.

Как это небо ясно! Чудным
Оно нагнулось сводом над землей;
Там тихо всё; а на земле всё бурно,
Как это море в непогоду... Чем-то
Родным сияет небо человеку
И в голубые, светлые объятья
Неслышным голосом зовет. Но нас
240 К себе земля землю приковала,
И грустно нам!
. Вот снова я, проклятый,
Еще одно прелестное созданье
Своим прикосновением убил.
О, если б мне, мне одному сносить
Тяжелое ярмо моего горя!

Его б носил я гордо, молчаливо,
Без ропота, покаместо оно
Меня бы раздавило. . . Я бы умер
250 Так, как я жил. . . Но видеть, что в свое
Проклятие других я завлекаю,
Но разделять свое ярмо — нет, лучше
Пускай оно меня убьет!

Долгое молчание.

Темнеет.

О, мне отрадней ночью! Тогда тёмно
Всё на́ небе и здесь, как в моем сердце.
Но тихо всё покоится, когда
На небо ляжет ночь. . . а мне она
Не принесла мгновения покоя!
Как здесь пустынно всё! Едва, едва
260 Доходит до меня шум Тибра,
Носимый ветром. Море спит, и ясно
В нем отражается луна. Вон там
Мелькнула барка, как пред бурей
Над морем чайка. . . Тихо, тихо
Колышется угрюмый лес. Роса,
Как небу фимиам земли, прозрачной
Туманной пеленой по глади моря,
По лесу стелется. . . Всё тихо. . . Я один
В сем океане тишины и мира
270 Стою, терзаемый самим собой. . .

.
[Вон вьется ворон. Может быть, летит
Он к своим детям; он их любит.
Но, Стено, что *ты* любишь? Ко всему
Я чувствую невольное презренье
Не потому, что лучше я людей. . .
Нет, нет! Я хуже их! Какой-то демон
Отнял у меня сердце и оставил
Мне жалкий ум!]

Минутное молчание.

Пора домой.

Сцена III

Дом Джакоппо.

Д ж у л и я

(одна)

280 Я долго не любила; долго, долго
Меня лелеяла судьба... о, неужели
Жить и страдать одно и то же... Вот
Однажды что-то новое во мне
Проснулось, и — что это было,
Я выразить не в силах; но я знаю,
Что с той поры мне что-то говорило,
Что я вступаю в жизнь иную. Я
С доверчивостью робкой в новый мир
Взошла. И вот он предо мной
290 Стоял во всем величии мужчины,
Как царь, как бог. О, до того мгновенья
Душа ждала любви, не понимая
Любовь!.. Но он был здесь, и глубоко запала
Она мне в грудь... Я жадно, с наслажденьем
Ей предалась, дышала ей, а он!..

Минута молчания.

Как чуден он! Под мраморным челом
Приветливо сияют его очи,
Как море голубые. Бледен он;
И я люблю, когда мужчина бледен.
300 Я слышала, что это признак гордой
И пламенной души... О Стено, Стено,
Мне долго жарко будет ложе
И беспокоен сон!
. Но мне ли,
Мне ль, слабой деве, обратить внимание
Царя людей... Когда я с ним, во мне
Сжимает сердце робкий ужас... Что-то
Мне говорит, что с мощным духом я,
И никогда мой взор не снес сиянья
310 Его очей!..

Входит Д ж а к о п п о.

Д ж а к о п п о

Я рад тебя найти,
Послушай, сядь поближе. . . Помнишь, Джулья,
Ты смерть отца?

Д ж у л и я

Джакоппо?

Д ж а к о п п о

Перед смертью
Он нас позвал и молвил: «Мне недолго
Осталось жить. И я довольно пожил!
Мне семьдесят три года. Пора к богу!»
И мне сказал он: «Слушай, тебе Джулью
Невинной девой я отдал. . . Смотри,
Отдай ее невинной в руки мужа!»
Я это помню.

Д ж у л и я

(встает, с негодованием)

Джакоппо!

Д ж а к о п п о

Но, сестра,
320 Я должен был тебе сказать всё то,
Что мне давно на сердце тяготило.
И я не мог молчать. Для этого я слишком
Тебя люблю. Но мне отец сказал:
Придет он из могилы, если
Не сохраню его завета — я!
Ему поклялся я — он умер.
И я сдержу, клянусь святою девой,
Этот обет. И мне ли, мне ль снести,
Чтобы. . . патриций от безделья
330 Тебя бы смял и бросил. . . Я молчу.

(Быстро)

Ты любишь Стено?

Джулия
(задумчиво)

Да...

(Быстро)

Нет, нет, Джакоппо!

Не верь мне — нет!

Джакоппо

Бедняжка! понимаю.

Тебе, должно быть, тяжело; но, Джулья,
Пойду к нему я; прямо, откровенно
Я всё ему скажу, и если ты доселе
Была *моею* Джульей...

Джулия

Не ходи;

О, не ходи! Мой добрый друг, Джакоппо,
Тебе ли сделать то, чего...

Джакоппо

Ну что ж...

Джулия

Я — сделать не могла!

Джакоппо

А, вы с ним объяснялись?

Джулия

³⁴⁰ Невинна я, невинна, мой Джакоппо!
Не говори так с бедною сестрой,
Я уж и так страдаю!

Джакоппо

(пылко)

О!

Меня ты знаешь, Джулья; я готов
За тебя дать всю мою кровь, и даже —
А это много, Джулья, — мою честь.

Но слушай. Да, ты его любишь,
Я это знаю. Сохрани, мадонна,
Когда глядит он на тебя с одним
Желанием мгновенным или, страшно
350 Подумать мне...

(шепотом)

с презрением...

Джулия

О, мой друг,

Меня не любит он.

Джакоппо

Тебя не любит он?

Джулия

Он мне сказал, что в его сердце
Страстей уж нет; что я ему жалка!..
И... говорил... что он любил когда-то
И с той поры он перестал любить.

Джакоппо

И... ты ему жалка? Мне это слово
Не нравится, сестра... Но если он
Тобою презирает — неужели
В тебе нет гордости довольно, Джулья,
360 Презреть им?

Джулия

Я его забуду.

Джакоппо

Джулья...

Ну, до свиданья!

(Про себя)

Я его спрошу,
Спрошу его, клянусь мадонной, что
Он понимал под словом «жалко», боже!
Не дай погибнуть Джульи!

Уходит Джакоппо.

Д ж у л и я

О мадонна!

Пойдет он к Стено... брата знаю я,
Он вспыльчив... и... мне сердце замирает...

(Бросается на колена.)

О боже мой... Тебя я умоляю,
Спаси... спаси... кого? О, я сама не знаю!

(Шепотом)

Спаси... его!

(Вскакивает.)

О! что сказала я!

370 И вот как *жить* я начала... О сердце!
Его холодной рукою раздавила
Моя судьба... а мне шестнадцать лет!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена I

Ночь. Внутренность готической церкви.

Стено

(один)

Когда мне тяжело быть одним с собою
И в сердце вкрадется тоска... я часто
Хожу сюда. Мне здесь отрадно. Нынче
Меня томил мой демон, и хотя
Привык я с ним бороться — но я должен
Был уступить... В моей груди так бурно —
А здесь как дышит всё покоем... Да!
380 Здесь что-то есть гораздо выше нас!

Минута молчания.

Передо мною прямо, слабым светом
Лампады озаренное, я вижу
Изображение святого Павла.

Он строго, зорко смотрит на меня
Как будто с укоризной...

(Улыбаясь)

Стено!.. Чудный,
Прекрасный старец! На его челе
Читаешь ясно его веру. Важно
Его бесстрастное чело... Художник
Исполнил дивно свою мысль!..

390 Как тёмно!

Едва змеится свет лампад по мрачным
И низким сводам церкви... и луна
Сияет в узкие окошки, ясно
Рисует их на каменном полу.
Да, это чудно... но на это я
Не променяю — нет — моего неба,
Моего неба с ясными звездами,
Моего моря с белыми валами.
О, это ближе мне!..

Входит Антонио.

Антонио

Благословен

400 Да будет бог!

Стено

(с досадой)

Опять! и это

Монах!

Антонио

(подходя к нему)

Мой сын...

Стено

Оставь меня, старик;

(взглянув на него)

Не говори со мною, друг... Твоей
Молитвы ждет твой бог.

А н т о н и о

Я это знаю;
Но я люблю уединенье...

С т е н о

А!
Ты меня гонишь вон... я вижу —
Да, ты *монах!*

А н т о н и о

Я?.. Ты сюда пришел
Не к богу.

С т е н о

О, ты думаешь, что святость
Твои глаза довольно изощрила,
Чтобы читать в моих?

А н т о н и о

Нет; я не свят,
410 Но я в твоих глазах читаю.

С т е н о

Слушай.
Ты стар. Я это вижу. Перед богом
Ты долго был во прахе... Но поверь...
Я больше жил, чем ты. В твоей груди
Давно погасли страсти, а в моей
Убито всё — и доброе и злое...
Теперь здесь пусто... да!

А н т о н и о

Я тебя понял.

С т е н о

Нет!

Ты думаешь, что я убил безумно
В начале жизни мою жизнь? О нет!
Во мне она погасла... Верь мне, старец...
420 Послушай... ты уверен сильно,
Что в сердце человека вместе с жизнью

И вместе с кровью вера есть. Но я,
Как неба, жажду веры. . . жажду долго,
А сердце пусто до сих пор. О, если
Ты мне ее, мой старец, возвратишь,
То я готов всю жизнь тебе отдать. . .
Всё! . . всё — но ты не можешь!

А н т о н и о

Ты мне жалок.

С т е н о

Тебе я жалок?! . Твое имя?

А н т о н и о

Имя

Мое — Антоньо.

С т е н о

Ты боишься ль смерти,

430 Антоньо?

А н т о н и о

Нет.

С т е н о

А я ее боюсь. Но, старец,
Не думай, что, как робкое дитя,
Боюсь я жизнь покинуть. Видит небо!
Она была мне в испытанье! Но
Что будет — о, скажи мне, — когда тело
Придет назад в объятия земли, —
Что будет там? и будет ли, скажи мне,
Антоньо, это там?

А н т о н и о

Скажи мне, Стено,
Что тебе сердце говорит?

С т е н о

Молчит.

А н т о н и о

Ты произнес свой приговор.

С т е н о

О старец!

440 Смотри... ни перед кем под небом и над ним
Не преклонял колена Стено. Видишь —
Я пред тобой... Старик, я умоляю
Тебя твоим спасеньем... О, подумай
О том, что ты ответишь мне... Но ты...

(Пристально взглянув ему в глаза)

Не в силах... нет!

(Встает быстро.)

А н т о н и о

Я слабый смертный, Стено,
И мне ли, грешному, произнести
Губительное слово приговора!..
Молись!

С т е н о

(быстро, с негодованием)

Я это знал! Молиться!
О, если б видел ты, монах, как долго
450 Во тьме ночей, в тоске прошу я бога
Мне силу дать молиться. Но напрасно
Слова святые я произношу...
Они в душе ответа не находят...
Ее им не согреть, Антонио!

А н т о н и о

(схватив его руку)

О, наконец я понял тебя, Стено!
Как трудно, тяжело тебе жить.
Ты мог бы быть великим, дивным
И... боже!

С т е н о

О Антоньо!.. Я готов
Отдать всю мою кровь по капле,
460 Но дайте мне мгновение покоя,
Но дай мне слезы! Больно мне, Антоньо,

Но я не знаю друга. В этом мире,
В этом огромном мире я один. И люди
Меня прозвали злым... Но это мне не нужно,
Я выше их и мненья их. В моей
Груди есть мир: теперь он мир страдания.
Он мог быть миром силы и любви!

Минутное молчание.

А н т о н и о

Зачем сюда пришел ты, Стено?

С т е н о

Я?

Мне эти своды веют миром.

А н т о н и о

Стено,

470 Останься здесь.

С т е н о

На жизнь?

А н т о н и о

Да.

С т е н о

Нет.

Я здесь бы умер: я люблю свободу.

А н т о н и о

Свободу? ты?

С т е н о

О, знаю я, Антоньо,
Что я свободен так же, как убийца,
Которому над плахой сняли цепь.
Я не живу; но я произрастаю,
Но я дышу...

А н т о н и о

И это жизнь, о Стено?

С т е н о

Нет. Но, Антонио, — мне жизнь эту
Покинуть страшно. Смерти жажду я,
И смерти я боюсь. . . И в этой, старец,
480 Подумай, в этой тягостной борьбе
Живу я. . . но мне трудно. Я слабею.
И эту мысль в могилу понесу я,
Что, когда это сердце разорвется,
Измученное горем и тоской,
Всё то, что хоронил я в своей груди,
Что мыслил я высокого, все думы
Моей души и всё, что на земле
Я выстрадал, — вся моя жизнь, Антонио,
Исчезнет безответно в молчаливых,
490 Безмолвных недрах вечности. Мой старец,
Как ты счастлив!

А н т о н и о

Послушай, Стено,
И я, как ты, знал горе. Вот, ты видишь,
Моя глава уж побелела — но,
Поверь мне, друг, — здесь страсти
бушевали,
Как и в твоей. Мне восемьдесят лет,
И человек давно убит во мне,
Но часто грусть меня берет невольно
И давит слезы из потухших глаз. О, бурно
Провел я молодость. Но наконец
500 Мне надоел разврат и надоела
Мне жизнь. Вот, Стено. Я однажды
Увидел деву. . . Стено, это было
Давно тому назад — но свежо помню
Я мою Лору. О! она была
Прелестней неба. Ожил я. Мне снова
Приветно улыбнулась жизнь.
Я полюбил. Но не хотел творец,
Чтоб я ее, нечистый, осквернил,
И взял к себе на небо. И я понял
510 Здесь божий перст. И с той поры к нему
Я бросился с любовью в объятия,
Как сын к отцу. И стал я снова жить.

Узнал я сон и сладость быть слугою
Того, кто создал необъятное одним
Всесильным словом. И с тех пор я здесь.
Мне здесь отрадно.

С т е н о

О Антонио!

Я жил не так, как ты. Я мирно
Провел те годы, где ты бурно жил.
Молчит у меня совесть. И ты видишь,
520 Как я страдаю. Я скажу тебе
Мое проклятье. О старик, старик!
Молись, да не постигнет и тебя
Оно, старик, это сомненье.

(Уходит.)

А н т о н и о

Стено...

Он уж ушел. Как много силы в нем!
Как много в нем страданья. В нем творец
Нам показал пример мучений
Людей с могучею душой, когда
Они, надежные на свои силы,
Одни пойдут навстречу мира
530 И захотят его обнять.

Сцена II

Комната Стено.

С т е н о

(один)

Мне легче. Всё, что в моей груди
Я горя и страдания носил,
Я вылил в грудь чужую. Этот старец —
Он меня понял. О, по крайней мере
Я буду знать, что есть под этим небом
Одно живое существо, кому
Я, может быть, могу себя доверить.

Взрывает молнья небо. Море ходит
Высокими, пенíстыми валами,
Как будто негодуя, что нельзя
На землю ему ринуться. О, чудно!
580 Как я люблю, когда Природа гневно,
Могучая, все силы соберет
И разразится бурей. Что-то есть
Родное мне в мученьях диких неба,
И молнией загорится вдохновенье
В святилище души, и мое сердце
Как будто вырваться готово из груди...
О, я люблю — люблю я разрушенье!

Входит М а т т е о.

М а т т е о

Синьор. — Молчит. Опять! Какой-то
странник
Вас хочет видеть.

С т е н о

590 А мне до них? Кто он?
Что людям до меня,

М а т т е о

Он умоляет
Вас тем, кто спас вас некогда.

С т е н о

А, это
Джакоппо! Ну... введи его.
Уходит Маттео, входит Д ж а к о п п о.
Джакоппо,
Тебя не ждал я.

Д ж а к о п п о

Право, синьор?

С т е н о

Право?
Что за вопрос, рыбак?

Д ж а к о п п о

Да, я рыбак.
И слава богу! Я не так, как вы,
Не знаю то, что хорошо и худо
Между людьми. И я свободен, синьор,
Мне весело на божий мир смотреть
И на людей. Мне жить привольно,
600 Но у меня сестра.

С т е н о

А! Джулья!

Д ж а к о п п о

Лучше —
Клянусь святым Геннуарьем¹ — лучше б было,
Когда б не знали ее имя вы!
Да, синьор. И с таким презреньем — гордо
Вы не смотрите на меня. Я чист
Пред богом и людьми и смело
Ваш встречу взор. Покоен я.

С т е н о.

Послушай...

Ну — продолжай.

Д ж а к о п п о

Вы, может быть, забыли,
Что я вас некогда принес в свой дом
Без жизни и холодного. Я бога
610 Благодарил за то, что он позволил
Мне сделать доброе. И, синьор, вы
Мне показались добрым. До тех пор
Не знали горя мы. Моя Джульетта
Была резва и весела. Однажды
Я на глазах ее застал слезу
И грусть на молодом челе. И я
Узнал, что она любит. Вы... вы, Стено,
Ей отвечали, что она жалка
Вам... синьор. Я поклялся богом,

¹ Святой, покровительствующий рыбакам.

620 Что я узнаю всё от вас. Я здесь
И жду ответа.

С т е н о

Слушай. Хладнокровно
Тебе внимал я. И мне жалко стало
Тебя. Я понимаю. Но клянусь,
Что Джулия невинна. Я не в силах
Ее любить. . . Джакоппо, не понять
Тебе меня — но я любви не знаю.
Прощай!

Д ж а к о п п о

Я верю вам. Но моя Джулья. . .
О, сколько бед вы причинили, Стено!
Ее это убьет. И предо мной
630 Она завянет. Боже! Боже — ты
Послал на нас годину испытанья,
Но я клянусь вам, если моя Джулья. . .
Если ее не станет — о, тогда
Не нужно будет мне знать, кто виновен.
Тогда — пусть судит бог меня!

(Уходит.)

С т е н о

Джакоппо. . .

. Он мне жалок. На него
Смотрел я, как на идеал того,
Чем человек был некогда. И я
Вложил ему огонь мученья в грудь
640 И стал меж ним и счастьем. Стено,
Да, тебе тяжело будет умирать
.

(Громко и повелительно)

Маттео!

Входит Маттео.

Маттео

Синьор. . .

С т е н о

(глухо и порывисто)

А!.. останься здесь!..
Останься здесь, Маттео... Страшно мне
Быть одному... и тайный ужас грудь
Теснит и жмет... Мне сердце говорит,
(Что) что-то грозное ко мне подходит...
Ко мне идет... мой демон...

М а т т е о

Синьор, синьор,

Мне жутко...

С т е н о

(всё диче и диче)

Свечка гаснет.

Близок он. На меня веет,
650 Маттео... чем-то неземным...

М а т т е о

Ave Maria!

С т е н о

О... замолчи! Неслышными шагами
Подходит он, и горе мне!.. Но, Стено,
Тебе ль, как робкой деве... О, мне стыдно —
Пусть моя кровь в груди оледенеет
И высохнут глаза при встрече с тем,
Кому нет имени... Но я... вот он!

М а т т е о

Мадонна... помоги!

(Падает в обморок.)

В вышине слышен звук, как будто лопнула струна. Во мраке постепенно образуется белая окровавленная фигура.

Г о л о с

(слабо)

Стено... Стено... Стено...

С т е н о
(оперся на стол)

Кто ты?

Молчание.

. О, именем того,
660 Кто власть имеет над тобою, — всем,
Что тебя выше, заклинаю я
Тебя — кто ты?

Молчание.

Моим познанием...
Моим мученьем заклинаю я
Тебя — кто ты?

Г о л о с

Твой демон.

С т е н о

Ты... мой демон,

И эта кровь...

Г о л о с

Твоя.

С т е н о

Моя!

Г о л о с

Я взял
Чистейшую кровь твоей груди.

С т е н о

(шепотом)

Страданье!

Г о л о с

(пение)

В тебе я видел дивный ум,
Кипящий силой, полный дум.

И я сказал: ему не быть великим.
670 Моим губительным дыханьем
Я его душу оскверню.
Он будет мой, иль я его. . . С тобой
Мне труден был упорный бой,
Но я исполнил предсказанье. . .
Я твой владыка!

С т е н о

Ты. . . владыка Стено!
И это ты мне говоришь! Проклятье!
Я ведаю — есть тайна, пред которой
Ты бледный раб!
Но в мире силы нет, перед которой
680 Я бы колена преклонил. И даже
Когда в моей груди раздавят сердце,
Которое страдает так, — я буду Стено.
Исчезни!

Всё исчезает.

О, мне дурно! Он исчез,
Но знаю я, что здесь он. Не хочу
Минуты я унизиться до скорби;
Но тяжело мне вечно быть под ним.
Мучение! и этак жить! нет, лучше,
О, лучше умереть! мне слишком тяжко!

(После минуты молчания)

Но, Стено. . . ты подумай. . . что избрать —
690 Ничтожество или страдание?

Сцена III

Утро. То же место, как в сцене II действия первого.

С т е н о

(один)

Мне всё он отравил. Да — всё. И это небо,
Так ясное и светлое, меня
Не радует. Всё, что еще могло
В моей груди убитой скорбь и горе

Утишить на мгновение, — теперь
Мне кажется покрытым чем-то мрачным.
Я чувствую, что надо мною он,
На меня веет холодом. Да — правда,
Судьба ожесточилась на меня
700 И не дает минуты мне покоя.
Пускай! Пока паду — стоять я буду;
Но если я паду — не встану я.

.....
Одна дорога мне осталась. Да!
Я не один преследуемый роком,
Но люди есть, которые тогда
Всё доброе в своей груди задавят
И станут ниже человека. Правда,
Тогда они несчастья не узнают,
710 Но оттого, что слишком станут низки
Они — чтоб быть предметом гнева
Судьбы. И мне ли, мне, который
Так долго с ней боролся, избежать
Ударов моего врага — упав,
Как подлый раб, к ее ногам. Мне стыдно,
Что я мгновенье это думать мог.

.....
Но нет! Когда я полные тоскою
На небо очи подымаю — мне
720 Всё еще веет чем-то дивным, светлым
От синего его шатра. Я знаю,
Мне говорит мой ум, что за могилой
Нет ничего, что всё, что я желал,
Что всё, что я мечтал, — обман и сон.
Но что-то есть во мне, какой-то
Неслышный голос — он мне говорит,
Что моя родина не здесь. Скажи,
Скажи мне, небо, — о, зачем так светло
Там высоко стоишь ты над землей.
730 В мою истерзанную грудь желанье
Врывается к тебе, к тебе лететь,
И я горю, и что же? Бренной цепью
К земле прикован я — и нету сил
Ее порвать могучею рукою...
Как я смешон с моим умом!

Входит Дж у л и я, не замечая Стено.

Джулия

Давно

Уж встало солнце, а Джакоппо нет.
Тоска лежит на сердце. Боже, боже,
Что со мной будет, если он, который
Меня так горячо любил... о, если
740 Его уж нет — мне не снести той мысли,
Что его убийца — боже — Стено!

Стено не замечает Джулии и стоит в раздумье.

Мне что-то говорит: бежи! Но сердце
Невольно говорит: постой... Меня
Не видит он... И... я теперь могу
Упитья его дивной красотой.
Я не могла... тогда... глядеть на Стено...
Всегда встречала его очи я. Он чуден!
Бездумье гордое в его очах лежит,
Но на челе его страданье... Да —
750 В нем страждет сердце...

Минута молчания.

Где ты, где ты,
Мой друг, мой брат?..

(Шепотом)

Как бледен он! Он что-то
Невнятно говорит.

Стено

(глухо)

Антоньо... да... я должен
Быть у него. Когда я с ним, мне легче,
И если он меня не остановит,
Не укротит моих мучений — я
Решен. В ничтожной этой грязи
Мне надоело ползать. И пускай
Между людьми, которые меня
Понять не могут и не в силах,
760 Про Стено скажут, что он — робкий мальчик,
Не мог снести тяжелое ярмо
Своего горя — своей жизни, что

Он от нее ушел в могилу, — мне,
Всё это так ничтожно! Не хочу
Я жить в их памяти; мне было б стыдно
Быть славным у людей. . .

Д жу л и я

Я ничего не слышу,
Едва уста он шевелит — поближе.

С т е н о

Вот он опять; над морем он стоит,
Покрытый кровью, прямо в очи
770 Мне смотрит он. Печальная насмешка
В его глазах, и в них бессмертье муки. . .
Куда я ни смотрю, он предо мной!
Но пусть мои глаза заплачут кровью,
Я не закрою их.

Д жу л и я

Как дико он
Глядит на море. На его челе
Лежит презрение и ужас. . .

С т е н о

Он

Исчез. Но если б он еще одно
Мгновенье бы остался — я бы умер:
Он своим взглядом тянет мне из сердца
780 Всю кровь. . .

Д жу л и я

О Стено!

С т е н о

(вздрагивая)

Кто здесь? Джулья? ты?
Зачем ты здесь?

Д жу л и я

Я думала, что вы
Давно забыли, синьор, мое имя.

Стено

Зачем ты здесь? и...

Джулия

(быстро)

О, скажите мне,
Где мой Джакоппо?

Стено

Я не знаю.

Джулия

Богом
Молю я вас, что сделали вы с ним?

Стено

Я его видел. Мы расстались мирно,
И он придет.

Джулия

Зачем же вы так грустны...
Я здесь давно.

Стено

Давно?

Джулия

О, не сердитесь,
Я вас не понимала никогда,
790 Вы слишком для меня высоки; что-то
Вы говорили тихо... Я молчала...
И против воли вырвалось из груди
Из непокорной — ваше имя...

Стено

Джулья...
Ты ничего не видишь там... над морем...

Джулия

Я, Стено? Ничего.

Стено

Нет? А... я вижу...

И что теперь передо мной — дай бог
Тебе, дитя, не видеть!

Джулия

(берет за руку Стено)

Стено...

Твоя рука холодней льда. Ты болен,
Пойдем ко мне.

Стено

(мрачно)

Прочь! Прочь! Мое дыханье
800 Губительно. Подходит он... подходит...
Я с ним могу бороться. Но ты, Джулья...
Иди, иди.

Джулия

Нет, я останусь здесь.

Стено

Кто тебе право дал?

Джулия

Моя любовь!

Стено

Твоя любовь?

Джулия

Да... да. Пред этим небом,
Перед тобой тебе я говорю —
Люблю тебя я, Стено... если ж ты
Меня с бесчувственным презреньем
Отринешь прочь...

Стено

(пронзительно глядя на нее)

Ну, что же?

Джулия
(падая на колени)

О мой Стено!

Люби меня!

Стено
Ха! ха!
(Уходит.)

Джулия остается на коленях и прячет руками лицо.

Джакоппо
(вбегая)

Мне верить ли глазам!

810 Моя сестра лежит пред ним в пыли,
И он... А, он ушел! И ты могла
Унизиться — ты, Джулья, — до моленья!
И это видел я! Нет, это слишком... слишком.
Теперь что остается мне? Мой нож,
Мой верный нож — приди, приди ко мне,
Не измени мне!

Джулия
(с криком вскакивает)

О Джакоппо!

Джакоппо
Да!

Пойдем! А — Стено, до свиданья.

Оба уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена I

Келья Антонио. На столе череп и библия. В угле распятие.

Антонио
(один)

Уж скоро полночь. Лампа догорает,
Но сон меня не клонит. Я привык,

820 Когда всё тихо и темно, — сидеть
Один и думать думу. В эти
Полночные часы ко мне слетают
Явления странные и чудные, и я
Ясней читаю в книге жизни. Да —
Мои глаза, потухшие давно,
Привыкли разбирать во тьме видений
Слова великих тайн. Но тот,
Которого я встретил в церкви, — да,
Он выше стал меня и глубже
830 Проник в грудь мира. Но — безумец!
Он жизнь купил страданья. Нет,
Такого знания не хочу я. Люди
Мне еще братья до сих пор.

Слышен стук в дверь и голос говорит:

Антоньо!

Молчание.

Антоньо!

Антонио

Кто там?

Голос

Стено.

Антонио молча отворяет дверь, входит Стено.

Стено

Я пришел

К тебе, старик, за делом тайным. . .

Твой тесен дом, Антоньо.

Антонио

Гроб теснее.

Стено

Но там нет человека. . . В этой келье
Он есть, и он тут весь. . . А! этот череп!
Зачем он у тебя, монах?

Антонио

Мне он

846 О мне самом напоминает.

С т е н о

Да —

Под этой желтой костью, может быть,
Таилось много дум и много силы.
И, может быть, здесь страсти бушевали —
И это мертвое чело огнем
Любви горело... а теперь!..

Кто знает?

И череп мой к монаху попадет,
И он его положит подле библии
У ног креста. Его возьмет другой
И то же скажет, что я говорил
850 Теперь... .

А н т о н и о

Мой сын... .

С т е н о

Да, я забыл, Антоньо,
Садись и слушай. Но, старик, когда
Во время моего рассказа здесь
Свидетель будет третий — и твои
Подымутся на голове власы,
И тайный ужас в грудь тебе заляжет, —
Не прерывай меня, будь тверд, Антоньо.

Минута молчания.

А н т о н и о

Я слышал — говори.

С т е н о

И так да будет!
С тобой идем мы в страшный тайный бой,
Ты с верой, друг, я с(о) своим познанием
860 И с муками моими. Слушай, старец, —
Перед тобой я душу раскрывал
Тогда, как, помнишь, — в церкви я увидел
Тебя впервые. Но я приподнял
Тебе один конец завесы; я
К тебе пришел, самим собой гонимый,
И всю ее открыть перед тобой

Хочу теперь. Моя душа холóдна,
И в сердце жизни нет. Но я хочу
Дышать свободней и в чужую грудь
870 Излить всё мое горе и страданья.
В удел я получил при колыбели
Высокий ум. И вот, когда, впервые
Смотря на небо, я себя спросил —
Кто создал этот дивный свод лазурный,
Во мне проснулся он. Тогда еще
Во мне душа была яснее неба,
И я пошел за богом с теплой верой,
С горячей, пылкой верой. И тогда
Узнал я деву — на призыв любви
880 Ее душа отозвалась моей. Она
Мне по душе давно была родная,
И после бога я ее любил.
Однажды я ее искал — и долго
Не находил я моей девы. Мне
Вдруг стало безыменно грустно. С той
Поры ее я не видал. И что-то
В меня чужое вкралось. . . Жутко стало
Мне слушать в церкви гимны богу;
Наперекор судьбы хотел я стать
890 И вверился уму. Вокруг меня
Всё изменялось быстро — я людей
Познал, и глубоко. Всё, что прекрасно,
Что дивно мне казалось на земле,
Мне опротивело. И стал я мрачен,
Я чувствовал, как застывала кровь
В моей груди — во времена былые
Столь пламенной и чистой, — как чело
Мое браздилось от глубоких дум.
Я счастье стал терять, и больно-больно
900 Мечтать мне было о былом. Но я
Тогда увидел, что напрасно
Мечтать мне было о невозвратимом.
О, лучше быть раздавленным, Антоньо,
Чем побежденным, — и не стал я верить.
И с той поры я умер для того,
Что любят люди. Я уж не страдал,
Во мне убито было чувство горя.
Мой дух окаменел. И думал я:

«Судьба меня оставит. Я довольно
910 Терпел». И вот однажды я в груди
Застал давно погасшее волненье
И тайный ужас. Надо мною что-то —
Я это чувствовал — ужасно тяготило...
И это был мой демон. Ты не веришь,
Антонио, но знай же, что он здесь, —
Мне сердце говорит. И этот демон
Всё то, о чем во тьме ночей я думал,
О чем так долго-долго я мечтал,
Мне осветил как будто мимоходом
920 И предо мной расторгнул на мгновенье
Покров, лежащий на святом челе
Природы. Что же? Я увидел — бездну
Меж мной и знаньем. Ожил я — мой взор,
Мой жадный взор хотел проникнуть тайны
Души и мира... но они так быстро...
Мелькнули предо мной — и я не мог
Постигнуть их. Но я познал ничтожность
Того, что прежде думал я. О! О!
Здесь

(положил руку на чело)

хаос — а в душе страдание!
930 Как будто бы смеяся надо мною,
Завесу мне на миг он приподнял,
И снова она пала между мною
И целым миром. О, это мученье
Ужасней ада. Как? Перед тобой
Лежит мета твоей несчастной жизни,
Ты к ней... ты ее видишь — и нельзя!
Так близко быть и так далёко! Нет!
Пусть терпит раб — не Стено. Если
Меня не нужно смерти — я насильно
940 Отдамся ей!

А н т о н и о

О Стено! Никогда
Смерть не приходит слишком поздно.

С т е н о

Нет!

Я не хочу — не должен жить. И что
Меня так тянет к жизни? Я не нужен
Ни одному творенью на земле. И мне
Не нужно ничего. Мне в тягость жизнь. И я
Хочу, желаю смерти.

А н т о н и о

Я молчу.

Когда ты сам упал, то неужели
Ты думать мог, что я, я, слабый старец,
Тебя рукою дряхлой подыму. Иди
950 Один по трудному — тернистому пути
Бесцветной и холодной твоей жизни,
И если ты дойдешь. . .

С т е н о

(вскакивая)

Молчи — молчи!

Твоя рука дрожит. Не правда ли, мой старец,
Ты видишь, там стоит — он! он! всё он —

с рукой

Поднятою, с безжизненно-холодной
Улыбкой на сухих устах! Меня
Зовет он — я иду.

А н т о н и о

О Стено, Стено!

С твоим умом как низко ты упал!

С т е н о

Да, я упал. И эта мысль меня
960 Убьет. Тем лучше. Что я медлю!
Прощай! И если есть за гробом
Другое время — другой мир — тогда
Мы с тобой свидимся, Антоньо!

Уходит Стено.

А н т о н и о

Нет.

С тобой не будет мне свиданья,
И если ты насильственно взойдешь
Туда, где судия нас ожидает,

Не искупят тебя твои страдания,
И с горестью обнимешь ты тогда
Тобой давно желанное познание.

Сцена II

Комната Джакоппо.

В глубине кровать, покрытая занавеской. На авансцене стоят Джакоппо и Риензи.

Джакоппо

970 Надежды нет?

Риензи

Надежды?.. мало.

Джакоппо

Риензи,

Вы говорите брату.

Риензи

Да, я знаю,

Вам грустно, больно; но я должен, должен,
Мой бедный друг, вас разочаровать.

Джакоппо

(схватив себя за голову)

О, этот Стено!..

И давно ли, боже,

Моя Джульетта в очи мне глядела
С улыбкой на устах! Она кипела жизнью,
И жизнью девы... А теперь — о Риензи,
У вас была сестра?

Риензи

Нет.

Джакоппо

О мой друг,

Если б вы знали, что у меня тут

(показывая на голову)

980 И в сердце. Боже! Боже!

Р и е н з и

О, молчите!

Вы слышите ль ее дыханье?

Д ж а к о п п о

(остается недвижим; шепотом)

Я?

Нет!

(С пронзительным криком бросается к кровати
и раздергивает занавес.)

Джулья! Джулья!

Д ж у л и я

(слабо)

Стено...

(Умирает.)

Д ж а к о п п о

Рьензи, Рьензи,

Скажите мне... скорей...

Р и е н з и

Закройте ей глаза.

Д ж а к о п п о

О!

(Падает без чувств на труп Джулии.)

Долгое молчание.

Еще одно, еще одно дыханье,

Молю тебя, сестра, еще одно.

Подумай — ты мне, своему Джакоппо,

Ни слова не сказала. Джулья... встань,

Скажи мне слово перед смертью, Джулья,

⁹⁹⁰ Которое я б мог хранить как клад...

Меня всегда ты горячо любила

И на привет приветом отвечала.

Теперь молчишь ты — да! молчишь!

И твои руки так холóдны. Джулья?

Зачем глаза полужакрывает ты?
Ты знаешь, я люблю смотреться в них,
Они так чисты, так лазурны —
Как небо. . . Джулья, Джулья, отвечай. . .
О, она холодеет!

(Быстро вскакивает и схватывает Риензи.)

Стой! Ты от меня,
1009 Убийца, не уйдешь! А что ты сделал
С моей сестрой.

(Тащит его к кровати)

Смотри — она мертва,
Но на щеках румянец не погас,
Ее глаза еще сияют негой,
И ты ее убил. О! деву. . . деву
Тебе не жалко было умертвить!
О, я тебя убью у ее ног.

(Вынимает кинжал.)

Риензи

(вырываясь)

Джакоппо! я Риензи!

Джакоппо

Ха! ха! ха!

Как будто я не знаю Стено!

Но не уйдешь ты от меня.

1010 Вот тебе жертва, Джулия! . .

(Бросается на Риензи.)

Риензи

(становится на колени)

О, пощади!

У меня есть отец, жена и дети!
Я их люблю, Джакоппо, моей кровью,
Невинной кровью, нож не обагряй,
Она падет на твою душу!

Д ж а к о п п о

О!

У тебя есть жена и дети, Стено,
Теперь могу я мстить сестру! Меня,
Ничтожный, ты ее лишил! Ни слова —
Тебе пощады нет!

Р и е н з и

(вскакивая)

О, если так,

И если все моления напрасны...

1020 На помощь мне, отчаянье!

(Схватывает руку Джакоппо и смотрит ему в глаза.)

Я Рьензи!

Смотри!

Д ж а к о п п о

(с иронической улыбкой)

А, право!

(Хладнокровно)

Ты умрешь!

(Отталкивает его — и с бешенством)

Прочь!

Р и е н з и

(трясет дверь)

Дверь заперта! и нет спасенья!
Мадонна! помоги мне!

Д ж а к о п п о

Ты зовешь

Мадонну! высоко до неба!

(Убивает Риензи.)

Р и е н з и

(падая)

Мои дети!

(Умирает.)

Молчание.

Д ж а к о п п о

(опомниваясь)

На ноже кровь.

Чья это кровь? Не знаю.

Что было здесь? Кто это там лежит

С кровавой раной в левой груди?

И кровь течет на белый пол,

Журча невнятно... Джулия!.. Молчанье.

(Оглядывается назад.)

1030 О, вот она!

(Бежит и обнимает ее.)

Теперь я понимаю...

О боже... я убийца... Рьензи... Рьензи,

Мой добрый друг, о встань! Нет, нет.

Удар был слишком верен. Сердце... сердце...

Зачем это всё мне!

Молчание.

Чу! они идут...

Ко мне! Куда мне скрыться... нет спасенья...

Находят труп кровавый... меня ищут...

Я здесь... я здесь... убийца здесь!

Меня убейте, как убил я Рьензи!

Молчание.

На площади я вижу эшафот.

1040 На нем лежит... блестит секира,

В тележке с палачом сидит

Убийца. И народ стоит

Вокруг него бесшумными толпами...

Пора! пора! палач зовет,

В последний раз взгляни на небо!

И вот идет он. На его челе
Лег ужас мрачной тучей... Вот кладет
Он голову на плаху... Стой! палач!
Этот убийца я!

Я вижу —

1050 Передо мной стоит отец. Он страшн,
И дыбом на его главе стоят
Его седые волосы. На Джулью
Он кажет мне, и дик и грозен
Огонь его очей. О, пощади!
Отец; я не умел ее сберечь,
Как ты велел мне, умирая...
Ее отмсти(ть) сумею я!

(Сильно)

И если

Моя рука убила друга... я
Еще не отомстил сестру. Клянуся небом,
1060 И если б капля крови его там
Давила душу каменной горою —
Мне кровь его нужна. Да, Стено
От мести брата не уйдет. Клянусь
Невинной этой кровию, клянусь
Я смертью Джулии моей,
Я не сомкну своих очей,
Пока с его потухшими очами
Не встретятся они. Тогда
Пойду я к судие. Ему
1070 Скажу я: синьор, я убийца,
Меня судить не нужно. Палачу
Отдайте рыбака Джакоппо,
И с радостью на плаху я склоню
Мою усталую главу.
Я смело стану перед богом.
Он видит всё. И если мне и там
Удел другой не будет дан,
Роптать не буду я на небо,
Я искуплю своею вечной мукой
1080 Мою сестру. И я решен. Нет, нет!
Мне не забыть кровавый свой обет...
Пора, пора, мне шепчет голос тайный,
Мой нож — ты здесь — пойдем.

Уходит Джакоппо.

Сцена III и последняя

Комната Стено.

Стено

(один, у окна)

Проходит ночь. Луна бледнеет. Темя
Высоких гор, покрытое снегами,
Алеет понемногу. Рим встает
С его семью холмами. Тихо, тихо
День гонит ночь. И звезды убегают
С своей царицею-луной. Как чудно
1090 Всё на небе и на земле. По Тибру
Скользят неслышно лодки рыбаков.
Вокруг ладьи рябятся волны. В них
Мешается и слабый свет денницы
И умирающий свет звезд. Вот солнце.
Как царь, как бог, вошло оно на небо,
И от него волнами света
На землю льется жизнь.

.....

Прошло вчера. Настало нынче. Завтра
1100 Не будет нынешнего дня. Идет
Мгновенье за мгновеньем и проходит
Неслышно и незримо. Вечный круг
Есть твой символ, Природа. Грустно! грустно!
Но если ты, прекрасная, всегда
Одна и та же, о, всегда ты дивна!
Как велика ты для людей...
Они тебя не понимают — люди!
Какое жалкое творенье человек!..

.....

1110 Он входит в мир. Он дышит. Вместе с жизнью
Его встречает боль. Вот он растет,
Не зная сам, зачем он в мире. Но...
Он любит всё, что видит он; ему —
Жить и любить одно и то же. Вот
В нем разум понемногу разгоняет
Его мечты любви. В нем мысль впервые
Зажглась, как молния в туче. Он живет.
Он начал жить и уж узнал страданье,

Но в нем еще всё молодо и свежо,
1120 Он верит в свою силу и вперед
Идет бесстрашно — полный веры. Он
Еще не познал *сердцем* горя,
Он для судьбы еще так мал. Он видит
На небосклоне тучи — и, надежный,
Он их зовет. Ему сразиться любо,
Он весь — огонь и сила. Наконец —
Идет судьба. Могучая, в объятья
Берет его и мочною рукой
Она пред ним открыла жизнь нагую...
1130 И вот он узнает, что всё, что думал он
О добром, о высоком на земле —
Мечта. О, знаю я, как горько
Терять так быстро всё, чему мы верим,
К чему прилипли мы душой. И вот
Она его сломала и потом
С усмешкой бросит на путь жизни —
Живи!
И если в нем нет силы и презренья
К земле, куда прикован он,
1140 Пойдет вперед он измозженный
И будет жить, пока угаснет он.
Но если в нем душа горда и смела,
Он разорвет свои оковы... Мне ль
Дышать, согбенному рукою
Судьбы? Нет! нет! Пора, пора!
.
И для чего я жил? О, для того ли,
Чтобы познать, как эта жизнь низка,
Чтобы встречать бездушных тварей в людях,
1150 Не в состоянии понять, что я
Им говорил из глубины души...
Им слишком были тёмны мои речи...
Они не в силах думать... Ни одной
Не встретил я высокой думы
Между миллионами людей. И вот
Кому дана в владение Природа!
(Он впадает в задумчивость.)

Передо мною вижу я порог —
Он жизнь и вечность разделяет,

Я у него стою. Напрасно очи
1160 Туда за ним я устремляю. Всё,
Что там нас ждет, — подернуто туманом.
О, если б мог я тайну разгадать,
Я б отдал за нее всё мое знанье.

.....
Но если я на миг остановлюсь
И оглянусь... я вижу мою жизнь...
Я вижу всё — как жил я, что я думал,
И глубоко я грустен этим взглядом.
Как мало было в этой жизни
1170 Отрадного... О, для кого же жизнь?
И неужели этим людям? Им?
Им, столь ничтожным? Им, столь низким?
А между тем тому, кто над толпой
Поднимется, ее глубоко презирая,
И к небу смело полетит,
Исполненный отвагою и силой, —
Тому один обман! Тому жизнь в наготе!
Как будто бы мы пасынки судьбы,
А эти люди ее дети!

Стено подходит к столу и берет с него заряженный пистолет.

1180 Приди ко мне. Я не беру тебя,
Как многие — с отчаяньем и горем, —
Нет — я тебя беру как друга.
Ты разрешишь мне тайную задачу —
Ты мне откроешь всё. О, легче мне
Быть под тяжелым игом вечной скорби,
Чем жить одно мгновенье, как я жил!

(Подходит к окну.)

Итак, мне будет этот день последним,
Такого дня не стою я. Со мной
Прощается Природа. Но напрасно
1190 Она так щедро расточает
На небо и на землю свет и жизнь...
Меня не может это удержать. Прекрасно
Лазоревое небо надо мной,
Лазоревое море подо мной.

Меня не может это удержать. Прости,
Земля со всем твоим чудесным,
Прости, прости! О, не сияй мне в очи
Ты, золотое око неба. Всѣ,
Что я любил, ты мне воспоминаешь.
1200 Прочь! прочь!

(Он отходит от окна и лицо закрывает руками.)

Я вижу мою мать. Зачем, скажи, зачем
Ты смотришь с укоризною на сына?
Давно душою умер я. Зачем,
Зачем мне жить в разлуке с нею?
К тебе — к тебе — скорей. Возьми к себе,
О моя мать, твоего Стено!
Чело мое горит. . . О, этот пламень
Пора на вечность погасить!
Моя душа нетерпеливо ждет —
1210 Я это чувствую — свое освобожденье, —
Ей тесно здесь. Туда, туда ее
Влечет неотразимое желанье.
Свободы час настал!
Я чувствую, пора стряхнуть мне цепи —
Обнять все тайны мира! Я готов!
Свободен я — тебе привет мой, небо!

(Стреляет и падает мертвый.)

М а т т е о

(вбегает)

О боже, боже! Синьор! он убит,
И нет спасенья — нет! Его чело
Раздроблено. Мой бедный-бедный барин!
1220 Но очи его целы — как он страшен —
Его глаза закрою я. . .

Слышен голос Джакоппо:

Где Стено?

М а т т е о

(вскакивая)

Вам нужен Стено. Вот он!

Д ж а к о п п о

Где он? Где он?

А, он меня предупредил! Холодный,
С раздробленным челом лежит он предо мной,
И эта кровь мне шепчет: примиренье!
Холодную возьму я твою руку —
Прости мне, Стено, — мне пора!

(Уходит.)

М а т т е о

Пойти к отцу Антонио.

(Уходит.)

Всё делается мрачно. В вышине слышно:

1 - й г о л о с

¹²³⁰ Под скалою воеет море,
Над скалою я летал —
Тайну мрачную свершал.
И роптало: горе! горе!
Вечно стонущее море!

2 - й г о л о с

Ветер, мой ветер, тучи гони!
Черными волнами, море, шуми!
Тихо! всё тихо! луна не сияет!
Мрачно! всё мрачно! звезда не блистает!
Отвсюду, отвсюду я тайных зову.
¹²⁴⁰ Скорее, скорее, на небе молчанье
Он найдет, его ждет здесь:
Вечность! страданье!

1 - й г о л о с

Тайна свершилась. Молчанье! Молчанье!

21 сентября — 13 декабря 1834

91. ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ

Драма в одном действии

Сцена I

Пустынный берег моря. Скалы. Под одной из них видна пещера. От пещеры идут две тропинки — одна к морю, другая в гору. Сильный, ровный ветер: валы плещут. Недалеко от берега сидит на море чертенок; его беспрестанно подносит и относит. Чертенку скучно — он зевает. Вдруг подле него из воды высовывается голова другого чертенка.

Чертенок 2-й. Давно ты на часах?

Чертенок 1-й. Давно. Скучно. Пора бы смениться.

Чертенок 2-й. Старик не выходил?

Чертенок 1-й. Нет.

Чертенок 2-й. А ты не подходил сам к пещере?

Чертенок 1-й. Нет... два журавля всё таскались по берегу — я их побоялся: пожалуй, заклюют.

Чертенок 2-й. Да где ж они?

Чертенок 1-й. Сейчас улетели: слышишь — кричат...

Журавль (*под облаками, другому журавлю*). На юг... на юг...

Другой журавль (*не так громко*). На юг...

Чертенок 2-й. А скоро он выйдет?..

Чертенок 1-й. Теперь скоро.

Слышен шум в пещере... 2-й чертенок в одно мгновение исчезает... Через несколько времени он робко высовывает голову из воды...

Чертенок 2-й. Что?

Чертенок 1-й. Что? — ничего.

Чертенок 2-й. Он не выходил?

Чертенок 1-й. Нет... Ну трус же ты, братец!

Чертенок 2-й. Трус... А у самого, посмотри, — хвост так и дрожит...

Чертенок 1-й. Сказывал я тебе... Сегодня все наши здесь... все. (*Шепотом*) Говорят, и его величество пожалуйет...

Чертенок 2-й. Так прощай же, братец... прощай; спрячусь... Я его величества боюсь пуще нашего старика... прощай...

Чертенок 1-й. Погоди — не торопись... Успеем еще спеть и песенку...

Чертенок 2-й (*не выходя совсем из воды*). Изволь.

Чертенок 1-й (*вполголоса... 2-й подтягивает*).

Море, море глупое,
Море бестолковое, —
Что ты расшумелось,
Что расхорохорилось?
Нас не испугаешь ты:
Нет у нас корабликов,
Лодочек с товарами...
Нам бояться не за что...

Улитка осторожно подползает к морю и слушает...

Мы с ним чертенятушки,
Смирные ребятушки,
Вырастем со временем...
С нами не шути.

Из пещеры выходит св. Антоний, высокий, худой старик в монашеской одежде... на поясе висят четки. Оба чертенка быстро ныряют в воду.

Св. Антоний

Мне душно там... молиться не могу я...
Хотел заснуть... не спится — кровь кипит...
А, кажется, пора бы ей уняться...
Меня смущают грешные мечты.
Я взял Святую Книгу, стал читать;
Бегут глаза лениво по строкам,
А мысли закружились, как птицы,
И носятся — и нет покоя им...
Тоскую я... и злюсь... Мне тяжело...
Я сяду здесь — а ты шуми, о море,
И глупого баюкай старика!
Две небольшие тучи пролетают над скалами.

1 - я. Быть грозе...

2 - я. Солнце село — быть грозе...

Большое белое облако плывет вслед за ними:

— Ну, ну, детки, не мешкайте...

Черная, грозовая туча пронесится медленно (ворчит):

— Старый дурак... убила б его... да не смею... старый дурак...

Св. Антоний

Куда ушел мой мальчик, мой Валерий?
Пора б ему вернуться... Я давно

Его послал за хлебом. . . Милый мальчик!
Как кроток он и тих и как задумчив,
Как любит он молиться. . . Он растет,
Как деревцо на солнце. . . Ах, не так,
Не так прошла ты, молодость моя!
Я был и горд, и зол, и скор, и вспыльчив.
О боге и не думал — и страстям
Я предавался весь и без возврата. . .
Железный был я, грешный человек. . .
Да и теперь не весь я изменился —
И груб и дик еще теперь. . . О боже,
Не оставляй меня — о мой спаситель,
Тебе я весь — смиренно — предаюсь.

Ветер увеличивается. . . Море темнеет.

Что ж он нейдет? Люблю я с ним молиться. . .
И без него заснуть я не могу. . .
Перед распятым вместе каждый вечер
Мы станем на колени — он читает —
И слушаю. . . и вот из старых глаз
Закапают спасительные слезы.
Иль иногда мы вечером пойдем
На берег моря. . . сядем; и ему
Я говорю о боге, о святых,
О жизни их спокойной и прекрасной. . .
Молитвы их мы вместе повторяем —
И долго с ним мы говорим, и часто
Слагаем сами грешные молитвы. . .

Антоний задумывается.

Чертенок 1-й (*осторожно выплывая на берег*).
Сюда. . . сюда — посмотри на него!

Чертенок 2-й (*выказываясь из воды*). Где? . . А! . .
Какая у него длинная борода. . . Он нас не видит?

Чертенок 1-й. Он подымает голову. . .

Оба скрываются.

Валерий
(*сходит со скалы*)

Отец, вернулся я. . .

Антоний

(встает)

А! наконец...

Устал ты, бедный?

Валерий

Да, устал немного.

Я хлеб принес...

Антоний

Ступай и отдохни...

Валерий

А ты?

Антоний

Я здесь побуду — но недолго...

Валерий

Мне холодно — прощай — и приходи.

Антоний

Чернеет море... Длинными грядами
Бегут валы на мрачный твердый берег...
С высоких волн срывает брызги ветер
И мне в лицо сердито их бросает.
Торопятся — уходят в горы чайки
И жалобно кричат... я здесь усядусь
И бурей стану молча любоваться
И молодость свою припоминать...

(Садится.)

С горы сходит человек в широкой черной шляпе и темном плаще;
на сапогах у него шпоры; конец шпаги виден из-под плаща.

Человек. Заблудился я, черт возьми... Того и смотри польет дождь — а здесь и спрятаться негде... (Увидев Антония) Монах... Подойду к нему. (Подходит к Антонию.) Честной отец, как бы мне пройти в...

Антоний подымает голову.

Честной... Что за чудо... да это... это Антонио, как бишь его звали... ну как тебя звали...

Антоний глядит на него.

Он — точно он — или ты меня не узнаешь?

Антоний. Нет.

Человек. Его голос... Он! Давно мы с тобой не виделись, старый товарищ, — а были друзьями... целые два года жили — душа в душу... С тех пор прошло 20... куда! более 25 лет... О, да вспомни ж меня...

Антоний. Дай мне в тебя взглядеться... Ты... ты — Карло...

Человек (*ударив его по плечу*). Карло Спада — что? узнаешь меня?

Антоний. Карло Спада... но его в глазах моих убили...

Человек. Не убили, как видишь... Всё расскажу тебе, старый товарищ, приятель... Вот не думал, не гадал... Да скажи, пожалуйста, ты не далеко отсюда живешь?

Антоний. Я здесь живу.

Карло. Здесь? Да где ж... (*Оглядывается.*)

Антоний показывает на пещеру.

В этой яме? (*Заглядывает в пещеру и посвистывает. Антонию с некоторым замешательством*) Ты монах — отшельник — спасаешься.

Антоний. Я здесь молюсь богу — и живу.

Карло. А! Я, видишь ли, я хотел было добратся до Пиетра Ньюова, да заблудился... отстал от своего полка... гроза меня застигла... Что ж, брат Антонио, позволь мне переночевать у тебя.

Антоний. Разумеется; взойди.

Входят.

Садись... хочешь хлеба?

Карло (*садится на кучу сухих листьев*). Спасибо — я сыт. (*Оглядывается.*) И ты круглый год здесь живешь?

Антоний. Да.

Карло. Гм...

Антоний. Покойно ли ты сидишь?

Карло. У кого вздумал спрашивать! да мне ли, старому дураку, нежиться? Мое тело не молодо — ко всему привыкло... Ха-ха-ха!

Антоний. Не смейся громко... (Показывая на Валерию) Ты его разбудишь...

Карло. Э? — сын — или внук...

Антоний. Нет... Расскажи же мне.

Карло. Да — что ж я... Ну... (Снимает свою шпагу.) Помнишь ли ты — тому лет... лет... Ну всё равно... Мы с тобой служили в одном полку, в войске великого, славного, знаменитого Сфорцы — и дрались за ее величество королеву Иоанну...

Антоний. Помню, помню...

Карло. Ну... и последнее наше сражение помнишь?.. Признаться — жаркий был денек: мы целый день дрались, как львы, — да невмочь пришло: не совладать одному с десятерыми... Погнали нас... у меня голова ходила кругом, язык пересох — наглотался я пыли... что бы я дал тогда за кружку воды — мы с тобой бежали рядышком... помнишь?

Антоний. Помню... рассказывай.

Карло. Вдруг я слышу выстрел — оглянулся — прямо на нас, как теперь вижу, летит великан в черных латах на буром коне, подскакал, замахнулся — я было подставил шпагу, да куда! — повалился я, как сноп!.. раскроил мне голову, проклятый! Говорят, ты его тут же ссадил с коня — молодец ты был, Антонио, — рубака знатный... Ну... кровь залила мне глаза, дыхание сперлось; я подумал, пришлось околевать — и что ж? Валялся дня два на земле — и видишь, жив. Меня нашли, подняли; я долго был болен, выздоровел... (Со вздохом) Уж мыкался я, мыкался по свету... Где ни бывал? Кому ни служил? Вот и стар стал и сед, как видишь... а всё еще не нашел себе пристанища! да и на что?

Гроза начинается.

А удивляюсь я тебе, брат Антонио, признаюсь... Совсем ты стал другим человеком... помнишь, бывало... Ну извини, извини: я вижу, ты хмуришься — а хотел бы я поболтать с тобой о старине...

Антоний (садится к нему ближе). Так что ж? говори — я не испугаюсь.

Карло. Ай да славно! Вот — люблю... Так садись же поближе ко мне...

Гроза усиливается.

Сцена II

Небольшая роскошно убранная комната. На полу ковер... благовонные свечи горят в белых вазах; везде множество великолепных тропических пахучих цветов. Окны раскрыты. На дворе темно. Посередине комнаты стол... На первом месте сидит Аннунциата, несколько молодых людей и дев. Ужин клонится к концу.

Аннунциата кончает песню.

Джулио. Браво! Брависсима. Друзья мои, на колени — все на колени! и выпьем за здоровье прекраснейшей женщины!

Все становятся на колени, исключая женщин и Астольфа, и пьют...

Аннунциата. Благодарю вас, дети... Позволяю одному из вас поцеловать завтра мою... перчатку.

Пиетро. Кому же? кому?

Джулио. Мы кинем жеребий.

Роберто. Будем драться, и кто победит...

Пиетро. А ты что ж не становился на колени, Астольфо?

Джулио. А разве он не становился?

Астольфо. Какие у тебя прекрасные волосы, Джулиетто mio!¹ Как я люблю тебя.

Пиетро. Он пьян, как немец...

Андреа. Как лошадь...

Аннунциата. Как вы все...

Астольфо. Венчайте меня розами и незабудками, о друзья мои, и дайте мне чашу... (*Жалобным голосом*)
Чашу, друзья мои.

Джулио. Аннунциата, я вас...

Аннунциата. Ну?

Джулио. Аннунциата... я... Я вас люблю безумно...

Пиетро. И я.

Андреа. И я...

Джулио. Я готов вам доказать мою любовь на деле... Прикажите мне убить кого-нибудь — вот хоть этого толстого пьяницу, Астольфо, — кого хотите...

Аннунциата. Кого хочу! Мой Джулиетто... Мой милый Джулиетто, убей самого себя.

Джулио. Прикажи...

¹ Мой (итал.). — *Ред.*

А н н у н ц и а т а. Нет, погоди, подумаем... Господа, вы совсем позабыли ваших дам... Садитесь и пейте... и слушайте... Я вам еще спою песенку...

1

Под окном прекрасной донны,
Больше часу, при луне
Ходит юноша влюбленный
В черном бархатном плаще.

2

Он играет на гитаре
Песни, полные тоски...
Он поет о страстном жаре,
О звездах и о любви...

3

Вдруг окошко растворилось,
И украдкой из окна
Показалась и склонилась
Милой донны голова.

4

Он умолк... она с улыбкой
Говорит ему: «Сеньор,
Я боюсь за вас: ошибкой
Вас возьмет ночной дозор.

5

Хоть приподнят длинной шпагой
Край широкого плаща,
Хоть и веет злой отвагой
От усов и от пера,

6

Хоть умны вы и прекрасны,
Хоть в меня вы влюблены...
Но ни мало не опасны...
Скромный друг чужой жены...»

И окошко, как живое,
Затворилось... и домой,
Поглупев... едва ль не втрое,
Потащился витязь мой.

И вы все в меня влюблены?

Все (*исключая Астольфо*). Все... все...

Аннунциата (*женщинам*). Простите им — они не знают, что говорят. Вы меня любите... Много чести. Но ты, Джулио (*глядя его по голове*) — лучше всех, оттого что глуп и молод. (*Встает.*) Так слушайте ж, мои витязи! Вы должны все дать мне честное слово никогда не жениться, никогда не влюбляться... слышите? — а я...

Джулио. А вы?

Аннунциата. Джулио, вы тронуты и расположены к нежности; посмотритесь в зеркало: вы бесконечно смешны... А я — вас уверяю, что я вас всех терпеть не могу.

Пиетро. Как она мила, боже мой, как она мила!

Аннунциата. Неправда ли, господин Пиетро, — удивительно!

Пиетро. Невыразимо!

Аннунциата. Непостижимо!

Пиетро. Невообразимо!

Аннунциата. Безгранично, как ваша любезность. Бедный добрый мальчик, сидит подле женщины, выпил немного вина — и думает, что любит...

Джулио. Аннунциата, — вы, кажется, смеетесь над нами...

Аннунциата. Может быть; вы догадливы.

Джулио. Но всё-таки вы нас всех сводите с ума...

Астольфо. Кто сошел с ума? Выгоните его вон... я не люблю сумасшедших...

Джулио (*Андреа*). Подожди ему бороду, Андреа, сделай милость.

Удар грома.

Аннунциата. Затворите окна... Какой душный ветер... посмотрите, как свечи тускло стали гореть...

Андреа. И цветы вдруг так сильно начали пахнуть.

Джулио. Сирокко...

Аннунциата. Не запирайте окон... (Она вдруг бледнеет...)

Джулио. Что с вами, Аннунциата, — вы бледнеете — вам дурно — воды!

Аннунциата (с презрением). Мне дурно!? Подите прочь... прочь... Молчите... (Встает.) Слышите ли вы — слышите ли вы — словно приближение великой рати... словно прилив широкого моря...

Джулио. Я слышу отдаленный гром...

Аннунциата. А теперь... всё умолкло — всё, как будто никогда не бывало на земле ни движения, ни жизни — и мой голос странно звучит в застывшем воздухе...

Джулио. Перед грозой...

Аннунциата. Молчите — молчите все... (Она закрывает лицо руками.)

Голос Сатаны (торжественно и медленно). Аннунциата!

Все вздрагивают...

Джулио (трепещущим голосом). Кто вас зовет?..

Аннунциата. Мой любовник... я иду к нему...

Джулио. Ваш любовник... но кто ваш любовник? Где он? — в саду... Мы вас не пустим — и пойдем сами к нему навстречу...

Аннунциата (качая головой). Вы меня не пустите! Вы...

Все вместе. Да... Да...

Аннунциата. Вы хотите знать, кто мой любовник? Так вслушайтесь же в его голос...

Молчанье.

Голос Сатаны (еще медленнее). Аннунциата...

Женщины вскрикивают.

Аннунциата (восторженно и с злою насмешкой).

Меня зовет он... Господа,

Вы удержать меня не в силе!

«Ему» останусь я верна

И на земле... да и в могиле!..

Меня смирил лишь он один...

Мой грозный друг — мой властелин

Меня найдет всегда готовой

В последний раз — как в первый раз...

Меня зовет мой друг суровый...
Его люблю я... больше вас.

(Она быстро уходит.)

Джулио. Опомнитесь, господа... за мною — в сад — и шпаги наголо!

Пиетро, Андреа, Роберто бегут вслед за Джулио... Обе женщины, дрожа, прижимаются к Астольфу... Вдруг в саду раздается слитный крик четырех молодых людей.

Сцена III

Антонио, Карло Спада сидят у входа пещеры... Меж ними широкий плоский камень. На камне бутылка. Гроза. На дне пещеры, при каждом блеске молнии, виден Валерий. Он спит на груди сухих листьев.

Карло. Так-то, брат, так-то! *(Пьет немного из бутылки.)* Не погневайся... я продрог — да и привык к вину... Какова погода?

Антоний. Карло...

Карло. Ну?

Антоний. Помнишь ли ты... Марцеллину?

Карло *(в смущении)*. Марцеллину... Какую Марцеллину?.. Нет, нет... *(Пьет.)* И на что тебе?

Антоний. Я ее любил...

Карло. Да, да — теперь вспомнил... хороша была покойница...

Антоний. Она умерла?

Карло. Умерла...

Молчание.

А сколько тебе лет, Антонио?

Антоний. Исполнилось $\langle ? \rangle$ семьдесят три года.

Карло. Семьдесят три года... *(Вполголоса)* Можно бы покаяться... А кто его знает!

Антоний. Что ты говоришь?

Карло. Да что за вздор! чего я боюсь? мы с ним старики — да он, вишь, и монахом стал... *(Громко)* Каюсь, отче: сгубил я бедную твою Марцеллину...

Антоний. Что?

Карло. Эге, брат, — глаза у тебя засверкали по-прежнему... Тогда, помнится, с тобой шутить не годилось.

Антоний (*задумчиво*). Боже мой, прости мне мое преступление... Рассказывай, товарищ... и не бойся, я стар и расстался с прежней жизнью... навсегда.

Карло. Смотри ж — не сердись на меня. После нашей разлуки — года два спустя — занесло меня опять в Болонью — с кем и зачем позабыл. На другой же день отправился я к Марцеллине. Вспомнил я о тебе, брат Антонио, как взошел в тот темный чудный проходец — знаешь? вот и направо — знакомая дверь, высокий каменный порог... я стукнул, она сама мне отворила. Увидав меня, она вскрикнула, поднялась на цыпочки, поглядела, нет ли тебя за мной, и спросила: А Антонио?... Я сказал, что сам пришел к ней осведомиться о тебе... Она побледнела и уронила головку... Я взошел в ее комнатку, оглянулся — всё на том же месте: на стене твой портрет, нарисованный углем нашим знакомым живописцем, помнишь, после славной пирушки... как бишь его звали — такой был веселый... на кровати твоя шляпа с полинялыми перьями... на окне те же цветы, во всей комнате тот же милый запах... Я сел на окно — она подле меня на низеньком стуле... Я ей всё рассказал — она слушала и плакала; и я всплакнул раз... Уходя, я стащил с руки свою огромную перчатку и тихонько пожал ее бледные пальцы... она посмотрела на меня так пристально, так грустно... Я у ней бывал часто: она мне сказывала, что с тех пор живет одна и никого не видит, что более году от тебя не имеет известий, что ее сестра ушла в Рим с одним беглым монахом... И платье-то на ней было то же — да поизносилось в два года... Она всё еще была хороша, хоть и похудела очень — и так же задумчиво улыбалась и так же причесывала волосы. Вот однажды — я был у ней, сидел до вечера — вышел на улицу, и вдруг пришло мне в голову, что я ее люблю, что я ее всегда любил, и тогда уж, когда мы с тобой ходили к ней... я даже удивляюсь, как я тебя не убил в то время. Я тотчас же с улицы вернулся к ней. До того я только уходя позволял себе пожимать ее руку — я, кондотиери, слуга Сфорцы!.. На эту женщину я и взглянуть-то нагло не смел, при ней не смеялся громко... Я в ее комнатку взошел. Она посмотрела на меня с удивлением, я подошел к ней и тихо ее обнял... признаюсь: когда руки мои соединились за ее станом — я задрожал весь и упал перед ней на колени... Если б

меня увидали товарищи! они бы умерли со смеху — но ты ее знал, Антонио, ты знал эту женщину...

Молчание.

Целых три месяца мы любили друг друга... или нет — нет: она меня не любила, как любила тебя; в эти три месяца она странно изменилась: всё беспокоилась; то прятала твою шляпу, то со слезами доставала ее опять и клала к себе на колени... она плакала без причины, ревновала — и казалось, страстно была в меня влюблена... но я не был счастлив... хоть и не знал, чего хочу... Мне стали гадки буйные потехи моих товарищей, а не мог я не сознаться, что они были, по-своему, счастливей и веселей меня. Да что! С тех пор прошло так много лет... и хоть, кажется, я понимаю и чувствую, что тогда со мной происходило, — да говорить, выражаться я разучился; скажу тебе одно: я так же внезапно ее разлюбил, как любил ее... В одно осеннее утро — я вдруг почувствовал, что я ее не люблю; мне стало так легко: я вздохнул так свободно, так глубоко... Спокойно пошел к ней и был почти уверен, что она знает, зачем я пришел... Я остановился на пороге, протянул ей руку и сказал: прощай... Она подняла голову, посмотрела на меня и сама глухо сказала: прощай... Я быстро повернулся на каблуках и вышел... Помню, мне стало грустно расстаться — не с ней... нет — а с этой дверью, с этим порогом, с этим домиком, но я махнул рукой, завернулся в плащ и пошел по улице молодцом, побрякивая шпорами; из одного окошка с любопытством посмотрела на меня премилая девушка, и я лукаво и приветливо взглянул на нее. Дня через два приносят ко мне записку: ее рука. Я с полчаса лежал на спине и посвистывал... мне за нее было стыдно... распечатаваю... вот оно, ее письмо: я с тех пор не расстаюсь с ним. (*Читает.*) «Карло, вам принесут эту записку в 2 часа... в двенадцать я утопилась. Не из любви к вам, нет — я с нетерпением ждала разлуки с вами, я вас не люблю и не любила никогда... хотя я и по собственной воле изменила памяти Антония... Но я не берусь сама себя растолковать. Я решилась умертвить себя — потому что мне, право, совестно... даже гадко жить. Не обвиняйте себя ни в чем, прошу вас: вы сами знаете — вы ни в чем не виноваты... Если б вы не вернулись

в Болонью — правда, я бы еще теперь жила, и жила бы долго, может быть... но скажите, к чему? Я спокойна и почти весела и совсем примирилась с богом и людьми. Мне кажется, жизнь моя не могла иначе начаться — иначе кончиться... И прекрасно. Я довольна ею, но теперь я устала и думаю, что не к чему больше жить. Я иду к реке топиться, точно так же как прежде ходила по утрам за водой... Если вы когда-нибудь увидите Антония, скажите ему, что я его любила. Ни одно растение не цветет дважды, смешно желать два раза жить...

Марцеллина».

Антоний (*берет письмо*). И она утопилась?
Карло. Да.

Антоний (*после некоторого молчания*)

О боже [мой]! Как тронут я глубоко...
Как я дрожу и сам себе не верю,
Как сердце бьется... К старческим губам
Прижмись, письмо... прижмись крепче, ближе.
Одарены непостижимой силой
Вы, бледные, трепещущие строки,
Начертанные в час тоски безумной
Любимой женскою рукой... Меня
Влечете вы — куда, я сам не знаю...
Я точно сам из гроба воскрешаю
Знакомые бывалые волненья.
И старику и больно и легко.
Как странно! Я гляжу... и что ж я вижу —
Передо мной не берег и не море...
Нет — поле... солнце светит. Там вдали
Проходит конница... вот — вьется пыль;
Я слышу ржанье добрых лошадей;
По шишкам, по черным гладким ломам,
Как огоньки проворной перестрелки,
Сверкают быстро светлые лучи...
И слышится мне долгий смутный топот...
Вот впереди на темном жеребце
В высоком шлеме скачет их полковник.
А там вдали из-за деревьев церковь
Как будто поднялась да и глядит...

Ах — эта церковь! мне ли не знакома!
За ней еще пять, шесть других церквей:
За нею целый город — вся Болонья.
Но подле церкви той... почти напротив,
Есть домик... домик темный, небольшой,
И в доме том два маленьких окошка,
И под окном она сидит — и ждет.

Карло Спада

Да то ль еще! Всмотрись-ка хорошенько:
Не правда ли, с тобою мы сидим
Под каменным навесом остерии...
Эх, время было, время золотое!
Придешь, бывало... на дубовый стол
Уронишь тяжко шпагу, бросишь шляпу,
Перчатки снимешь медленно — а там
Кричишь «вина!», небрежно крутишь ус —
Да свысока посмотришь на соседей.
А впереди, вокруг мшистого столба,
Зеленый плющ обвился — и на солнце
Листочек каждый блещет и дрожит...
А ты сидишь, небрежно развалишься,
Да девушкам глядишь в глаза с улыбкой...

Антоний

О Марцеллина...

Карло

А война, Антоньо?
Люблю войну! В карманы деньги льются —
Не знаешь сам, откуда и за что...
Одна беда — карманы наши плохи.
[Не бережешь их, глупых!] И везде
Какой прием... купец встречает нас
С почтением, и жадностью, и страхом.
А девушки усядутся и робко
Из узких окон высунут головки,
Глядят на нас, краснеют и смеются.
И матери напрасно их зовут,
Напрасно сзади дергают за платье...

Городовые судьи, старшины,
Все важные и чопорные люди
С ужимками волочатся за нами,
И трусят, и задабривают нас.
И графы в платьях бархатных, дворяне —
Все нам друзья, любезные друзья
Нас жалуют, ласкают и балуют,
Хоронят нас и с нами же пируют.
Люблю войну! Ура! Ура! Ура!

(Пьет.)

А н т о н и й

(не слушая его, задумчиво)

Да... да. Как странно, точно из тумана,
Прошедшее спокойно выплывает
И медленно проходит предо мной...
О сердце, полно биться! Я б не мог
Идти другой дорогой... так понятна
Мне жизнь моя... Мой бог, не ложный бог...
Я знаю — нет, меня ты не покинешь,
Не покидал меня ты никогда...
Но — милый образ женщины любимой!
Вы, годы счастья детского, слепого,
Томительных борений и восторгов,
Ты, странная, тревожная любовь, —
Смотрите — всем я душу открываю,
Антонио, отшельник, вас зовет...

К а р л о С п а д а

Я знал, и ты о прежнем пожалеешь,
Недаром я тебя расшевелил.
А Марцеллина... что, старик, признайся,
Ее забыть не мог ты никогда.

А н т о н и й

Ты думаешь? Я отвечать не стану,
Меня понять, я вижу, ты не можешь,
Мы разошлись, и [слишком] далеко.

К а р л о

И точно... точно: мне ль тебя понять.

Антоний

Жалеешь ты о прежнем, бедный Карло...
И я б жалел, быть может, если б с жизнью,
С той жизнью буйной, вольной и веселой
Я б не умел расстаться безвозвратно,
Расстаться, как с любовницей моей...
Меня томили грозные порывы,
Не признавал я вашего блаженства —
Я полноты и Знания хотел,
Хотел любви, любви неистощимой,
Могучей, и спокойной, и святой.
Я убежал... Но был тогда я молод,
И страсти все, все прежние тревоги
В пустыне не покинули меня.
Я богу сердце пылкое, живое,
Не унывая, покорял... О Карло,
Лишь оттого с таким восторгом тайным
Я предаюсь моим воспоминаньям,
Что нет во мне ни горечи, ни злобы,
Что я старик — а детства не стыжусь.
И предаюсь — как *прежде* никогда
И ничему не мог я предаваться.

Карло Спада

Я вижу — брат Антон не даром слыл
С ребячьих лет ученым и разумным...
Умеет он собою любоваться,
Без умысла — обманывать себя...
Подумаешь! отшельник круглый год
Живет один, всё думает о боге —
К нему стремится жадно и себя
И позабыть и умертвить желает...
Как бы не так! Себя не умертвишь...
Нет, человек живуч... и раб обмана...
О гордость! жизнь людская... презирать
Людскую жизнь он смеет — жизнь *толпы*...
Не правда ли, *смиранный* брат, — *толпы*.
И сам себе он гадок... и противен —
И падает в тоске уничиженья
Перед собой — под именем другим...
И он бежит в мир лучший — в мир прекрасный,

Как будто есть куда бежать, — и верит —
И весь горит божественной любовью,
Томится весь надеждой откровенья,
Восторгом «чистым, полным и святым».

Антоний выходит из пещеры... Карло сидит неподвижно и шепчет...

Хор волн

Старик... старик, мы много раз
Тебя ви⟨дали⟩ ⟨...⟩
И ты любил смотреть на нас,
И из твоих горячих глаз,
Бывало, слезы упали.
Но мы с тобой сдружились,
Тебя ⟨.....⟩
И ⟨.....⟩
Тебя мы любим, ты велик,
Как мы — свободен.
И мы бежим толпою шумной,
Стремимся жадной чередой
К твоим ногам, старик безумный,
Старик великий и святой!
⟨.⟩
И много, много бурь, старик,
Как мы, ты вынести сумеешь.

Карло

Послушай, друг Антоньо, видишь — я
Бог знает где скитался; много видел
И много слышал... тайну я узнал...
Тебе ее, как другу, я открою...
Ее, старик, мне передал монах,
Такой же, как и ты... старик ученый...
Кого хочу — могу я вызвать...

Антоний

Вызвать?

Карло

Из гроба.

Антоний
Ты? ты шутишь?

Карло

Я? шутить!

Антоний
(медленно)

Так ты колдун?

Карло

Я? Нет! Какой колдун...
Не должен был я кровью расписаться,
Души своей на тайну не менял...

Антоний

Так покажи ж мне Марцеллину...

Карло

Тотчас.

Увидишь, я не лгу... Но отвернись.

Антоний. Готов ты, что ли?

Карло. Я готов... слушай... теперь позволь мне положить руку на твои глаза...

Антоний. Клади.

Карло. Теперь — смотри...

В нескольких шагах от Антонио стоит Аннунциата.

Антоний. Марцеллина! (Бросается к ней и вдруг останавливается.) Марцеллина... ты...

Аннунциата. Старик...

Антоний вздрагивает.

Старик, чего ты боишься...

Антоний. Это ее голос...

Аннунциата. Мой голос, Антонио... Послушай, полно думать и ломать голову... Ты видишь, я стою перед тобою... вот, я беру твою руку... но поцеловать тебя я не смею — я боюсь твоей белой большой бороды.

Антоний. Садись — я... я дрожу, как дитя — но это пройдет — садись, дай мне молча посмотреть на тебя...

Аннунциата. Смотри... Не правда ль, я всё та же — помнишь ли ты, как ты встретил меня в первый раз... я шла в церковь... ты заговорил со мной — ах, я тотчас тебе отвечала... Вся моя скромность, моя девическая гордость исчезла при первом твоём слове... я не могла не полюбить тебя... А ещё поутру я так чопорно одевалась, так смешно и невинно собиралась в церковь... А потом, помнишь ли наше второе свидание вечером, у забора нашего сада под широкими липами... Как скоро ты выпросил у меня мой первый поцелуй... как лукаво шушукали листья, как весело зажигались звезды... И вот по дороге, облитой румяным блеском зари, проехал мимо нас верховый — на белой лошади, — насилу мы дождались, пока он заехал за крайний куст орешника — и вдруг оба бросились в объятия друг другу... помнишь? помнишь?

Антоний. Помню... помню...

Аннунциата. Я не таила своей любви; я днем по улицам ходила с тобой, рука об руку — и улыбалась в ответ на презрительные взгляды... Антонио, первый молодец в Болонии — мой любовник — и мне стыдиться? Как бы не так! О я знаю, знаю — всем другим девушкам было бог знает как завидно, когда ты мне на площади, в полдень, помогал черпать воду... Бывало, я поставлю кувшин на голову и пойду потихонько — а ты идешь за мной в твоих больших сапогах, с твоей огромной шпагой — да еще шляпу надвинешь на брови... Такой молодец — такой страшный... А все молодые щеголи, все красивые господчики на тоненьких ножках издали сворачивают в сторону... Ах, Антонио, мой Антонио, как я люблю тебя!..

Антоний. Вообрази себе, Марцеллина, какой я видел странный сон... или нет... нет — я помню морской берег — помню долгие, долгие годы...

Аннунциата. Ты видел во сне, что ты старик? что ты отшельник? что жил 20 лет в одной пещере и не знался с людьми? Какой глупый сон! Нет, Антонио, нет — ты молод, молод — положи руку на свое сердце, не правда ли, как оно бьется? Посмотри мне в лицо! Разве я стара! А я всего тебя годом моложе... Антонио, ты молод...

Антоний. Я молод, Марцеллина... Что за вздорные мечтания! Послушай — дай мне шляпу... куда мы пойдем? На площадь, что ли, — погреться на солнце да показаться людям — или в сад, побегать по росистой траве? Или в поле — туда, за Болонью, за реку, — вон к тому длинному ряду голубоватых тополей...

Аннунциата. Останемся, Антонио... Куда нам идти? Здесь так хорошо, так тихо, так спокойно... послушай, как ветер воет. Посмотри на небо, на звезды; мимо их, беспрестанно их закрывая, проносятся серые тучи. Останемся, Антонио, я спою тебе песенку:

По всей земле тревожное волнение...
И моря плеск похож на стон тоски.
Пойми, мой друг, пойми мое стремленье,
Прими меня в объятия твои.

На грудь твою я припаду, мой милый,
Прижмусь лицом к широкому плечу.
Спаси меня, покрой твоею силой,
Ты обещал мне жизнь... Я жить хочу.

И мне легко!.. С меня ты снял оковы.
Хочу молчать и чувствовать в груди
Восторг глубокий, страстный, вечно новый —
Блаженное присутствие любви.

Я не хочу ни ласки, ни лобзания,
Мой друг, мой царь, пойми меня, пойми...
В моей душе погасли все желанья...
Прими меня в объятия твои.

Антоний. Но, Марцеллина, скажи мне, отчего вчера... или нет — когда мы с тобой в последний раз ходили за город? — ну, всё равно... отчего я шел так скоро всё вдаль, вдаль — и почти забывал тебя? Ты не могла поспевать за мною и изредка жаловалась — я останавливался и опять бежал вперед... Чего я искал? Куда я стремился? Не была ли ты со мной?

Аннунциата.

92. ПАРАША

Рассказ в стихах

И ненавидим мы, и любим мы случайно.

Лермонтов

1

Читатель, бью смиренно вам челом,
Смотрите: перед вами луг просторный,
За лугом речка — а за речкой дом,
Старинный дом, нахмуренный и черный,
Раскрашенный приходским маляром...
Широкий, низкий, с крышей безобразной,
Подпертой рядом жиденьких колонн...
Свидетель буйной жизни, лени праздной
Двух или трех помещичьих племен.
10 За домом сад: в саду стоят рядами
Всё яблони, покрытые плодами...
Известно: наши добрые отцы
Любили яблоки — да огурцы.

2

Не разберешь — где сад, где огород?
В саду ж был грот (невинная затея!),
И с каждым утром в этот темный грот
(Я приступаю к делу не робея)
Она — предмет и вздохов и забот,
Предмет стихов моих довольно смелых,
20 Она являлась — в платьице простом,
И с книжкою в немножко загорелых,
Но милых ручках... на скамью потом
Она садилась... помните Татьяну?
Но с ней ее я сравнивать не стану;
Боюсь — рукой читателя махнут
И этой сказки вовсе не прочтут.

Но кто она? и кто ее отец?
 Ее отец — помещик беззаботный;
 Сперва служил — и долго; наконец
 30 В отставку вышел — и супругой плотной
 Обзавелся; теперь большой делец!
 Живет в ладу с своими мужичками...
 Он очень добр и очень плутоват,
 Торгуется и пьет чаек с купцами.
 Как водится, его супруга — клад;
 О! сущий клад! и умница такая!
 А женщина она была простая,
 С лицом, весьма похожим на пирог;
 Ее супруг любил как только мог.

4

40 У них одна лишь дочь была... Мы с ней
 Уж познакомились. Никто красоткой
 Ее б не назвал — правда; но, ей-ей
 (Ее два брата умерли чахоткой), —
 Я девушки не видывал стройней.
 Она была легка — ходила плавно;
 Ее нога, прекрасная нога,
 Всегда была обута так исправно;
 Немножко велика была рука;
 Но пальцы были тонки и прозрачны...
 50 И даже я, чудака довольно мрачный,
 На эту руку глядя — иногда
 Хотел... Я заболтался, господа.

5

Ее лицо мне нравилось... оно
 Задумчивою грустию дышало;
 Всегда казалось мне: ей суждено
 Страданий в жизни испытать немало...
 И что ж? мне было больно и смешно;
 Ведь в наши дни спасительно страданье...

Она была так детски весела,
60 Хотя и знала, что на испытанье
Она идет — но шла, спокойно шла...
Однажды я, с невольною печалью,
Ее сравнил и с бархатом и с сталью...
Но кто в ее глаза взглянул хоть раз —
Тот не забыл ее волшебных глаз.

6

Взгляд этих глаз был мягок и могуч —
Но не блестел он блеском торопливым;
То был он ясен, как весенний луч,
То холодом проникнут горделивым,
70 То чуть мерцал, как месяц из-за туч.
Но взгляд ее задумчиво-спокойный
Я больше всех любил: я видел в нем
Возможность страсти горестной и знойной,
Залог души, любимой божеством.
Но, признаюсь, я говорил довольно
Об этом взгляде: мне подумать больно,
Что — может быть — читающий народ
Всё это неестественным найдет.

7

Она в деревне выросла... а вы,
80 Читатель мой, — слышали вы, наверно,
Что барышни уездные — увы!
Бывают иногда смешны безмерно.
Несправедливость ветреной молвы
Известна мне; но сознаюсь с смиреньем,
Что над моей степнячкой иногда
Вы б посмеялись: над ее волненьем
В воскресный день — за завтраком, когда
Съезжались гости, — над ее молчаньем,
И вздохами, и робким трепетаньем...
90 Но и она подчас бывала зла
И жалиться умела, как пчела.

Я не люблю восторженных девиц...
 По деревням встречаешь их нередко;
 Я не люблю их толстых, бледных лиц;
 Иная же — помилуй бог — поэтка.
 Всем восхищаются: и пеньем птиц,
 Восходом солнца, небом и луною...
 Охотницы до сладеньких стишков,
 И любят петь и плакать... а весною
 100 Украдкой ходят слушать соловьев.
 Отчаянно все влюблены в природу...
 Но барышня моя другого роду;
 Она была насмешлива, горда,
 А гордость — добродетель, господа.

9

Она читала жадно... и равно
 Марлинского и Пушкина любила
 (Я сознаюсь в ее проступках)... но
 Не восклицала: «Ах, как это мило!»,
 А любовалась молча. Вам смешно?
 110 Не верите вы в русскую словесность —
 И я не верю тоже, хоть у нас
 Весьма легко приобрести известность...
 Российские стихи, российский квас
 Одну и ту же участь разделяют:
 В порядочных домах их не читают —
 А квас не пьют... но благодарен я
 Таким чтецам, как барышня моя.

10

Для них пишу... но полно. Каждый день —
 Я вам сказал — она в саду скиталась;
 120 Она любила гордый шум и тень
 Старинных лип — и тихо погружалась
 В отрадную, забывчивую лень.
 Так весело качались березы,

Облитые сверкающим лучом...
И по щекам ее катились слезы
Так медленно — бог ведает о чем.
То, подойдя к убогому забору,
Она стояла по часам... и взору
Тогда давала волю... но глядит,
130 Бывало, всё на бледный ряд ражит.

11

Там — через ровный луг — от их села
Верстах в пяти — дорога шла большая;
И, как змея, свивалась и ползла
И, дальний лес украдкой обгибая,
Ее всю душу за собой влекла.
Озарена каким-то блеском дивным,
Земля чужая вдруг являлась ей...
И кто-то милый голосом призывным
Так чудно пел и говорил о ней —
140 Таинственной исполненные муки,
Над ней, звеня, носились эти звуки...
И вот — искал ее молящий взор
Других небес, высоких, пышных гор...

12

И тополей, и трепетных олив...
Искал земли пленительной и дальней;
Вдруг русской песни грустный перелив
Напомнит ей о родине печальной;
Она стоит, головку наклонив,
И над собой дивится — и с улыбкой
150 Себя бранит; и медленно домой
Пойдет — вздохнув... то сломит прутик гибкой,
То бросит вдруг... рассеянной рукой
Достанет книжку — развернет, закроет;
Любимый шепчет стих... а сердце ноет,
Лицо бледнеет... в этот чудный час
Я, признаюсь, хотел бы встретить вас,

О барышня моя... в тени густой
 Широких лип стоите вы безмолвно;
 Вдыхаете; над вашей головой
 160 Склонилась ветвь... а ваше сердце полно
 Мучительной и грустной тишиной.
 На вас гляжу я: прелестью степною
 Вы дышите — вы нашей Руси дочь...
 Вы хороши, как вечер пред грозой,
 Как майская томительная ночь.
 Но — может быть — увы! воспоминаньем
 Вновь увлечен, подробным описанием
 Я надоел — и потому готов
 Рассказ мой продолжать без лишних слов.

14

170 Моей красотке было двадцать лет.
 (Иной мне скажет: устрицам в апреле,
 Девицам лет в пятнадцать — самый цвет...
 Но я не спорю с ним об этом деле,
 О разных вкусах спорить — толку нет.)
 Ее Прасковьей звали; имя это
 Не хорошо... но я — я назову
 Ее Парашей... Осень, зиму, лето
 Они в деревне жили — и в Москву
 Не ездили, затем что плохи годы,
 180 Что с каждым годом падают доходы,
 Да сверх того Параша — грех какой! —
 Изволила смеяться над Москвой.

15

Москва — Москва — о матушка Москва!
 Но я хвалить тебя не смею, право;
 Я потерял бывалые права...
 Твои ж сыны превспыльчивого нрава,
 И в них мои смиренные слова
 Возбудят ревность — даже опасенья.

И потому к Параше молодой,
190 О матушка, — прошу я снисхожденья...
А если, о читатель дорогой,
Навеянный приятностью рассказа,
Отрадный сон закрыл вам оба глаза, —
Проснитесь — и представьте себе день...
Прежаркий день... (Я посажу вас в тень.)

16

Прежаркий день... но вовсе не такой,
Каких видал я на далеком юге...
Томительно-глубокой синевой
Всё небо пышет; как больной в недуге,
200 Земля горит и сохнет; под скалой
Сверкает море блеском нестерпимым —
И движется, и дышит, и молчит...
И все цвета под тем неумолимым
Могучим солнцем рдеют... дивный вид!
А вот — зарывшись весь в песок блестящий,
Рыбак лежит... и каждый проходящий
Любуется им с завистью — я сам
Им тоже любовался по часам.

17

У нас не то — хоть и у нас не рад
210 Бываешь жару... точно — жар глубокой...
Гроза вдали собирается... трещат
Кузнечики неистово в высокой
Сухой траве; в тени снопов лежат
Жнецы; носы разинули вороны;
Грыбами пахнет в роще; там и сям
Собаки лают; за водой студеной
Идет мужик с кувшином по кустам.
Тогда люблю ходить я в лес дубовый
Сидеть в тени спокойной и суровой,
220 Иль иногда под скромным шалашом
Беседовать с разумным мужичком.

В такой-то день — Параша в темный грот
 (О нем смотрите выше) шаг за шагом
 Пришла; пред ней знакомый огород,
 Знакомый пруд; а дальше за оврагом
 Знакомый лес на холмике... но вот
 Что показалось ей немного странным:
 В овраге под кустом сидел один
 Охотник; резал хлеб ножом карманным;
 230 Он, по всему заметно, — господин;
 Помещик; он в перчатках — и красиво
 Одет... Вот он поел, потом лениво
 Собаку кликнул, шапку снял, зевнул,
 Раздвинул куст, улегся — и заснул.

Заснул... Параша смотрит на него,
 И смотрит, признаюсь, с большим вниманьем;
 К ним ездили соседи... но его
 Лицо ей незнакомо; описаньем
 Теперь мы не займемся, оттого
 240 Что уж и так с излишеством речист я...
 Он спит, а ветер тихо шевелит
 Его густые волосы, и листья
 Над ним шушукают; он сладко спит...
 Параша смотрит... он не дурен, право, —
 О чем же вдруг так мило, так лукаво
 Она смеется? Я б ответил — но
 Мне женский смех постигнуть не дано.

И час прошел... и предвечерний зной
 Внезапно начал стынуть... уж и тени
 250 Длиннее стали... вот — охотник мой
 Проснулся, стал лениво на колени,
 Надел небрежно шапку, головой
 Тряхнул — хотел подняться... и остался...

Он увидел Парашу — о друзья!
Глядел, глядел — с смущеньем засмеялся,
Вскочил, взглянул поспешно на себя,
Потом через овраг легко и смело
Перебежал. . . Параша побледнела,
Но до забора он дошел и стал,
260 И с вежливой улыбкой шапку снял.

21

Она стояла, вспыхнув вся. . . и глаз
Не подымая. . . сильно и неровно
В ней билось сердце. . . «Умоляю вас, —
Так начал он — и очень хладнокровно, —
Скажите мне — теперь который час?»
Сперва она немножко помолчала
И отвечала: «Пятый» — а потом
Взглянула на него; но он, нимало
Не изменясь, спросил: «Чей это дом?»
270 Потом весьма любезно извинился
Бог знает в чем, и снова поклонился,
Но не ушел. . . сказал, что он сосед;
И что с ее отцом покойный дед

22

Его был очень дружен. . . что он рад
Такой неожиданной встрече; понемногу
И двадцать раз сказавши «виноват!»
(У нас заборы плохи, слава богу),
Через забор он перебрался в сад.
Его лицо так мило улыбалось
280 И карий глаз так ласково сиял,
Что ей смешным и странным показалось
Дичиться. . . Он ей что-то рассказал,
Над чем она сперва довольно звонко,
Потом потише засмеялась. . . с тонкой
Усмешкой посмотрел он ей в глаза —
Потом ушел, пробормотав: «Сомт' ça!»¹

¹ Вот как! (Франц.). — *Ред.*

И вслед она ему смотрела... Он
 Через плечо внезапно оглянулся,
 Пожал плечьми — и, словно приучен
 290 К победам, равнодушно улыбнулся.
 И ей досадно стало... Громкий звон
 Раздался в доме... Чай готов... Небрежно
 Она, вернувшись, рассказала всё
 Отцу... Он засмеялся безмятежно,
 Заговорил про старое житье,
 Про деда... Но уездный заседатель,
 Вдовец, Парашин древний обожатель,
 Разгневался — и покраснел как рак,
 И объявил, что их сосед — чудак.

300 А я б его не назвал чудаком...
 Но мы об нем поговорить успеем;
 Параша села молча под окном
 И, подпершись рукой — мы лгать не смеем, —
 Всё думала да думала о нем.
 Алеет небо... над травой усталой
 Поднялся пар... недвижны стали вдруг
 Верхушки лип; свежеет воздух вялый,
 Темнеет лес, и оживает луг.
 Вечерний ветер веет так прохладно,
 310 И ласточки летают так отрадно...
 На церкви крест зарделся — а река
 Так пышно отражает облака...

Люблю сидеть я под окном моим
 (А в комнате шумят, смеются дети),
 Когда над лесом темно-голубым
 Так ярко пышет небосклон... о, в эти
 Часы я тих и добр — люблю, любим...
 Но кто поймет, кто скажет, чем так чудно
 Томилось сердце барышни моей...

320 Состарившись — и тяжело и трудно
Припоминать блаженство прежних дней —
Тех дней, когда без всякого усилья
Любовь, как птица, расширяет крылья...
И на душе так страстно, так светло...
Но это всё прошло, давно прошло.

26

Да — вы прошли и не вернетесь вновь,
Часы молитв таинственных и страстных,
Беспечная, свободная любовь,
Порывы дум, младенчески прекрасных...
330 Всё, всё прошло... горит упорно кровь
Глухим огнем... а, помнится, бывало,
Верхом я еду вечером; гляжу
На облака — а ветер, как опахало,
В лицо мне тихо веет — я дышу
Так медленно — и, благодати полный,
Я еду, еду, бледный и безмолвный...
Но, впрочем, кто ребенком не бывал
И не забыл всего, что обожал?

27

Он обещал прийти — твердит она...
340 И хочет и не может оторваться;
Но неужель Параша влюблена?
Не думаю — но не могу ручаться...
А вот и ночь: и вкралась тишина,
Как поцелуй томительно-протяжный,
Во всё земное... «Спать пора, сосед!» —
Сказал отец — а мать с улыбкой важной
Его зовет на завтрашний обед.
Параша в сад таинственный и темный
Пошла — и понемногу грусти томной
350 Вся предалась... Но он-то, что же он?
Я вам скажу — он вовсе не влюблен.

Хотите ль знать, что он за человек?
 Извольте: он богат, служил в военной;
 Чужим умом питался весь свой век —
 Но ловок был и вкрадчив. Изнуренный,
 Скучающий, направил он свой бег
 В чужие страны; с грустною улыбкой
 Везде бродил, надменный и немой;
 Но ум его насмешливый и гибкой
 360 Из-за границы вынес целый рой
 Бесплодных слов и множество сомнений,
 Плоды лукавых, робких наблюдений. . .
 Он надо всем смеялся; но устал —
 И над собой смеяться перестал.

Мы за границу ездим, о друзья!
 Как казаки в поход. . . Нам всё не в диво;
 Спешим, чужих презрительно браня,
 Их сведений набраться торопливо. . .
 И вот твердим, без страсти, без огня,
 370 Что и до нас дошло — но что, быть может,
 Среди борений грозных рождено,
 Что там людей мучительно встревожит,
 Что там погубит сердце не одно. . .
 Не перейдя через огонь страданья,
 Мы не узнаем радостей познания —
 И наконец с бессмысленной тоской
 Пойдем и мы дорогой столбовой.

Но к делу. Он, как я вам доложил,
 В отставке был. Пока он был на службе,
 380 Он выезжал, гулял, плясал, шалил,
 Приятелей обыгрывал — по дружбе —
 И был, как говорится, очень мил.

Он был любезен, влюбчив — но спокоен
И горделив... а потому любим;
И многих женщин был он недостоин,
Обманутых и позабытых им.
Он весел был, но весел безотрадно;
Над чудачком смеялся беспощадно —
Но в обществе не славился умом
390 И не был «замечательным лицом».

31

А между тем его любили... Он
Пленял людей беспечною свободной
И был хорош собой — и одарен
Душой самолюбивой и холодной.
Он, я сказал, не очень был умен —
Но всем ему дарованным от бога
Владел вполне... и презирал людей...
А потому имел довольно много
«Испытанных и преданных» друзей.
400 Он с ними вместе над толпой смеялся
(И от толпы с презрением отчуждался).
И думали все эти господа,
Что, кроме их, всё вздор и суета.

32

Он всё бранил от скуки — так!..
Не предаваясь злобе слишком детской.
Скажу вам, в бесы метил мой остряк;
Но русский бес не то, что черт немецкой.
Немецкий черт, задумчивый чудак,
Смешон и страшен; наш же бес природный,
410 Российский бес — и толст и простоват,
Наружности отменно благородной
И уж куда какой аристократ!
Не удивляйтесь: мой приятель тоже
Был очень дружен не с одним вельможей,
И падал в прах с смеющимся лицом
Пред золотым тельцом — или быком.

Вам гадко... но, читатель добрый мой, —
 Увы! и я люблю большого света
 Спокойный блеск и с радостью смешной
 420 Любуюсь гордым холодом привета —
 Всей этой жизнью звонкой и пустой.
 На этот мир гляжу я без желанья —
 Но первый сам я хохотать готов
 Над жаром ложного негодованья
 Непризнанных, бесхвостых «львиц и львов»!
 Да сверх того вся пишущая братья
 На «свет и роскошь» сыпала проклятья...
 А потому см(отри) творенья их;
 А я сегодня — что-то очень тих.

430 Люблю я пышных комнат стройный ряд,
 И блеск и прихоть роскоши старинной...
 А женщины... люблю я этот взгляд
 Рассеянный, насмешливый и длинный;
 Люблю простой, обдуманый наряд...
 Я этих губ люблю надменный очерк,
 Задумчиво приподнятую бровь;
 Душистые записки, быстрый почерк,
 Душистую и быструю любовь.
 Люблю я эту поступь, эти плечи,
 440 Небрежные, заманчивые речи...
 Узнали ль вы, друзья, скажите мне,
 С кого портрет писал я в тишине?

«Но, — скажут мне, — вне света никогда
 Вы не встречали женщины прекрасной?»
 Таких особ встречал я иногда —
 И даже в двух влюбился очень страстно;
 Как полевой цветок, они всегда
 Так милы — но, как он, свой легкий запах

Они теряют вдруг... и боже мой —
450 Как не завянуть им в неловких лапах
Чиновника, довольного собой?
Но сознаюсь, и сознаюсь с смущеньем,
Я заболтался вновь — и с наслажденьем
К моей Параше я спешу — спешу
И вот ее в гостиной нахожу.

36

Она сидит близ матери... на ней
Простое платье; но мы замечаем
За поясом цветок. Она бледней
Вчерашнего, взволнована. За чаем
460 Хлопочет няня; батюшка моей
Параши новый фрак надел; к окошку
Подходит часто: нет, не едет гость!
А обещал... и что же? понемножку
Ее берет девическая злость...
Ее прическа так мила — перчатки
Так свежи — видно, все мои догадки
Не ложны... «Что, мой друг, ты так
грустна?» —
Спросила мать — и вздрогнула она.

37

И слабо улыбнулась... и идет
470 К окну; садится медленно за пальцы;
И, головы не подымая, шьет —
Но что-то часто колет себе пальцы.
И думает: «Ну что ж? он не придет...»
От тонкой шеи, слабо наклоненной,
Так гордо отделялася коса...
Ее глаза — читатель мой почтенный,
Я не могу вам описать глаза
Моей слегка взволнованной девицы —
Их закрывали длинные ресницы...
480 Я на нее глядел бы целый век;
А он не едет — глупый человек!

Но вдруг раздался топот у крыльца —
 И всходит — «он». «Насилу! как мы ради!»
 Он трижды щеки пухлые отца
 Облобызал. . . потом приличья ради
 К хозяйке к ручке подошел. . . с чепца
 До башмаков ее окинул взглядом
 И быстро усмехнулся — а потом
 Параше низко поклонился — рядом
 490 С ней сел — и начал речь о том о сем. . .
 Внимательно старинные рассказы
 Хозяев слушал. . . три, четыре фразы
 С приветливой улыбкой отпустил —
 И стариков «пленил и восхитил».

С Парашей он ни слова. . . на нее
 Не смотрит он, но все его движенья,
 Звук голоса, улыбка — дышит всё
 Сознанием внезапного сближенья. . .
 Как нежен он! Как он щадит ее!
 500 Как он томится тайным ожиданьем. . .
 Ей стало легче — молча на него
 Она глядит с задумчивым вниманьем,
 Не понимая сердца своего. . .
 И этот взгляд, и женский и ребячий,
 Почувствовал он на щеке горячей —
 И, предаваясь дивной тишине,
 Он наслаждался страстно и вполне.

Не нравится он вам, читатель мой. . .
 Но в этот миг он был любим недаром;
 510 Он был проникнут мирной простотой,
 Он весь пылал святым и чистым жаром,
 Он покорялся весь душе другой.

Он был любим — как скоро! Но, быть может,
Я на свою Парашу клеветчу...
Скажите — ваша память мне поможет, —
Как мне назвать ту страстную тоску,
Ту грустную, невольную тревогу,
Которая берет вас понемногу...
К чему нам лицемерить — о друзья! —
520 Ее любовью называю я.

41

Но эта искра часто гаснет... да;
И, вспыхнувши, горит довольно странно
И смертных восхищает — не всегда.
Я выражаюсь несколько туманно...
Но весело, должно быть, господа,
Разгар любви следить в душе прекрасной,
Подслушать вздох, задумчивую речь,
Подметить взгляд доверчивый и ясный,
Былое сбросить всё, как ношу с плеч...
530 Случайности предаться без возврата —
И чувствовать, что жизнь полна, богата
И что способность праздного ума
Смеяться надо всем — смешна сама.

42

И так они сидели рядом... С ней
Заговорил он... Странен, но понятен
Параше смысл уклончивых речей...
Она его боится — но приятен
Ей этот страх — и робости своей
Она едва ль не радуется тайно.
540 Шутя, скользит небрежный разговор;
И вдруг глаза их встретились случайно —
Она не тотчас опустила взор...
И встала, без причины приласкалась
К отцу... ласкаясь, тихо улыбалась,
И, говоря о нем, сказала: «он» —
Читатель, я, признайтесь, я смешон.

А между тем ночь наступает... в ряд
 Вдали ложатся тучи... ровной мглою
 Наполнен воздух... липы чуть шумят;
 550 И яблони над темною травой,
 Раскинув ветки, высятся и спят —
 Лишь изредка промчится легкий трепет
 В березах; там за речкой соловей
 Поет себе — и слышен долгий лепет,
 Немолчный шепот дремлющих степей.
 И в комнате, как вздох земли бессонной,
 Влетает робко ветер благовонный —
 И манит в сад, и в поле, и в леса,
 Под вечные, святые небеса...

560 Я помню сам старинный, грустный сад, —
 Спокойный пруд, широкий, молчаливый...
 Я помню: волны мелкие дрожат
 У берега в тени плакучей ивы;
 Я помню — много лет тому назад —
 Я в том саду хожу в траве высокой
 (Дорожки все травой поросли),
 Заря так дивно рдеет... блеск глубокой
 Раскинулся от неба до земли...
 Хожу, брожу задумчивый, усталый,
 570 О женщине мечтаю небывалой...
 И о прогулке поздней и немой —
 И это всё сбылось, о боже мой!

«А не хотите ль в сад? — сказал старик, —
 А? Виктор Алексеич! — вместе с нами?
 Сад у меня простенок — но велик;
 Дорожки есть — и клумбочки с цветами».
 Они пошли... вечерний, громкий крик
 Коростелей их встретил; луг огромный

Белел вдали... недвижимых туч гряда
580 Раскинулась над ним; сквозь полог темный
Широких лип украдкой звезда
Блеснет и скроется — и по аллее
Идут они: одна чета скорее,
Другая тише, тише всё... и вдруг
С супругой добродетельный супруг

46

Отстал... О хитрость сельская! Меж тем
Параша с ним идет не слишком скоро...
Ее душа спокойна — не совсем;
А он не начинает разговора
590 И рядом с ней идет, смущен и нем.
Бойтся он внезапных объяснений,
Чувствительных порывов... иногда
Он допускал возможность исключений —
Но в пошлость верил твердо и всегда.
И, признаюсь, он ошибался редко
И обо всем судил довольно метко...
Но мир «другой» ему был незнаком —
И он — злодей! — не сожалел о нем.

47

«Помилуйте — давно ль ваш Виктор был
600 И тронут и встревожен и так дале?»
Пряатель мой — я вам сказать забыл —
Клялся в любви единственно на бале —
И только тем, которых не любил.
Когда же сам любовной лихорадки
Начальный жар в себе он признавал,
Его терзали, мучили догадки —
Свою любовь, как клад, он зарывал,
И с чувствами своими, как художник,
Любил один возиться мой безбожник...
610 И вдруг — с уездной — барышней — в саду...
Едва ль ему отрадней, чем в аду.

Но постепенно тает он... Хотя
 Почтенные родители некстати
 Отстали, — но она — она дитя;
 На этом тихом личике печати
 Лукавства нет; и вот — как бы шутя
 Ее он руку взял... и понемногу
 Предался вновь приятной тишине...
 И думает с отрадой: «Слава богу,
 620 До осени в деревне будет мне
 Не скучно жить — а там... но я взволнован.
 Я, кажется, влюблен и очарован!»
 Опять влюблен? Но почему ж? — Сейчас,
 Друзья мои, я успокою вас.

Во-первых: ночь прекрасная была,
 Ночь летняя, спокойная, немая;
 Не светила луна, хоть и взошла;
 Река, во тьме таинственно сверкая,
 Текла вдали... Дорожка к ней вела;
 630 А листья в вышине толпой незримой
 Лепечут; вот — они сошли в овраг,
 И, словно их движением гонимый,
 Пред ними расступался мягкий мрак...
 Противиться не мог он обаянью —
 Он волю дал беспечному мечтанью,
 И улыбался мирно и вздыхал...
 А свежий ветер в глаза их лобызал.

А во-вторых: Параша не молчит.
 И не вздыхает с приторной ужимкой;
 640 Но говорит, и просто говорит.
 Она так мило движется — как дымкой,
 Прозрачной тенью трепетно облит
 Ее высокий стан... он отдыхает;

Уж он и рад, что с ней они вдвоем, —
Заговорил. . . а сердце в ней пылает
Неведомым, томительным огнем.
Их запахом встречает куст незримый,
И, словно тоже страстию томимый,
Вдали, вдали — на рубеже степей
650 Гремит, поет и плачет соловей.

51

И, может быть, он начал понимать
Всю прелесть первых трепетных движений
Ее души. . . и стал в нем утихать
Крикливый рой смешных предубеждений.
Но ей одной доступна благодать
Любви простой, и детской и стыдливой. . .
Нет! о любви не думает она —
Но, как листок блестящий и счастливый,
Ее несет широкая волна. . .
660 Всё — в этот миг — кругом ей улыбалось,
Над ней одной всё небо наклонялось.
И, колыхаясь медленно, трава
Ей вслед шептала милые слова. . .

52

Они всё шли да шли. . . Приятель мой
Парашей любовался молчаливо;
Она вся расцветала, как весной
Земля цветет и страстно и лениво
Под теплою, обильною росой.
Облитое холодной, влажной мглою,
670 Ее лицо горит. . . и понял он,
Что будет он владеть ее душою,
Что он любим, что сам он увлечен, —
Она молчит — подобное молчанье
Имеет всем известное названье. . .
И он склонился — и ее рука
Под поцелуем вспыхнула слегка.

Читайте дальше, дальше, господа!
 Не бойтесь: я писатель благоденственный.
 Шалил мой друг в бывалые года,
 690 Но был всегда он малый «честный, славный»
 И не вкушал — незрелого плода.
 Притом он сам был тронут: да признаться,
 Он постарел — устал; не в первый раз
 Себе давал он слово не влюбляться
 Без цели... иногда в свободный час
 Мечтал он о законном, мирном браке...
 Но между тем он чувствует: во мраке
 Параша вся дрожит... и мой герой
 Сказал ей: «Не вернуться ль нам домой?»

690 Они пошли домой; но — признаюсь —
 Они пошли дорогой самой длинной...
 И говорили много: я стыжусь
 Пересказать их разговор невинный
 И вовсе не чувствительный — клянусь.
 Она болтала с ним, как с старым другом,
 Но голос бедной девушки слегка
 Звенел едва исчезнувшим испугом,
 Слегка дрожала жаркая рука...
 Всё кончено: она ему вверялась,
 700 Сближению стыдливо предавалась...
 Так в речку ножку робкую дитя
 Заносит, сук надежный ухватя.

И наконец они пришли домой.
 За ужином весьма красноречиво
 И с чувством говорил приятель мой.
 Старик глядит на гостя, как на диво;
 Параша тихо подперлась рукой

И слушает. Но полночь бьет; готова
Его коляска; он встает; отец
710 Его целует нежно, как родного;
Хозяйка чуть не плачет. . . наконец
Уехал он; но в самый миг прощанья
Он ей шепнул с улыбкой: «До свиданья»,
И, уходя совсем, из-за дверей
Он долгим взглядом поменялся с ней.

56

Он едет; тихо всё. . . глухая ночь;
Перед коляской скачет провожатый.
И шепчет он: «Я рад соседям. . . дочь
У них одна; он человек богатый. . .
720 Притом она мила. . .» Он гонит прочь
Другие, неуместные мечтанья,
Отзвучия давно минувших дней. . .
Не чувствуя ни страха, ни желанья,
Она ходила в комнатке своей;
Ее душа немела; ей казалось,
Что в этот миг как будто изменялось
Всё прежнее — вся жизнь ее, — и сон
Ее застиг; во сне явился — он.

57

Он. . . грустно мне; туманятся слезой
730 Мои глаза. . . гляжу я: у окошка
Она сидит на креслах; головой
Склонилась на подушку; с плеч немножко
Спустилась косынка. . . золотой
И легкий локон вьется боязливо
По бледному лицу. . . а на губах
Улыбка расцветает молчаливо.
Луна глядит в окно. . . невольный страх
Меня томит; мне слышится: над спящей,
Как колокольчик звонкий и дрожащий,
740 Раздался смех. . . и кто-то говорит. . .
И голосок насмешливо звенит:

«В теплый вечер в ульях чистых
 Зреют светлые соты;
 В теплый вечер лип душистых
 Раскрываются цветы;
 И когда по ним слезами
 Потечет прозрачный мед —
 Вьется жадно над цветами
 Пчел ликующий народ. . .
 750 Наклоняя сладострастно
 Свой усталый стебелек,
 Гостя милого напрасно
 Ни один не ждет цветок.
 Так и ты цвела стыдливо,
 И в тебе, дитя мое,
 Созревало прихотливо
 Сердце страстное твое. . .
 И теперь в красе расцвета,
 Обаяния полна,
 760 Ты стоишь под солнцем лета
 Одинока и пышна.
 Так склонись же, стебель стройный,
 Так раскройся ж, мой цветок;
 Прилетел жених. . . достойный —
 В твой забытый уголок!»

58

Но, впрочем, это кончиться ничем
 Могло. . . он мог уехать — и соседку,
 Прогулку и любовь забыть совсем,
 Как забываешь брошенную ветку.
 770 Да и она, едва ль. . . но между тем
 Как по саду они вдвоем скитались —
 Что, если б он, кого все знаем мы,
 Кого мы в детстве, помнится, боялись,
 Пока у нас не развились умы, —
 Что, если б бес печальный и могучий
 Над садом тем, на лоне мрачной тучи
 Пронесся — и над любящей четой
 Поник бы вдруг угрюмой головой, —

Что б он сказал? Он видывал не раз,
 780 Как Дон-Жуан какой-нибудь лукаво
 Невинный женский ум, в удобный час,
 Опутывал и увлекал... и, право, —
 Не тешился он зрелищем проказ,
 Известных со времен столпотворенья...
 Лишь иногда с досадой знатока
 Он осуждал его распоряженья —
 Давал советы изредка, слегка;
 Но всё ж над ней одной он мог смеяться...
 А в этот раз он стал бы забавляться
 790 Вполне и над обоими... Друзья,
 Вы, кажется, не поняли меня?

60

Мой Виктор не был Дон-Жуаном... ей
 Не предстояли грозные волненья.
 «Тем лучше, — скажут мне, — разгар страстей
 Опасен»... точно; лучше, без сомненья,
 Спокойно жить и приживать детей —
 И не давать, особенно вначале,
 Щекам пылать... склоняться голове...
 А сердцу забываться — и так дале.
 800 Не правда ль? Общепринятой молве
 Я покоряюсь молча... поздравляю
 Парашу — и судьбе ее вручаю, —
 Подобной жизнью будет жить она;
 А кажется, хохочет сатана.

61

Мой Виктор перестал любить давно...
 В нем сызмала горели страсти скупю;
 Но, впрочем, тем же светом решено,
 Что по любви жениться — даже глупо.
 И вот в кого ей было суждено
 810 Влюбиться... что ж? он человек прекрасный

И, как умеет, сам влюблен в нее;
Ее души задумчивой и страстной
Сбылись надежды все... сбылося всё,
Чему она дать имя не умела,
О чем молиться смела и не смела...
Сбылося всё... и оба влюблены...
Но всё ж мне слышен хохот сатаны.

02

Друзья! я вижу беса... на забор
Он оперся — и смотрит; за четою
820 Насмешливо следит угрюмый взор.
И слышно: вдалеке лихой грозою
Растерзанный, печально воет бор...
Моя душа трепещет поневоле;
Мне кажется, он смотрит не на них —
Россия вся раскинулась, как поле,
Перед его глазами в этот миг...
И как блестят над тучами зарницы,
Сверкают злобно яркие зеницы;
И страшная улыбка проползла
830 Медлительно вдоль губ владыки зла.

.
.

03

Я долго был в отсутствии; и вот
Лет через пять я встретил их, о други!
Он был женат на ней — четвертый год
И как-то странно потолстел. Супруги
Мне были ради оба. Мой приход
Напомнил ей о прежнем — и сначала
Ее встревожил несколько... она
Поплакала; ей даже грустно стало —
Но грусть замужней женщины смешна.
840 Как ручеек извилистый, но плавный,
Катилась жизнь Прасковьи Николавны;

И даже муж — я вам не всё сказал —
Ее весьма любил и уважал.

64

Сперва он тешился над ней; потом
Привык к ним ездить; наконец — женился;
Увидев дочь под свадебным венцом,
Старик отец умильно прослезился —
И молодым построил славный дом,
Обширный — по-старинному — удобно
850 Расположенный. . . О друзья мои,
Поверьте: в жизни всё правдоподобно. . .
Вы, может быть, мне скажете: любви,
Ее любви не стоил он. . . Кто знает?
Друзья, пускай другой вам отвечает;
Пора мне кончить; много я болтал;
И вам я надоел, и сам устал.

65

Но — боже! то ли думал я, когда,
Исполненный немого обожанья,
Ее душе я предрекал года
860 Святого, благодатного страданья!
С надеждами расставшись навсегда,
Свыкался я с суровым отчуждением —
Но в ней ласкал последнюю мечту
И на нее с таинственным волненьем
Глядел, как на любимую звезду. . .
И что ж? я был обманут так невинно,
Так просто, так естественно, так чинно,
Что в истине своих желаний я
Стал сомневаться, милые друзья.

66

870 И вот что ей сулили ночи той,
Той летней ночи страстные мгновенья,

Когда с такой тревожной быстротой
В ее душе сменялись вдохновенья...
Прощай, Параша!.. Время на покой;
Перо к концу спешит нетерпеливо...
Что ж мне сказать о ней? Признаться вам,
Ее никто не назовет счастливой
Вполне... она вздыхает по часам —
И в памяти хранит, как совершенство,
880 Невинности нелепое блаженство!
Я скоро с ней расстался... и едва ль
Ее увижу вновь... ее мне жаль.

67

Мне жаль ее... быть может, если б рок
Ее повел другой — другой дорогой...
Но рок, так всеми принято, жесток;
А потому и поступает строго.
Припомнив взгляд любимый, я бы мог,
Я бы хотел сказать, чем, расставаясь
С Парашей, вся душа томится... но —
890 На серебристом снеге разгораясь,
Блестят лучи; скрипит мороз; давно
Пора на свежий воздух, на свободу...
И потому я кланяюсь народу
Читателей — снимаю свой колпак
Почтительно — и выражаюсь так:

68

Читатель мой, прощайте! Мой рассказ
Вас усыпил иль рассмешил — не знаю;
Но я, хоть вижусь с вами в первый раз,
Дальнейшего знакомства не желаю...
900 Всё оттого, что уважаю вас.
Свои ошибки вижу я: их много;
Но вы добры, я слышал, и меня
По глупости простите ради бога!
А вы, мои любезные друзья,
Не удивляйтесь: страстию несчастной

С ребячьих лет страдал ваш друг прекрасный...
Писал стихи... мне стыдно; так и быть!
Прошу вас эти бредни позабыть!

69

А если кто рассказ небрежный мой
910 Прочтет -- и вдруг, задумавшись невольно,
На миг один поникнет головой
И скажет мне спасибо: мне довольно...
Тому давно — стоял я над кормой,
И плыли мы вдоль города чужого;
Я был один на палубе... волна
Вздымала нас и опускала снова...
И вдруг мне кто-то машет из окна,
Кто он, когда и где мы с ним видались,
Не мог я вспомнить... быстро мы промчались —
920 Ему в ответ и я махнул рукой —
И город тихо скрылся за горой.

Начало 1843

93. ПОП

Поэма

Смиренный сочинитель шутки сей
В иных местах поделал варианты
Для дам, известных строгостью своей...
Но любящих подобные *куранты*.

1

Бывало, я писал стихи — для славы,
И те стихи, в невинности моей,
Я в божий мир пускал не без приправы
«Глубоких и значительных» идей...
Теперь пишу для собственной забавы
Без прежних притязаний и затей —
И подражать намерен я свирепо
Всем... я на днях читал «Pucelle» и «Верро».

Хоть стих иной не слишком выйдет верен —
 10 Не стану я копать над стихом;
 К чему? скажите мне на милость? скверен
 Мой слог — зато как вольно под пером
 Кипят слова. . . внимайте ж! я намерен —
 Предупредив читательниц о том —
 Предаться (грубая ¹ во мне природа!)
 Похабностям ² различнейшего рода.

Читатели найдутся. Не бесплодной,
 Не суетной работой занят я.
 Меня прочтет Панаев благородный
 20 И Веверов любезная семья;
 Белинский посвятит мне час свободный,
 И Комаров понюхает меня. . .
 Языков сам столь влажной, столь приятной
 Меня почитит улыбкой благодатной.

[Ну — к делу! Начинайся, пышный эпос, —
 Пою попа-соседа, попадю,
 Ее сестру. . . Вы скажете: «Нелепо-с
 Воспеть попов». . . но я попов пою;
 Предмет достойный эпоса — не репа-с
 30 В наш подлый век. . . но что я говорю?
 И мне ли, мне ль при жизни Комаришки
 В политику пускаться, вроде Жишки?]

¹ Легкая.

² Любезностям.

Итак, друзья, я жил тогда на даче,
 В *чухонской* деревушке — с давних пор
 Любимой *немцами*. . . Такой удаче
 Смеетесь вы. . . Что делать! Мой позор
 Я сам глубоко чувствовал — тем паче,
 Что ничего внимательный мой взор
 Не мог открыть в числе супруг и дочек
 40 Похожего на лакомый кусочек.

6

Вокруг меня — всё жил народ известный:
 Столичных немцев цвет и сок. Во мне
 При виде каждой рожи глупо-честной
 Кипела желчь. Как русский — не вполне
 Люблю я честность. . . Немок — пол прелестный
 Я жаловал когда-то. . . но оне
 На уксусе настоянные розы. . .
 И холодны, как ранние морозы.

7

И я скучал, зевал, и падал духом.
 50 Соседом у меня в деревне той
 Был — кто же? поп, покрытый жирным пухом,
 С намасленной, коротенькой косой,
 С засаленным и ненасытным брюхом.
 Попов я презираю всей душой. . .
 Но иногда — томим несносной скукой —
 Травил его моей лягавой сукой.

8

Но поп — не поп без попадьи трупёрдой,
 Откормленной, дебелой. . . Признаюсь,
 Я человек и грешный и нетвердый,
 60 И всякому соблазну поддаюсь.

Перед иной красавицею гордой
Склоняюсь я — но всё ж я не стыжусь
Вам объявить (известно: люди слабы...):
Люблю я мясо доброй русской бабы.

9

А моего соседушки супруга
Была — ходячий пуховик, ей-ей...
У вашего чувствительного друга
Явилось тотчас множество затей;
Сошелся я с попом — и спился с круга
70 Любезный поп, по милости моей;
И вот — пока сожитель не проспится,
В блаженстве я тону, как говорится.

10

Так что ж? .. скажите мне, какое право
Имеем мы смеяться над таким
Блаженством? Люди неразумны — право.
В ребяческие годы мы хотим
Любви «святой, возвышенной» — направо,
Налево мы бросаемся... кричим...
Потом — угомонившись понемногу,
80 Кого-нибудь (<...>) — и слава богу!¹

11

Но Пифагор, Сенека и Булгарин
И прочие философы толпой
Кричат, что человек неблагодарен,
Забывчив... вообще подлец большой...
Действительно: как сущий русский барин,
Я начал над злосчастной попадьею —
Подтрунивать... и на мою победу
Сам намекал почтенному соседу.

¹ Мы с кем-нибудь живем — и слава богу!
Кого-нибудь мы любим, слава богу!

Но мой сосед был человек беспечный.
 90 Он сытый стол и доброе вино
 Предпочитал «любви скоротечной»,
 Храпел — как нам храпеть не суждено.
 Уж я хотел, томим бесчеловечной
 Веселостью, во всем сознаться... но
 Внезапная случилась остановка:
 Друзья... к попу приехала золовка.

Сестра моей любовницы дебелой —
 Во всем разгаре жизни молодой,
 О, господи! была подобна спелой,
 100 Душистой дыне, на степи родной
 Созревшей в жаркий день. Оторопелый
 Я на нее глядел — и всей душой,
 Любуясь этим телом полным, сочным,
 Я предавался замыслам порочным.

Стан девственный, под черными бровями
 Глаза большие, звонкий голосок,
 За молодыми, влажными губами
 Жемчужины — не зубки, свежих щек
 Румянец, ямки на щеках, местами
 110 Под белой, тонкой кожицей жирок —
 Всё в ней дышало силой и здоровьем...
 Здоровьем — правда, несколько коровьим.

Я некогда любил все «неземное»,
 Теперь — напротив — более всего
 Меня пленяет смелое, живое,
 Веселое... *земное* существо.

Таилось что-то сладострастно-злое
В улыбке милой Саши...¹ Сверх того
Короткий нос с открытыми ноздрями
120 Недаром обожаем <...>²

16

Я начал волочиться так ужасно,
Как никогда — ни прежде, ни потом
Не волочился... даже слишком страстно.
Она дичилась долго — но с трудом
Всего достигнешь... и пошли прекрасно
Мои делишки... вот — я стал о том
Мечтать: когда — и как?.. Вопрос понятный,
Естественный... и очень деликатный.

17

Уж мне случалось, пользуясь молчаньем,
130 К ее лицу придвинуться слегка —
И чувствовать, как под моим лобзаньем
Краснея, разгоралась щека...
И губы сохли... трепетным дыханьем
Менялись мы так медленно... пока...
Но тут я, против воли, небольшую,
Увы! поставить должен запятую.

18

Все женщины — в любви чертовски чутки...
(Оно понятно: женщина — раба.)
И попадья-злодейка наши *шутки*
140 Пронюхала, как ни была глупа.

¹ Мою поповну звали Сашей,
Прошу внимательных друзей
Ее не смешивать с Парашей,
Побочной дочерью моей.

² Шалунами.

Она почла, не тратив ни минутки,
За нужное — уведомить попа. . .
Но как она надулась — правый боже!
Поп отвечал: «〈. . .〉 ее? Так что же!»¹

19

Но с той поры не знали мы покоя
От попадьи. . . Теперь, читатель мой,
Ввести я должен нового героя.
И впрямь: он был — недюжинный «герой»,
«До тонкости» постигший тайны «строя»,
150 «Кадетина», «служака затяжной»
(Так лестно выражался сам Паскевич
О нем) — поручик Пантелей Чубкевич.

20

Его никто не вздумал бы Ловласом
Назвать. . . огромный, грушевидный нос
Торчал среди лица, вином и квасом
Раздутого. . . он был высок и кос —
И говорил глухим и сиплым басом;
Ну словом: настоящий малоросс!
Я б мог сказать, что был он глуп как мерин —
160 Но лошадь обижать я не намерен.

21

Его-то к нам коварная судьбина
Примчала. . . я, признаться вам, о нем
Не думал — или думал: вот скотина!
Но как-то раз к соседу вечерком
Я завернул. . . о, гнусная картина!
Поручик между Сашей и попом
Сидит. . . перед огромным самоваром —
И весь пылает непристойным жаром.

¹ Зевая, поп ответил ей: «Так что же?»

Перед святыней сана мы немеем...
 170 А поп — сановник; я согласен; но
 Сановник этот сильно — под шефеем...
 (Как слово чисто русское, должно
 «Шефе» склоняться)... попадаья с злодеем
 Поручиком — я вижу — заодно...
 И нежится — и даже строит глазки
 И расточает «родственные» ласки.

И под шумок их речи голосистой,
 На цыпочках подкрался сзади я...
 А Саша разливает чай душистый,
 180 Молчит — и вдруг увидела меня...
 И радостью блаженной, страстной, чистой
 Ее глаза сверкнули... О друзья!
 Тот милый взгляд проник мне прямо в душу...
 И я сказал: «Сорву ж я эту грушу!..»

Не сватался поручик безобразный
Пока — за Сашей... да... но стороной
 Он толковал о том, что к жизни праздной
 Он чувствует влечение... что с женой
 Он был бы счастлив!.. Что ж? он не приказный
 190 Какой-нибудь!.. притом поручик мой,
 У «батюшки» *спросив благословенья* —
 Вполне достиг его благоволенья.

«Но погоди ж, — я думал, — друг любезный!
 О попадаья-плутовка! погоди!
 Мы с Сашей вам дадим урок полезный —
 Жениться вздумал!! . Время впереди —

Но всё же мешкать нечего над бездной».
 Я к Саше подошел... В моей груди
 Кипела кровь... поближе я придвинул
 200 Мой стул и сел... Поручик рот разинул.

26

Но я — не прерывая разговора,
 Глядел на Сашу, как голодный волк...
 И вдруг поднялся. «Что это? так скоро!
 Куда спешите?» Мягкую, как шелк,
 Я ручку сжал. «Вы не боитесь вора?..
 Сегодня ночью...» — «Что-с?» — но я умолк —
 Ее лицо внезапно покраснело...
 И я пошел и думал: ладно дело!

27

А вот и почь... торжественным молчаньем
 210 Исполнен чуткий воздух... мрак и свет
 Слилися в небе... Долгим трепетаньем
 Трепещут листья... Суета сует!
 К чему мне хлопотать над описаньем?
 Какой же я неопытный «поэт»!
 Скажу без вычур — ночь была такая,
 Какой хотел я: темная, глухая.

28

Пробила полночь... Время... Торопливо
 Прошел я в сад к соседу... под окном
 Я стукнул... растворилось боязливо
 220 Окошко... Саша в платице ночном,
 Вся бледная — склонилась молчаливо
 Ко мне... «Я вас пришел просить...» — «О чем?
 Так поздно... ах! Зачем вы здесь? скажите?
 Как сердце бьется — боже!.. нет! уйдите!..»

«Зачем я здесь? О Саша! как безумный
 Я вас люблю. . .» — «Ах, нет — я не должна
 Вас слушать. . .» — «Дайте ж руку». . . Ветер
шумный

Промчался по березам. Как она
 Затрепетала вдруг!! . благоразумный
 230 Я человек — но плоть во мне сильна —
 А потому, внезапно, словно кошка,
 Я по стене. . . вскарабкался в окошко.

«Я закричу», — твердила Саша. . . (Страстно
 Люблю я женский крик — и майонез.)
 Бедняжка перетрусилась ужасно —
 А я, злодей! развратник! . . лез да лез.
 «Я разбуджу сестру — весь дом. . .» —
«Напрасно. . .»

(Она кричала. . . шепотом.) «Вы бес!»
 — «Мой ангел — Саша — как тебе не стыдно
 240 Меня бояться. . . право — мне обидно».

Она твердила: «боже мой. . . о боже!»
 Вздыхала — не противилась — но всем
 Дрожала телом. Добродетель всё же
 Не вздор — по крайней мере не совсем —
 Так думал я — но «девственное ложе»,
 Гляжу, во тьме белеет. . . О, зачем
 Соблазны так невыразимо сладки!!!
 Я Сашу посадил на край кровати.

К ее ногам прилег я, как котенок. . .
 250 Она меня бранит. . . а я молчок —
 И робко, как наказанный ребенок,
 То ручку, то холодный локоток

Целую — то колено... Ситец тонок —
А поцелуй горяч... И голосок
Ее погас — и ручки стали влажны,
Приподнялось и горло — признак важный!

33

И близок миг... над жадными губами
Едва висит на ветке пышный плод...
Подыметесь ли шорох за дверями,
260 Она сама рукой зажмет мне рот...
И слушает... и крупными слезами
Сверкает взор испуганный... и вот
Она ко мне припала, замирая,
На грудь... и, головы не подымая,

34

Мне шепчет: «Друг, ты женишься!» Рекою
Ужаснейшие клятвы полились.
«Обманешь... бросишь...» -- «Солнцем
и луною
Клянусь тебе, о Саша!» Расплелись
Ее густые волосы... змеєю
270 Согнулся тонкий стан... «Ах да... женись...»
И запрокинулась назад головка...
И... мой рассказ мне продолжать неловко.

35

Читатель милый! Смелый сочинитель
Вас переносит в небо. В этот час
Плачевный... ангел, Сашин попечитель,
Сидел один и думал: «Вот те раз!»
И вдруг к нему подходит искуситель:
«Что — батюшка? надули, видно, вас?»
Тот отвечал, сконфузившись: «Нисколько!»
280 Ну, смейся! зубоскал!.. подлец — и только».

Сойдем на землю. На земле всё было
 Готово... то есть — кончено... вполне...
 Бедняжка то вздыхала так уныло...
 То страстно прижималася ко мне,
 То тихо плакала. В ней сердце ныло —
 Я плакал сам — и в грустной тишине,
 Склоняясь над обманутым ребенком,
 Я прикасался к трепетным ручонкам.

«Прости меня, — шептал я со слезами, —
 290 Прости меня...» — «Господь тебе судья...»
 — «Так я прощен!..» (Поручика с рогами
 Поздравил я.) — Ликуй, душа моя!
 Ликуй — но вдруг... о, ужас!! перед нами
 В дверях — с свечой — явилась попадьья!!
 Со времени татарского нашествия
 Такого не случалось происшествия!

При виде раздраженной Гермионы
 Сестрица с визгом спрятала лицо
 В постель... Я растерялся... панталоны
 300 Найти не мог... отчаянно в кольцо
 Свернулся — жду... И крики, вопли, стоны,
 Как град — и град в куриное яйцо —
 Посыпались... в жару негодованья
 Все женщины — приятные созданья...

«Антон Ильич!.. Сюда!..Содом-Гоморра!
 Вот до чего дошла ты наконец,
 Развратница! Наделать мне позора
 Приехала... А вы, сударь, — подлец!

И что ты за красавица — умора! . . .
310 И тот, кому ты нравишься, — глупец,
Картежник, вор, грабитель и мошенник! . . .»
Тут в комнату ввалился сам священник.

40

«А! ты! Ну полюбуйся! — посмотри-ка,
Козел ленивый! — что? что? старый гусь?
Не верил мне? Не верил? ась? . . . Поди-ка
Теперь — ее сосватай. . . Я стыжусь
Сказать, как я застала их. . . улика,
Чай, налицо (. . . in naturalibus —
Подумал я) — измята вся постелька!»
320 Служитель алтаря был пьян как стелька.

41

Он улыбнулся слабо. . . взор лукавый
Провел кругом. . . слегка махнул рукой
И пал к ногам супруги величавой,
Как юный дуб, низринутый грозой. . .
Как смелый витязь падает со славой
За край — хотя подлеший, но родной, —
Так пал он, поп достойный, но с избытком
Предавшийся крепительным напиткам.

42

Смутилась попадья. . . И в самом деле
330 Пренеприятный случай! Я меж тем
Спокойно восседаю на постеле.
«Извольте ж убираться вон. . .» — «Зачем?»
— «Уйдете вы?» — «На будущей неделе.
Мне хорошо; вот видите ль: я ем
Всегда — пока я сыт; и ем я много. . .»
Но Саша мне шепнула: «ради бога! . . .»

Я тотчас встал. — «А страшно мне с сестрицей
 Оставить вас. . .» — «Не бойтесь. . . я сильней. . .»
 — «Эге! такой решительной девицей
 340 Я вас не знал. . . но вы в любви моей
 Не сомневайтесь, ангелочек». Птицей
 Я полетел домой. . . и у дверей
 Я попадью таким окинул взглядом,
 Что, верно, жизнь ей показалась адом.

Как человек, который «взнес повинность»,
 Я спал, как спит наевшийся порок
 И как не спит голодная невинность.
 Довольно. . . может быть, я вас увлек
 На миг — и вам понравилась «картинность»
 350 Рассказа — но пора. . . с усталых ног
 Сбиваю пыль: дошел я до развязки
 Моей весьма немногосложной сказки.

Что ж сделалось с попом и с попадьею?
 Да ничего. А Саша, господа,
 Вступила в брак с чиновником. Зимойю
 Я был у них. . . обедал — точно, да.
 Она слывет прекраснейшей женою
 И недурна. . . толстеет — вот беда!
 Живут они на Воскресенской, в пятом
 360 ЭТА́же, в номере пятьсот двадцатом.

16 июня 1844

РАЗГОВОРЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВ. ТУРГЕНЕВА (Т. Л.)

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАНА.

—
1845.

94. РАЗГОВОР

Стихотворение

Один, перед немым и сумрачным дворцом
Бродил я вечером, исполненный раздумья;
Блестящий пир утих; дремало всё кругом —
И замер громкий смех веселого безумья.
Среди таинственной, великой тишины
Березы гибкие шептали боязливо —
И каменные львы гляделись молчаливо
В стальное зеркало темнеющей волны.

И спящий мир дышал бессмертной красотой...
10 Но глаз не подымал и проходил я мимо;
О жизни думал я, об Истине святой,
О всем, что на земле навек неразрешимо.
Я небо вопрошал... и тяжело было мне —
И вся душа моя пресытилась тоскою...
А звезды вечные спокойной чередою
Торжественно неслись в туманной вышине.

Июль 1844

1

В пещере мрачной и сырой
Отшельник бледный и худой
Молился. Дряхлой головой
20 Он наклонялся до земли;
И слезы медленно текли
По сморщенным его щекам,
Текли по трепетным губам
На руки, сжатые крестом.
Таилась в голосе глухом
Полуживого старика
Непобежденная тоска...
Тот голос... много зол и мук
Смягчили прежний, гордый звук...
30 И после многих тайных битв,
И после многих горьких слез
Слова смиренные молитв

Стоял старик... но так светло
Струилась речка... так тепло
Коснулся мягкий ветерок
70 Его волос... и так глубок
И звучно тих и золотист
Был пышный лес... и каждый лист
Сверкал так радостно, что вдруг
В безумце замер злой недуг —
И озарились слегка
Немые губы старика
Под длинной белой бородой
Улыбкой грустной, но живой.

4

Но вот раздался шум шагов...
80 И быстро вышел из кустов
Нежданный гость. Он иногда
С отшельником — по вечерам —
Сходиллся в прежние года...
Его задумчивым речам
Он с детской жадностью внимал...
С тех пор он вырос — возмужал —
И начал жить... Прошли, как сон,
За днями дни — за годом год...
Завяла жизнь... И вспомнил он
90 Те встречи — молодость — и вот
Стоит он с пасмурным лицом
Пред изумленным стариком.

5

И назвал он себя... Узнал
Его пустынный... быстро встал...
Дал гостю руку... Та рука
Дрожала... голос старика
Погас... Но странник молодой
Поник печально головой,
Пожал болезненно плечом
100 И тихо вздрогнул... и потом
Взглянул медлительно кругом.

И говорили взоры те
О безотрадной пустоте
Души, погибшей, как и все:
Во всей — как водится — красе.

“

Но понемногу в разговор
Они вступили... Между тем
Настала ночь. Высокий бор
И спит и шепчет. Чуток — нем
110 Холодный мрак... окружена
Туманом дымчатым луна...
Старик — поникнув на ладонь —
Сидел угрюмый, без речей...
Лишь иногда сверкал огонь
Из-под густых его бровей...
Казалось — он негодовал...
Он так презрительно молчал...
И не сходила до конца
С его печального лица
120 Усмешка злая...

Говорил

Пришлец о том, как он любил,
И как страдал — и как давно
Ему томиться суждено...
И как он пал... Такой рассказ
Слыхали многие не раз —
И сожалели... нет — едва ль!
Не новость на земле печаль.
«Старик, и я, — так кончил он
Рассказ, — ты видишь — побежден...
130 Как воды малого ручья,
Иссякла молодость моя...
Меня сгубил бесплодный жар
Упорных, мелочных страстей...
Беспечности (завидный дар!)
Не раз в тоске души моей
Просил я... но коварный бог
Пытливый дух во мне зажег —
А силы... силы не дал он.

Твой взор я понял... я смешон;
140 К чему волнуюсь я теперь?
За мной навек закрыта дверь.
В тот пестрый, равнодушный мир
Возврата нет... Так пусть же там
Кипит всё тот же наглый пир,
Всё тем же молятся богам,
И, кровью праведной хмельна,
Неправда царствует одна.
Что мне до них! Большой ценой
Купил я право никогда
150 Не вспоминать о жизни той.
Но я люблю — любил всегда
Ночного неба мирный блеск
И темных волн ленивый плеск,
Люблю я вечер золотой,
Лесов задумчивый покой,
И легкий рой румяных туч,
Луны стыдливый, первый луч,
И первый ропот соловья,
И тишину полей... О! я
160 Готов остаться навсегда
С тобою здесь...»

Старик

В твои года
Любил я накануне битв
Слова задумчивых молитв;
Любил рассказы стариков
О том, как били мы врагов;
Любил торжественный покой
Заснувшей рати... За луной
Уходят звезды... вот — восток
Алеет... легкий ветерок
170 Играет клочьями знамен...
Как птица спугнутая, сон
Слетел с полей... седой туман
Клубится тяжело над рекой —
Грохочет глухо барабан —
Раздался выстрел вестовой —
Проворно строятся полки —
В кустах рассыпались стрелки...

И сходят медленно с холмов
Ряды волнистые врагов.
180 Любил я блеск и стук мечей,
И лица гордые вождей,
И дружный топот лошадей,
Когда, волнуясь и гремя,
Сверкала конница в дыму,
Визжали ядра... Полно! Я
Старик. Но — помню — как тюрьму,
Я ненавидел города;
И надышаться в те года
Не мог я воздухом лесов —
190 И был я силен и суров,
И горделив, — и, сколько мог,
Я сердце вольное берег.

Молодой человек

Дивлюсь я, слушая тебя.
Как? Неужели ж помнишь ты
Тревоги молодости?

Старик

Я

Всё помню.

Молодой человек

Детские мечты?
Восторги пламенные?

Старик

Да.

Ребенок искренний, тогда
Я был глупей тебя — глупей...
200 Я не шутил душой моей...
И всё, над чем смеешься ты
Так величаво, те «мечты»
В меня вросли так глубоко,
Что мне забыть их нелегко.
Но ты, бесстрастный человек,
Ты успокоился навек.

Молодой человек

Кто? Я спокоен? Боже мой!
Я гибну в медленном огне...
Да ты смеешься надо мной,
210 Старик!

Старик

О нет! но грустно мне.
Кичливой ревностью горя,
Расправив гордо паруса,
Давно ль в далекие моря
Под неродные небеса
Помчался ты? И что ж? о срам!
Едва дохнула по волнам
Гроза — к родимым берегам,
Проворен, жалок, одинок,
Бежит испуганный челнок.
220 В разгаре юношеских сил
Ты, как старик, и вял и хил...
Но боже! разве никогда
Не знал ты жажду мыслей, дел,
Тоску глубокого стыда,
И не рыдал, и не бледнел?
Любил ли ты кого-нибудь?
Иль никогда немая грудь,
Блаженства горького полна,
Не трепетала, как струна?

Молодой человек

230 А ты любил?

И вдруг старик
Умолк — и медленно лицом
На руки дряхлые поник.
Когда же голову потом
Он поднял — взор его потух...
Он бледен был, как будто дух
Тревожный, плачущий, немой
Промчался над его душой.
«Я сознаюсь, — так начал он, —

Твой неожиданный приход
240 Меня смутил. Я потрясен.
Я ждал тебя так долго... вот
Ты появился наконец
Печальным гостем предо мной...
Как сына слушает отец,
Тебя я слушал... И тоской
Внезапно стал томиться я...
И странно! прежняя моя
Любовь — и всё, что так давно
В моей груди схоронено,
250 Воскресло вдруг... пробуждены
Живые звуки старины,
И тени милые толпой
Несутся тихо надо мной.
Я знаю: стыдно старику
Лелеять праздную тоску;
И, как осенняя гроза,
Бесплодна поздняя слеза...
Но близок смерти горький час;
Но, может быть, в последний раз
260 Я с человеком говорю,
Последним пламенем горю...
О жизнь! О юность! О любовь!
Любовь мучительная!.. Вновь
Хочу — хочу предаться вам
Хотя б на миг один... а там
Погасну, вспыхнувши едва...

Ты говоришь: любил ли я?
Понятны мне слова твои...
270 Так отвечайте ж за меня
Вы, ночи дивные мои!
Не ты ль сияла надо мной,
Немая, пышная луна,
Когда в саду, в тени густой
Я ждал и думал: вот она!
И замирал, и каждый звук
Ловил, и сердца мерный стук
Принять, бывало, был готов
За легкий шум ее шагов...

280 И с той поры так много лет
Прошло; так много, много бед
Я перенес... но до конца —
В пустыне — посреди людей —
Черты любимого лица
Хранил я в памяти моей...
Я вижу, вижу пред собой
Тот образ светлый, молодой...
Воспоминаний жадный рой
Теснится в душу... страстно я
290 Им отдаюсь... в них ад и рай...
Но ты послушайся меня:
До старых лет не доживай.

Забуду ль я тот дивный час,
Когда, внезапно, в первый раз
Смущенный, стал я перед ней?
Огнем полуденных лучей
Сверкало небо... под окном,
Полузакрытая плющом,
Сидела девушка... слегка
300 Пылала смуглая щека,
Касаясь мраморной руки...
И вдоль зардевшейся щеки
На пальцы тонкие волной
Ложился локон золотой.
И взор задумчивый едва
Блуждал... склонялась голова...
Тревожной, страстной тишиной
Дышали томные черты...
Нет! ты не видывал такой
310 Неотразимой красоты!

Я с ней сошелся... Я молчу...
Я не могу, я не хочу
Болтать о том, как я тогда
Был счастлив... Знай же — никогда,
Пока я не расстался с ней,
Не ведал я спокойных дней...
Но страсть узнал я, злую страсть...
Узнал томительную власть
Души надменной, молодой

320 Над пылкой, преданной душой.
Обнявшись дружно, целый год
Стремилась жадно мы вперед,
Как облака перед грозой...
Не признавали мы преград —
И даже к радости былой
Не возвращались мы назад...
Нет! торжествуя без конца,
Мы сами жгли любовь и жизнь —
И наши гордые сердца

330 Не знали робких укоризн...
Но всё ж я был ее рабом —
Ее щитом, ее мечом...
Ее рабом я был! Она
Была свободна, как волна.
И мне казалось, что меня
Она не любит... О, как я
Тогда страдал! Но вот идем
Мы летним вечером — вдвоем
Среди темнеющих полей...

340 Идем мы... клики журавлей
Внезапно падают с небес —
И рдеет и трепещет лес...
Мне так отратно... так легко...
Я счастлив... счастлив я вполне...
И так блаженно-глубоко
Вздыхает грудь... И нет во мне
Сомнений... оба мы полны
Такой стыдливой тишины!
Но дух ее был смел и жив

350 И беспокойно горделив;
Взойдет, бывало, в древний храм
И, наклонясь к немым плитам,
Так страстно плачет... а потом
Перед распятым божеством
Надменно встанет — и тогда
Ее глаза таким огнем
Горят, как будто никогда
Их луч и гордый и живой
Не отуманился слезой.

360 Ах! та любовь, и страсть, и жар,
И светлой мысли дивный дар,

И красота — и всё, что я
Так обожал, — исчезло всё...
Безмолвно приняла земля
Дитя погибшее свое...
И ясен был спокойный лик
Великой матери людей —
И безответно замер крик
Души растерзанной моей...
370 Кругом — пленительна, пышна,
Сияла ранняя весна,
Лучом играя золотым
Над прахом милым и немым.
В восторгах пламенной борьбы
Ее застал последний час...
И без рыданий, без мольбы
Свободный дух ее погас...
А я! не умер я тогда!
Мне были долгие года
380 Судьбой лукавой суждены...
Сменили тягостные сны
Тот первый, незабвенный сон...
Как и другие, пощажен
Я не был... дожил до седин...
И вот живу теперь один...
Молюсь...»

Молодой человек

Как ты, любил и я...
Но не могу я рассказать,
Как ты, любовь свою... Меня
Ты не захочешь понимать...
390 Бывало, в мирный час, когда
Над бледным месяцем звезда
Заблещет в ясной вышине,
И в безмятежной тишине
Журчит и плещет водопад,
И тихо спит широкий сад,
И в наклоненных берегах
Дремотно нежится река...
Сижу я с ней... в моих руках
Лежит любимая рука, —
400 И легкий трепет наших рук,

И нежной речи слабый звук,
Ее доверчивый покой,
И долгий взгляд, и вздох немой —
Всё говорит мне: ты любим!
И что ж! мучительно томим
Тоской безумной, я молчу...
Иль головой к ее плечу
Я наклонюсь... и горячо
На обнаженное плечо
410 Неистошимой чередой
Слеза струится за слезой...
О чем, скажи мне, плакал я?
Нет! жизнь отравлена моя!
Едва желанное вино
К моим губам поднесено —
И сам я, сам, махнув рукой,
Роняю кубок дорогой.
Когда ж настал прощальный миг —
Я был и сумрачен и тих...
420 Она рыдала... видит бог:
Я сам тогда понять не мог,
Зачем я расставался с ней...
Молчал я... в сердце стыла кровь —
Молчал я... но в душе моей
Была не жалость — а любовь.
Старик, поверь — я б не желал
Прожить опять подобный час...
Я беспощадно разрывал
Всё, всё, что связывало нас...
430 Ее, себя терзал я... но
Мне было стыдно и смешно,
Что столько лет я жил шутя,
Любил забывчивый покой
И забавлялся, как дитя,
Своей причудливой мечтой...
Я с ней расстался навсегда —
Бежал, не знаю сам куда...
Следы горячих, горьких слез
Я на губах моих унес...
440 Я помнил всё: печальный взор
И недоконченный укор...
Но всё ж на волю, на простор,

И содрогаясь и спеша,
Рвалась безумная душа.
И для чего? Но я тогда
Не знал людей. . . Так иногда
В степи широкой скачешь ты
И топчешь весело цветы,
И мчишься с радостной тоской,
450 Как будто там, в дали немой,
Где, ярким пламенем горя,
Сверкает пышная заря,
Где тучки светлые легли
Легко — на самый край земли, —
Как будто там найдешь ты всё,
Чем сердце страстное твое
Так безотчетно, так давно,
Так безвозвратно пленено. . .
И ты примчался. . . Степь кругом
460 Всё так же спит ленивым сном. . .
Томя нетерпеливый взгляд,
Несется тучек длинный ряд,
Лепечет желтая трава
Всё те же смутные слова. . .
И та же на сердце печаль,
И так же пламенная даль
Куда-то манит. . . и назад
Поедешь, сам себе не рад.
Но ты задумался?

Старик

Ты прав.
470 Твой беспокойный, странный нрав
Мне непонятен. Создал бог
Нас разно. . . Ты в любви не мог
Найти покоя. . . но любовь
Не благо высшее людей;
Нетерпеливо пышет кровь
В сердцах немыслящих детей. . .
Они лишь для себя живут;
Когда ж минует та пора,
Приличен мужу долгий труд
480 На славном поприще Добра.
Ты жил, скиталец молодой;

Ты жил; так стань же предо мной —
На сердце руку положи
И, не лукавствуя, скажи:
Какой ты подвиг совершил?
Какому богу ты служил?

Молодой человек

Когда бы кто-нибудь другой
Вопрос превыспренный такой
Мне предложил — ему в ответ
490 Я засмеялся бы... но нет!
Перед тобой раскрыта вся
Душа печальная моя.
Бывало, полный гордых дум,
Руководимый божеством
Каким-то, жизни вечный шум
Внимал я с тайным торжеством...
Я думал: там, в толпе людей,
Я волю дам душе моей;
Среди друзей, среди врагов
500 Узнаю сам, кто я таков...
И за тобой, о мой народ,
Пойду я радостно вперед —
И загорится в сердце вновь
Святая, братская любовь.
Но что же! вдруг увидел я,
Что в целом мире для меня
Нет места; что я людям чужд;
Что нет у нас ни тех же нужд,
Ни тех же радостей; что мне
510 Они то страшны, то вполне
Непостижимы, то смешны...
И, потрясен до глубины
Души, взывал я к ним... но сам
Не верил собственным словам.
Я с ними сблизиться не мог...
И вновь один, среди тревог
Пустых, живу я с давних пор...

Старик

Ты произнес свой приговор.
Ты, как дитя, самолюбив,

520 Как женщина, нетерпелив,
И добродушно лишь собой
Ты занят; нет любви прямой
И нет возвышенных страстей
В душе мечтательной твоей.
Но вспомни: «там, в толпе людей»,
Встречал ты юношей живых,
Неговорливых и простых?
Встречал ты старцев и мужей,
Достойных, опытных вождей?
530 И, примиренный наконец
С судьбой, ты видел в них залог
Того, что ревностных сердец
Не покидает правый бог?

Молодой человек

Встречал я «старцев молодых»,
Людей прекрасных — и пустых;
Встречал я слабых добряков
И вздорных умников — толпой;
Встречал любезных остряков,
Довольных службой и судьбой,
540 И государственных людей,
Довольных важностью своей.
А вечный раб нужды, забот,
Спешил бессмысленный народ
На шумный, на постыдный торг...
Мечтал неопытный в тиши;
Но глупенький его восторг
Не веселил моей души;
Разочарованного стон
И бесполезен и смешон;
550 Но вдохновенный взгляд детей
И ненавистней и смешней.
И вот сограждане мои!
Старик, — вот юноши твои!
И всех пугает новизна,
Им недоступна красота...
И даже доблестным страшна
Насмешка праздного шута.
Нет! юношей не видел я...

Нет! нет! ты знаешь: жизнь моя
560 Прошла, как безотрадный сон. . .

С т а р и к

Когда бы не был ты влюблен
В игру бесплодную мечты,
Когда бы в бога верил ты
И страстной, пламенной душой,
Неутомимой до конца,
Искал бы, как воды живой,
Блаженной близости творца, —
Тогда, быть может, на тебя,
Твою настойчивую страсть,
570 Твой дух ревнивый возлюбя,
Сошла б таинственная власть.
Внезапным ужасом гоним
И гневом праведным томим,
Ты стал бы, сумрачный, немой,
Пред легкомысленной толпой. . .
И первый крик души твоей
Смутил бы суетных детей. . .
Толпа не смеет не признать
Великой силы благодать,
580 И негодующий пророк
Карал бы слабость и порок —
Гремели б страстные слова,
И, как иссохшая трава,
Пылали б от твоих речей
Сердца холодные людей.
Но малодушный ты! Судьбе
Ты покорился без стыда. . .
Так что ж, скажи, могло тебе
Дать право гордого суда
590 Над миром? — Нет! не верю я;
Нет! оклеветана толпа
Тобой. . . но если речь твоя
Не ложь, достойная раба, —
Тогда — господь отцов моих!
Всесильный! посети же вновь
Детей забывчивых твоих. . .
Напрасна кроткая любовь —

Так посели ты в их сердцах
И трепет и великий страх —
600 Промчись живительной грозой
Над грешной, суетной землей!

Молодой человек

Не поминай его, старик...
Он так далек... Он так велик —
А мы так малы... Да притом
Он нас забыл давно... О нем
Твердили миру чудеса —
Теперь безмолвны небеса...
О, если бы пророк святой
Сказал мне: встань! иди за мной!
610 Клянусь, пошел бы я, томим
Великой радостью, за ним,
За ним — на гибель, на позор...
И пусть надменный приговор
Толпы рабов, толпы слепой
Гремит над ним и надо мной!
Но где пророки? О старик!
Тебе противен слабый крик
Души печальной и больной...
Ты презираешь глубоко
620 Мою тоску... Но, боже мой!
Ты думаешь, что так легко
С надеждами расстался я?
Что равнодушно сам себе
Сказал я: гибнет жизнь моя!
Что грудь усталая — к борьбе
Упрямо, долго не рвалась?
Что за соломинки сто раз
Я не хватался?... Ах, о чем
Хлопочем мы? Взгляни кругом:
630 Спокойно, кротко спит земля;
Леса, широкие поля
Озарены — обагрены
Лучами влажными луны...
И вот — мне чудится: ко мне,
Подобно медленной волне,
Торжественно, как дальний звон

Колоколов, со всех сторон —
С недостижимых облаков
И с гор, живущих сотый век,
640 Несется плавно звучный зов:
Смирись, безумный человек!

Старик

И я тот голос неземной
Не раз — пред утренней зарей
Слышал и тронутой душой
Стремился трепетно к нему,
К живому богу моему.
Но в тишине других ночей
Звучал, бывало, громкий зов
В груди встревоженной моей...
650 И тех простых и гордых слов
Я не забыл: «Не унывай,
Трудись и бога призывай;
И людям верь, и верь уму —
Не покоряйся никому,
Живи для всех, и знай: крепка
Твоя несправедливая рука».

Молодой человек

А между тем не ты ли сам
Покинул «бренный» мир?

Старик

Страстям

Я предал молодость... оне
660 Меня сгубили... но клянусь:
Того, что прежде было мне
Святыней, — нет! я не стыжусь!

Молодой человек

Ты всех моложе нас, старик;
Мне непонятен твой язык.

Старик

Так будь же проклят ты навек,
Больной, бессильный человек, —

За то, что нагло, без стыда
Ты погубил — и навсегда —
Всё, чем жила душа моя
670 В часы мучительной тоски, —
Мои надежды, всё, что я
Любил, как любят старики!
Зачем пришел ты? Без тебя,
Надежды робкие тая
В груди разбитой, но живой,
Я, грешник, здесь, один, в лесах
Мечтал о жизни молодой,
О новых, сильных племенах —
Желал блаженных, ясных дней
680 Земле возлюбленной своей;
Дерзал молиться в тихий миг
Не за себя — но за других. . .
Теперь же — страшной темнотой
Весь мир покрылся; надо мной
Гремит уныло близкий гром. . .
Один, в пыли перед лицом
Твоим, карающий творец,
Я каюсь, каюсь наконец, —
Измучен я. . . обманут я. . .
690 Но сжался — пощади меня —
Мне смерть страшна — я не готов
Идти на твой могучий зов. . .
А жить. . . нет! жить еще страшней
В такой невыносимой мгле —
И места нет душе моей
Ни в небесах, ни на земле!

Молодой человек

Старик, ты прав, но ты жесток.
Послушай: каждый твой упрек
Неотразим. . . душа моя
700 Томится гневом и тоской
И замирает, как змея
Под торжествующей пятой. . .
И стыдно мне: мои глаза
Сжигает едкая слеза. . .
Но всё ж ты прав: я шут, я раб —
Я, как ребенок, вял и слаб;

Мои мечты еще глупей
Моих младенческих затей. . .
И не далась мне тайна слов
710 Живых — властительных речей;
Не долетает слабый зов
До невнимающих ушей. . .
Вокруг меня толпа шумит,
Толпа не чувствует тоски —
И недоверчиво глядит
На слезы глупые мои. . .
Нет! полно! нет — перед тобой
Клянусь я в этот страшный миг,
Клянусь я небом и землей,
720 Клянусь позором слез моих —
Я не снесу моих цепей,
Родимый край, тебя, друзей
Без сожаленья, навсегда
Покину. . . и пойду тогда,
И безнадежен и суров,
Искать неведомых богов,
Скитаться с жадностью немой
Среди чужих, в земле чужой —
Где никому не дорог я,
730 Но где вольна душа моя,
Где я бестрепетно могу
Ответить вызовом врагу —
И, наконец, назло судьбе,
Погибнуть в радостной борьбе!

Старик

Бежать ты хочешь? Но куда?
Зачем? К кому?

Молодой человек

Старик, когда
Ты так усердно расточал
Упреки — помнишь? я молчал;
Теперь я спрашиваю вас,
740 О предки наши! что для нас
Вы сделали? Скажите нам:
«Вот — нашим доблестным трудам
Благодаря — смотрите — вот

Насколько вырос наш народ...
Вот несомненный, яркий след
Великих, истинных побед!»
Что ж? отвечайте нам!.. Увы!..
Как ваши внуки, на покой
Бессмысленный спешили вы
750 С работы трудной — но пустой...
И мы не лучше вас — о нет!
Нам то же предстоит... Смотри:
Над дальним лесом слабый свет,
Предвестник утренней зари,
Мерцает... близок ясный день —
Редает сумрачная тень...
Но не дожидаться нам с тобой
Денницы пышной, золотой —
И в час, когда могучий луч
760 Из-за громадных синих туч
Блеснет над радостной землей, —
Великий, бесконечный крик
Победы, жизни молодой
Не долетит до нас, старик...
Не пережив унылой тьмы,
С тобой в могилу ляжем мы —
Замрет упорная тоска;
Но будет нам земля тяжка...
Нам даже слава не далась...
770 И наш потомок — мимо нас
Пройдет с поднятой головой,
Неблагодарный и немой.

Он торопливо встал... Рукой
Лицо закрыл старик седой;
И, думой тягостной томим,
Сидит он грустно-недвижим...
Но где же странник? Он исчез...
Шумит сурово темный лес;
И тучи ходят — и страшна
780 Пустынной ночи тишина.

1844

95. ПОМЕЩИК

1

За чайным столиком, весной,
Под липками, часу в десятом,
Сидел помещик столбовой,
Покрытый стеганым халатом.
Он кушал молча, не спеша;
Курил, поглядывал беспечно...
И наслаждалась бесконечно
Его дворянская душа.
На голове его курчавой
10 Торчит ермолка; пес лягавый,
Угрюмый старец, под столом
Сидит и жмурится. Кругом
Всё тихо... Сохнет воздух... жгучий
Почуя жар, перепела
Кричат... ползет обоз скрипучий
По длинной улице села...

2

Помещик этот благородный,
Степенный, мирный семьянин,
Притом хозяин превосходный,
20 Был настоящий славянин.
Он с детства не носил подтяжек
Любил простор, любил покой
И лень; но странен был покроем
Его затейливых фуражек.
Любил он жирные блины,
Боялся черта да жены;
Любил он, скушав пять арбузов,
Ругнуть и немцев и французов,
Читал лишь изредка, с трудом,
30 Служил в архиве казначейства
И был, как следует, отцом
Необозримого семейства.

Он отдыхал. Его жена
 Отправилась на богомолье...
 Известно: в наши времена
 Супругу без жены — раздолье.
 И думал он: «В деревне рай!
 Погода нынче — просто чудо!
 А между тем — зайти не худо
 40 В конюшню да в сенной сарай».
 Помещик подошел к калитке.
 Через дорожку, в серой свитке,
 В платочке красном на бочок,
 Шла девка с кузовом в лесок...
 Как человек давно женатый,
 Слегка прищелкнув языком,
 С улыбкой мирно-плутоватой
 Он погрозил ей кулаком.

Потом с задумчивым вниманьем
 50 Смотрел — как боров о забор
 С эгоистическим стараньем,
 Зажмутив глазки, спину тер...
 Потом — коротенькие ручки
 Сложив умильно на брюшке,
 Помещик подошел к реке...
 На волны сонные, на тучки,
 На небо синее взглянул,
 Весьма чувствительно вздохнул —
 И, палку вынув из забора,
 60 Стал в воду посылать Трезора...
 Меж тем с каким-то мужиком
 Он побеседовал приветно
 О том, что просто с каждым днем
 Мы развиваемся заметно.

Потом он с бабой поболтал...
 (До баб он был немножко падок.)

Зашел в конюшню, посвистал
И хлебцем покормил лошадок...
Увидел в поле двух коров
70 Чужих... разгневался немало;
Велел во что бы то ни стало
Сыскать ослушных мужиков.
Красноречиво, важно, долго
Им толковал о чувстве долга,
Потом побил их — но слегка...
Легка боярская рука...
Пришел в ужасное волнение,
Клялся, что будущей зимой
Всё с молотка продаст именье, —
80 И медленно пошел домой.

6

В саду ему попались дети,
Кричат: «Папá! готов обед...»
— «Меня погубят дети эти, —
Он запищал, — во цвете лет!
Адам Адамыч! Вам не стыдно?
Как вы балуете детей!
Помилуйте! Да что вы?» Сей
Адам Адамыч очевидно
Был иностранный человек...
90 Но для того ли целый век
Он изучал Санхоньятона,
Зубрил «Республику» Платона
И тиснул длинную статью
О божествах самофракийских —
Чтоб жизнь убогую свою
Влачить среди дворян российских?

7

Он из себя был худ и мал;
Любил почтительные жесты —
И в переписке состоял
100 С родителем своей невесты.
Он был с чувствительной душой
Рожден; и в старческие годы

При зрелище красот природы
Вздыхал, качая головой.
Но плохо шли его делишки,
Носил он черные манишки,
Короткий безобразный фрак,
Исподтишка курил табак...
Он улыбался принужденно,
110 Когда начнут хвалить детей,
И кашлял, кланяясь смиренно,
При виде барынь и гостей.

8

Но бог с ним! Тихими шагами
Вернулся под родимый кров
Помещик... Он моргал глазами,
Он был и гневен и суров.
Взошел он в сени молчаливо,
И лани вспуганной быстрее
Вскочил оборванный лакей
120 Подобострастно-торопливо.
Мной воспеваемый предмет
Стремится важно в кабинет.
Мамзель-француженка в гостиной,
С улыбочкой, с ужимкой чинной,
Пред ним присела... Посмотрел
Он на нее лукаво — кошкой...
Подумал: «Эдакой пострел!»
И деликатно шаркнул ножкой.

9

И гнев исчез его, как пар,
130 Как пыль, как женские страданья,
Как дым, как юношеский жар,
Как радость первого свиданья.
Исчез! Сменила тишина
Порывы дум степных и рьяных...
И на щеках его румяных
Улыбка прежняя видна.
Я мог бы, пользуясь свободой
Рассказа, с морем и с природой

Сравнить героя моего,
140 Но мне теперь не до того...
Пора вперед! Читатель милый,
Ваш незатейливый поэт
Намерен описать унылый,
Славяно-русский кабинет.

10

Все стены на манер беседки
Расписаны. Под потолком
Висят запачканные клетки:
Одна с симбирским соловьем,
С чижами две. Вот — стол огромный
150 На толстых ножках; по стенам
Изображенья сочных дам
С улыбкой сладостной и томной
И с подписью: «La Charité,
La Nuit, le Jour, la Vanité...»¹
На полке чучело кукушки,
На креслах шитые подушки,
Сундук окованный в угле,
На зеркале слой липкой пыли,
Тарелка с дыней на столе,
160 И под окошком три бутылки.

11

Вот — кипы пестрые бумага,
Записок, счетов, приказаний
И рапортов... Я сам не враг
Степных присылок — и посланий.
А вот и ширмы... наконец,
Вот шкаф просторный, шишковатый...
На нем безносый, бородатый
Белеет гипсовый мудрец.
Увы! Бессильно негодуя,
170 На лик задумчивый гляжу я...
Быть может, этот истукан —
Эсхил, Сократ, Аристофан...

¹ Милосердие, Ночь, День, Тщеславие (франц.). — *Ред.*

И перед ним уже седьмое
Колено тучных добряков
Растет и множится в покое —
Среди не чуждых им клопов!

12

Помещик мой достойно, важно,
Глубокомысленно курил. . .
Курил. . . и вдруг зевнул протяжно,
180 Привстал и хрипло возопил:
«Эй — Васька! . . Васька! Васька! Васька!!!»
Явился Васька. «Тарантас
Вели мне заложить». — «Сейчас». —
«А что? починена коляска?»
— «Починена-с». — «Починена? . .
Нет — лучше тарантас». — «Жена, —
Подумал он, — вернется к ночи,
Рассердится. . . Но нету мочи,
Как дома скучно. Еду — да!
190 Да, черт возьми — да!» Но, читатель,
Угодно ль вам узнать, куда
Спешит почтенный мой приятель?

13

Так знайте ж! от его села
Верстах в пятнадцати, не боле,
Под самым городом, жила
Помещица — в тепле да в холе,
Вдова. Таких не много вдов.
Ее супруг, корнет гусарский
(Соскучившись на службе царской)
200 Завел охоту, рысаков,
Друзей, собак. . . Обеды, балы
Давал, выписывал журналы. . .
И разорился б наконец
Мой тороватый молодец —
Да в цвете лет погиб на «садке»,¹

¹ *Садка* — известная забава охотников. В чистом поле *сажают* волка, лисицу или зайца, пускают собак на парй, охотники скачут, падают с лошадей и т. д. — а по окончании садки пируют.

Слетев торжественно с седла,
И в исступленном беспорядке
Оставил все свои дела.

14

С его-то вдовушкой любезной
210 Помещик был весьма знаком.
Ее сравнил остряк уездный
С свежепросольным огурцом.
Теперь ей — что ж! о том ни слова —
Лет под сорок. . . но как она
Еще свежа, полна, пышна
И не по-нашему здорова!
Какие плечи! Что за стан!
А груди — целый океан!¹
Румянец яркий, русый волос,
220 Немножко резкий, звонкий голос,
Победоносный, светлый взор —
Всё в ней дышало дивной силой. . .
Такая барыня — не вздор
В наш век болезненный и хилый!

15

Не вздор! И был ей свыше дан
Великий дар: пленять соседей,
От образованных дворян
До «степняков» и до «медведей».
Она была ловка, хитра,
230 И только с виду добродушна. . .
Но восхитительно радушна
С гостями — нынче, как вчера.

¹ Мы бы не решились употребить такое смелое сравнение, если бы нас не ободрил пример г-на Бенедиктова. Кто не помнит его превосходных стихов:

. . .И на этом океане,
В пене млечной белизны,
Из-под дымки, как в тумане,
Рисовались две волны.

Рисунки А. Агина к поэме «Помещик»

Пред ней весь дом дрожал. Немало
Она любила власть. Бывало,
Ей покорялся сам корнет. . .
И дочь ее в семнадцать лет
Ходила с четырьмя косами
И в панталончиках. Не раз
Своими белыми руками
240 Она наказывала вас,

16

О безответные творенья,
Служанки барышень и бар,
.....
.....
О вы, которым два целковых
Дается в год на башмаки,
И вы, небритые полки
Угрюмых, медленных дворовых!
Зато на двести верст кругом
250 Она гремела. . . с ней знаком
Был губернатор. . . кавалеры
Ее хвалили за манеры
Столичные, за голосок
(Она подчас певала «Тройку»),
За беспощадный язычок
И за прекрасную настойку.

17

Притом любезная вдова
Владела языком французским —
Хоть иностранные слова
260 У ней звучали чем-то русским.
Во дни рождений, именин
К ней дружно гости наезжали,
И заживались, и вкушали
От разных мяс и разных вин.
Когда ж являлась до жаркого
Бутылка теплого донского —
Все гости, кроме дев и дам,
Приподнимались по чинам

И кланялись хозяйке, — хором
270 «Всего. . . всего» желали ей. . .
А дети вместе с гувернером
Шли к ручке маменьки своей.

18

А по зимам она давала
Большие балы. . . Господа!
Хотите вы картиной бала
Заняться? Отвечаю: да,
За вас. Во времена былые,
Когда среди родных полей
Я цвел — и нравились моей
280 Душе красавицы степные,
Я — каюсь, — я скитался сам
По вечерам да по балам,
Завитый, в радужном жилете,
И барышень «имел в предмете».
И память верная моя
Рядком проводит предо мною
Те дни, когда, бывало, я
Сиял уездною звездой. . .

19

Ах! этому — давно, давно. . .
290 Я был тогда влюблен и молод —
Теперь же. . . впрочем, всё равно!
Приятен жар — полезен холод.
Итак, на бале мы. Паркет
Отлично вылощен. Рядами
Теснятся свечи за свечами —
Но мутен их дрожащий свет.
Вдоль желтых стен, довольно темных,
Недвижно — в чепчиках огромных —
Уселись маменьки. Одна
300 Любезной важности полна,
Другая — молча дует губы. . .
Невыносимо душен жар;
Смычки визжат — и воют трубы —
И пляшет двадцать восемь пар.

Какое пестрое собрание
 Помещичьих одежд и лиц!
 Но я намерен описать
 Начать — как следует — с девиц.
 Вот — чисто русская красotka, —
 310 Одета плохо, тяжела
 И неловка — но весела,
 Добра, болтлива, как трещотка,
 И пляшет, пляшет от души.
 За ней — «созревшая в тиши
 Деревни» — длинная, худая
 Стоит Коринна молодая. . .
 Ее печально-страстный взор
 То вдруг погаснет, то заблещет. . .
 Она вздыхает, скажет вздор
 320 И вся «глубоко» затрепещет.

Не заговаривал никто
 С Коринной. . . сам ее родитель
 Боялся дочки. . . Но зато
 Чудак застенчивый, учитель
 Уездный, бледный человек —
 Ее преследовал стихами
 И предлагал ей со слезами
 «Всего себя. . . на целый век. . .»
 Клялся, что любит беспорочно,
 330 Но пел и плакал он заочно,
 И говорил ей сей Парис
 В посланьях: «ты» — на деле: «вы-с».
 О жалкий, слабый род! О время
 Полупорывов, долгих дум
 И робких дел! О век! о племя
 Без веры в собственный свой ум!

О!!!. . . Но — богиня песнопений,
 О муза! — публика моя

Терпеть не может рассуждений. . .
340 К рассказу возвращаюсь я.
Отдельно каждую девицу
Вам описать — не моему
Дано перу. . . а потому
Вообразите вереницу
Широких лиц, больших носов,
Улыбок томных, башмаков
Козлиных, лент и платьев белых,
Турбанов, перьев, плеч дебелых,
Зеленых, серых, карих глаз,
350 Румяных губ и. . . и так дале —
Заставьте барынь кушать квас —
И знайте: вы на русском бале.

23

Но вот — среди толпы густой
Мелькает быстро перед вами
Ребенок робкий и немой
С большими, грустными глазами.
Ребенок. . . Ей пятнадцать лет.
Но за собой она невольно
Влечет вас. . . за нее вам больно
360 И страшно. . . бледный, томный цвет
Лица — печальный след сомнений,
Тревожных, ранних размышлений,
Тоски, неопытных страстей,
И взгляд внимательный — всё в ней
Вам говорит о самовластной
Душе. . . Ребенок бедный мой!
Ты будешь женщиной несчастной. . .
Но я не плачу над тобой. . .

24

О нет! пускай твои желанья,
370 Твои стыдливые мечты
В суровом холоде страданья
Погибнут. . . не погибнешь ты.
Без одобренья, без участия,
Среди невежд осуждена

Ты долго жить. . . но ты сильна,
А сильному не нужно счастья.
О нем не думай. . . но судьбе
Не покоряйся; знай: в борьбе
С людьми таится наслажденье
380 Неистошимое — презренье.
Как яд целительный, оно
И жжет и заживляет рану
Души. . . Но мне пора давно
Вернуться к моему «роману».

25

Вот перед вами в вырезном
Зеленом фраке — шут нахальный,
Болтун и некогда «бель-ом»,¹
Стоит законодатель бальный.
Он ездит только в «высший свет».
390 А вот — неистоиво развязный,
Довольно злой, довольно грязный
Остряк; вот парень средних лет,
В венгерке, в галстукe широком,
Глаза навывкат, ходит боком,
Хрипит и красен, как пион.
Вот этот черненький — шпион
И шулер — впрочем, малый знатный,
Угодник дамский, балагур. . .
А вот помещик благодатный
400 Из непосредственных натур.

26

Вот старичок благообразный,
Известный взяточник, — а вот
Светило мира, барин праздный,
Оратор, агроном и мот,
Чудак, для собственной потехи
Лечивший собственных людей. . . .
Ну, словом — множество гостей.
Варенье, чернослив, орехи,

¹ Красавец мужчина (франц. *bel homme*). — *Ред.*

Изюм, конфекты, крендельки
410 На блюдцах носят казачки. . .
И, несмотря на пот обильный,
Все гости тянут чай фамильный.
Крик, хохот, топот, говор, звон
Стаканов, рюмок, шпор и чашек. . .
А сверху, с хор, из-за колонн
Глазеют кучи замарашек.

27

Об офицерах, господа,
Мы потолкуем осторожно. . .
(Не то рассердятся — беда!)
420 Но перечеть их. . . Это можно.
Чувствительный артиллерист,
Путеец маленький, невзрачный,
И пехотинец с виду мрачный,
И пламенный кавалерист —
Все тут как тут. . . Но вы, кутилы,
Которым барышни не милы,
Гроза почтенных становых,
Владельцы троек удалых
И покровители цыганок —
430 Вас не видать на тех балах,
Как не видать помадных банок
На ваших окнах и столах!

28

Превозносимый всем уездом
Дом обольстительной вдовы
Бывал обрадован приездом
Гостей нежданных из Москвы.
Чиновник, на пути в стцовский
Далекий, незабвенный кров
(Спасаясь зайцем от долгов),
440 Заедет. . . умница московский,
Мясистый, пухлый, с кадыком,
Длинноволосый, в кучерском
Кафтани, бредит о чертогах
Князей старинных, с.

От шапки-мурmolки своей
Ждет избавленья, возрожденья —
Ест редьку — западных людей
Бранит — и пишет. . . донесенья.

29

Бывало, в хлебосольный дом
450 Из дальней северной столицы
Примчится борзый лев; и львом
Весьма любятя девицы.
В деревне лев, глядишь, ручной
Зверек — предобрый; жмурит глазки;
И терпеливо сносит ласки
Гостеприимности степной.
В деревне — водятся долгишки
За ним. . . играет он в картишки. . .
Не платит. . . но как разговор
460 Его любезен, жив, остер!
Как он волочитя небрежно!
Как он насмешливо влюблен!
И как забудет безмятежно
Всё, чем на миг был увлечен!

30

Но мой помещик? Не пора ли
К нему вернуться наконец?
Пока мы с вами поболтали,
Читатель, — староста, кузнец,
Садовники, покинув тачки,
470 Кондитор, ключник, повара,
Мальчишки, девки, кучера,
Столяр, кухарки, даже прачки —
Вся дворня, словом, целый час
Справляла «ветхий тарантас».
И вот, надев армяк верблюжий,
На козла лезет кучер дюжий;
Фалетор сел; раздался крик
Ребят; победоносно взвился
Проворный кнут — и шестерик
480 Перед крыльцом остановился.

Выходит барин. . . целый дом
 За ним идет благоговей.
 Безмолвно — в шляпах с галуном,
 Надетых криво, два лакея
 Ведут его. . . Приятель наш
 Детей целует, на подножку
 Заносит ногу; понемножку,
 Кряхтя, садится в экипаж —
 И под его дворянским телом,
 490 Довольно плотным и дебелим,
 Скрыпят рессоры. «Взят тюфяк
 На всякий случай! Ты, дурак,
 Смотри, под горку тише. . . Что вы
 Мне в ноги положили? стой! —
 Где ларчик?» — «Здесь». — «А! Ну, готовы?
 Пошел! . . Я к вечеру домой».

Уехал барин. Слава богу!
 Какой веселый, дружный гам,
 Какую шумную тревогу
 500 Все подняли! Спешит Адам
 Адамыч в комнатку. . . гитару
 (Подарок будущей жены)
 Снимает тихо со стены,
 Садится, скверную сигару
 С улыбкой курит. . . и не раз
 Из голубых, немецких глаз
 Слеза бежит . . . и край любимый
 Он видит снова — край родимый,
 Далекый, милый. . . и, пока
 510 Еще не высохли те слезы,
 В убитом сердце старика
 Взыграли радостные грезы.

Помещик едет. Легкий сон,
 Надежный друг людей дородных,

Им овладел. . . не видит он
Равнин окрестных плодородных.
О Русь! Люблю твои поля,
Когда под ярким солнцем лета,
Светла, роскошна, вся согрета,
520 Блестит и нежится земля. . .
Люблю бродить в лугу росистом
Весной — когда веселым свистом
И влажным запахом полна
Степей живая тишина. . .
Но дворянин мой хладнокровно
Поля родные проезжал;
Он межевал их любовно,
Но без любви воспоминал

34

О них. . . Привычка! То ли дело,
530 Когда в деревню как-нибудь
Мы попадем, бывало. . . Смело,
Легко, беспечно дышит грудь. . .
И дорогá нам воля наша,
Природа — дивно хороша,
И в каждом юноше душа
Кипит, как праздничная чаша!
Так что ж? Ужели ж те года
Прошли навек и без следа?
Нет! Нет! Мы сбросим наши цепи,
540 Вернемся снова к вам, о степи!
И вот — за бешеных коней
Отдав полцарства, даже царство —
Летим за тридевять полей
В сороковое государство! . .

35

Раскинувшись на пуховых
Подушках, спит самодовольно
Помещик. Кучер пристяжных
Стегает беспощадно. Больно
Смотреть на тощих лошадей.
550 Фалетор на кобыле тряской

Весь бледный прыгает. Со связкой
В руках храпит себе лакей.
Бойка дорога. Все ракиты,
Как зимним инеем, покрыты
Тончайшей пылью. Жарко. Вдруг
(Могу ль изобразить испуг
Помещика?) на повороте
Ось пополам — и тарантас
(Прошу довериться работе
560 Домашней. . .) набок. . . Вот те раз!

36

Поднявшись медленно с дороги,
Без шапки, трепетной рукой
Ощупал спину, нос и ноги
Мой перепуганный герой.
Всё цело. . . Кучер боязливо
Привстал. . . и никаких речей
Не произнес. . . Один лакей
Засуетился торопливо —
То вскочит сам на облучок,
570 То вдруг возьмется за задок,
То шляпу двинет на затылок. . .
Но как ни ловок он и пылок —
Напрасно всё. . . Что делать! Сам
Помещик вовсе растерялся,
Не верил собственным глазам
И, как ребенок, улыбался.

37

«Ах, черт возьми! Ну, что там?» — «Ось
Сломалась». Барин для порядка
Ее потрогал. «Да; хоть брось.
580 Ох, эта бестия Филатка!
(Филаткой звался старый плут
Каретник.) До деревни сколько?»
— «Да будет верст пяточек». — «Только?
Скачи за кузнецом. . . да кнут
Возьми. . .» Но взоры в отдаленье
Вперило хитрое творенье,

Лакей. . . и вдруг он крикнул: «Э!
К нам едет барыня. . .» — «Где? где?
Какая барыня?» — «Полями,
590 Знать, оне взяли. . . Точно так».
— «Не может быть!» — «Смотрите сами:
Оне-с. . .» — «Ну, ну, молчи, дурак!»

88

Действительно: в кибитке длинной,
Подушками, пуховиком
Набитой доверху, в старинной
Измятой шляпке, с казачком,
С собачкой, с девкой в казакине
Суконном, едет на семи
Крестьянских клячах «сhège amie». ¹
600 Своей любезной половине
Приятель наш едва ли рад. . .
Он бросился вперед, назад. . .
Им овладело беспокойство, ²
Весьма естественное свойство
Иных мужей при виде жен. . .
Кибитка стала. . . дыбом волос
На нем поднялся. . . слышит он
Супруги дребезжащий голос:

89

«Сергей Петрович, это вы?»
610 — «Я, матушка». — «Ах, мой спаситель!
Куда ж вы ехали?» Увы!
Разочарованный сожитель
Молчит уныло. «Верно, к той
Вдове? Уж эта мне вострушка!
Да говорите ж. . . К ней, Петрушка?»
Лакей проворно головой
Кивнул. «Ах, старый греховодник!»

¹ Дорогая подруга (франц.). — *Ред.*

² Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест,
Весьма мучительное свойство. . . («Евгений Онегин»).

Вот я молилась — вас угодник
И наказал. . . Ну, как я зла!
620 А я вам просвиру везла! . .
Неблагодарный! Отлучиться
Нельзя мне на денек, ей-ей. . .
Подвинься, Аннушка. . . Садиться
Извольте к нам — да поскорей».

40

Покорный строгому велению,
Садится муж. В его груди
Нет места даже сожаленью. . .
Всё замерло. Но впереди
Беду предвидит он. Подруга
630 Его когда-то молода
Была — но даже в те года
Не думала, что друг для друга
Супруги созданы. . . нет! муж
Устроен для жены. К тому ж
Неравный бой недолго длился:
Сергей Петрович покорился.
Теперь везет его домой
Она для грозного расчета. . .
Так ястреб ловкий и лихой
640 Уносит селезня с болота.

41

Вот тут-то я б заметить мог,
Как всё на свете ненадежно!
Бог случая, лукавый бог,
Играет нами. . . Что возможно
Вчера — сегодня навсегда
Недостижимо. . . да мы сами
Непостоянны. . . за мечтами
Гоняемся. . . Но, господа,
Хоть я воображаю живо,
650 Как вы следите терпеливо
И добросовестно за ним,
За бедным витязем моим, —
Однако кончить не пора ли?

Боюсь, приелись вам стихи...
За чистоту моей морали
Простите мне мои грехи.

42

Я прав. Мои слова — не фраза
Пустая, нет! С *своей* женой —
Заметьте — под конец рассказа
660 Соединяется герой.
Закон приличья, в том свидетель
Читатель каждый, сей закон
Священный строго соблюден,
И торжествует добродетель.
Но весело сказать себе:
Конец мучительной гоньбе
За рифмами... придумать строчку
Последнюю, поставить точку,
Подняться медленно, легко
670 Вздохнуть, с чернилами проститься —
И перед вами глубоко,
О мой читатель, поклониться!

Начало 1845

96. АНДРЕЙ

Поэма в двух частях

Часть первая

Дела давно минувших дней.

1

«Начало трудно», — слышал я не раз.
Да, для того, кто любит объясненья.
Я не таков, — и прямо свой рассказ
Я начинаю — без приготовленья...
Рысцой поплелся смиренный мой пегас;

Друзья, пою простые приключения. . .
Они происходили вдалеке,
В уездном, одиноком городке.

2

Подобно всем уездным городам,
10 Он правильно расположен; недавно
Построен; на горе соборный храм
Стоит, неконченный; дома забавно
Свихнулись набок; нет конца садам
Фруктовым, огородам; страх исправно
Содержатся казенные места —
И площадь главная всегда пуста.

3

В уютном, чистом домике, в одной
Из улиц, называемой «Зеленой»,
Жил человек довольно молодой,
20 В отставке, холостяк, притом ученый.
Как водится, разумной головой
Он слыл лишь потому, что вид «мудреный»
Имел да трубки не курил, молчал,
Не выходил и в карты не играл.

4

Но не было таинственности в нем.
Все знали его чин, его фамилию.
Он года три в Москве служил; потом,
Наскучив должностной. . . и прочей гилью,
Вернулся в отчий запустелый дом.
30 Все комнаты наполненные пылью
Нашел (его домашние давно
Все померли), да старое вино

5

В подвале, да запачканный портрет,
Да в кладовой два бабушкиных платья.
На воле рос он с самых ранних лет;
Пока служил он — связи да занятия

И вспомнить ему не дали, что нет
Родной груди, которую в объятья
Принять бы мог он. . . нет ее нигде. . .
40 Но здесь, в родимом и пустом гнезде,

6

Ему сначала было тяжело. . .
Потом он полюбил уединенье
И думал сам, что счастлив. . . но назло
Рассудку — часто грустное томленье
Овладевало им. . . Его влекло
Куда-то вдаль — пока воображенье
Усталое не сложит пестрых крыл, —
И долго после, молчалив, уныл,

7

Сидел он под окошком. Впрочем, он,
50 Как человек без разочарованья,
Не слишком был в отчаянье влюблен
И не лелеял своего страданья.
Начнет, бывало, думать. . . что ж? не стон,
Зевота выразит его мечтанья;
Скучал он не как байронов Корсар,
А как потомок выходцев-татар.

8

Скучал он — да; быть может, оттого,
Что жить в деревне скучно; что в столицах
Без денег жить нельзя; что ничего
60 Он целый день не делал; что в девицах
Не находил он толку. . . но всего
Не выскажешь никак — пока в границах
Законности, порядка, тишины
Держаться сочинители должны.

9

Так, он скучал; но молод был душой,
Неопытен, задумчив, как писатель,

Застенчив и чувствителен — большой
Чудак-дикарь и несколько мечтатель.
Он занимался нехотя собой
70 (Чему вы подивитесь, о читатель!),
Не важничал, и не бранил людей,
И ничего не презирал, ей-ей!

10

Хотел любви, не зная сам зачем;
В нем силы разгорались молодые. . .
Кипела кровь. . . но от любви совсем
Себе не ждал *спасенья*, как иные
Девицы да студенты. Между тем
Мгновенья проходили золотые —
И минуло два года — две весны. . .
80 (Весной все люди чаще влюблены.)

11

И вот опять настала та пора,
Когда, на солнце весело сверкая,
Капли падают. . . когда с утра
По лужам дети бегают, играя. . .
Когда коров гоняют со двора,
И травка зеленеет молодая,
И важный грач гуляет по лугам,
И подступает речка к берегам.

12

Прекрасен русский, теплый майский день. . .
90 Всё к жизни возвращается тревожно;
Еще жидка трепещущая тень
Берез кудрявых; ветер осторожно
Колышет их верхушки; думать — лень,
А с губ согнать улыбку невозможно. . .
И свежий, белый ландыш под кустом
Стыдливо заслоняется листом.

Поедешь зелеными на коне. . .
 Вздыхает конь и тихо машет гривой —
 И как листок, отдавшийся волне,
 100 То медленной, то вдруг нетерпеливой,
 Несутся мысли. . . В ясной вышине
 Проходят тучки чередой ленивой. . .
 С деревни воробьев крикливый рой
 Промчится. . . Заяц жмется под межей —

И колокольня длинная в кустах
 Белеется. . . Приятель наш природу
 Весьма любил и в четырех стенах
 Не мог остаться в ясную погоду. . .
 Надел картуз — и с палкою в руках
 110 Пешком пустился через грязь и воду. . .
 Была в числе всех улиц лишь одна
 «Дворянская» когда-то мощена.

Он шел задумчиво, повеся нос.
 По лужицам ступая деликатно,
 Бежал за ним его лягавый пес.
 Мечтатель шел; томительно-приятно
 В нем сердце билось — и себе вопрос
 Он задавал: зачем так непонятно,
 Так грустно весел он, как вдруг один
 120 Знакомец, неслужащий дворянин,

Нагнал его. «Андрей Ильич! куда-с?»
 — «Гуляю, так; а вы?» — «Гуляю тоже.
 Вообразите — не узнал я вас!
 Гляжу, гляжу. . . да кто ж это, мой боже!»

Уж по собаке догадался — да-с!
А слышали вы — городничий?» — «Что же
С ним сделалось?» — «Да с ним-то ничего.
Жену свою прибил он за того

17

Гусарчика — вы знаете. . .» — «Я? Нет!»
130 — «Не знаете? Ну как же вам не стыдно?
Такой приятный в обществе, брюнет.
Вот он понравился — другим завидно —
Послали письмецо — да весь секрет
И разгласили. . . Кстати — нам обидно
С женой, что не зайдете никогда
Вы к нам; а жили, помнится, всегда

18

Мы с вашим батюшкой в большом ладу». —
«А разве есть у вас жена?» — «Прекрасно!
Хорош приятель, признаюсь! Пойду
140 Всем расскажу. . .» — «Не гневайтесь
напрасно». —
(Ну, — думал он, — попался я в беду.)
— «Не гневаться? Нет, я сердит ужасно. . .
И если вы хотите, чтоб я вас
Простил совсем, пойдите к нам сейчас».

19

«Извольте. . . но нельзя ж так. . .» —
«Без хлопот!»

Они пошли под ручку мимо праздных
Мещанских баб и девок, у ворот
Усевшихся на лавках, мимо разных
Заборов, кузниц, домиков. . . и вот
150 Перед одним из самых безобразных
Домов остановились. . . «Здесь я
Живу, — сказал знакомец, — а судья

20

Живет вон там, подальше. Вечерком
Играем мы в картишки: заседатель,

Он, я да Гур Миняич, вчетвером».
Они вошли; и закричал приятель
Андрея: «Эй! жена! смотри, кто в дом
Ко мне зашел — твой новый обожатель
(Не правда, что ли?) . . . вот, судáрь, она,
160 Авдотья Павловна, моя жена».

21

Ее лицо зарделось ярко вдруг
При виде незнакомого. . . Стыдливо
Она присела. . . Радостный супруг
Расшаркался. . . За стулья боязливо
Она взялась. . . Ее немой испуг
Смутил Андрея. Сел он молчаливо
И внутренно себя бранил — и, взор
Склонив, упрямо начал разговор.

22

Но вот, пока зашла меж ними речь
170 О том, что людям нужно развлеченье
И что здоровье надобно беречь, —
Взглянувши на нее, в одно мгновенье
Заметил он блестящих, белых плеч
Роскошный очерк, легкое движенье
Груди, зубов-жемчужин ровный ряд
И кроткий, несколько печальный взгляд.

23

Заметил он еще вдоль алых щек
Две кудри шелковистые да руки
Прекрасные. . . Звонящий голосок
180 Ее хранил пленительные звуки —
Младенчества, как говорят, пушок.
А за двадцать ей было. . . пользу скуки
Кто может отрицать? Она, как лед,
От порчи сберегает наш народ.

Пока в невинности души своей
 Любуется наш юноша стыдливый
 Чужой женой, мы поспешим о ней
 Отдать отчет подробный, справедливый
 Читателям. (Ее супруг, Фаддей
 190 Сергеич, был рассеянный, ленивый,
 Доверчивый, прекрасный человек. . .
 Да кто ж и зол в наш равнодушный век?)

Она росла печальной сиротой;
 Воспитана была за счет казенный. . .
 Потом попала к тетушке глухой,
 Сносила нрав ее неугомонный,
 Ходила в летнем платье зимой —
 И разливала чай. . . но брак законный
 Освободил несчастную: чепец
 200 Она сама надела наконец.

Но барыней не сделалась. Притом
 Авдотья Павловна, как институтка,
 Гостей дичилась, плакала тайком
 Над пошленьким романом; часто шутка
 Ее пугала. . . но в порядке дом
 Она держала; здравого рассудка
 В ней было много; мужа своего
 Она любила более всего.

Но, как огонь таятся под золой,
 210 Под снегом лава, под листочком розы
 Колючий шип, под бархатной травой
 Лукавый змей и под улыбкой слезы, —
 Так, может быть, и в сердце молодой
 Жены таились пагубные грезы. . .

Мы посвящаем этот оборот
Любителям классических острот.

28

Но всё ж она любила мужа; да,
Как любят дети, — кротко, без волнений,
Без ревности, без тайного стыда,
220 Без тех безумных, горьких сожалений
И помыслов, которым иногда
Предаться совестно, без подозрений, —
Безо всего, чем дерзостную власть
Свою не раз обозначала страсть.

29

Но не была зато знакома ей
Восторгов нескончаемых отрада,
Тоска блаженства. . . правда; но страстей
Бояться должно: самая награда
Не стоит жертвы, как игра — свечей. . .
230 Свирепый, буйный грохот водопада
Нас оглушает. . . Вообще всегда
Приятнее стоячая вода.

30

И если грусть ей в душу как-нибудь
Закрадывалась — это мы бедою
Не назовем. . . ведь ей же хуже, будь
Она всегда, всегда своей судьбою
Довольна. . . Грустно ей, заночует грудь,
И взор заблещет томною слезою —
Она к окошку подойдет, слегка
240 Вздохнет да поглядит на облака,

31

На церковь старую, на низкий дом
Соседа, на высокие заборы —
За фортепьяно сядет. . . всё кругом

Как будто дремлет. . . слышны разговоры
Служанок; на стене под потолком
Играет солнце; голубые шторы
Сквозят; надувшись весь, ручной
Снегирь свистит — и пахнет резедой

32

250 Вся комната. . . Поет она — сперва
Какой-нибудь романс сентиментальный. . .
Звучат уныло страстные слова;
Потом она сыграет погребальный
Известный марш Бетховена. . . но два
Часа пробило; ждет патриархальный
Обед ее; супруг, жену любя,
Кричит: «Уха простынет без тебя».

33

260 Так жизнь ее текла; в чужих домах
Она бывала редко; со слезами
Езжала в гости, чувствовала страх,
Когда с высокопарными речами
Уездный фронт в нафабранных усах
К ней подходил бочком, кося глазами. . .
Свой дом она любила, как сурок
Свою нору — свой «home»,¹ свой уголок.

34

270 'Андрей понравился соседям. Он
Сидел у них довольно долго; в споры
Пускался; словом, в духе был, умен,
'Любезен, весел. . . и хотя в узоры
Канвы совсем, казалось, погружен
Был ум хозяйки, — медленные взоры
Ее больших и любопытных глаз
На нем остановились — и не раз.

¹ Домашний очаг (англ.). — *Ред.*

Меж тем настала ночь. Пришел Андрей
 Ильич домой в большом недоумении.
 Сквозь зубы напевал он: «Соловей
 Мой, соловей!» — и целый час в волнении
 Ходил один по комнате своей. . .
 Не много было складу в этом пении —
 И пес его, весьма разумный скот,
 280 Глядел на барина, разиня рот.

Увы! всем людям, видно, суждено
 Узнать, как говорится, «жизни бремя».
 Мы ничего пока не скажем. . . Но
 Посмотрим, что то нам откроет время?
 Когда на свет выходит лист — давно
 В земле нагретой созревало семя. . .
 Тоскливая, мечтательная лень
 Андреем овладела в этот день.

С начала самого любовь должна
 290 Растти неслышно — как во сне глубоком
 Дитя растет. . . огласка ей вредна:
 Как юный гриб, открытый зорким оком,
 Замрет, завянет, пропадет она. . .
 Потом — ее вы можете с потоком
 Сравнить, с огнем, и с лавой, и с грозой,
 И вообще со всякой чепухой.

Но первый страх и трепет сердца, стук
 Его внезапный, первое страданье
 Отраднo-грустное, как первый звук
 300 Печальной песни, первое желанье,
 Когда в огне нежданных слез и мук

С испугом просыпается сознание
И вся душа заражена тоской. . .
Как это всё прекрасно, боже мой!

39

Андрей к соседям стал ходить. Они
Его ласкали; малый был он смиренный,
Им по плечу; радушьем искони
Славяне славятся; к их жизни мирной
Привык он скоро сам; летели дни;
310 Он рано приходил, глотал их жирный
Обед, пил жидкий чай, а вечерком,
Пока супруг за ломберным столом

40

Сражался, с ней сидел он по часам. . .
И говорил охотно, с убежденьем
И даже с жаром. Часто был он сам
Проникнут добродушным удивленьем:
Кто вдруг освободил его? речам
Дал звук и силу? Впрочем, «откровеньем»
Она не величала тех речей. . .
320 Язык новейший незнаком был ей,

41

Нет, — но при нем овладевало вдруг
Ее душой веселое вниманье. . .
Андрей стал нужен ей, как добрый друг,
Как брат. . . Он понимал ее мечтанье,
Он разделять умел ее досуг
И вызывать малейшее желанье. . .
Она могла болтать, молчать при нем. . .
Им было хорошо, тепло вдвоем.

42

И стал он тих и кроток, как дитя
330 В обновке; наслаждался без оглядки;

Андрей себя не вопрошал, хотя
В нем изредка пугливые догадки
Рождались. . . Он душил их, жил шутя.
Так первые таинственные взятки,
С стыдливостью соединив расчет,
Чиновник бессознательно берет.

43

Они гуляли много по лугам
И в роще (муж, кряхтя, тащился следом),
Читали Пушкина по вечерам,
340 Играли в шахматы перед обедом,
Иль, волю дав лукавым языкам,
Смеялись потихоньку над соседом. . .
Иль иногда рассказывал Андрей
О службе занимательной своей.

44

Тогда, как струйки мелкие реки
У камышей, на солнце, в неглубоких
Местах, иль как те светлые кружки
В тени густых дубов и лип широких,
Когда затихнет ветер, а листки
350 Едва трепещут на сучках высоких, —
По тонким губкам Дуни молодой
Улыбки пробегали чередой.

45

Они смеялись часто. . . Но потом
Весьма грустить и горевать умели
И в небо возноситься. . . Под окном
Они тогда задумчиво сидели,
Мечтали, жили, думали вдвоем
И молча содрогались и бледнели —
И тихо воцарялся в их сердцах
360 Так называемый «священный страх».

Смешно глядеть на круглую луну;
 Смешно вздыхать — и часто, цепenea
 От холода, ночную тишину
 «Пить, жадно пить» — блаженствуя, немея. . .
 Зевать — и прозаическому сну
 Противиться, затем, что с эмпирея
 Слетают поэтические сны. . .
 Но кто ж не грешен с этой стороны?

Да; много так погибло вечеров
 370 Для них; но то, что в них тогда звучало,
 То был любви невольный, первый зов. . .
 Но то, что сердце в небесах искало,
 Что выразить не находили слов, —
 Так близко, рядом, под боком дышало. . .
 Блаженство не в эфире. . . Впрочем, кровь
 Заговорит, когда молчит любовь.

Проворно зреет запрещенный плод.
 Андрей стал грустен, молчалив и странен
 (Влюбленные — весьма смешной народ!),
 380 И смысл его речей бывал туманен. . .
 Известно: труден каждый переход.
 Наш бедный друг был прямо в сердце ранен. . .
 Она с ним часто ссорилась. . . Она
 Была сама смертельно влюблена.

Но мы сказать не смеем, сколько дней,
 Недель, годов, десятков лет волненья
 Такие продолжаться в нем и в ней
 Могли бы, если б случай, — без сомненья,
 390 Первейший друг неопытных людей, —
 Не прекратил напрасного томленья. . .

Однажды муж уехал, а жена
Осталась дома, как всегда, одна.

50

Работу на колени уронив,
Тихонько на груди скрестивши руки
И голову немножко наклонив,
Она сидит под обаяньем скуки.
И взор ее спокоен и ленив —
И на губах давно затихли звуки. . .
А сердце — то расширится, то вновь
400 Задремлет. . . По щекам играет кровь.

51

Но мысли не высокой предана
Ее душа; напротив, просто «вздором»,
Как люди говорят, она полна. . .
Улыбкой грустной, беспокойным взором,
Которого вчера понять она
Еще не смела, длинным разговором
И тем, что выразить нельзя пером. . .
Знакомый шаг раздался под окном.

52

И вдруг — сам бес не скажет почему —
410 Ей стало страшно, страшно до рыданий.
Боялась она, что ли, дать ему
В ее чертах найти следы мечтаний
Недавних. . . Но в таинственную тьму
Чужой души мы наших изысканий
Не будем простирать. Прекрасный пол,
Источник наших благ и наших зол,

53

Не всем дается в руки, словно клад,
Зарытый хитрой ведьмой. Молчаливо
Она вскочила, через сени в сад

420 Бежит. . . в ней сердце бьется торопливо. . .
Но, как испуганная лань, пазад
Приходит любопытно, боязливо,
И слушает, и смотрит, и стрелка
Не видит, — так, на цыпочках, слегка,

54

Она дошла до комнаты своей. . .
И с легкой, замирающей улыбкой,
Вся розовая, к скважине дверей
Нагнула стан затянутый и гибкой.
Концы ее рассыпанных кудрей
430 Колышутся пленительно на зыбкой
Грудь. . . под черной бровью черный глаз
Сверкает ярко, как живой алмаз. . .

55

Она глядит — безмолвно ходит он.
Как виден ясно след немой заботы
И грусти на его лице! . . Влюблен
Андрей. На фортепьянах две-три ноты
Небрежно взял он. Слабый, робкий звон
Возник и замер. Вот — ее работы
Рассматривать он начал. . . Там в угле
440 Она платок забыла на столе.

56

И жадно вдруг к нему приник Андрей
Губами — крепко, крепко стиснул руки.
Движенья головы его, плечей
Изобличали силу тайной муки. . .
Дуняша вся затрепетала. . . В ней,
Как дружные, торжественные звуки
Среди равнин печальных и нагих, —
Любовь заговорила в этот миг.

57

Ей всё понятно стало. Яркий свет
450 Вдруг озарил ее рассудок. Страстно

Они друг друга любят. . . в этом нет
Теперь уже сомнений. . . Как прекрасно
Блаженства ждать и верить с ранних лет
В любовь, и ждать и верить не напрасно —
И тихо, чуть дыша, себе сказать:
Я счастлив — и не знаю, что желать!

58

Как весело гореть таким огнем!
Но тяжело терять напрасно годы,
Жить завтрашним или вчерашним днем,
460 И счастья ждать, как узники — свободы. . .
Упорно, как они, мечтать о нем
И в безответных красотах природы
Искать того, чего в ней нет: другой
Души, любимой, преданной, родной.

59

В Дуняше кровь вся к сердцу прилила,
Потом к лицу. Так хорошо, так больно
Ей стало вдруг. . . бедняжка не могла
Вздыхнуть, как бы хотелось ей, довольно
Глубоко. . . кое-как она дошла
470 До стула. . . Слезы сладкие невольно,
Внезапно хлынули ручьем из глаз
Ее. . . Так плачут в жизни только раз!

60

Она не вспомнила, что никогда
С Андреем ей не жить; что не свободна
Она, что страсти слушаться — беда. . .
И что такая страсть или бесплодна,
Или преступна. . . Женщина всегда
В любви так бескорыстно благородна. . .
И предаются смело, до конца,
480 Одни простые женские сердца.

61

Дуняша плакала. . . Но вот Андрей,
Услышав легкий шум ее рыданья,

Дверь отворил и с изумленьем к ней
Приблизился. . . вопросы, восклицанья
Его так нежны были, звук речей
Дышал таким избытком состраданья. . .
Сквозь слезы, не сказавши ничего,
Дуняша посмотрела на него.

62

Что́ было в этом взгляде, боже мой!
490 Глубокая, доверчивая нежность,
Любовь, и благодарность, и покой
Блаженства, преданность и безмятежность,
И кроткий блеск веселости немой,
Усталость и стыдливая небрежность,
И томный жар, пылающий едва. . .
Досадно — недостаточны слова.

63

Андрей не понял ровно ничего,
Но чувствовал, что грудь его готова
Внезапно разорваться, — до того
500 В ней сердце вдруг забилося. Два-три слова
С усилием произнес он. . . на него
Дуняша робко посмотрела, снова
Задумалась — и вот, не мысля зла,
Ему тихонько руку подала.

64

Он всё боялся верить. . . Но потом
Вдруг побледнел. . . лицо закрыл руками
И тихо наклонился весь в немом
Восторге. . . Быстро, крупными слезами
Его глаза наполнились. . . О чем
510 Он думал. . . также выразить словами
Нельзя. . . Нам хорошо, когда в тупик
Приходит описательный язык.

Она молчала. . . и молчал он сам.
 О! то, что в это дивное мгновенье
 Их полным, замирающим сердцам
 Одну давало жизнь, одно биенье, —
 Любовь едва решается речам
 Себя доверить. . . Нужно ль объясненье
 Того, что несомненной и ясней
 520 (Смотри Шекспира) солнечных лучей?

Он руку милую держал в руках
 Похолодевших; слабые колени,
 Дрожа, под ним сгибались. . . а в глазах
 Полузакрытых пробежали тени.
 Он задышался. . . Между тем, о страх!
 Фаддей (супруг) входил в пустые сени. . .
 Известно вам, читатели-друзья,
 Всегда приходят вовремя мужья.

«Я голоден», — сказал он важно, вдруг
 530 Шагнувши в комнату. Дуняша разом
 Исчезла; наш Андрей, наш бедный друг
 (Коварный друг!), глядел не то Фоблазом,
 Не то Маниловым; один супруг
 Приличье сохранил и даже глазом
 Не шевельнул, не возопил «о-го!».
 Как муж — он не заметил ничего.

Андрей пробормотал несвязный вздор,
 Болезненно зевнул, стал как-то боком,
 Затеял было странный разговор
 540 О Турции, гонимой злобным роком, —

И наконец, поднявши к небу взор,
Ушел. В недоумении глубоком
Воскликнул муж приятелю вослед:
«Куда же вы? Сейчас готов обед».

69

Андрею не до кушанья. Домой
Он прибежал и кинулся на шею
Сперва к хозяйке старой и кривой,
Потом к оторопелому лакею. . .
Потом к собаке. С радостью большой
550 Он дал бы руку своему злодею
Теперь. . . Он был любим! он был любим!
Кто мог, о небеса, сравниться с ним?

70

Андрей блаженствовал. . . Но скоро в нем
Другое чувство пробудилось. Странно!
Он поглядел задумчиво кругом. . .
Ему так грустно стало — несказанно,
Глубоко грустно. Вспомнил он о том,
Что в голове его не раз туманно
Мелькало. . . но теперь гроза бедой,
560 Неотразимой, близкой, роковой,

71

Ему представилась. Еще вчера
Не разбирал он собственных желаний.
При ней он был так счастлив. . . и с утра
Тоской немых, несбыточных мечтаний
Томился. . . но теперь — прошла пора
Блаженства безотчетного, страданий
Ребяческих. . . не возвратится вновь
Прошедшее. . . Андрей узнал любовь!

72

И всё предвидел он: позор борьбы,
570 Позор обмана, дни тревог и скуки,

Рисунки А. Агица к поэме «Помещик»

Упрямство непреклонное судьбы,
И горькие томления разлуки,
И страх, и всё, чем прокляты рабы,
И то, что хуже — хуже всякой муки:
Живучесть пошлости. Она сильна;
Ей наша жизнь давно покорена.

73

Он не шутя любил, недаром. . . Он,
В наш век софизмов, век самолюбивый,
Прямым и добрым малым был рожден.
580 Ему дала природа не кичливый,
Но ясный ум; он уважал закон
И собственность чужую. . . Молчаливый,
Растроганный, он медленно лицо
Склонил и тихо вышел на крыльцо.

74

На шаткую ступеньку сел Андрей.
Осенний вечер обогрел сияньем
Кресты да стены белые церквей.
Болтливым, свежим, долгим трепетаньем
В саду трепещут кончики ветвей.
690 Струями разливается с молчаньем
Вечерним — слабый запах. Кроткий свет
Румянит облака свинцовый цвет.

75

Садится солнце. Воздух дивно тих.
И вздрагивает ветер, словно сонный.
Окошки темных домиков на миг
Зарделись и погасли Отягченный
Росой внезапной, стынет луг. Затих
Весь необъятный мир. И благовонный,
Прозрачный пар понесся в вышину. . .
600 И небо ждет холодную луну.

Вот замелькали звезды. . . Боже мой!
 Как равнодушна, как нема природа!
 Как тягостны стремительной, живой
 Душе — ее законная свобода,
 Ее порядок, вечность и покой!
 Но часто, после прожитого года
 В томительной, мучительной борьбе,
 Природа, позавидуешь тебе!

Часть вторая

1

Прошло шесть месяцев. Зима лихая
 610 Прошла; вернулась ясная весна.
 Среди полей взыграла голубая,
 Веселая, свободная волна.
 Уже пробилась почка молодая,
 И дрогнула немая глубина. . .
 Здоровая земля блестит и дышит,
 И млеет, и зародышами пышет.

2

А наш Андрей? Наружной перемены
 В его судьбе не замечаем мы.
 По-прежнему к соседу после сцены
 620 С его женой — в теченьи всей зимы
 Ходил он. . . «Те же люди, те же стены,
 Всё то же, стало быть. . .» Вот как умы
 Поверхностные судят большей частью. . .
 Но мы глубокомысленны, по счастью.

3

Любовь рождается в одно мгновенье —
 И долго развивается потом.

С ней борется лукавое сомненье;
Она растет и крепнет — но с трудом. . .
И лишь тогда последнее значенье
630 Ее вполне мы наконец пойдем,
Когда в себе безжалостно погубим
Упрямый эгоизм. . . или разлюбим.

4

Андрей был слишком юн и простодушен. . .
И разлюбить не думал и не мог.
Он чувствовал, что мир его нарушен, —
И тайный жар его томил и жег.
Он был судьбе задумчиво послушен,
К себе же строг, неумолимо строг. . .
Он уважал то, что любил. . . а ныне
640 Не верят люди собственной святыне.

5

Сперва знакомцам нашим было ново
Их положенье. . . но хоть иногда
Признание было вырваться готово —
Оно не высказалось никогда.
Они как будто дали себе слово
Прошедшее забыть. . . и навсегда. . .
И слово то держали свято, твердо
И друг во друга веровали гордо.

6

Но то, над чем не властны мы до гроба:
650 Улыбка, вздох невольный, взор немой —
Им изменяли часто. . . Впрочем, оба
Не пользовались слабостью чужой;
И даже подозрительная злоба
В их жизни детски честной и прямой
Не замечала пятен. . . (чтобы куда
В том не нашли — прибавим мы: покуда.)

По-прежнему затейливо, проворно
 В беседах проходили вечера.
 Они смеялись так же непритворно. . .
 660 Но если муж уехать со двора
 Хотел — ему противились упорно,
 И раньше говорили: «спать пора».
 И реже предавались тем неясным,
 Мечтательным порывам, столь опасным.

Всё так. . . но каждый принимал участие
 Во всем, что думал и желал другой.
 И не совсем их позабыло счастье:
 Так иногда над тучей грозовой,
 Когда шумит сердитое ненастье,
 670 Откроется внезапно золотой
 Клочок небес — и луч косой, широкий
 Сквозь частый дождь осветит лес далекий.

Как выразить их тайную тревогу,
 Когда, на время быстрое пеня,
 Они шли тихо, нехотя к порогу
 И расставались до другого дня?
 Андрей пускался медленно в дорогу
 И, голову печально наклоня,
 Шагал, шагал так мерно, так уныло. . .
 680 А сердце в нем тогда рвалось и ныло.

Но Боссюэт сказал: «Всему земному
 Командуется: марш!» — и человек,
 Владыко мира, ничему живому
 Сказать не может: стой вот здесь навек!
 Через равнины к морю голубому,
 Далекому — стремятся воды рек. . .

И мчится жизнь, играя на просторе,
В далекое, таинственное море.

11

Не только кучерам, но всем известно,
690 Что под гору сдержаться тяжело.
Андрей боролся совестливо, честно;
Но время шло, без остановки шло. . .
Великодушье часто несовместно
С любовью. . . Что ж тут делать? И назло
Отличнейшим намереньям, как дети,
Мы падаем в расставленные сети.

12

Андрей любил, но жертвовать собою
Умел; отдался весь — и навсегда.
Он за нее гордился чистотою
700 Ее души, не ведавшей стыда.
Как? Ей склониться молча головою
Пред кем-нибудь на свете? . . . Никогда!
Узнать волненье робости позорной?
Унизиться до радости притворной?

13

Предать ее на суд толпы досужной?
Лишиться права презирать судьбу
И сделать из жены, рабы наружной,
Немую, добровольную рабу?
О нет! Душе слабеющей, недужной,
710 Но давшей слово выдержать борьбу, —
Что надо? Добродетель и терпенье?
Нет — гордость и холодное презренье.

14

А если вам даны другие силы,
И сердце ваше, жадное страстей,
Не чувствует того, чем сердцу милы
Дозволенные радости людей, —

Живите на свободе. . . до могилы
Не признавайте никаких цепей. . .
Могущество спокойного сознания
720 Вас не допустит даже до страданья.

15

Андрей героем не был. . . и напрасно
Страдать — свободы ради — наш чудак
Не стал бы; но, как честный малый, ясно
Он понимал, что невозможно *так*
Им оставаться; что молчать — опасно;
Что надобно беде помочь. . . но как?
Об этом часто, долго, принужденно
Он думал и терялся совершенно.

16

Им овладело горькое сомненье. . .
730 И в тишине томительной ночей
Бессонных — в нем печальное решенье
Созрело наконец; он должен с ней
Расстаться. . . с ней. . . О, новое мученье!
О, скорбь! о, безотрадный мрак! Андрей
Предался грусти страшной, безнадежной,
Как будто перед смертью неизбежной.

17

Во всем признаться. . . не сказавши слова,
Уехать — и в почтительном письме
Растолковать. . . Но женщина готова
740 Всегда подозревать обман. . . В уме
Несчастливого предположенья снова
Мешались, путались. . . В унылой тьме
Бродил он. . . Небольшое приключенье
Внезапно разрешило затрудненье.

18

В Саратове спокойно, беззаботно,
Помещик одинокий, без детей —

Андрея дядя — здоровствовал; но, плотно
Покушавши копченых карасей,
Скончался. Смерть мы все клянем охотно,
750 А смерти был обязан наш Андрей
Именьем округленным и доходным,
Да, сверх того, предлогом превосходным

19

К отъезду... Пять-шесть дней
в тоске понятной
Провел он... вот однажды за столом,
С беспечностью совсем невероятной,
Играя лихорадочно ножом,
Он к новости довольно неприятной
Соседей приготовил... а потом
Отрывисто, ни на кого не глядя,
760 Сказал: «Я должен ехать. Умер дядя».

20

Супруг ответствовал одним мычаньем
(Он кушал жирный блин); его жена
На гостя с изумленным восклицаньем
Глядит... Она взволнована, бледна...
Внезапно пораженное страданьем,
В ней сердце дрогнуло... Но вот она
Опомнилась... и, медленно краснея,
С испугом молча слушает Андрея.

21

«Ваш дядюшка скончался?» — «Да-с». —
«Я с детства
770 Его знавал... я знаю целый свет.
Позвольте... Вы теперь насчет наследства?»
— «Да-с». — «Ну, ступайте с богом —
мой совет.
Жаль, жаль лишиться вашего соседства.
Но делать нечего. Надолго?» — «Нет...
О нет... я ненадолго... нет...» И трепет
Остановил его смущенный лепет.

Дуняша смотрит на него. . . Разлуку
 Он им пророчит. . . но на сколько дней?
 Зачем он едет? Радость или муку —
 780 Чтó, чтó скрывает он? Зачем он с ней
 Так холоден? Зачем внезапно руку
 По мрачному лицу провел Андрей?
 Зачем ее пытающего взора
 Он избегал, как бы страшась укора?

Она разгневалась. Перед слезами
 Всегда сердиты женщины. Слегка
 Кусая губы, ласково глазами
 Прищурилась она. . . да бедняка
 Насмешками, намеками, словцами
 790 Терзала целый божий день — пока
 Он из терпенья вышел не на шутку. . .
 Дуняше стало легче — на минутку.

Но вечером, когда то раздраженье
 Сменила постепенно тишина, —
 Немую грусть, унылое смущенье,
 Усталый взгляд Андрея вдруг она
 Заметила. . . невольное сожаленье
 В ее душе проснулось, и, полна
 Раскаянья, Дуняша молчаливо
 800 По комнате прошлась и боязливо

К нему подседа. Взор ее приветно
 Сиял; лицо дышало добротой.
 «Андрей, зачем вы едете?» Заметно
 Дрожал неровный голос. Головой
 Поник он безнадежно, безответно,
 Хотел заговорить, махнул рукой,

Взглянул украдкой на нее... бледнея...
И поняла Дуняша взгляд Андрея.

26

Она сидела молча, замирая,
810 С закрытыми глазами. Перед ней
Вся будущность угрюмая, пустая
Мгновенно равернулась... и, со всей
Собравшись силой, медленно вставая,
Она сказала шепотом: «Андрей,
Я понимаю вас... Вы не лукавы...
Я благодарна вам... Вы правы... правы!»

27

Его рука, дрожа, сыскала руку
Дуняши... Расставаясь навсегда,
В последний раз, на горькую разлуку
820 Пожал он руку милую тогда.
Не передав изменчивому звуку
Своей тоски — но страха, но стыда
Не чувствуя, — проворными шагами
Он вышел — и залился вдруг слезами.

28

О, чувство долга! Сколько наслаждений
(Духовных, разумеется) тобой
Дается нам в замену треволнений
Ничтожной, пошлой радости земной!
Но по причине разных затруднений,
830 По слабости, всё мешкал наш герой,
Пока настал, к тоске дворян уезда
Бобковского, печальный день отъезда.

29

Андрей с утра в унылую тревогу
Весь погрузился; дедовский рыдван,
Кряхтя, придвинул к самому порогу,

Набил и запер толстый чемодан;
Всё бормотал: «Тем лучше; слава богу» —
И сапоги запихивал в карман. . .
Людей томит и мучит расставанье,
840 Как никогда не радуется свиданье.

30

Потом он начал ящики пустые
С великим шумом выдвигать; в одном
Из них нашел он ленточки — немые
Свидетели прошедшего. . . Потом
Он вышел в сад. . . и листики сырые
Над ним шумели грустно, старый дом
Как будто тоже горевал, забвеньё
Предчувствуя да скорое паденьё.

31

С тяжелым сердцем к доброму соседу
850 Андрей поплелся; но не тотчас он
К нему пришел и не попал к обеду.
Уже гудел вечерний, тяжкий звон.
«А! здравствуйте! Вы едете?» — «Я еду».
— «Когда же?» — «Завтра до зари». — «Резон;
Лошадкам легче; легче, воля ваша. . .»
Андрей с ним согласился. Где Дуняша?

32

Она сидела в уголку. Смущенье
Изобличали взоры. В темноте
Она казалась бледной. Утомленьё
860 Ее печальной, тихой красоте
Такое придавало выраженьё,
Так трогательны были взоры те,
Смягченные недавними слезами,
Что бедный наш Андрей всплеснул руками.

С ней говорил он. . . как обыкновенно
 Перед отъездом говорят: о том,
 Что никого на свете совершенно
 Занять не в состоянии; причем
 Они смеялись редко, принужденно
 870 И странно, долго хмурились потом. . .
 Фаддей зевал до слез весьма протяжно. . .
 И, кончив, охорашивался важно.

Был у Дуняши садик, по старинной
 Привычке русской. Садиком у нас
 В уездах щеголяют. Из гостиной
 Вели две-три ступеньки на террас.
 Кончался сад довольно темной, длинной
 Аллеей. . . Вечером, и в жаркий час,
 И даже ночью по песку дорожки
 880 Бродили часто маленькие ножки.

В тот вечер над землей, до влаги жадной,
 Веселая, весенняя гроза
 Промчалась шумно. . . Легкий сон отрадной
 Волной струится мягко на глаза
 Всему, что дышит, и в тени прохладной
 На каждом новом листике слеза
 Прозрачная дрожит, блестит лукаво,
 И небо затихает величаво. . .

Вослед другим, отсталая, лениво
 890 Несется туча, легкая, как дым.
 Кой-где вдали возникнет торопливо
 Неясный шум — и, воздухом ночным

Охваченный, исчезнет боязливо.
От сада веет запахом сырým. . .
И на ступеньках редкие, большие . . .
Еще пестреют капли дождевые.

27

И на террас они пошли все трое. . .
Вот, помолчавши несколько, супруг
Им объявил, что время не такое,
900 Чтобы гулять, и возвратился вдруг
В гостиную. Но небо голубое
Им улыбалось ласково. Сам-друг
Они присели на скамейке, рядом —
Меж светлым домиком и темным садом.

88

Всё так очаровательно: молчанье
Кругом, как будто чутко над землей
Поникла ночь и слушает. . . Мерцанье
Далекой, робкой звездочки. . . покой
Немеющего воздуха. . . желанье
910 В сердцах их, полных горестью, тоской,
Любовью, — загоралось самовластно. . .
А вот луна блеснула сладострастно. . .

39

И, словно пробужденные стыдливым,
Медлительным и вкрадчивым лучом,
Заговорили говором сонливым
Верхушки лип, облитые дождем.
Внезапно по дорожкам молчаливым,
В кустах и на песку перед крыльцом
Взыграли тени слабые. . . Волненье
920 Скрывая, смотрят оба в отдаленье.

О, ночь! о, мрак! о, тайное свиданье!
 Ступаешь робко, трепетной ногой...
 Из-за стены лукавое призванье,
 Как легкий звон, несется за тобой...
 Неровное, горячее дыханье
 В тени пахучей, дремлющей, сырой
 Тебе в лицо повеет торопливо...
 Но вдаль они глядели молчаливо.

Сердца рвались... но ни глаза, ни руки
 936 Встречаться не дерзали... При луне,
 Испуганные близостью разлуки,
 Они сидят в унылой тишине.
 Лишь изредка порывистые муки
 Их потрясали смутно, как во сне...
 «Так завтра? Точно?» — «Завтра».
 Понемножку
 Дуняша встала, подошла к окошку,

Глядит: перед огромным самоваром
 Супруг уселся; медленно к губам
 Подносит чашку, благовонным паром
 940 Облитую, пытит, кряхтит — а сам
 Поглядывает исподлобья. «Даром
 Простудишься, Дуняша... Полно вам
 Ребячиться», — сказал он равнодушно...
 Дуняша засмеялась и послушно

Вошла да села молча. «На прощанье,
 Андрей Ильич, откушайте чайку.
 Позвольте небольшое замечанье...
 (Андрей меж тем прижался к уголку.)

Ваш родственник оставил завещанье?»
950 — «Оставил». — «Он... в каком служил полку?»
— «В Измайловском». — «Я думал, в Кирасирском.
И жизнь окончил в чине бригадирском?»

44

«Да, кажется...» — «Скажите! Впрочем, что же
Вам горевать? Покойник был и глух,
И стар, и слеп... Тем лучше для него же.
Хотите чашечку?» — «Я больше двух
Не пью». — «Да; как подумаешь, мой боже, —
Что наша жизнь? Пух, совершенный пух;
Дрянь, просто дрянь... Что делать? участь наша...
960 Эх!... Спой нам лучше песенку, Дуняша.

45

Ну не ломайся... ведь я знаю, рада
Ты петь с утра до вечера». Сперва
Ей овладела страшная досада...
Но вдруг пришли на память ей слова
Старинные... Не поднимая взгляда,
Аккорд она взяла... и голова
Ее склонилась, как осенний колос...
И зазвучал печально-страстный голоса

«Отрава горькая слезы
970 Последней жжет мои ресницы...
Так после бешеной грозы
Трепещут робкие зарницы.

Тяжелым, безотрадным сном
Заснула страсть... утихли битвы...
Но в сердце сдавленном моем
Покоя нет — и нет молитвы.

А ты, кому в разлучный миг
Я молча сжать не смею руки,
К кому прощальных слов моих
980 Стремятся трепетные звуки...

Молю тебя — в душе твоей
Не сохраняй воспоминанья,
Не замечай слезы моей
И позабудь мои страданья!»

46

Она с трудом проговорила строки
Последние. . . потупилась. . . У ней
Внезапно ярко запылали щеки. . .
Ей стало страшно смелости своей. . .
К Андрею наклонился муж: «Уроки
990 Она, судáрь, у всех учителей
В Москве бралá. . . Ну, Дунюшка, другую. . .
Веселенькую, знаешь, удалую!»

47

Она сидит, задумчиво впадая
В упорную, немую тишину.
Часы пробили медленно. Зевая,
Фаддей глядит умильно на жену.
«Что ж? Пой же. . . Нет? Как хочешь. . . —
и, вставая, —
Пора, — прибавил он, — меня ко сну
Немного клонит. Поздно. Ну, прощайте,
1000 Андрей Ильич. . . и нас не забывайте».

48

Кому не жаль действительных борений
Души нехитрой, любящей, прямой?
Дуняша не была в числе творений,
Теперь нередких на Руси святой, —
Охотниц до «вопросов» и до прений,
Холодных сердцем, пылких головой,
Натянутых, болезненно болтливых
И сверхъестественно самолюбивых. . .

49

О нет! она страдала. Расставанье
1010 Настало. Тяжело в последний раз

Смотреть в лицо любимое! Прощанье
В передней да заботливый наказ
Себя беречь — обычное желанье, —
Всё сказано, — всему конец. . . Из глаз
Дуняши слезы хлынули. . . но тупо
Взглянул Андрей — и вышел как-то глупо.

50

А на заре, при вопле двух старушек
Соседок, тронулся рыдван. Андрей
В нем восседал среди шести подушек.
1020 Ну, с богом! Вот застава! Перед ней
Ряды полуразрушенных избышек;
За ней дорога. Кучер лошадей
Постегивал и горевал, что грязно,
И напевал задумчиво-несвязно. . .

.

51

Три года протекло. . . три длинных года.
Андрей нигде не свил себе гнезда.
Он видел много разного народа
И посетил чужие города. . .
Его не слишком тешила свобода,
1030 И вспоминал он родину, когда
Среди толпы веселой, как изгнанник,
Бродил он, добровольный, грустный странник.

52

Он испытал тревожные напасти
И радости скитальца; но в чужой
Земле жил одиноко; старой страсти
Не заменил он прихотью другой.
Он не забыл. . . забыть не в нашей власти!
В его душе печальной, но живой,
Исполненной неясного стремленья,
1040 Толпами проходили впечатленья. . .

Однажды пред камином на диване
 Андрей сидел и думал о былом.
 (Он жил тогда в Италии, в Милане.)
 Андрей на чай в один «приятный» дом
 Был пóзван и скучал уже заране. . .
 Его хозяйка в комнату с письмом
 Вошла. . . «Рука Дуняши!» — закричал он, —
 И вот что, содрогаясь, прочитал он:

«Признайтесь. . . Вы письма не ждали
 1060 Так поздно и в такую даль?
 Вам прежних радостей не жаль. . .
 Быть может, новые печали
 Сменили прежнюю печаль.
 Иль вам наскучили страданья,
 И вы живете не спеша,
 И жаждет вечного молчанья
 Изнеможенная душа? . .
 Не возмутили б эти строки
 Покоя вашего. . . меня
 1060 Простите вы. . . мы так далеки. . .
 С того мучительного дня —
 Вы помните — прошло так много,
 Так много времени, что нас. . .
 Что мы. . . что я не знаю вас. . .
 Меня вы не судите строго —
 Во имя прошлого, Андрей!
 Подумайте: среди людей
 Живете вы. . . а я, мой боже!
 Всё там же — и кругом всё то же. . .
 1070 Что? грустно вам? или смешно?
 Иль совершенно всё равно?

Андрей, послушайте: когда-то
 Мы жили долго вместе. . . Свято
 Я любила вас. . . ко мне
 Вы привязались добровольно. . .
 Потом. . . но мне сознаться больно,

Как мы страдали в тишине.
С тех пор, Андрей, со дня прощаний,
Хотите знать, как я живу?
1080 Как некогда, в часы свиданий,
Я вас опять к себе зову. . .
Вот — вы со мной сидите рядом,
Не поднимая головы, —
И на меня глядите вы
Тем ласковым и добрым взглядом. . .

Когда расстались вы со мной,
Я не винила вас. Одной
Заботой — точно, непритворно
Вы были заняты. Тогда
1090 Меня щадили вы. . . Ну да!
Я благодарна вам, бесспорно.
Я верю — грустно было вам;
Не притворялись вы лукаво;
Вы в целый год успели к нам
Привыкнуть; жертва ваша, право,
Достойна громкой похвалы. . .
Да; без сомненья: люди злы —
Все малодушны, все коварны
И до конца неблагодарны. . .
1100 Вам должно было ехать. . . я
Согласна. . . но как вы спешили!
Нет, нет, меня вы не любили!
Нет, не любили вы меня!

Ах, если надо мной жестоко
Не насмеялись вы сперва. . .
Андрей, я чувствую, глубоко
Вас оскорбят мои слова;
Но я живу в такой пустыне. . .
Но я ношу такой венец —
1110 В моей любви, в моей святине
Я сомневаюсь, наконец. . .
Я гибну! . . Крик тоски мятежной
Сорвался с губ моих. . . Андрей,
Печаль разлуки безнадежной
Сильнее гордости моей. . .

Я вас люблю. . . тебя люблю я. . .
Ты знаешь это. . . ты. . . Поверь,
Навек, мучительно тоскуя,
С тобой простилась я теперь.

- 1120 Я плачу. Да; ты благороден,
Андрей, ты силен и свободен;
Ты позабыть себя готов.
Из видов низких и корыстных
Ты не наложишь ненавистных,
Хоть позолоченных оков.
О да! Когда перед томленьем
Разлуки, в робкой тишине,
С немым и страшным упоеньем
Тебе вверялась я вполне,
1130 Я поняла твое молчанье. . .
Я покорилась. . . От тебя
Я приняла тогда страданье,
Как дар, безропотно, любя. . .
Я не могла тебе не верить —
Тебе не верить, боже мой!
Когда я вся жила тобой. . .
Но не хочу я лицемерить:
Потом — казалось мне, что ты. . .
Пустые женские мечты!
1140 Мне совестно. . . но в извиненье,
Андрей, ты примешь положенье
Мое. . . Подумай: на кого
Меня ты здесь оставил? скука,
Тоска. . . не знаешь ничего. . .
Наедут гости — что́ за мука!
Соседки-сплетницы; сосед
Молчит, сопит во весь обед,
Глощает, давится насильно
Да к ручке подойдет умильно.
1150 С утра ждешь вечера, свечей. . .
Занятий нету. . . нет детей. . .
Книг нету. . . душно, страшно душно. . .
Попросишь мужа — равнодушно
Проговорит он: «Погоди,
Зайдет разносчик». . . впереди

Всё то же, то же до могилы. . .
О господи, пошли мне силы!!!

.

Но прежде — прежде жизнь моя
Была спокойна. . . помню я
1160 Себя веселой, безмятежной
Перед домашним очагом. . .
Какой любовью кроткой, нежной
Тогда дышало всё кругом!
Как были хлопоты, заботы
Хозяйки, легкие работы
В то время сердцу моему,
Сама не знаю почему,
Невыразимо сладки, милы! . .
Но мне прошедшего не жаль —
1170 Тогда ребяческие силы
Шадила строгая печаль. . .

О, мне, конечно, в наказание
За гордость послано страданье. . .
Иль и за то, что в самый час,
Когда я вас узнала — вас,
Я позабылась малодушно,
Дала вам право над собой
И без борьбы перед судьбой
Склонила голову послушно! . .
1180 Тогда я сердца своего
Не понимала. . . для чего
Никто с суровостью мужчины
Меня не спас. . . я до кончины
Жила бы в «мирной тишине,
Не зная помыслов опасных. . .»

Я плачу. . . плачу. . . Стыдно мне
Тех горьких слез — и слез напрасных!
Кому я жалуюсь? Зачем,
Зачем я плачу? Перед кем?
1190 Кто может выслушать упреки
Мои? . . Быть может, эти строки,
Следы горячих слез моих,

Друзьям покажет он лукаво,
На толки праздные чужих
Людей предаст меня? .. Но, право,
С ума схожу я. . .

Вот, Андрей
(Теперь мы с вами хладнокровно
Поговорим), как безусловно
Я верю вам. Души моей
1200 Я не скрываю перед вами.
Конечно, знаете вы сами,
Что значит женская печаль. . .
Я вспомнила, в какую даль
Вас унесло. . . Мне стало грустно. . .
И то, что высказать изустно
Я не посмела бы. . . Меня
Поймете вы! Что делать, я
Не слишком счастлива. Но годы
Пройдут — состареюсь. . . и той
1210 Любви блаженной, той свободы
Мне не захочется самой.

Я перечла свое маранье. . .
Андрей, не вздумайте в моем
Письме постыдное желанье
Найти. . . Но, боже мой! о чем
Могла я к вам писать? .. Мне больно,
Я плачу, жалуясь неволью. . .
Но легче мне теперь, ясней. . .
И сердце после долгой битвы
1220 Желает отдыха, молитвы
И бьется медленней. . . вольней. . .

Андрей, прощайте. Дайте руку
Не на свиданье — на разлуку.
Судьба! .. Но если в тишине
Та дружба старая случайно
Еще живет. . . и если тайно
Хоть изредка. . . вам обо мне,
О стороне родной, далекой

Приходят мысли... знайте: там
1230 Есть сердце, полное глубокой
Печалью, преданное вам.
Среди волнений жизни новой
Об участи моей суровой
Вы позабудете... Но вас
Я буду помнить — вечно... вечно...
И в каждый светлый, тихий час
Благодарить вас бесконечно.
Прощайте, добрый, старый друг...
Какое горькое мгновенье!
1240 Мучительно расстаться вдруг...
Но страшно долгое томленье...
От полноты души моей
На жизнь обильную, святую...
И даже — на любовь иную
Благословляю вас, Андрей!»

54

Он жадно пробежал письмо глазами...
Исписанный листок в его руках
Дрожал... Он вышел тихими шагами
С улыбкой невеселой на губах...
1250 Но здесь, читатель, мы простимся с вами,
С Андреем и с Дуняшей. Право, страх
Подумать — как давно, с каким терпеньем
Вы нас дарите вашим снисхожденьем.

55

Что сделалось с героями моими?...
Я видел их... Тому не так давно...
Но то, над чем я даже плакал с ними,
Теперь мне даже несколько смешно...
Смеяться над страданиями чужими
Весьма предосудительно, грешно...
1260 Но если нас не станет мучить совесть,
Когда-нибудь мы кончим эту повесть.

Первая половина 1845

97. ГРАФИНЯ ДОНАТО

1

Был светлый летний день, когда с охоты
знойной
В свой замок, вдоль реки широкой и спокойной,
Графиня ехала. Сверкал зеленый луг
Заманчиво... но ей всё надоело вдруг —
Всё: резкий звук рогов в излучинах долины,
И сокола полет, и цапли жалкий стон,
Стальных бубенчиков нетерпеливый звон,
И лесом вековым покрытые вершины,
И солнца смелый блеск, и шелест ветерка...
10 Могучий серый конь походкой горделивой
Под нею выступал, подбрасывая гривой,
И умной головой помахивал слегка...
Графиня ехала, не поднимая взора, —
Под золотом парчи не шевельнется шпора,
Скатилась на седло усталая рука.

2

Читатель! мы теперь в Италии с тобой,
В то время славное, когда владыки Рима
Готовили венец творцу Ерусалима,
Венец, похищенный завистливой судьбой;
20 Когда, в виду дворцов высоких и надменных,
В виду озер и рек прозрачно-голубых,
Под бесконечный плеск фонтанов отдаленных,
В садах таинственных, и темных, и немых,
Гуляли женщины веселыми роями —
И тихо слушали, склонившись головами,
Рассказы о делах и чудесах былых...
Когда замолкли вдруг военные тревоги —
И мира древнего пленительные боги
Являлись радостно на вдохновенный зов
30 Влюбленных юношей и пламенных певцов.

3

Графиня ехала... Вдали, полузакрытый
Густою зеленью и солнечным лучом,

Как будто золотом расплавленным облитый,
Встает ее дворец. За ней на вороном
Тяжелом жеребце — покрытого плащом
Мужчину видим мы. Чета собак проворных
Теснится к лошади. Среди рабов покорных
Идет сокольничий суровый и седой;
Но птицы резвые напрасно бьют крылами. . .
40 Красивый, стройный паж поспешными шагами
Бежит у стремени графини молодой.
Под шапкой бархатной, надвинутой на брови,
Его глаза блестят; колышутся слегка
На шее локоны; румянцем юной крови
На солнце весело горит его щека.

4

Графиня ехала. . . А в замке под окном
Стоял ее супруг и, прислонясь лицом
К холодному стеклу, глядел на луг широкий.
И был то человек упорный и глубокий;
50 Слывя задумчивым, всё наблюдал кругом,
Не требуя любви, ни от кого совета
И помощи не ждал, чуждался лишних слов;
Но светлый взор его, исполненный привета,
Умел обманывать, умел ласкать врагов:
И был он окружен послушными слугами,
Друзей удерживал обильными дарами,
И гневного лица его не знал никто.
Донато не спешил и в мести. . . но зато
Во тьме его души созревшие решенья
60 Напрасно никогда не ждали исполненья. . .

1840-е годы(?)

98. ФИЛИППО СТРОДЗИ

В отчизне Данта, древней, знаменитой,
В тот самый век, когда монах немецкий
Противу папы смело восставал, —
Жил честный гражданин, Филиппо Стродзи.
Он был богат и знатен; торговал

Со всей Европой, заседал в судах
И вел за дело правое войну
С соседями; не раз ему вверяла
Свою судьбу тосканская столица.
10 И был он справедлив, и прост, и кроток;
Не соблазнял, но покорял умом
Противников. . . и зависти враждебной,
Тревожной злобы, низкого коварства
Не ведал прямодушный человек.
В нем древний римлянин воскрес; во всех
Его делах, и в поступи, во взорах,
В обдуманной медлительности речи
Дышало благородное сознание —
Сознание государственного мужа.
20 Не позволял он называть себя
Почетными названьями; льстецам
Он говорил: «Меня зовут Филиппом —
Я сын купца». Любовью беспредельной
Любил он родину, любил свободу,
И, верный строгой мудрости Зенона,
Ни смерти не боялся, ни безумно
Не радовался жизни, но бесчестно,
Но в рабстве жить не мог и не хотел.
И вот когда семейство Медичисов,
30 Людей честолюбивых, пышных, умных,
Уже давно любимое народом
(Со времени великого Козьмы),
Достигло власти наконец; когда
Сам император — Пятый Карл — родную
Дочь отдал Александру Медичису,
И, сильный силой царственного тестя,
Законы нагло начал попираť
Безумный Александр — восстал Филипп
И с жалобой не дерзкой, но достойной
40 Свободного народа, к венценосцу
Прибег. Но Карл остался непреклонным —
Цари друг другу все сродни. Тогда
Филиппо Стродзи, видя, что народ
Молчит и терпит, и страшись привычки
Разврата рабства — худшего разврата, —
Рукою Лоренцина погубил
Надменного владыку. Но минула

Та славная, великая пора,
Когда цвели свободные народы
50 В Италии, божественной стране,
И не пугались мысли безначалья,
Как дети малолетные. . . Напрасно
Освободил Филипп родную землю —
Явился новый, грозный притеснитель,
Другой Козьма. Филипп собрал дружину,
Друзей нашел и преданных и смелых —
Но полководцем не был он искусным. . .
Надеялся на правоту, на доблесть
И верил обещаньям и словам
60 Не как ребенок легковерный — нет!
Как человек, быть может, слишком честный. . .
Его разбили, взяли в плен. Октавий
Разбил же Брута некогда. Как муху
Паук, медлительно терзал Филиппа
Лукавый победитель. Вот однажды
Сидел несчастный после тяжелой пытки
Перед окном и радовался втайне:
Он выдержал неслыханные муки
И никого не выдал палачам.
70 Сквозь черную решетку падал ровный
Широкий луч на бледное лицо,
На рубище кровавое, на раны
Страдальца. Слышался вдали беспечный,
Веселый говор праздного народа. . .
В окошко мухи быстро залетали,
И с вышины томительно-далекой
Прозрачной, светлой веяло весной.
С усилием поднял голову Филиппо:
И вспомнил он любимую жену,
80 Детей-сироток — собственное детство. . .
И молодость, и первые желанья,
И первые полезные дела,
И всю простую, праведную жизнь
Свою тогда припомнил он. И вот
Куда попал он наконец! Надеждам
Напрасным он не предавался. . . Казнь,
Мучительная казнь его ждала. . . Сомненье
Невыразимо горькое внезапно
Наполнило возвышенную душу

90 Филиппа; сердце в нем отяжелело,
И выступили слезы на глаза.
Молиться захотел он, возмутилось
В нем чувство справедливости... безмолвно
Израненные, скованные руки
Он поднял, показал их молча небу,
И без негодованья, с бесконечной
Печалью произнес он: где же правда?
И ропотом угрюмым отозвался
Филиппу низкий свод его тюрьмы...
100 Но долго бы пришлось еще терзаться
Филиппу, если б старый, честный сторож,
Достойный понимать его величье,
Однажды, после выхода судьи,
Не положил бы молча на пороге
Кинжала... Понял сторожа Филипп —
И так же молча, медленным поклоном
Благодарил заботливого друга.
Но прежде чем себе нанес он рану
Смертельную, на каменной стене
110 Кинжалом стих латинской эпопеи
Он начертал: «Когда-нибудь восстанет
Из праха нашего желанный мститель!»
Последняя, напрасная надежда!
Филиппов сын погиб в земле чужой —
На службе короля чужого; внук
Филиппа заживо был кинут в море,
И род его пресекся, Медичисы
Владели долго родиной Филиппа,
Охотно покорялись им потомки
120 Филипповых сограждан и друзей...

О наша мать — вечная земля!
Ты поглощаешь так же равнодушно
И пот, и слезы, кровь детей твоих,
Пролитую за праведное дело,
Как утренние капельки росы!
И ты, живой, подвижный, звучный воздух,
Ты так же переносишь равнодушно
Последний вздох, последние молитвы,
Последние предсмертные проклятья,
130 Как песенку пастушки молодой...

А ты, неблагодарная толпа,
Ты забываешь так же беззаботно
Людей, погибших честно за тебя,
Как позабудут и твои потомки
Твои немые, тяжкие страданья,
Твои нетерпеливые волненья
И все победы громкие твои!
Блажен же тот, кому судьба смеется!
Блажен, кто счастлив, силен и неправ!!!

140 Дверь отворилась... и вошел Козьма...

{1847}

ПЕРЕВОДЫ

**99. (ПЕСНЯ КЛЕРХЕН
ИЗ ТРАГЕДИИ ГЁТЕ «ЭГМОНТ»)**

Одной лишь любовью
Блаженна душа.
Радостей,
Горестей,
Дум полнота:
Стремленье,
Томленье,
И мук череда —
То неба восторги,
То смерти тоска. . .
Одной лишь любовью
Блаженна душа.

(1840)

**100. ПОСЛЕДНЯЯ СЦЕНА
ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ФАУСТА» ГЁТЕ**

Тюрьма.

Ф а у с т

*(с связкой ключей и лампадой перед небольшой
железной дверью)*

Я чувствую тревожное волнение. . .
Всей скорбию земной душа моя полна;
Вот здесь она — в тюрьме. . . И что же? Заблужденье
Простосердечное — вот вся ее вина.

Ты мешкаешь? Ты медлишь к ней идти?
Иль увидеть ее боишься ты?
Решайся же... ей смерть грозит... Скорей!
Он схватывается за замбк. В тюрьме раздается песенка.¹

(отпирая)

Она не чувствует, что близок милый к ней,
И слышит шум соломы, звук цепей.

(Он входит.)

М а р г а р и т а
(прячась на постели)

10 Они пришли... Смерть! смерть! О боже мой!

Ф а у с т
(тихо)

Тс! тише! Я пришел тебя спасти.

М а р г а р и т а
(валяясь у ног его)

О, если ты не зверь, так сжался надо мной!

Ф а у с т

Тс! Криком сторожей разбудишь ты!
(Он берется за ее цепи.)

М а р г а р и т а
(на коленях)

Кто дал тебе право, палач, приходиться
Так рано за мною?
О, сжался! дай мне сегодня пожить —
Возьми меня завтра поутру... с зарею...

(Она встает.)

Я так еще молода, молода —
И вот уже я умереть должна...

¹ Старинную немецкую песенку, которую Гёте вложил в уста Маргариты, я не решился перевести, потому что, по-моему, в переводе она теряет свой характер и является каким-то фантастически лирическим изливанием. Впрочем, перевод г-м Губером этой песни — довольно верен. *Т. Л.*

20 Была, говорят, не совсем я дурна —
Меня ты сгубила, моя красота!
Был близок друг... но теперь он далек —
Цветы все завяли... разорван венок.
Не трогай меня! Не берись за меня!
О, сжался! чем я тебя оскорбила?
Неужто тебя я напрасно молила?
Я в первый раз в жизни вижу тебя.

Фауст

Снесу ли я эти муки?

Маргарита

Смотри — тебе вся отдаюся я в руки...
80 Позволь мне ребенка сперва покормить:
Мы целую ночь с ним не спали;
Я всё его грела... Они его взяли,
Они хотели меня огорчить —
И что же? Теперь говорят на меня,
Что будто его убила я.
Не быть мне веселой! не ведать мне радостной доли!
И вот — они песни поют про меня... Не грешно ли?
Старинная сказка так кончается —
Но разве ко мне она применяется?

Фауст

(бросаясь к ее ногам)

40 Твой друг у ног твоих; твой друг тебя спасет...
Он из тюрьмы тебя с собой возьмет.

Маргарита

(бросаясь тоже на колени)

О! станем молиться святым с тобой!
Под этим сводом, под этой плитой
Весь ад кипит...
Лукавый гремит,
И злится, и роет —
И воет...

Фауст

(громко)

Гретхен! Гретхен!

М а р г а р и т а
(*прислушиваясь*)

Это был его голос...

Она вскакивает; цепи с нее спадают.

- 60 Где он? Где он? Его слышала я...
Свободна я! Кто удержит меня?
В объятия его побегу я —
На грудь его упаду я!
Он сказал: «Гретхен!», в дверях он стоял...
Вдруг среди воя и адского плеска,
Злобного хохота, грозного треска
Любящий голос его прозвучал.

Ф а у с т

Я здесь!

М а р г а р и т а
Ты здесь... О, повтори мне эти звуки...
(*Обнимая его*)

- Он... это он... куда девались муки
60 И ужасы цепей? тюрьмы?
Ты здесь! Пришел меня спасти?
Я спасена!
Я вижу улицу опять,
Где в первый раз сошлись мы, —
И сад и дом,
Где с Марфой мы тебя, бывало, ждем.

Ф а у с т

Пойдем, мой друг, пойдем.

М а р г а р и т а
(*ласкаясь к нему*)

Побудь еще немного,
Так хорошо мне там, где ты бываешь...

Ф а у с т

- 70 Спешите же, ради бога —
Ты нас погубишь... ты меня терзаешь.

М а р г а р и т а

Что ж это? Ты меня не лобызаешь?
Мой друг, давно ль со мной ты разлучился —
И целовать уж разучился?
Что мне так страшно на груди твоей,
Когда, бывало, от твоих речей,
От взгляда твоего — всё небо разверзлось...
И ты меня так обнимал, что я
Чуть-чуть не задыхалась!..
90 Поцелуй же меня —
Не то я поцелую тебя!

(Она его обнимает.)

О, горе! как губы твои холодны, безответны...
Что же сделалось с твоей любовью?
Кто лишил меня твоей любви?

(Она от него отворачивается.)

Ф а у с т

Мой ангел, ободрись — не унывай напрасно;
Тебя ласкать я буду страстно —
По-прежнему... пойдём, прошу тебя, пойдём.

М а р г а р и т а

(оборачивается опять к нему)

Да ты ль это? Да точно ль это ты?

Ф а у с т

Я! я! пойдём!

М а р г а р и т а

90 С меня ты цепи снял;
Меня опять в свои объятия взял...
О, как же ты меня не избегаешь?
И знаешь ли ты, друг, кого спасаешь?

Ф а у с т

Скорей... уже редет мрак ночной...

М а р г а р и т а

Я мать свою убила —
Ребенка утопила.

Ведь он был твой... да — твой и мой...
Твой... это ты... всё верить не могу я...
Дай руку мне — нет, точно, нет — не сплю я...
100 Ах, эта милая рука!.. скорей
Утри ее... она сыра — на ней
Я вижу кровь — смотри, пятно какое!
Спрячь эту шпагу... О! что сделал ты?

Фауст

Оставь прошедшее в покое —
Меня погубишь ты...

Маргарита

Нет... нет... ты должен остаться, мой милый...
Хочу описать тебе наши могилы.
Об них ты завтра, до ранней зари,
Мой друг, позаботься — смотри.
110 Родную на первом схоронишь ты месте...
И брата с ней вместе...
Меня в стороне —
Но не слишком далеко, —
И буду лежать одиноко,
Малютку на грудь ты положишь ко мне.
Когда я к тебе прислонялась, бывало,
Какое блаженство меня проникало...
Теперь — не могу я предаться вполне;
Как будто должна я себя принуждать —
120 Как будто не хочешь меня ты ласкать...
И это ты... и так приветно ты глядишь...

Фауст

Сама ж ты говоришь,
Что это я... пойдем, мой друг, пойдем...

Маргарита

Куда?

Фауст

На волю.

Маргарита

В гроб? Пойдем,
И если смерть за дверью ждет — пойдем
Отсюда... и в могилу — на покой...

Ни шагу дальше —
Но ты уходишь, Генрих. . .
О, если б я могла идти с тобой!

Фауст

130 Ты можешь. . . посмотри: раскрыта дверь.

Маргарита

Я не хочу уйти. Чего мне ждать теперь?
Какие радости теперь нас ожидают?
Бежать. . . к чему? Они меня поймают. . .
А милостыней жить так тяжело —
Особенно, когда на совести легло. . .
Так тяжело в чужой земле скитаться!
И не могу ж я вечно укрываться.

Фауст

С тобой останусь я.

Маргарита

Скорей, скорей,
140 Спаси твое дитя.
Скорей, ступай
Вверх по ручью,
Всё по дорожке
И прямо в лес. . .
Налево, где доска лежит, —
В пруду. . .
Хватай его, хватай —
Оно подняться хочет. . .
Оно еще бьется —
150 Спаси, спаси!

Фауст

Опомнись, Гретхен,
Лишь шаг один — свободна ты!

Маргарита

Как мне б эту гору скорее пройти! . .
Там мать на камне сидит одна —
Холодная дрожь по мне пробегает. . .
Там мать на камне сидит одна —
И всё головою кивает.

Кивает — качает — устала она...
Она так долго спала, спала;
160 Она пробудиться никак не могла...
Никто не мешал нам с тобой целоваться —
Такого блаженства теперь не дожидаться!

Ф а у с т

Напрасны мольбы... решился я!
Унесу я тебя!

М а р г а р и т а

Оставь меня — нет! Не позволю я! Нет!
Не берись за меня ты со всей твоей силой...
В угоду тебе я всё делала, милый...

Ф а у с т

Да вот уж и день... загорается свет...

М а р г а р и т а

Светает... последний день настал,
170 День свадьбы нашей... о да!
Не сказывай ты никому, что бывал
У Гретхен... не то — беда!
Что ж делать!.. Судьба!..
Мой друг, я увижу тебя...
Тогда мы с тобою не станем плясать...
Толпа теснится... толпы не слышать...
Все лица безмолвны —
Все улицы полны —
Набат звучит... махнул судья —
180 Как вяжут они — как хватают меня.
И вот уже к плахе привязана я...
Топор размахнулся...
Затылок у каждого вдруг содрогнулся —
Безмолвно весь мир лежит, как могила.

Ф а у с т

Зачем я родился!

М е ф и с т о ф е л ь

(показываясь в дверях)

Ко мне! не то вы пропали...
О чем вы так долго болтали...

Наши кони храпят —
Чуют утро — домой хотят.

М а р г а р и т а

190 Что там из земли поднялось? Взгляни —
Вот этот... вот... прогони ты его — прогони —
Зачем он в святое место зашел?
За мной он пришел!

Ф а у с т

Ты будешь жива — я клянусь!

М а р г а р и т а

О божий суд! я тебе предаюсь!

М е ф и с т о ф е л ь

Скорей... обоих вас брошу я.

М а р г а р и т а

Отец, я твоя! Спаси меня!
Небесные силы, меня окружите!
Вы, ангелы! меня защитите!

200 Генрих, ты страшен мне.

М е ф и с т о ф е л ь

Она осуждена!

Г о л о с с в ы ш и н ы

Она спасена!

М е ф и с т о ф е л ь

Ко мне!

(Исчезает с Фаустом.)

Г о л о с и з в н у т р и

(замирая)

Генрих... Генрих...

Сентябрь 1843

101. РИМСКАЯ ЭЛЕГИЯ

(Гёте. 12)

Слышишь? веселые клики с Фламинской дороги несутся:
Идут с работы домой в дальнюю землю жнецы.
Кончили жатву для римлян они; не свивает
Сам надменный квирит доброй Церере венка.
Праздников более нет во славу великой богини,
Давшей народу взамен желудя — хлеб золотой.
Мы же с тобою вдвоем отпразднуем радостный
праздник.

Друг для друга теперь двое мы целый народ.
Так — ты слыхала не раз о тайных пирах Элевзиса:
Скоро в отчизну с собой их победитель занес.
Греки ввели тот обряд, и греки, всё греки зывали
Даже в римских стенах: «К ночи спешите святой!»
Прочь убежал оглашенный; сторал ученик ожиданьем,
Юношу белый хитон — знак чистоты — покрывал.
Робко в таинственный круг он входил: стояли рядами
Образы дивные; сам — словно бродил он во сне.
Змеи вились по земле; несли цветущие девы
Ларчик закрытый; на нем пышно качался венок
Спелых колосьев; жрецы торжественно двигались —
пели. . .

Света — с тревожной тоской — трепетно ждал ученик.
Вот — после долгих и тяжелых искусов — ему открывали
Смысл освященных кругов, дивных обрядов и лиц. . .
Тайну — но тайну какую? не ту ли, что тесных объятий
Сильного смертного ты, мать Церера, сама
Раз пожелала, когда свое бессмертное тело
Всё — Язиону царю, ласково всё предала.
Как осчастливлен был Крит! И брачное ложе богини
Так и вскипело зерном, тучной покрылось травой.
Вся ж остальная зачахла земля. . . забыла богиня
В час упоительных нег свой благодетельный долг.
Так с изумленьем немым рассказу внимал посвященный;
Милой кивал он своей. . . Друг, о пойми же меня!
Тот развесистый мирт осеняет уютное место. . .
Наше блаженство земле тяжкой бедой не грозит.

(1846)

102. ТЬМА
(Из Байрона)

Я видел сон... не всё в нем было сном.
Погасло солнце светлое — и звезды
Скитались без цели, без лучей
В пространстве вечном; льдистая земля
Носилась слепо в воздухе безлунном.
Час утра наставал и проходил —
Но дня не приводил он за собою...
И люди — в ужасе беды великой
Забыли страсти прежние... Сердца
В одну себялюбивую молитву
О свете робко сжались — и застыли.
Перед огнями жил народ; престолы,
Дворцы царей венчаных, шалаши,
Жилища всех имеющих жилища —
В костры слагались... города горели...
И люди собирались толпами
Вокруг домов пылающих — затем,
Чтобы хоть раз взглянуть в лицо друг другу.
Счастливы были жители тех стран,
Где факелы вулканов пламенели...
Весь мир одной надеждой робкой жил...
Зажгли леса; но с каждым часом гас
И падал обгорелый лес; деревья
Внезапно с грозным треском обрушались...
И лица — при неровном трепетаньи
Последних, замирающих огней
Казались неземными... Кто лежал,
Закрыв глаза, да плакал; кто сидел,
Руками подпираясь — улыбался...
Другие хлопотливо суетились
Вокруг костров — и в ужасе безумном
Глядели смутно на глухое небо,
Земли погибшей саван... а потом
С проклятьями бросались в прах и выли,
Зубами скрежетали. Птицы с криком
Носились низко над землей, махали
Ненужными крылами... Даже звери
Сбегались робкими стадами... Змеи
Ползли, вились среди толпы, — шипели

Безвредные. . . их убивали люди
 На пищу. . . Снова вспыхнула война,
 Погасшая на время. . . Кровью куплен
 Кусок был каждый; всякий в стороне
 Сидел угрюмо, насыщаясь в мраке.
 Любви не стало; вся земля полна
 Была одной лишь мыслью: смерти — смерти,
 Бесславной, неизбежной. . . страшный голод
 Терзал людей. . . и быстро гибли люди. . .
 Но не было могилы ни костям,
 Ни телу. . . пожирал скелет скелета. . .
 И даже псы хозяев раздирали.
 Один лишь пес остался трупу верен,
 Зверей, людей голодных отгонял —
 Пока другие трупы привлекали.
 Их зубы жадные. . . но пищи сам
 Не принимал; с унылым долгим стоном
 И быстрым, грустным криком всё лизал
 Он руку, безответную на ласку —
 И умер наконец. . . Так постепенно
 Всех голод истребил; лишь двое граждан
 Столицы пышной — некогда врагов —
 В живых осталось. . . встретились они
 У гаснущих остатков алтаря,
 Где много было собрано вещей
 Святых
 Холодными, костлявыми руками,
 Дрожа, вскопали золу. . . огонек
 Под слабым их дыханьем вспыхнул слабо,
 Как бы в насмешку им; когда же стало
 Светлее, оба подняли глаза,
 Взглянули, вскрикнули и тут же вместе
 От ужаса взаимного, внезапно,
 Упали мертвыми

 И мир был пуст;
 Тот многолюдный мир, могучий мир
 Был мертвой массой, без травы, деревьев,
 Без жизни, времени, людей, движенья. . .
 То хаос смерти был. Озера, реки
 И море — всё затихло. Ничего
 Не шевелилось в бездне молчаливой.

Безлюдные лежали корабли
И гнили на недвижимой, сонной влаге...
Без шума, по частям валились мачты
И, падая, волны не возмущали...
Моря давно не ведали приливов...
Погибла их владычица — луна;
Завяли ветры в воздухе немом...
Исчезли тучи... Тьме не нужно было
Их помощи... она была повсюду...

⟨1846⟩

**103. ⟨ПЕСНЯ ФОРТУНИО
ИЗ КОМЕДИИ А. МЮССЕ «ПОДСВЕЧНИК»⟩**

Не ждете ль вы, что назову я,
Кого люблю?
Нет! — так легко не выдаю я
Любовь свою.

Но я скажу вам (я смелее
Среди друзей),
Что спелый колос не светлее
Ее кудрей.

Живу, ее покорный воле,
И для нее
Я жизнь и, если нужно боле,
Отдам я всё!

Любви отверженной мученья
До траты сил,
До горьких слез, изнеможенья
Переносил.

И, в сердце сдавленном скрывая
Любовь свою,
Погибну я, не называя,
Кого люблю.

Вторая половина 1840-х годов(?)

104. (ИЗ ВОЛЬТЕРА)

Признаться надо нам, так наша жизнь проходит,
И каждого из нас бесенок некий водит
К забавам от невзгод, — тут воля не своя.
Всего от пяти чувств вполне завишу я;
Природой человек бесспорно превосходен, —
В грядущем дивными духами будем мы;
Но в этом мире дух с машиной очень сходен.
Как часто невзначай меняются умы:
Поправятся ль дела, и глядь — у Гераклита
Слеза заменена улыбкой Демокрита.

1854(?)

105. НА ЗАРЕ

(Из Э. Мерики)

Сон не коснулся глаз моих,
А первый блеск лучей дневных
В окошко проникает...
В борьбе ночных тяжелых дум
Тревожно мечется мой ум,
И сердце изнывает...

Мир с тобою,
Сердце, полное тоскою!
Слышишь зов? То зов небесный,
Колокольный звон воскресный!

(1868)

106. ПЕРЕД СУДОМ

(Из Гете)

Под сердцем моим чье дитя я ношу,
Не знать тебе, судья!
Га! Ты кричишь: «Развратница!...»
Честная женщина я!

108. ЛЕСНАЯ ТИШЬ

〈Из Р. Поля〉

Лесная тишь! лесная тишь!
Какой отрадой веешь ты!
Каким всеильным волшебством
Ты будишь грезы и мечты!

В глухой тени живых ветвей
Ручей таинственно журчит,
И солнца луч, как бы сквозь сон,
Едва трепещет и скользит.

О чем-то шепчет ветерок,
И листья шепчут меж собой.
Уж не смеется ль легкий стильф
За той развесистой сосной?

Вдруг чистый звон, как бы волною,
Объемлет лес, недвижимый лес!
И выше, выше всё взлетает,
И в глубине небес исчез!

Начало 1871

109. ЗАГУБЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

〈Из Р. Поля〉

Глядит на закат она солнца,
И взор отуманен слезой. . .
На память приходит ей юность,
Невинности сон золотой.

И тот, что был сердцу дорог,
И всё, чем так сладко жилось. . . —
Всё черной скрыто завесой,
Всё сгибло, навек унеслось.

А бабушка тихо слагает
Дрожащие, бледные руки
И бледными шепчет устами:
«Поддай нам кончину без муки!»

Начало 1871

110. ОЖИДАНИЕ

⟨Из Р. Поля⟩

Он дом сейчас покинул мой,
Сказав мне: «До свиданья!»
И сердце вновь уже томит
Тревога ожиданья...

В ночную мглу гляжу за ним
И уношусь мечтой
Туда, туда, где дышит он,
Мой милый, мой герой!

О сердце, как до той поры,
Скажи, как доживу я,
Когда он вновь ко мне придет
И друга обниму я?

Начало 1871

111. САДОВНИК

⟨Из Э. Мерике⟩

Верхом на лошадке,
Как сталь вороной,
Царевна гуляет
В аллее пустой.

Дорожку посыпал
С утра я песком...
Она под копытом
Блестит серебром.

Перо, что так мило
К кудрям прилегло, —
О если б украдкой
Упасть ты могло!

За службу в награду
Ты хочешь цветов?
Отдать все цветы я,
Всю душу готов!

Начало 1871

112. БЫЛОЕ СЧАСТЬЕ

(Из Э. Мерики)

Счастья дни! как скоро вы,
Скоро вы
Скрылись и пропали!
Был мой друг бы верен мне,
Верен мне —
Не знала б печали!

По полям там всё вокруг,
Всё вокруг
Жницы распевают...
У меня лишь у одной,
У одной
Слезы набегают!

И брожу я, словно тень,
Словно тень,
Всё под тем холмочком,
Где меня он столько раз,
Столько раз
Звал своим дружочком!

Там стою я, наклонясь,
Наклонясь
К речке тихоструйной...
Косы, что он так ласкал,
Так ласкал,
Треплет ветер буйный!

Начало 1871

113. «ЧТО ЗА ПОГОДА ЗЛАЯ!»

(Из Г. Гейне)

Что за погода злая!
Сердито шумит гроза...
Сижу под окошком — и молча
Вперил я во мрак глаза.

Вдали огонек одинокий
Тихонько бредет. . .
С фонариком, вижу, старушка
Там дряхлой стопой идет.

Муки купить, яичек,
И масла нужно ей. . .
Пирог спечь она хочет
Для дочери своей.

А та лежит на кресле
И, щурясь, глядит на ночник. . .
Пушистые кудри мягко
Льются на розовый лик.

Начало 1871

114. БЕЙТЕ, БЕЙТЕ, БАРАБАНЫ!

(Из У. Уитмена)

Бейте, бейте, барабаны! Трубите, трубы, трубите!
Сквозь окна, сквозь двери — врывайтесь подобно
Наглой силе безжалостных людей!
Врывайтесь в торжественный храм и развеите
Сборище богомольцев;
Врывайтесь в школу, где ученик сидит над книгой;
Не оставляйте в покое жениха — не должен он
Вкушать счастье с своей невестой;
И мирный земледелец не должен вкушать тишину,
радости мира,
Не должен пахать свое поле и собирать свое зерно.
Так сильны и нагло-ужасны ваши трескучие раскаты,
о барабаны!
Так резки ваши возгласы, о трубы!

Бейте, бейте, барабаны! Трубите, трубы, трубите!
Заглушайте торговый шум и суету — и грохот колес
по улицам!
Готовы ли постели в домах для сонных людей,
Желающих отдыха ночного?

Не должны спать эти люди в этих постелях,
Не должны купцы торговать днем — ни барышники,
ни аферисты.

Хотят ли они продолжать свое ремесло?

Хотят ли говоруны говорить?

Хотят ли певцы пытаться запеть?

Хочет ли законник встать в Палате,

Чтобы защищать свое дело перед судьей?

Гремите, трещите быстрее, громче, барабаны,

Трубы, трубите резче и сильней!

Бейте, бейте, барабаны! Трубите, трубы, трубите!

Не вступайте ни в какие переговоры, не останавливайтесь
ни перед каким законом!

Пренебрегайте робким, пренебрегайте плачущим и
молящим,

Пренебрегайте стариком, умоляющим юношу.

Пусть не слышатся ни голоса малых ребят, ни жалобы
матерей,

Пускай потрясаются столы, трепещут лежащие на них
мертвецы в ожидании доски.

Оттого сильны и пронзительны ваши удары, о грозные
барабаны,

Так громки ваши возгласы, о трубы!

КОЛЛЕКТИВНОЕ

115. <ПОСЛАНИЕ БЕЛИНСКОГО К ДОСТОЕВСКОМУ >

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ.

Хоть ты юный литератор,
Но в восторг уж всех поверг:
Тебя знает император,
Уважает Лейхтенберг,

За тобой султан турецкий
Скоро вышлет визирей.
Но когда на раут светский,
Перед сонмище князей,

Ставши мифом и вопросом,
Пал чухонскою звездой
И моргнул курносый носом
Перед русой красотой,

Как трагически недвижно
Ты смотрел на сей предмет
И чуть-чуть скоропостижно
Не погиб во цвете лет.

С высоты такой завидной
Слух к мольбе моей склоня,

Враг хамов и каратель,
Сам хам и хамов сын —
Скажи, о друг-читатель,
Кто этот господин?

Конец 1853 или начало 1854

117. ПОСЛАНИЕ КЪ ЛОНГИНОВУ

Недавний гражданин дряхлеющей Москвы,
О друг наш Лонгинов, покинувший — увы! —
Бассейной улицы приют уединенный,
И Невский, и Пассаж, и клуба кров священный,
Где Анненков, чужим наполненный вином,
Пред братцем весело виляет животом,
Где, не предчувствуя насмешливых куплетов,
Недолго процветал строптивый Арапетов,
Где, дерзок и красив, и низок, как лакей,
Глядится в зеркалá Михайло Кочубей,
Где пред Авдулиным, играющим зубами,
Вращает Мухортов лазурными зрачками,
Где, о политике с азартом говоря,
Ты Виртембергского пугал секретаря
И не давал ему в часы отдохновенья
Предаться сладкому труду пищеваренья, —
Ужель, о Лонгинов, ты бросил нас навек,
Любезнейший поэт и редкий человек?

Не ожидали мы такого небреженья —
Немало мы к тебе питали уваженья!
Иль полагаешь ты, что мы забыть могли
Того, кем Егунов был стерт с лица земли,
Кто немцев ел живьем, как истый сын России,
Хотинского предал его родной стихии,
Кто верно предсказал Мильгофера судьбу,
Кто сукиных сынов тревожил и в гробу,
Того, кто, наконец — о подвиг незабвенный, —
Поймал за жирный хвост весь причет наш
священный.

Созданье дивное! Ни времени рука,
Ни зависть хитрая лаврового венка
С певца Пихатия до той поры не сдернет,

Пока последний поп в последний раз не (<...>!)
И что же! нет тебя меж нами, милый друг!
И даже — верить ли? — ты ныне свой досуг
Меж недостойными безумно убиваешь,
В купальне — без штанов — с утра ты заседаешь;
Кругом тебя сидят нагие шулера,
Пред вами водки штоф, селедка и икра.
Вы пьете, плещетесь и пьете вновь до рвоты!
Какие слышатся меж вами анекдоты!
Какой у вас идет постыдный разговор!
И если наконец вмешешься ты в спор,
То подкрепляешь речь не доводом ученым,
(.)оным!

Какое зрелище! Но будущность твоя
Еще ужаснее... Так, вижу, вижу я:
В газетной комнате, за «Северной пчелою»,
С разбухшим животом, с отвислою губою,
Среди обжорливых и вялых стариков,
Тупых политиков и битых игроков
Сидишь ты, то икнешь, то поглядишь сонливо...
«Эй, Вася! трубочку!» — проговоришь лениво.
И тычет в рот тебе он мокрым янтарем,
Не обтерев его прилично обшлагом.
Куря и нюхая, потея и вздыхая,
Вечерней трапезы уныло выжидая,
То в карты взглянешь ты задорным игрокам,
То Петербург ругнешь, за что не знаешь сам...
А там, поужинав, залезешь в колымагу,
И повезут домой две клячи холостягу —
Домой, где всюду пыль, нечистота и мрак,
И бродит между книг хозяином прусак,
И счастье еще, когда не встретит грубо
Пришельца позднего из Аглицкого клуба
Лихая бабища — ни девка, ни жена...
Что ж тут хорошего? Ужели не страшна,
О друг наш Лонгинов, такая перспектива?
Опомнись, воротись! Разумно и счастливо
Ты с нами заживешь, как прежде жили мы.
Здесь бойко действуют кипучие умы:
Прославлен Мухортов отыскиваньем торфа,
Из Вены выгнали барона Мейендорфа,

Милютина проект ту пользу произвел,
Что в дождь еще никто пролеток не нашел,
Языкова процесс примерно разыгрался:
Он без копейки был, без денежки остался,
Европе возвестил известный Соллогуб,
Что стал он больше подл, хотя не меньше глуп,
А Майков Аполлон, с гнилой своей улыбкой,
На днях оподлился, конечно, не ошибкой...
И Арапетов сам, тот статский генерал,
Пред кем ты так смешно и странно трепетал,
Стихами меткими недавно пораженный,
Стоит, как тучный бык, обухом потрясенный,
И с прежней дерзостью над крутизной чела
Уже не высится тюльпан его хохла!

Между 23 и 31 июля 1854

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ
И. С. ТУРГЕНЕВУ**

**118. ВОСТОРГ ДУШИ ИЛИ ЧУВСТВА ДУШИ
В ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ПРАЗДНИКА**

Таинственно в безмолвии ночном
Священной меди звуки раздаются —
О! эти звуки прямо в душу льются
И говорят с душой о неземном.

Христианин, проснись хоть на мгновенье
От суеты земного бытия —
Спешь во храм, пусть в сладком умиленьи
Затеплится мольбой душа твоя.

Но за порог таинственного храма
Без теплой веры в сердце не входи —
И не сжигай святого фимиама,
Когда нет жертвы в пламенной груди.

Нам на земле один путеводитель —
Святая вера; яркою звездой
Ее зажег над миром Искупитель —
И озарил к спасенью путь земной.

Иди по нем с надеждой и любовью,
Не уклоняясь тяжкого креста;
Он освящен мучением и кровью
За грешный мир страдавшего Христа.

Кто без слезы святого умиленья,
Без трепета, с холодной душой

Коснется тайн священных искупленья,
Запечатленных кровию святой;

Кто в этот день живых воспоминаний
В душе своей восторга не найдет,
Не заглушит в груди земных страданий,
Руки врага с улыбкой не сожмет, —

Тот с печатью отверженья
На бледнеющем челе —
Недостоин искупленья
В небесах и на земле!

Минувшее открылось предо мною,
Его проник могучий взор души —
И вот оно картиною живою
Рисуется в тиши.

В страшный миг часа девятого
Вижу я среди креста
Иудеями распятого
Искупителя Христа —

Всё чело облито кровию
От тернового венца,
Взор сиял святой любовью,
Божеством — черты лица.

Вижу знаменье ужасное —
Завес в храме раздрался...
Потемнело солнце ясное —
Потемнели небеса.

Вижу тьму, весь мир объявшую,
Слышу страшный треск громов —
Грудь земли затрепетавшую,
И восставших из гробов!

И в трепете, страхом невольным объятый,
Коварный Израиль, внимая громам,
Воскликнул: воистину нами распятый
Был вечный сын бога, обещанный нам!

Но всё ж не утихла в нем мощная злоба...
Вот снято пречистое тело с креста
И в гробе сокрыто — и на́ ночь вокруг гроба
Поставлена стража врагами Христа.

Вновь покрыл мрак землю хладную,
Стража третью ночь не спит
И с надеждою отрадною
Гроб бессмертного хранит.

Вот и полночь приближается,
Вдруг глубокий мрак исчез —
Ярче солнца озаряется
Гроб сиянием небес.

И спаситель наш божественный
Весь в лучах над ним восстал —
Славой божией торжественной
И бессмертьем он сиял.

И в этот миг раздался хор нетленных,
Хор светлых ангелов с небес —
Он возгласил над миром искупленным:
Христос воскрес! Христос воскрес!

Оледеневшая от страха,
Внимая голосу небес,
Упала стража — и, средь праха,
Воскликнула: воистину воскрес!

Так совершилась тайна искупленья —
И гордый враг небес низвержен в прах,
И снова для преступного творенья
Доступна жизнь — и вечность в небесах.

(1840)

119. К ПОРТРЕТУ КРАЕВСКОГО

Вот он — тоже сочинитель!
Вот он — наглый мародер!

Из холопов управитель,
Конокрад и живодер.
Незнакомый ни с Европой,
Ни с родною стороной,
Он берет свинцовой (. . .)
И чугунной головой.
С виду важен, как писака,
Тиснувший стишков тетрадь,
Как в ошейнике собака,
Как разряженная (. . .),
Осторожен, как татарин,
И расчетлив, как купец,
Либерал, как русский барин,
И как барин — весь подлец.
Он чужой жиреет кровью
И чужим живет умом,
И полиция с любовью
Отзывается о нем.
Он Булгарина подлее,
Но никем еще не бит;
Он жены своей глупее,
Но почти что знаменит.
Аноним в литературе,
Имя бранное для нас,
Он с успехом корректуре
Посвящает праздный час.
И, бессовестный редактор
Добросовестных трудов,
Наживается, как фактор
Из бердичевских жидов.
Как он лает на Фаддея,
Как сродни ему Фаддей,
Поумней Фаддей Андрея,
Поопрятнее Андрей.
Тот и с рожи страшно гадок,
Хриплый голос издает, —
Наш Андрей, как пьявка, гладок,
И малиновкой поет.
Из чего же брань и злоба,
Что за странные слова?
Добиваются ведь оба
Монополю воровства.

Но Андрей — любимец рока,
День победы недалек,
И на нового Видока
Смотрит с завистью глубокой
Патентованный Видок.

Конец 1840-х годов(?)

120

Когда монарх наш незабвенный,
Беликий воин и мудрец,
Весь край Европы просвещенной
На нас поднял с конца в конец, —
«Я не боюсь, — рекла Россия, —
Зане я ⟨. . .⟩ сильна;
От Бонапарта, от Батыя
Меня спасала лишь она!
Напрасно сыпали удары
В нее и турки, и татары,
Французы, шведы, поляки —
Она терпела мастерски!
И ныне вновь, прикрывшись ⟨. . .⟩,
Как адамантовым щитом,
Вступлю я в бой со всей Европой —
И враг покроется стыдом!»
Рекла — и стала в позитуру,
Но та, чью крепкую натуру
Еще никто не мог пробрать, —
Увы и ах! — пустилась ⟨. . .⟩.
Ее прошибла пуля злая,
В нее проникнул камуфлет. . .
Заголосила Русь святая
И отступила за Серёт.
Теперь мы в нем не ловим раков
И ⟨. . .⟩ не в чести у нас. . .
Один лишь Тоггенбург ⟨Аксаков⟩
С ее дыры не сводит глаз.

1855 или 1856(?)

121. КНУТ

Ремянный кнут, не безуханный,
Забывтый в поле, вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Кто дал тебе твой вид приятный,
Тебя тесемкою обвил,
И кто твой кончик сырмятный
Так превосходно прикрепил?

Скажи мне, кто владел тобою
И что он был за человек?
С тяжелой, легкой ли рукою?
А главное — кого ты сек?

Стегал ли ты клячки жалкой
Хребет и впалые бока,
Иль, мирно чередуясь с палкой,
Гулял по (. . .) мужика?

Мужчин ли больше ты исправил,
Иль также женщин поучал?
И тот зачем тебя оставил,
Кто, кнут, тобою обладал?

Ты, громко девок вызывая
Иль к земскому, иль на гумно,
Иль к барину под сень сарая,
Стучал ли в низкое окно?

Иль, может быть, о бич славянской,
Вооружась тобой, холоп
Дал заднице понять дворянской
Тоску простых мужичьих (. . .)?

И что б ни делал ты доньше,
Привет тебе усердный мой,
Опора трона, друг святыни,
Символ страны моей родной!

(1859)

**122—125. (СТИХОТВОРЕНИЯ
ИЕРЕМИИ НЕДОВОБОВА)**

1

КОШКА И МЫШКА

На полу сидит мышонок,
Кошка на окошке. . .

Комментарий: (Я народ в мышонке вывел,
Станового в кошке.)

Кошка — прыг! Мышонок — в нору,
Но хвоста лишился. . .

Комментарий: (Это значит, что чиновник
Взяткой поживился.)

Папенька взял трость и кошку
Высек без пощады. . .

Комментарий: (Воздавать хвалу начальству
Завсегда мы рады!)

Злая кошка укусила
Папеньку близ ляжки. . .

Комментарий: (Хищный становой недавно
Дослужился пряжки. . .)

Но поэт его бичует
Словом отверженья. . .

Няня! положи за это
В ротик мне варенья!

2

АБСОЛЮТНАЯ ИРОНИЯ

Исполненный строгой гордыни,
Сурово гляжу я на Русь. . .
Буфетчик приносит две дыни —
Хорош, бормочу я, ты гусь!

Наливка темнеет в бутылке. . .
Я мыслю: о тупости знак!

Мужик зачесался в затылке —
Какой ты, шепчу я, дурак!

Поп гладит кобылку по брюху —
И он, я вздохнул, человек!
Учитель отвесил мне плюху —
Я тут ничего не изрек.

3

ВЗДОХ

(Элегия)

Ах, зачем с младенческих пеленок
Скорбь о взятках в душу мне вползла!
Грустным фактом взяток и взяточенок
Отравлѐн чувствительный ребенок,
Как овчарня запахом козла!

4

РАЗГОВОР

М а т ь

Ты сегодня скучен, мой сынок,
Молоко кормилицы невкусно?

Д в у х л е т н и й с ы н

Дай мне гривенник.

М а т ь

Вот пяточок.

Больше нет.

С ы н

Давай; скупиться гнусно.
Медью?!?

М а т ь

Нет, ты знаешь, серебра.
Но зачем тебе?..

Сын

Не для добра.

Мать

Как?

Сын

Хочу я подкупить лакея,
Чтобы он папашу, не робея. . .

Мать

Понимаю; дай мне пяточок;
Всё исполню в точности, дружок.

(Уходит.)

Сын

(один)

Взятка! Мать!! Отец!!! О век! О нравы!!!
Робеспьер — и ты, Марат, — вы правы!

(1859)

126

Я долго стоял неподвижно
И странные строки читал,
И очень мне дики казались
Те строки, что Фет написал.
Читал. . . что читал я, не помню,
Какой-то таинственный вздор;
Из рук моих выпала книга,
Не трогал ее я с тех пор.

1863(?)

127. (А. А. ФЕТУ)

Как снег вершин,
Как фунт конфет,
Исчезнул Фет
И стал Шеншин.

1874

128. ФИНСКАЯ ПЕСНЯ

(Из Гете)

Лишь бы милый воротился
Тем же прежним, верным другом!
Будь покрыт он волчьей кровью,
Я б его к груди прижала!
Руку я взяла бы... змеи
Будь на ней вместо пальцев!

Ветр, о если б ты понять мог,
Как нам тяжела разлука,
Перенес ты б наши речи,
Усладил бы наше горе!

От всего б я отказалась,
На пиры я б не ходила,
Лишь бы сохранить мне друга,
Что со мной сошелся летом,
А привык ко мне зимою!
Ах! Когда б он воротился!

(1874)

129. СЛЕПЕЦ

(Из Р. Поля)

По жизненному полю
В толпе громадной людской
С закрытыми очами
Брожу я всем чужой.

Слепцом я стал добровольным,
Слепцом так останусь я...
Мне вновь откроет очи
Одна любовь твоя!

⟨1874⟩

130. СОЛДАТСКАЯ НЕВЕСТА

⟨Из Э. Мерике⟩

Солдат удалой мой жених!
Не много и сыщешь таких!
Умереть он готов за царя
И жить тоже рад за меня!
Ни лент у него, ни звезды,
На шее не виснут кресты,
Ему в большой чести не быть,
Отставным ему хочется жить!
Что ленты? что звезды? Вдвоем
Мы славно без них заживем;
А крест на житейском пути
Уж наверно придется нести!

⟨1874⟩

131. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

⟨Из Э. Гейбеля⟩

Весенний влажный вечер...
Всё тихо, всё молчит...
Покрыто тучками небо,
Кой-где звезда дрожит...

В лицо крылом мне веет
Ветерок едва-едва...
И благовоньем дышит
Росистая трава...

О вечер, песнь хотел бы
Принести тебе я в дар...
Душа найти не может
Бывалых слов и чар.

⟨1874⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие Тургенева дошло до нас далеко не полностью, а за 30-е годы в совсем незначительной части. Посылая А. В. Никитенко юношескую драму «Стено» и еще два своих произведения, Тургенев писал 26 марта 1837 г.: «„Повесть старика“ — недоконченная и вряд ли когда окончаемая поэма — писана в 1835-м году. . . «Наш век» — произведение, начатое в нынешнем году в половине февраля, в припадке злобной досады на деспотизм и монополию некоторых людей в нашей словесности. Прошлый год был посвящен переводу — Шекспирова «Отелло» (который я не кончил — только до половины 2-го акта), «Короля Лира» (с большими пропусками) и «Манфреда». Первые два перевода мною истреблены. . . «Манфред» у меня не списан — оттого я и не посылаю его Вам. Если то, что я Вам послал — покажется Вам не совершенно дурным — то, если Вам будет угодно мне сказать, я Вам доставлю еще три маленькие конченные поэмы: «Штиль на море», «Фантазмагория в летнюю ночь» — и «Сон». Сверх того у меня около 100 мелких стихотворений — но все не переписано — разбросано. «Наш век» — не кончен — я работаю теперь над ним.¹ Впрочем, от Вашего решения будет зависеть, должен ли я продолжать. . . Мною в конце прошлого года начата драма, которой первый акт и весь план совершенно кончен; я надеюсь по приезде моем из деревни — привезти ее уже конченную (в сентябре)»² (Письма, т. 1, с. 163—164).

К 30-м годам относятся, надо думать, стихи, о которых со слов Тургенева сообщает Д. Н. Садовников, что они были написаны во

¹ И. И. Иванов считал, что литературные монополисты, о которых шла речь в «Нашем веке», это, несомненно, Булгарин, Греч и Сенковский, «разбойничавшие втроем против Пушкина и Гоголя» (И. С. Тургенев, Нежин, 1914, с. 40). Н. В. Богословский писал о «Нашем веке»: «Не в связи ли с гибелью Пушкина зародился у Тургенева в феврале 1837 года замысел так и оставшегося нам неизвестным произведения. . . Не созвучно ли было упомянутое произведение Тургенева лермонтовскому стихотворению на смерть поэта» (Тургенев, М., 1959, с. 39).

² Неизвестно, впрочем, писалась ли эта драма в стихах или в прозе. То же относится и к переводам «Отелло», «Короля Лира» и «Манфреда».

сне. «Они были приблизительно следующего содержания: «Раздался выстрел молодой, И князь обнял младого хана: Ах, избегай сего тирана, Беги, беги скорей домой». Я проснулся, успел их записать. Так свежо было впечатление».¹

Какие-то стихи Тургенев переслал матери в марте и мае 1839 и октябре 1840 г. (в 1839 г. — белые).² Из переписки с Бакуниным 1842 г. мы также узнаем о нескольких неизвестных нам стихотворениях: песнь Серафины из «Дон Жуана», «На станции» («хорошее стихотворение», по словам Тургенева), «Рыбаки», «Зимняя прогулка» («довольно длинное»), «„Встреча“ (казака и горца)».³ По поводу песни Серафины Тургенев писал Т. А. Бакуниной: «Вы, я знаю, не подумаете, что Серафина — Вы, а тот, кому она это говорит, — я: это было бы слишком смешно и глупо. Но... Ваш образ, Ваше существо всегда живы во мне, изменяются и растут и принимают новые образы, как Протей: Вы моя *Муза*; так, например, образ Серафины развился из мысли о Вас, так же как и образ Инесы и, может быть, донны Анны». По-видимому, у Тургенева в это время родился план пьесы «Дон Жуан», но в какой мере он был реализован — неизвестно. «Встречу» Тургенев хотел напечатать в «Отечественных записках» — «но, — писал он, — в моей тетради все так перемарано — что я ничего не разберу».

В 1846 г. Тургенев задумал свою последнюю поэму «Маскарад», которую сначала обещал Белинскому для неосуществленного альманаха «Левиафан», затем предполагал поместить в «Современнике» (в № 11 за 1846 г. появилось объявление об издании журнала в 1847 г., где в числе материалов, заготовленных для него, был упомянут и «рассказ в стихах» Тургенева «Маскарад») и, наконец, в «Иллюстрированном альманахе» «Современника».⁴ 14 ноября 1847 г. Тургенев писал Белинскому: «К «Альманаху» его (Некрасова), скрепя сердце, кончу «Маскарад» — и закаюсь писать стихи» (Письма, т. 1, с. 265). «Иллюстрированный альманах» был запрещен цензурой, а поэма не была, очевидно, завершена. По предположению С. Орловского, это была сатирическая поэма, «где, должно быть, он намеревался дать галерею типов из писательского мира».⁵

Летом 1849 г. Тургенев сочинил не дошедший до нас романс на собственные слова, который переслал Виардо (Письма, т. 1, с. 324). Наконец, в последние годы жизни было написано стихотворение «К ней», обращенное к Виардо, которое Тургенев читал М. Г. Савиной в 1881 г. в Спасском. «Взволнованным голосом он прочел это грустное элегическое послание. — Помню, — рассказывает Савина, —

¹ Д. Н. Садовников, Встречи с И. С. Тургеневым. — «Русское прошлое», 1923, № 3, с. 119.

² И. М. Малышева, Мать И. С. Тургенева и его творчество. — «Русская мысль», 1915, № 6, с. 107, 108, 111.

³ Письма, т. 1, с. 221, 223—224, 226—227; Документы по истории литературы и общественности, вып. 2: И. С. Тургенев, М.—Пг., 1923, с. 125.

⁴ См.: Белинский, т. 12, с. 254; «Современник», 1846, № 11, с. 241; Некрасов, т. 10, с. 62, 73, 84.

⁵ С. Орловский, Лирика молодого Тургенева, Прага, 1926, с. 24.

что в этом стихотворении описывалась непонятая любовь, долгая любовь в течение целой жизни. «Ты сорвала все мои цветы», — говорило там, — «и ты не придешь на мою могилу». . . Окончив чтение, Тургенев некоторое время молчал. — Что же будет с этим стихотворением? — не выдержала Савина. — Я сожгу его. . . Нельзя печатать, потому что иначе это будет упрек, упрек из-за могилы. . . А я не хочу этого. . . не хочу. . .»¹

Список этот, вероятно, не полон. В большинстве случаев неизвестно, кроме того, что Тургенев сознательно уничтожил, а что случайно пропало и, значит, еще может со временем обнаружиться.

При жизни Тургенева стихотворения в собрания его сочинений не включались. В первое посмертное издание 1883 г. вошел лишь «Крокет в Виндзоре». Затем появилось два отдельных издания «Стихотворений» — 1885 и 1891 гг. Первое, в подготовке которого принимал участие приятель Тургенева А. В. Топоров, оказалось неудачным; в нем много пропусков и ошибок, как текстологических, так и библиографических. Редактору второго, С. Н. Кривенко, пришлось все делать заново. Это издание было пополнено пропущенными ранее стихотворениями, а многие ошибки были устранены. В 1898 г. стихотворения (за исключением «Сна» из романа «Новь») были включены в Полное собрание сочинений Тургенева, изданное в качестве приложения к журналу «Нива». Следующим существенным шагом был т. II «Сочинений» Тургенева, вышедший в 1934 г. под редакцией Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. В 1950-е годы выпущены два сборника «Стихотворений» в составе 2-го и 3-го изд. Малой серии «Библиотеки поэта»: 1950 г. — под редакцией А. Г. Островского и 1955 г. — под редакцией Н. И. Пруцкова. Наконец, значительным этапом в издании и изучении поэтического наследия Тургенева являются тт. I, 13 и 14 Академического издания его сочинений (1960, 1967, 1968). Здесь, в частности, впервые опубликовано несколько стихотворений и стихотворных отрывков, а все произведения снабжены содержательными примечаниями. Но издание не лишено, однако, промахов и недостатков. Главный из них — отсутствие раздела приписываемых Тургеневу стихотворений. Вследствие этого из стихотворений, по отношению к которым степень достоверности авторства Тургенева примерно одинаковая, одни («Стихотворения Иеремии Недобובה», «Когда монарх наш незабвенный. . .») попали в основной текст, другие («Кнут») вовсе не включены. Между тем всем им место — в отделе приписываемых («Dubia»).

В настоящее издание не включены около двух десятков юношеских отрывков, набросков и незаконченных стихотворений (все они напечатаны в т. I Академического издания, с. 321—324, 328—329, 349, 353, 356, 358), а также стихотворные вставки в письмах и прозаических произведениях более поздних лет, носящие отрывочный характер и не звучащие вне контекста. Не включены также стихотворения на иностранных языках: оперетты, частично написанные в стихах, и немногочисленные стихотворные наброски. Исключение сделано для стихотворения «Немец», которое тесно связано со сти-

¹ Ю. Беляев, «Месяц в деревне». — «Новое время», 1903, 15 ноября; сб. «Тургенев и Савина», Пг., 1918, с. 74.

хотворением «Русский» и представляет собою часть общего замысла.

В книге три основных раздела: стихотворения, поэмы и переводы. В первом выделены шуточные послания и эпиграммы; во второй включены также драматическая поэма «Стено» и частично написанная в стихах пьеса «Искушение святого Антония». В конце помещены юмористические стихотворения, написанные совместно с И. А. Некрасовым и А. В. Дружининым, и стихотворения, с большими или меньшими основаниями приписываемые Тургеневу. Стихотворения, написанные или переведенные для романсов П. Виардо, вошли соответственно в первый и третий разделы.

Внутри разделов по возможности соблюден хронологический порядок. В тех случаях, когда дата написания не установлена, пришлось руководствоваться датой первой публикации. Даты, не позднее которых по тем или иным сведениям написаны стихотворения, в том числе даты первой публикации, заключены в угловые скобки. Даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком.

Для настоящего издания была произведена проверка текстов по всем печатным и рукописным источникам. К сожалению, некоторые автографы, находившиеся у редакторов «Стихотворений» 1885 и 1891 гг. (в этих изданиях имеются ссылки на рукописи поэм «Разговор», «Андрей» и «Помещик»), исчезли. Неизвестны в настоящее время и автографы «Графини Донато» и «Филиппо Стродзи», по которым они были напечатаны в 1884 г. в сборнике Литературного фонда «XXV лет»; неизвестен также автограф стих. «Моя молитва», воспроизведенный в 1908 г. в журнале «Огонек».

Значительная часть стихотворений, написанных для романсов П. Виардо, сохранилась только в нотах, откуда они и перепечатаются. Однако обычные в нотах повторения отдельных слов и целых стихов не воспроизводятся (нотный текст полностью воспроизведен в Академическом издании). В угловые скобки заключены редакторские дополнения и конъектуры, в квадратные — зачеркнутые в автографе слова, не замененные другими. Неудобные для печати выражения в нескольких шуточных произведениях обозначены многоточием в угловых скобках.

Стихотворения, печатавшиеся при жизни Тургенева, воспроизводятся по первым публикациям с отдельными поправками, оговоренными в примечаниях. Стихотворения, при жизни писателя не печатавшиеся, публикуются по автографам. Поэтому в каждом примечании источник текста специально не оговаривается.

Орфография приведена в соответствие с современными нормами; сохранены лишь немногие особенности правописания Тургенева, передающие особенности его произношения или лексические и морфологические явления его времени. В большей степени сохраняется пунктуация Тургенева, в первую очередь те ее особенности, которые имеют интонационное значение.

Примечания начинаются со справки о месте первой публикации. Сведения об отдельных стихотворениях, изложенные во вступительной статье, в примечаниях не повторяются. В печатавшихся при жизни писателя произведениях полная подпись: «И. Тургенев» не отмечается.

Ак. изд. — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения в 15 томах, М.—Л., изд. Академии наук СССР («Наука»), 1960—1968.

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. 1—13, М., изд. Академии наук СССР, 1953—1959.

ВЕ — «Вестник Европы».

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИВ — «Исторический вестник».

Изд. 1885 — Стихотворения И. С. Тургенева, СПб., 1885.

Изд. 1891 — Стихотворения И. С. Тургенева, 2-е изд., просмотренное, исправленное и дополненное С. Н. Кривенко, СПб., 1891.

Корнилов — А. А. Корнилов, Годы странствий Михаила Бакунина, Л.—М., 1925.

ЛН — «Литературное наследство».

Муз. — положено на музыку.

Нац. библ. — Национальная библиотека в Париже.

Некрасов — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, тт. 1—12, М., ГИХЛ, 1948—1952.

ОЗ — «Отечественные записки».

Орловский — Сергей Орловский (С. Н. Шиль), Лирика молодого Тургенева, Прага, 1926.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР (Ленинград).

Письма — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма в 13 томах, М.—Л., изд. Академии наук СССР («Наука»), 1961—1968.

ПСП — Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1885.

С — «Современник».

Соч. — И. С. Тургенев, Сочинения, тт. 1—12, М.—Л., ГИЗ, 1929—1934.

Ст. — стих.

Т. сб. — Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева, тт. 1—5, М.—Л., изд. «Наука», 1964—1969.

Фет — А. Фет, Мои воспоминания, чч. 1—2, М., 1890.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Огонек», 1908, № 32, с. (5), факсимиле чернового автографа, датированного «21 сентября», с указанием: «Страница из юношеской тетради И. С. Тургенева (1834—1836 гг.)». Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно. Текст стихотворения, напечатанный рядом с факсимиле, — с ошибками.

2. С, 1838, № 4, с. 82, подпись: — — — в. По свидетельству Тургенева, в 1837 г. он передал П. А. Плетневу несколько своих

стихотворений; Плетнев выбрал из них два (т. е. «К Венере Медицейской» и «Вечер») и «год спустя напечатал их в „Современник“» («Литературный вечер у П. А. Плетнева» — Ак. изд., т. 14, с. 11). *Венера Медицейская* — знаменитая статуя, выдающееся произведение античного искусства, найденная в конце XVII в. недалеко от Рима. Медицейской ее прозвали потому, что позднее она была приобретена семейством Медичи (см. примеч. 98). Венера Медицейская была хорошо известна в России. *Эллада* — Греция. *Родилась Красота из пены белоснежной*. Согласно древнему мифу, Афродита (Венера) родилась из морской пены и впервые ступила на землю на острове Кипр, который был одним из главных мест ее культа (отсюда и прозвание Афродиты — Киприда). *Зефир* — приятный легкий ветер. *Олимп* — гора в Греции; по мифологии — местопребывание богов. *Alma mundi Venus* (лат.) — питательница мира Венера. Тургенев употребил слово «alma» в значении «душа», как оно употреблялось в испанском и французском (франц. âme) языках. *Фимиам* — благовонное вещество, употреблявшееся в древности для курения перед алтарями богов. *Сын знойной Азии* и т. д. Вероятно, речь идет о греко-персидских войнах в начале V в. до н. э. Персы вторглись на восставший против их господства Кипр и в Грецию и уничтожили при этом многие произведения искусства. *Пракситель* (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор. Высказывалось мнение, что статуя Венеры Медицейской восходит к одному из лучших произведений Праксителя — Афродите Книдской.

3. С, 1838, № 1, с. 151, с датой: Июля, 1837, подпись: — — — въ.

4. Ак. изд., т. 1, с. 327. Черновой автограф — Гос. музей им. И. С. Тургенева в Орле. На нем помета: «Писано 29-го декабря 1838 года. Один в моей квартире, в грустном и тяжелом расположении духа, страдая жестоко».

5. «Новый мир», 1926, № 5, с. 139, по копии письма Тургенева к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 3, 8 сентября 1840 г. Автограф — собр. Н. Л. Бродского; фотокопия — ПД; стихотворения написаны в два столбца: слева — «Немец», справа — «Русский». В ст. 19 исправлена явная описка Тургенева («Как будто не сливались не сердцами»). Ст. 30 Тургенев начал исправлять, зачеркнул «всем» и надписал «святое», но «сердцем» оставалось незачеркнутым, и потому нарушен стихотворный размер; поскольку правка, без сомнения, не завершена, оставляем, в отличие от Ак. изд. (т. 1, с. 335), первоначальный вариант. «Немец» датирован 1839 г., а «Русский» 1840 г. Стихотворениям предшествуют следующие шуточные слова: «Друзья мои, скачка! скачка! Немецкий клеппер и русская кляча! Бакунин назначается судьей, Ефремов жокеем. Без иносказаний, вследствие глупости, лишаящей меня возможности написать вам порядочное письмо, сообщаю вам два стихотворения: моего произведения. Советую вынуть носовые платки, ибо трогательно. Динь-динь-динь-динь. — Начинайте». И после стихов: «Ну, sir Michael Cassio, решай! И напиши мне, насколько кто кого обскакал, на полноса, на две головы и т. д. Немец — вершком выше, но немного чувствителен, русский храбрый. Ефремову дай от меня на водку за работу» (Письма, т. 1, с. 204, 208).

6. «Воронежский краеведческий сборник», вып. 3, Воронеж, 1925, с. 43, в письме Тургенева к Н. В. Станкевичу от 26 апреля 1840 г., с искажением в ст. 12 («И встречать тебя я не боюсь»). Ошибка устранена в Собр. соч., т. 10, М., 1956, с. 12. Автограф — Рукоп. отд. Гос. историч. музея в Москве. С семейством Н. В. и М. Д. Ховриных Тургенев познакомился в Риме в 1840 г. и часто бывал у них. Стихотворение посвящено старшей дочери Ховриных — Александре Николаевне («Шушу»), в замужестве Бахметевой (1823—1901). 18 мая 1840 г. Тургенев писал Т. Н. Грановскому, что «в Италии привык к обществу. Каждый вечер мы (Станкевич, Марков... и я) проводили у Ховриных... нас привлекала дочь, милая, умная девушка» (Письма, т. 1, с. 188). По ней, сообщает он в воспоминаниях о Н. В. Станкевиче, «вздыхал» художник А. Т. Марков, «и я не был совершенно равнодушен» (Ак. изд., т. 6, с. 395).

7. Первоначальная редакция, включенная в письмо Тургенева к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 3, 8 сентября 1840 г. и озаглавленная «А. Н. Х.» (А. Н. Ховриной), — «Новый мир», 1926, № 5, с. 141. Автограф — собр. Н. Л. Бродского; фотокопия — ПД. Печ. по 4-й главе «Дворянского гнезда» (С, 1859, № 1, с. 14), куда стихотворение было включено с некоторыми изменениями как романс Паншина. Автограф — Нац. библ.; фотокопия — ПД. Варианты первоначальной редакции:

Ст. 1. Луна плывет над дремлющей землею

Ст. 9. Тоской любви и трепетных стремлений

Ст. 11. И тяжело мне; но ты чужда смятений

Навеяно стих. Г. Гейне «Der Mond ist aufgegangen...» (из цикла «Die Heimkehr»), на что есть указание самого Тургенева в черновой рукописи «Дворянского гнезда» (Ак. изд., т. 7, с. 310). Муз. В. Батурина, А. И. Дюбюка, М. М. Иванова, И. И. Калашникова, Н. С. Кроткова, С. Мельниковой, В. И. Ребикова (музыкальная драма «Дворянское гнездо»), А. Ю. Симона, М. И. Якобсона.

8. Литературно-библиологический сборник, Пг., 1918, с. 18 (транскрипция), с некоторыми неточностями. Они устранены в Соч., т. 11, с. 192. Черновой автограф вместе с автографом стих. «На Альбанских горах» — ПД. На полях приписка, относящаяся к ст. 18—19: «Сук качается, — наверно, на нем сидит русалка, но я ее не вижу».

9. ОЗ, 1841, № 9, с. 57, с цензурным пропуском слова «церковь» в ст. 33, замененного семью точками, подпись: Т.—Л. Этот пропуск восполнен в Полн. собр. соч., т. 9, СПб., 1898, с. 241. Выказывалось предположение, что «Старый помещик» — отрывок из не дошедшей до нас поэмы «Повесть старика» (И. Н. Розанов, Певец молчания. — Сб. «Творчество Тургенева», М., 1920, с. 67; С. Орловский, с. 185 и 192), о которой Тургенев писал А. В. Никитенко 26 марта 1837 г.: «недоконченная и вряд ли когда окончаемая поэма — писана в 1835-м году» (Письма, т. 1, с. 163). Это вполне правдоподобно не только по сходству заглавий, но и по крайней неопытности поэта, больше всего проявившейся в рифмовке. Впрочем,

неточные и небрежные рифмы мы нередко встречаем и в зрелых произведениях Тургенева. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский, в то время уже довольно сурово оценивавший поэзию Тургенева, писал: «Между его мелкими стихотворениями есть пьесы три-четыре очень недурных, как, например, «Старый помещик», «Баллада», «Федя», «Человек, каких много», но эти пьесы удались ему потому, что в них или вовсе нет лиризма, или что в них главное не лиризм, а намеки на русскую жизнь. Собственно же лирические стихотворения г. Тургенева показывают решительное отсутствие самостоятельного лирического таланта» (Белинский, т. 10, с. 344).

10. ОЗ, 1841, № 12, с. 308, подпись: Т. Л. В ОЗ ст. 25 искажена цензурой: «Заедал я чарку — хозяйской едой»; см. письмо Тургенева к С. А. Венгеру от 25 мая 1875 г. (Письма, т. 11, с. 86). Искажение устранено в Соч., т. 11, с. 195. Отзыв Белинского см. в примеч. 9. Муз. А. А. Оленина, А. Г. Рубинштейна.

11. Корнилов, с. 105, по копии, приложенной к письму А. А. Бакунина к Н. А. Бакунину от 26 января 1842 г. Теперь этой копии нет при автографе письма в ПД. В октябре 1841 г. Тургенев несколько дней прожил в имении Бакуниных Премухине, где впервые встретился с Т. А. Бакуниной (1815—1871) и где начался их сложный роман. Стихотворение отражает, по-видимому, его переживания после отъезда из Премухина, по дороге в Москву. Письмо А. А. Бакунина отправлено из Москвы, где в это время был и Тургенев, в Премухино. «Вот тебе, Николай, стихи Тургенева», — писал он.

12. ОЗ, 1842, № 3, с. 66, подпись: Т. Л.

13. Корнилов, с. 139. Автограф — в письме Тургенева к А. А. Бакунину от 30 апреля 1842 г. (ПД). «Написал я стихотворение «Зимняя прогулка» — посвященная вам, Алексей... довольно длинное — я вам его прочту в Москве; и другое, посвященное Татьяне Александровне. Это так начинается». Далее следуют известные нам восемь строк, а затем: «И т. д. Остальное я прочту, может быть, когда увижусь» (Письма, т. 1, с. 226—227). Не вполне ясно, однако, что значит «остальное»: продолжение этого стихотворения или другие стихотворения; по-видимому, первое. Написано, по всей вероятности, во второй половине апреля 1842 г.: в письме к А. А. Бакунину от 8—17 апреля, в котором Тургенев информирует его о своих литературных делах, нет упоминания об этом стихотворении.

14. Там же, с. 140, по копии в письме Т. А. Бакуниной к А. А. Бакунину от 2 июня 1842 г. (ПД), с ошибкой в ст. 29, которая исправлена в Ак. изд., т. 1, с. 342. Другая копия — тоже в ПД, в тетради стихотворений А. М. Бакунина, И. П. Ключникова и др. Т. А. Бакунина сообщает сестре, что Тургенев прислал ей стихотворение накануне. Ср. стихотворение с письмом Тургенева к Т. А. Бакуниной от 20-х чисел марта 1842 г.: «Дайте мне Вашу руку и, если можете, позабудьте все тяжелое, все половинчатое прошедшего. Вся моя душа преисполнена глубокой грусти, и мне гадко и

страшно оглянуться назад». И дальше: «Чувствую, что я не навсегда расстанусь с Вами... Я Вас увижу опять... моя добрая, прекрасная сестра... О, если б мог я хоть раз пойти с Вами веселым утром вдвоем по длинной, длинной липовой аллее — держать Вашу руку в руках моих и чувствовать, как наши души сливаются и все чужое, все больное исчезает, все коварное тает — и навек» (Письма, т. 1, с. 219—221).

15. С, 1844, № 3, с. 349, с датой: 1842, подпись: Т. Л. Муз. И. И. Чернова.

16. С, 1844, № 10, с. 108, с датой: 1842, подпись: Т. Л. Муз. А. Г. Рубинштейна.

17. ОЗ, 1843, № 9, с. 1, подпись: Т. Л. Стих. «Нева» и «Цветок» Белинский переслал А. А. Краевскому для ОЗ 26 июня 1843 г. (Белинский, т. 12, с. 164). Ст. 43—56 являются отголоском романа Тургенева с Т. А. Бакуиной.

18. ОЗ, 1843, № 8, с. 296, с датой: 1843, подпись: Т. Л. См. также предыдущее примечание. По предположению Н. В. Богословского (Тургенев, М., 1959, с. 86), стихотворение навеяно воспоминаниями об А. Е. Ивановой; см. о ней примеч. 77. Через пять лет последние три стиха (с некоторыми изменениями — вероятно, по памяти) взяты в качестве эпиграфа к повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи».

19. ОЗ, 1843, № 10, с. 225. Песенка дон Рафаэля в пьесе Тургенева «Неосторожность». Муз. М. В. Мильмана, В. Одолева.

20. ОЗ, 1844, № 1, с. 46, с искажениями, из цензурных опасений, ст. 6, 13 и 14 и без посвящения, подпись: Т. Л. Подлинный тургеневский текст, но с ошибкой в ст. 29 («тосковать») — «Былое», 1906, № 3, с. 147. Ошибка устранена в Соч., т. 11, с. 207. Автограф — ГПБ. Посвящение было снято по настоянию А. А. Краевского. «Что касается до посвящения благородному имени моему пьесы Т. Л., — читаем в письме Белинского от 8 июля 1843 г., — то вы напрасно и писали о нем: вычеркните, да все тут. Вы знаете, что я не из числа мелочных людей и за посвящениями не гоняюсь» (Белинский, т. 12, с. 166). В ответном письме от 16 июля 1843 г. Краевский, высказывая цензурные опасения, связанные со стихотворением Тургенева, снова касается вопроса о посвящении. «Что касается до его «Толпы», — пишет он, — то там бог носится тревожно над толпою (этого нельзя), да потом толпа растет как море в день грозы, лишь для нее ярко блещет небо и т. д. — все это не вяжется с посвящением и может бросить, для журнальных «друзей» наших, тень на имя, которому посвящается пьеса» (сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, с. 98). Посвящение в автографе зачеркнуто. Изменения и изъятия в ст. 6 и 13—14, как явствует из письма, также произведены Краевским. Эти стихи были напечатаны в ОЗ следующим образом:

Ст. 6. Толпа — могучая — и ест и пьет исправно

Ст. 13—14. И ты сильна

Толпа — наш царь — и ест и пьет исправно. Отголосок этого стиха находим через десять с лишним лет в повести Тургенева «Затишье» — в эпиграмме помещика Бодрякова на исправника:

Он пьет и кушает исправно. . .
Так как же не исправник он?

21. «Русские ведомости», 1916, 3 января, в статье Н. Л. Бродского «Новые материалы об И. С. Тургеневе». Автограф на одном листе со стих. «Толпа» — ГПБ. Здесь все стихотворение зачеркнуто карандашом. Как и «Толпа», написано, по-видимому, в первой половине 1843 г.

22—24. Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом, кн. 1, СПб., 1845, с. 45, с датами: под первым и вторым — 1843. Июль; под третьим — 1843. Ноябрь. Все три стихотворения внушены воспоминаниями об отношениях с Т. А. Бакуниной. Третье из них пользовалось особенной популярностью. Оно было неоднократно положено на музыку (В. В. Абазой, А. Ф. Гедике, Г. Л. Катуаром, Я. Ф. Пригожим), часто исполнялось (и до сих пор исполняется) в концертах.

25. ОЗ, 1844, № 4, с. 159, с датой: Ноябрь. 1843, подпись: Т. Л. Муз. Е. В. Вильбушевича.

26. Вчера и сегодня. . . , кн. 1, СПб., 1845, с. 67, с датой: 1843. Декабрь. Было высказано предположение, что стихотворение написано под впечатлением знакомства Тургенева с гастролировавшей в Петербурге Полиной Виардо. Тургенев впервые услышал ее в конце октября в роли Розины в опере Д. Россини «Севильский цирюльник», а познакомился с нею 1 ноября 1843 г. (Ак. изд., т. 1, с. 524; Письма, т. 1, с. 551). С. Орловский (с. 125—126) считает такое предположение маловероятным. Муз. В. Аничкова, М. В. Бегичевой, А. Владимирова, С. В. Егорова, М. В. Мильмана, В. Одолева, Ф. К. Садовского, Н. А. Соколова, А. Н. Шефера; часто исполнялось в концертах и, так же как и «В дороге», попало в репертуар цыганских хоров (с рядом искажений).

27. ОЗ, 1843, № 11, с. 53, с датой: 1843, подпись: Т. Л. Муз. П. Броуна, К. М. Галковского, А. Д. Кастальского (дуэт в его опере «Клара Милич»), С. Лаппо-Данилевского, С. Г. Паниева, А. Г. Рубинштейна, А. Ю. Симона (в его опере «Песнь торжествующей любви»), А. Н. Шефера.

28. ОЗ, 1843, № 11, с. 189, с датой: 1843, подпись: Т. Л. Обращено к Т. А. Бакуниной. Во второй половине марта 1842 г. Тургенев писал ей: «Я все хочу забыть, все, исключая Вашего взгляда, который я теперь так живо, так ясно вижу. . . Мне кажется, в Вашем взгляде нахожу я и прощение и примирение. . . Я никогда ни одной женщины не любил более Вас — хотя не люблю и Вас пол-

ной и прочной любовью... Я оттого с Вами не мог быть веселым и разговорчивым, как с другими, потому, что я любил Вас больше других» (Письма, т. 1, с. 219—220). Муз. М. В. Мильмана, А. К. Тимофеева.

29. ОЗ, 1843, № 11, с. 191, без последних двух стихов, замененных отточиями, подпись: Т. Л. Недавно эти строки стали известны по копии черновой редакции стихотворения; см. заметку Е. М. Хмелевской в Т. сб., т. 1, с. 234—235. Поскольку они заимствованы из черновой редакции, заключаем их в скобки. Ст. 6—20 с одним незначительным изменением взяты в качестве эпиграфа к одной из глав второй редакции романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тросникова» (Некрасов, т. 6, с. 255). См. также вступ. статью, с. 22—23 и примеч. 9.

30. ОЗ, 1844, № 1, с. 48, с датой: 1843, подпись: Т. Л.

31. ОЗ, 1844, № 1, с. 195, с датой: 1843, подпись: Т. Л. Ст. 13 заменен отточием, очевидно по причинам цензурного характера. Незадолго до смерти, 5 декабря 1882 г. Тургенев процитировал в дневнике (неточно, по памяти) последние две строки этого стихотворения:

Темной ночью камень брошенный
В темный пруд

(ЛН, т. 73, кн. 1, М., 1964, с. 393).

32. ОЗ, 1844, № 3, с. 2, с датой: 1843, подпись: Т. Л. См. также примеч. 9. Муз. А. А. Оленина.

33. ОЗ, 1844, № 3, с. 158, с датой: 1843, подпись: Т. Л. В ряде изданий ст. 33 исправлен («созданья» вместо «сознания»), но поскольку нет никакой уверенности, что это простая опечатка, оставляем его в том виде, в каком он появился в ОЗ.

34. С, 1844, № 3, с. 347, с датой: 1843, подпись: Т. Л. Обращено, по всей вероятности, к Варваре Никсалаевне Богданович-Лутовиновой (1833—1900), в замужестве Житовой. В. Н. Богданович — внебрачная дочь матери Тургенева и А. Е. Берса (отца жены Л. Н. Толстого, Софьи Андреевны). До смерти В. П. Тургеневой, т. е. до 1850 г., она жила у нее на положении воспитанницы и приемной дочери и написала впоследствии интересные воспоминания. Судя по этим воспоминаниям, Житова была в детские годы «в величайшей дружбе» с Тургеневым. «Он очень любил меня, играл со мной, бегал по огромной зале, носил меня на руках, и сам еще был так юн, что не прочь был, не ради одной моей забавы, но и для собственного своего удовольствия, и бегать и школьничать». Она испытывала к нему чувство «обожания». «Между 1841 и 1846 годами, — читаем далее, — Иван Сергеевич летом... бывал в Спасском, но и зимой часто приезжал к матери в Москву. ...К нему мне всегда был свободный доступ, и я всегда бегала туда» (В. Н. Житова, Воспоминания о семье И. С. Тургенева, Тула, 1961, с. 27—28, 58, 68). Однако

после смерти В. П. Тургеневой, вероятно в связи с денежными расчетами, их отношения резко изменились. В январе 1851 г. в письме к П. Виардо Тургенев называет ее «фальшивой, злой, хитрой и бессердечной», пишет об ее «отвратительном воспитании» и «извращенной натуре». «Невозможно изобразить вам все зло, которое надделала эта маленькая гадюка» (Письма, т. 2, с. 390).

35. С, 1844, № 10, с. 111, подпись: Т. Л.

36. ОЗ, 1844, № 11, с. 136, с датой: 1844, подпись: Т. Л. По мнению Орловского (с. 202), это стихотворение написано значительно раньше, примыкает к стих. «Дай мне руку — и пойдем мы в поле...» (1842) и также обращено к Т. А. Бакуниной. Муз. А. Н. Шефера.

37. ОЗ, 1844, № 12, с. 345, с датой: 1844, подпись: Т. Л. Орловский (с. 193) находил в «Призвании» следы влияния В. Г. Бенедиктова и в связи с этим высказал предположение, что это отрывок из какой-нибудь поэмы 30-х годов. Однако никакими фактическими данными, подтверждающими это предположение, мы не располагаем. Подзаголовок «Из ненапечатанной поэмы», возможно, указывает лишь на жанровые особенности стихотворения, его фрагментарный характер, и не следует понимать его буквально. Как дворец Сарданапала и т. д. Сарданапал — легендарный ассирийский царь (IX в. до н. э.). Полагаясь на телохранилителей и крепость стен, заперся во дворце и проводил время в пирах и любовных утехах. Когда вспыхнуло восстание, он после длительной осады сжег себя во дворце вместе со своими женами и сокровищами. Имя Сарданапала стало нарицательным, символом роскоши и изнеженности. Легенда о гибели Сарданапала легла в основу трагедии Байрона, которая, конечно, была известна Тургеневу.

38. Вчера и сегодня..., кн. 1, СПб., 1845, с. 67, с датой: 1844 и явной опечаткой в ст. 2 («крутые» вместо «круглые»), нарушающей размер. Опечатка устранена в изд. 1885, с. 185.

39. ОЗ, 1845, № 2, с. 239, с датой: 1844, подпись: Т. Л.

40. С, 1850, № 1, с. 53, с датой: 1844, подпись: Т. Л., в статье Н. Н. (Н. А. Некрасова) «Русские второстепенные поэты». В Ак. изд. (т. 1, с. 526), вслед за Орловским (с. 203), говорится, что в ст. 22—26 Тургенев имеет в виду Т. А. Бакунину. Это весьма сомнительно и, во всяком случае, ничем не подтверждено. Н. Л. Бродский высказал предположение, что в ст. 34—45 речь идет об И. П. Ключникове («Поэты кружка Станкевича». — «Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1912, № 4, с. 69—70; в категорической форме повторено в Ак. изд.). Но и это маловероятно. Если речь идет о Ключникове, который был одно время домашним учителем Тургенева, слова «на лавке длинной среди моих товарищей» совершенно непонятны. Не подтверждается это и недавно опубликованным единственным письмом Тургенева к Ключникову (Письма, т. 13, кн. 2, с. 199—200). Скорее речь идет об одном из преподавателей пансиона Армянского института или московского пансиона

Вейденгаммера, где Тургенев учился в 1829—1831 гг. *Но тоска На самом дне встревоженного сердца* и т. д. — по-видимому, реминисценция из «Демона» Лермонтова: «И грусть на дне старинной раны Зашевелилася, как змей».

41. «Литературный архив», т. 4, М.—Л., 1953, с. 165. Автограф с датой: 31-го дек. 1845 — Центр. гос. исторический архив СССР (Ленинград). *Как звери, мы друг другу чужды*. Ср. в «Валерике» М. Ю. Лермонтова, впервые напечатанном в 1843 г.: «Душою мы друг другу чужды» (правда, в ином контексте).

42—50. С, 1847, № 1, с. 70. Отвечая на вопрос Я. К. Грота о цикле «Деревня», П. А. Плетнев писал ему 18 января 1847 г.: «Тургенева все стихи прелесть» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3, СПб., 1896, с. 4, 9). Напротив, крайне придиричивая и недоброжелательная оценка цикла содержится в статье Н. Гаврилова «Обзор журнальных поэтических произведений за 1847-й год» в «Москвитянине» (1848, № 1, с. 186—192). Прежде всего Гаврилов сводит счеты с захвалившими Тургенева-поэта ОЗ, т. е. с Белинским, и называет отзыв о «Параше» «бессовестным» и «неприличным». «Господином Тургеневым решительно хотели заменить Лермонтова», между тем как он был и остался «плохим поэтом». Далее Гаврилов останавливается на отдельных стихотворениях, утверждая, что Тургенев «не тверд в изображении предметов» и прыгает с одного на другой без всякой логики, иронизирует над неправильностями языка, «кудрявыми и неопределенными эпитетами», натянутыми, с его точки зрения, сравнениями (например, сравнением ночи с усталой от любовных ласк женою в стих. «Безлунная ночь») и пр. Некоторые замечания критика «Москвитянина» не лишены оснований, но в целом в его оценке явно сквозит как стремление показать, что Тургенев недостаточно знает русскую деревню, так и его архаические литературные вкусы. 2. *Дриада* (греч. миф.) — лесная нимфа (нимфы — богини, олицетворяющие силы природы), покровительница деревьев. *Машет на нас темными маками сон*. Имеется в виду сновторное свойство мака, известное еще в Древней Греции. 3. В «Сборнике лучших произведений русской поэзии», составленном и изданном Н. Ф. Щербиной (СПб., 1858, с. 381), под заглавием «Ночь» и с вариантами:

Ст. 9. И над тобой покров густеет темный

Ст. 14. И тень пахучая подьемлется кругом

Ст. 18. И воздух ласковый, чуть дышащий, ночной

Мы не располагаем точными сведениями о происхождении вариантов «Сборника» и не имеем достаточных оснований для включения их в текст, как если бы это были исправления самого Тургенева или санкционированные им. См. также мою заметку в Т. сб., т. 3, с. 46—47. Отдельные элементы этого пейзажа вошли в известное описание ночи в рассказе «Три встречи» (С. И. Родзевич, Тургенев, Киев, 1918, с. 16—17). Муз. П. Н. Ренчицкого, А. Н. Шефера. 4. *Тороки* — ремешки у заднего изгиба седла для привязывания чего-нибудь. *Стремянный* — конюх, слуга, ухаживавший за лошадью своего господина. *Доезжащий* — старший псарь, распорядившийся собаками во время охоты. *Степняки* — помещики, жившие уединенно в степной

глуши; слово это часто употреблялось для обозначения захолустной дикости. *Сардананал* — см. примеч. 37. 8. С этим стихотворением явно перекликается стих Некрасова «Псовая охота», напечатанное в следующем номере С. Сходна не только тема. Оба стихотворения написаны одним размером (четырёхстопным дактилем) и разбиты на двустушия; в обоих смежные рифмы, в нечетных двустушиях — женские, в четных — мужские. Сходны некоторые детали; имеется и словесная близость. Точные даты стихотворений неизвестны: в собраниях сочинений оба отнесены к 1846 г. Если стих. «Перед охотой» написано раньше (по-видимому, это так), то в «Псовой охоте» нельзя не усмотреть известной полемики с Тургеневым, которая выразилась в ее подчеркнутой антикрепостнической направленности; это проявилось и в хмуром осеннем пейзаже. Муз. А. Д. Ка-стальского (опера «Клара Милич»).

51. «Летописи марксизма», 1927, т. 4, с. 73, по автографу, находившемуся в рукоп. отд. Прусской гос. библиотеки. Местонахождение его в настоящее время неизвестно. *Фарнгаген фон Энзе* Карл-Август (1785—1858) — немецкий писатель и литературный критик либерального направления. Очень интересовался русской литературой и писал о ней, хорошо знал русский язык, переводил произведения русских писателей. У Фарнгагена фон Энзе был широкий круг русских знакомств, в частности среди русских литераторов. Тургенев познакомился с ним еще в конце 30-х годов. В дневнике Фарнгагена отразились встречи и разговоры с Тургеневым. Так, в записи от 9 февраля 1847 г. читаем: «Меня посетил Иван Тургенев. Он прибыл из Петербурга и едет во Францию. Сведения об умственном движении в России, о состоянии литературы; печатается мало, но талантов имеется много, молодые русские замыкаются в себе». 7 марта: «Посещение Ивана Тургенева. Он посвятил мне стихотворение на русском языке и принес несколько русских книг для ознакомления» (*Tagebücher von Varnhagen von Ense*, Bd. 4, Leipzig, 1862, S. 32, 45). В стихотворении Тургенева выражено его отношение к событиям и общественным настроениям в Германии накануне революции 1848 г., о которых писатель, очевидно, беседовал с Фарнгагеном. *Своим путем идет одна*. Тургенев имеет в виду расхождение между правительственными кругами России и Пруссии. Вынужденные и весьма скромные уступки прусского короля Фридриха-Вильгельма IV оппозиционным течениям вызвали недовольство Николая I, увидевшего в них измену Священному союзу. За месяц до написания стихотворения, 3 февраля 1847 г., был объявлен указ короля о созыве «соединенного ландтага» из представителей провинциальных собраний. Однако оппозиция предложениям правительства и отклонение петиции ландтага привели к тому, что он вскоре был распущен. Уже 5 февраля 1847 г. Николай I писал И. Ф. Паскевичу, в то время наместнику Царства Польского: «Итак, вот, чего мы опасались, сбылось! Пруссия из наших рядов выбыла и ежель еще не перешла в ряды врагов, то почти наверно полагать можно, что через малое время, и вопреки воле короля, станет явно против нас, т. е. против порядка и законов!.. Нас было трое (т. е. Австрия, Пруссия и Россия. — *И. Я.*), теперь мы много что двое» (Кн. Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятель-

ность. Приложения к т. 5, СПб., 1896, с. 606—607). *Проклятия гремят кругом*. Речь идет о роли «международного жандарма» и о подавлении революционного движения в Европе, к которому неизменно призывал Николай I. За год до этого он активно содействовал подавлению Краковского восстания и присоединению «вольного города» Кракова к Австрии (см. письма Николая I к Паскевичу от февраля — апреля 1846 г. — там же, с. 551—565).

52. Ст. 1—14 и начало ст. 15 («Там хорошо»), за которым следует отточие, — С, 1849, № 2, с. 309, как эпиграф к рассказу «Лес и степь»; слова «Из поэмы, преданной сожжению» — за текстом в скобках. В «Сборнике лучших произведений русской поэзии» (СПб., 1858, с. 379) — с вариантом в ст. 3 («отрадные» вместо «огромны»). Полностью — «Свиток», кн. 2, М., 1922, с. 117. Автограф — ГПБ. В автографе в ст. 24 последние три слова зачеркнуты карандашом и заменены многоточием — возможно, по соображениям цензурного характера. Рассказ «Лес и степь» написан в ноябре — декабре 1848 г. 17 декабря Некрасов известил Тургенева о его получении (Некрасов, т. 10, с. 121). Орловский (с. 192) без всяких на то оснований датирует стихотворение 1838 г. Действительно ли это стихотворение является отрывком из не дошедшей до нас поэмы — неизвестно.

53. С, 1859, № 1, с. 74, в романе «Дворянское гнездо» (гл. 25), как конец «довольно длинного» стихотворения Михалевича. «Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи, — говорит он Лаврецкому, — в них поэзии нет, но есть правда. Я тебе прочту мою последнюю пиесу: в ней я выразил самые задушевные мои убеждения. Слушай». Автограф — Нац. библ.; фотокопия — ПД. Ст. 3—4 восходят к преданию об основателе Франкского государства короле Хлодвиге I (ок. 466—511). Оно рассказано в «Истории франков» историка VI в. Григория Турского. После победы над тюрингами Хлодвиг принял христианство, и крестивший его римский архиепископ Ремигий сказал ему: «Поклонись тому, что сжигал, и сожги то, чему поклонялся». Эту фразу много раз приводили в своих трудах западноевропейские историки первой половины XIX в. Ф. Гизо, Ж. Мишле, Ж. Сисмонди, откуда ее мог узнать и Тургенев. После «Дворянского гнезда» слова эти стали особенно популярны в России, цитировались в литературе и публицистике, иногда в переосмысленном виде, для характеристики отступничества и ренегатства; см., например, предисловие В. И. Ленина к брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — Полн. собр. соч., т. 7, с. 6 (Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина, Крылатые слова, 3-е изд., М., 1966, с. 272—273).

54. 12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа, СПб., 1864. Каждый романс издан отдельной тетрадкой, тексты на двух языках — русском и немецком. Посылая стихотворение Ф. Боденштедту 26 сентября 1863 г., Тургенев просил его перевести «Синицу» на немецкий язык: «Я сочинил эти 4 маленьких, довольно незначительных куплета, слушая пение синицы, и г-жа Виардо написала к ним прелестную

музыку — поэтому я и стучусь у вашей двери, умоляя вас извинить мою нескромность, так же как ничтожность того произведения, над которым вам предстоит поработать» (Письма, т. 5, с. 159—160, 434; автограф письма — в Бодмеровской библиотеке в Женеве). Печ. с исправлением в ст. 6 по нотам (в письме: «Хоть зимы нам он пророк»), поскольку Тургенев, находясь в Петербурге, следил за печатанием альбома и читал корректуру. В своих «Воспоминаниях о Тургеневе» немецкий художник и литератор, его добрый знакомый Л. Пич, приведя текст «Синицы», заметил: «А между тем он так часто клялся и заверял, что лишен божественного дара поэзии, таланта создавать даже небольшие лирические стихи и что для того, чтобы обрести этот дар, он пожертвовал бы всем тем, что им было и будет создано. Однажды осенью он принес после охоты на тетеревов вместе с охотничьей добычей эти стихи. Меня они всегда трогали своей задушевностью» («Vossische Zeitung», 1883, № 425, 12 сентября; цит. по Письмам, т. 5, с. 587).

55. Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа, СПб., 1868. По-видимому, об этом стихотворении идет речь в письме Тургенева к П. Виардо от 26 февраля 1867 г. (Письма, т. 6, с. 162, 515). Утверждение Т. П. Ден, что «Разгадка» и «Разлука» (№ 56) близки к стих. Э. Мерике «Frage und Antwort» («Вопрос и ответ») и «Heimweh» («Тоска по родине») и написаны под их воздействием (Т. сб., т. 1, с. 255—256), неосновательно. Как считает И. М. Гревс (История одной любви, 2-е изд., М., 1928, с. 367), стихотворение — «ясный отзвук того могучего чувства... которое соединяло его с великой артисткой».

56. Там же.

57. Т. сб., т. 4, с. 206. Автограф — Нац. библ.; фотокопия — ПД. И. С. Чистова, опубликовавшая стихотворение, предположительно связывает его с попыткой постановки оперетты Тургенева «Последний колдун» в России (при участии А. Н. Серова) в 1871 г.

58. Крокет в Виндзоре, Лейпциг, (1876), тип. В. Другулина (листочка); «Стара планина» (болгарская газета, издававшаяся в Бухаресте), 1876, 6 ноября. В России — «Слово», 1881, № 3, с. 135; затем — «Русская старина», 1883, № 10, с. 217 (по списку) и № 11, с. 426 (по авторской корректуре). Два автографа (один из них более ранний) и две корректуры (одна из них — корректура «Нового времени», правленная Тургеневым) — ПД. Еще один автограф, вклеенный в английский перевод стихотворения, — ЦГАЛИ. Печ. по беловому автографу из арх. М. М. Стасюлевича (ПД), с исправлением описки в ст. 3 второй строфы: в автографе «шаров» вместо «голов». Стихотворение написано под впечатлением событий на Балканах — болгарского восстания против турецкого владычества, жестокого его подавления турками и позиции английского правительства, которое фактически способствовало этой расправе. Н. А. Островская сообщает в своих воспоминаниях, что в июле 1876 г., накануне их совместного отъезда за границу, она с мужем посетили Тургенева в петербургской гостинице Демут. «Он пошел в соседнюю комнату и

принес исписанную бумажку. — «Слушайте!» Он прочел стихотворение «Крокет». — „Вчера вечером был я на пресловутой *pointe* (стрелке) и там встретился с Горчаковым. Потолковали мы с ним, и вот это стихотворение — следствие нашего разговора. У меня, как вы знаете, поэтического таланта нет, но страстишка к языку богов есть. Нет-нет, — и прорвусь!.. Всю ночь не спал, всё стихи сочинял, — прибавил он, добродушно улыбаясь и подсмеиваясь над собой. — Отдам напечатать, хоть они и плохи: хочется на эту тему хоть как-нибудь, да высказаться“» («Тургеневский сборник», Пг., (1915), с. 128). См. также: «Русская старина», 1883, № 10, с. 218. Несколько иначе рассказывает об этом сам Тургенев в письме к Е. А. Черкасской от 9 ноября 1876 г.: «„Крокет“ я сочинил почти бессознательно, ехавши в вагоне из Москвы в Петербург: я несколько в этом не раскаиваюсь — но писать стихи не мое дело (что доказывается самими стихами «Крокета», достаточно дубовыми)» (Письма, т. 11, с. 349). Еще через месяц он писал брату, Н. С. Тургеневу: «Я понимаю твои сомнения насчет моего авторства в деле «Крокета»; это совсем не по моей части и не в моем духе! И, однако, представь! Эту штуку я точно написал или, вернее, придумал ночью. во время бессонницы, сидя в вагоне Николаевской дороги — и под влиянием вычитанных из газет болгарских ужасов. Прибыв в Петербург, я даже хотел попытаться напечатать этот «Крокет» в «Новом времени» — но цензура этому воспрепятствовала» (Письма, т. 12, кн. 1, с. 31—32). По выправленной Тургеневым корректуре «Нового времени», сохранившейся у В. И. Лихачева, «Крокет» был напечатан впоследствии в № 11 «Русской старины» за 1883 г. (см. надпись на корректуре «Русской старины» — ПД). Стихотворение сразу приобрело широкую известность и, распространяясь в списках, по словам самого Тургенева в письме к брату, «облетело всю Россию». «Молодежь выучивает наизусть и приходит в восторг, чему особенно содействует слава автора», — писал 3 сентября 1876 г. А. В. Головин Н. В. Ханыкову (см. заметку Н. С. Никитиной в Т. сб., т. 3, с. 149). Получив от Ю. А. Оболенского заграничное издание «Крокета», Тургенев сообщил ему: «Спешу Вас уверить, что не имею ничего против распространения этой безделки, которая наделала гораздо больше шума, чем я ожидал» (Письма, т. 11, с. 318). О неточностях заграничного издания см. в том же письме к Оболенскому и в примеч. к нему на с. 648. Некоторые другие сведения об этом издании имеются в указанной выше заметке Н. С. Никитиной. Стихотворение было переведено на английский, французский и немецкий языки. На английском языке в переводе А. Д. Баратынской оно вышло дважды отдельным изданием: в том же 1876 году в Штутгарте (*The croquet. Translated from the russ. by a russian lady*) и, вероятно, в 1878 г. в Баден-Бадене, но в Англии опубликовано не было. В цитированном письме к Е. А. Черкасской Тургенев писал: «Не знаю, известно ли Вам, что в «Daily News» был послан перевод (в прозе, с французского) — для помещения; но редакция «*on second thoughts*»¹ отказалась — *because it may hurt the feelings of the queen*»². Никакой другой журнал уже подавно

¹ Поразмыслив (англ.). — *Red.*

² Потому что это может оскорбить чувства королевы (англ.). — *Red.*

не поместил бы этой вещи». На французском языке стихотворение появилось в газете «Le XIX siècle» 3 сентября 1876 г. О том, что оно «вызвало большой шум в европейской печати», писала при его публикации болгарская газета «Стара планина» (В. П. Велчев, Тургенев и Болгария. — Сб. «И. С. Тургенев», Орел, 1960, с. 409). Возмущение Тургенева позицией Англии не было минутным раздражением и сохранилось надолго. В дневнике Ф. Н. Тургеневой находим следующую запись от 27 декабря 1876 г.: «Павел Жуковский: Я видел Ивана Сергеевича сегодня утром, он взбешен всем и всеми, он говорит, что, если бы он был англичанином, он покончил бы с собой» (ЛН, т. 76, М., 1967, с. 389). В феврале 1880 г. Тургенев встретился в Петербурге с редакционным кружком «Русского богатства» и передал «Крокет в Виндзоре» для помещения в журнале. Сохранилась корректура со следующим подстрочным примечанием редакции: «Настоящее стихотворение было написано И. С. Тургеневым в 1876 г., до войны с Турцией; напечатание этого стихотворения могло в то время казаться неудобным; но теперь, по нашему мнению, к помещению его в «Русском богатстве» не может быть препятствий, тем более, что оно довольно распространено — и в неверных списках» (ПД). Однако и на этот раз стихотворение в печати не появилось, по свидетельству редактора «Русского богатства» Н. Н. Златовратского, «по цензурным условиям, как говорили ввиду дипломатических соображений» (Воспоминания, 1956, с. 303). Когда «Крокет в Виндзоре» был наконец опубликован в «Слове», газета «Голос» откликнулась следующими словами: «Для многих оно не ново, так как было написано еще в 1876 году, в эпоху турецких зверств в Болгарии, и, не пропущенное тогда цензурой, быстро распространилось в списках» (1881, 4 апреля, «Литературная летопись»). *Сидит королева в Виндзорском бору*. Речь идет об английской королеве Виктории (1819—1901). «Называется это произведение «Виндзорский крокет» — и очень неприятно англичанам и г-же Виктории», — писал Тургенев П. В. Анненкову 30 августа 1876 г. (Письма, т. II, с. 309). Виндзор — живописное местечко недалеко от Лондона, где находится королевский замок. «Times» («Таймс») — английская газета.

59. ВЕ, 1877, № 1, с. 69, в романе «Новь» (гл. 12), как стихотворение Нежданова. Черновая рукопись — Нац. библ.; фотокопия — ПД. Наборная рукопись — ГПБ. В ВЕ — ошибка в ст. 7 («за раскрытыми дверями»), восходящая к рукописи и повторенная в Полн. собр. соч. 1880 г. Она устранена в Полн. собр. соч. 1883 г., т. 5, с. 311. «Милый друг, когда я буду...» перекликается со стих. Н. А. Добролюбова «Пускай умру — печали мало...», о котором говорится и текст которого приводится в гл. 25 романа. Нежданов читает Марианне свои стихотворения. «Немногие стихотворения ей нравились: она предпочитала чисто лирические, короткие и, как она выражалась, не нравоучительные... Марианна вдруг прервала его вопросом: знает ли он удивительное стихотворение Добролюбова «Пускай умру — печали мало», — и тут же прочла его». И дальше она говорит: «Надо такие стихи писать, как Пушкин, — или вот такие, как эти добролюбовские: это не поэзия... но что-то не хуже ее». *За закрытыми дверями* и т. д. Эта деталь взята из обстоятельств

смерти матери Тургенева. 24 ноября 1850 г. он писал П. Виардо: «Накануне смерти, когда уже начиналось хрипение агонии, в соседней комнате, по ее распоряжению, оркестр играл польки» (Письма, т. 1, с. 507).

60. ВЕ, 1877, № 2, с. 521, в романе «Новь» (гл. 30), как стихотворение Нежданова, с искажением, из-за цензурных опасений, ст. 21: «Один кабак не спит и не смыкает глаз»; см. письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 3 января 1877 г. (Письма, т. 12, кн. 1, с. 57). Печ. по Полн. собр. соч., т. 5, СПб., 1883, с. 485, с исправлением ст. 16 по черновой рукописи (Нац. библ.; фотокопия — ПД). В наборной рукописи (ПД) и в печатном тексте (журнальном и дальнейших) — «под снежным холодом». Полагаем, что этот вариант возник в результате простой описки Тургенева: «под снежным пологом» — образ не очень оригинальный, но сознательное исправление на «под снежным холодом» маловероятно, потому что, как известно, снежный покров не сопровождается холодом.

61. Tourguénev, Nouveaux poèmes en prose, Paris, 1930, p. 94. Два черновых и белой автографы — Нац. библ.; фотокопии — ПД. В наиболее раннем черновом автографе была еще одна, зачеркнутая, строфа — между 3-й и 4-й (возможно, впрочем, что эта строфа заменяла 4-ю и была, таким образом, последней):

Я был царем природы всей!
Она со мной и мной дышала,
На каждый стук груди моей
Она отвечала.
И этот царь, и этот бог
Связать двух мыслей бы не мог!

Это единственное стихотворение, которое по не вполне понятным причинам включено Тургеневым в цикл «Стихотворения в прозе» — ту его часть, которая не была опубликована при жизни писателя.

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ЭПИГРАММЫ

62. Литературно-библиологический сборник, Пг., 1918, с. 11—13 (транскрипция), с неточностями. Некоторые из них исправлены в Ак. изд., т. 1, с. 350; другие устраним по черновому автографу на обложке записей лекций А. Бека по истории греческой литературы (ПД), которые Тургенев слушал в Берлинском университете в конце 1838 и в 1839 г. *Неверов Януарий Михайлович* (1810—1893) — друг Станкевича и Грановского; Тургенев и Неверов вместе слушали лекции в Берлинском университете и одно время жили в одной квартире: впоследствии — видный педагогический деятель и крупный чиновник министерства народного просвещения. В первых стихах пародийно использовано начало тогда еще не переведенной на русский язык «Одиссеи»; аналогичные пародийные использования «Одиссеи» и «Илиады» имеются и в других стихах.

63. Там же, с. 17 (транскрипция), с неточностями. Они устранимы в Соч., т. 11, с. 191. Черновой автограф — ПД. В автографе —

«Албанских» (воспроизведено итальянское написание); печатаем согласно произношению — «Альбанских»; речь идет не об Албании, а о горах недалеко от Рима. В стихотворении отразились прогулки Тургенева по окрестностям Рима в 1840 г. Два «форестьера» (иностранца, чужеземца), гуляющие по горам, это, по-видимому, сам Тургенев и его приятель А. П. Ефремов. *Сирокко* — сухой, знойный ветер в Северной Африке и Южной Европе. *Чичерон* — чичероне (итал. *сісегопе*), проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей. *Катон* — Катон М.-П. Старший (234—149 до н. э.), римский полководец, государственный деятель и писатель; он родился в городе Тускуле, недалеко от Рима, на вершине Альбанской горы.

64. Корнилов, с. 105. Автограф — ПД. *Бакунин* Алексей Александрович (1823—1882) — брат М. А. Бакунина. Тургенев познакомился с ним осенью 1841 г.

65. В. Евгеньев, Предсмертные думы Н. А. Некрасова — «Заветы», 1913, № 6, с. 35 (как стихотворение Некрасова). Печ. по письму Некрасова к М. Е. Салтыкову от марта — апреля 1869 г. — «Звенья», т. 1, М.—Л., 1932, с. 188, статья Е. В. Базилевской «Мнимая эпиграмма Некрасова». Эпиграмма на жену В. Г. Белинского, М. В. Белинскую (1812—1890), дочь священника В. В. Орлова, относится, по-видимому, ко времени непосредственно после женитьбы Белинского (12 ноября 1843 г.). Полностью стихотворение до нас не дошло. Большинство друзей Белинского недоброжелательно относилось к его жене. Некрасов писал Салтыкову, что «все мы не любили (ее), не исключая и Тургенева, который, между прочим, сочинил на нее злые стихи... Привожу — конечно не для печати и даже не для распространения под рукою, — собств(енно) для вас три куплета». «Белинской я никогда не видал, — записал в дневник В. П. Гаевский 25 сентября 1883 г., — но, по отзывам знавших ее, она... отравила последние годы жизни мужа. По словам М. А. Языкова, он много терпел от нее, но никому этого не показывал. Языков сообщил мне следующие стихи, сочиненные на нее Тургеневым». И дальше следуют первые четыре строки эпиграммы («Звенья», с. 190). В своих «Воспоминаниях о Белинском» Тургенев утверждал, что Белинский «не был никогда любимым женщиной» и «брак свой он заключил не по страсти» (Ак. изд., т. 14, с. 56). См. также: В. С. Нечаева, В. Г. Белинский... 1842—1848, М., 1967, с. 465—474.

66. «Биржевые ведомости», 1909, 9 марта; «Речь», 1909, 9 марта, в статье «Открытие тургеневской выставки». Автограф — ПД, альбом М. П. Боткиной. Обращено к сестре В. П. Боткина, Марии Петровне Боткиной (1828—1894), впоследствии ставшей женой А. А. Фета.

67—70. Эпиграммы на Н. Х. Кетчера, А. В. Дружинина, А. В. Никитенко, П. Н. Кудрявцева впервые появились в воспоминаниях Я. П. Полонского «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину» («Нива», 1884, № 4, с. 87). Здесь же были частично приведены эпиграммы на В. П. Боткина и Ф. М. Достоевского («Рыцарь горестной фигуры...»). Текст эпиграмм был записан Полонским со

слов самого Тургенева в Спасском в последних числах июня 1881 г. «Тургенев стал припоминать... свои старые эпиграммы...», — пишет Полонский. — Из них лично для меня почти что ни одной не было неизвестной. Я, признаюсь, не был их поклонником... и не мог бы ни припомнить, ни записать их без помощи автора». В Спасском гостил в эти дни и Д. В. Григорович, также сделавший, по-видимому, соответствующие записи. Во всяком случае, текст опубликованных после его смерти по его записным книжкам эпиграмм на Дружинина, Кетчера, Никитенко и Кудрявцева совпадает с тем, который был напечатан Полонским, а эпиграмма на Достоевского воспроизведена полностью (Из записной книжки Д. В. Григоровича. — «Ежемесячные лит. приложения» к «Ниве», 1901, № 11, с. 391—393, № 12, с. 622—623). Не все эпиграммы Тургенева нам известны. 29 октября 1898 г. Григорович сообщил А. С. Суворину: «У Тургенева был... где-то запрятан уголок с запасом язвительной остроты, которую он почему-то тщательно скрывал, но пользовался ею по мере надобности; у меня записано до 20 горьких эпиграмм его работы» (Письма русских писателей к А. С. Суворину, Л., 1927, с. 42). Публикуя отрывки из его записных книжек, редакция журнала отметила, что «не все можно было напечатать: часть записанного не подлежит оглашению по многим причинам» (№ 11, с. 386). Где находятся записные книжки Григоровича в настоящее время и сохранились ли они вообще — неизвестно. Полонский, как указано выше, привел в своих воспоминаниях один из куплетов «большой эпиграммы» Тургенева на В. П. Боткина, которую ее автор не мог припомнить, «только один куплет промелькнул в его памяти»:

К нему читатель не спешит,
И журналист его боится,
Панаев сдуру набезит
И, корчась в муках, дале мчится...

То же четверостишие («не помню эпиграммы, помню только последние строчки»), с небольшим вариантом в ст. 3, напечатано в воспоминаниях Григоровича (Литературные воспоминания, 1961, с. 121). Об истории возникновения этой эпиграммы см. в воспоминаниях П. В. Анненкова: «Нельзя не рассказать здесь анекдота, слышанного от В. П. Боткина. Известно, что ничто так не возбуждало и не оскорбляло Боткина, как превознесение человека без достаточных оснований. Он уже слышался о необычайном таланте г. Л(еонтье)ва, которого Тургенев провозгласил рассказчиком вне сравнения и ставил далеко выше себя... Достав одно из произведений г. Л(еонтье)ва и прочитав его внимательно, Боткин дождался панегириста и с документом в руке, усадив его за стол, требовал, чтобы он показал, где тут сила и гениальность. Разбор его до того был резок и привязчив, что Тургенев не выдержал и убежал в сад, где и принялся сочинять на меня эпиграмму», прибавлял Боткин. Эпиграмма вышла действительно забавная. Пародируя пушкинского «Анчара», Тургенев предоставил роль древа яда самому Боткину, умерщвляющему все живое кругом себя: «Па(нае)в сдуру налетит и, корчась в муках, погибает» и проч.» (Литературные воспоминания, 1960, с. 393). Е. А. Гитлиц высказала предположение, что речь идет о рассказе К. Н. Леонтьева «Немцы», напечатанном в «Московских ведомостях» под

заглавием «Благодарность» в начале 1854 г., и в связи с этим датирует эпиграмму летом 1854 г. (Эпиграммы Тургенева. — Т. сб., т. 3, с. 64). Об этом эпизоде см. также: А. Д. Галахов, Сороковые годы (ИВ, 1892, № 1, с. 138). О неизвестной эпиграмме на Достоевского сообщает А. Я. Панаева: «Тургенев стал сочинять юмористические стихи на Девушкина, героя «Бедных людей», — читаем в ее «Воспоминаниях» (1948, с. 158), — будто бы тот написал благодарственные стихи Достоевскому за то, что он оповестил всю Россию об его существовании, и в стихах повторялось часто „маточка“». Рассказанный Панаевой эпизод относится, вероятно, к 1846 г. Современники, упоминавшие в своих мемуарах об эпиграммах Тургенева (П. В. Анненков и др.), а также обращавшиеся к ним исследователи относят расцвет его эпиграмматического творчества ко второй половине 40-х — началу 50-х годов. Попытка уточнить время написания ряда эпиграмм сделана Е. А. Гитлиц в указанной выше статье.

67. *Кетчер* Николай Христофорович (1806—1886) — врач, переводчик Шекспира, один из близких друзей Белинского, Герцена, Грановского, Тургенева, редактор первого собрания сочинений Белинского (1859—1862). Перевод Шекспира был делом жизни Кетчера и явился крупным завоеванием русской культуры. Многие пьесы Шекспира Кетчер впервые перевел на русский язык. В основном его работа над переводом относится к 1841—1850 гг., однако, продолжалась и далее. Кетчер переводил Шекспира в прозе; его перевод отличается точностью, но нередко тяжеловесен и лишен поэтических достоинств. Подробная характеристика перевода дана Ю. Д. Левиным в коллективном исследовании «Шекспир и русская культура» (М.—Л., 1965, с. 369—379). Кроме Полонского и Григоровича об этой эпиграмме Тургенева упоминает и Фет. Говоря о начале своего сближения с редакционным кругом С, в том числе с Тургеневым (1853), он замечает: «В веселую минуту он сам повторял свои эпиграммы, острие которых обращено было даже на его друзей, например Кетчера и Анненкова» (Фет, ч. 1, с. 39). Другой вариант эпиграммы приписывался С. А. Соболевскому (С. А. Соболевский, Эпиграммы и экспромты, М., 1912, с. 21 и 113, где В. В. Каллаш напечатал ее по какому-то рукописному сборнику). Тот же вариант А. Д. Галахов приписал Н. А. Некрасову (Сороковые годы. — ИВ, 1892, № 2, с. 409). Однако авторство Тургенева не вызывает никаких сомнений. Е. А. Гитлиц датирует эпиграмму началом 1851 г. (Т. сб., т. 3, с. 61), но для этого нет твердых оснований. Через много лет в юмористической сценке «Святочный костюмированный бал» Б. Н. Алмазов вложил в уста Кетчеру следующие слова:

... всех шекспировских творений
Я вдохновеннейший толмач.
Но про меня, в забаву мира,
Сказал какой-то щелкопер,
Что будто я «всего Шекспира
Не перевел, а перепер»

(«Зритель», 1863, № 1, с. 29). *Друг шипучих вин*. В воспоминаниях современников неизменно встречаем указания на пристрастие Кетчера к шампанскому. «Я как теперь вижу его перед собою, — читаем в вос-

поминаниях И. И. Панаева, — с бутылкою шампанского в руке, наливающего мне стакан с диким хохотом и кричащего: „Ну, пей же, братец, пей!“» (Литературные воспоминания, 1950, с. 167).

68. *Дружинин* Александр Васильевич (1824—1864) — литературный критик и беллетрист, сотрудник С второй половины 40-х — начала 50-х годов, впоследствии — основной критик антидемократического лагеря, пропагандировавший теорию «искусства для искусства». Д. В. Григорович связывал возникновение эпиграммы со спектаклем в доме архитектора А. И. Штакеншнейдера, где был поставлен в феврале 1856 г. сочиненный Тургеневым, Боткиным, Григоровичем и Дружининым фарс «Школа гостеприимства» (Литературные воспоминания, 1961, с. 150). Е. А. Гитлиц показала неточность сведений Григоровича и датировала эпиграмму — тоже недостаточно убедительно — концом 1856 г., утверждая, что она является ответом на выпады Дружинина против Белинского и личные нападки на Тургенева (Т. сб., т. 3, с. 66—67). *Труп российского гвардейца*. По окончании Пажеского корпуса Дружинин три года служил в лейб-гвардии Финляндском полку. По свидетельству К. Н. Леонтьева, в 1851 г. Тургенев недоброжелательно отзывался о Дружинине и в частности отмечал в нем «„офицерство“ самого неприятного оттенка» (Мои дела с Тургеневым и т. д. — Собр. соч., т. 9, СПб., (1914), с. 113). *Одетый в английский пиджак*. Дружинин был умеренным либералом, с большой склонностью к консерватизму; он слыл англоманом и с симпатией относился к английскому общественно-политическому строю. К тому же Дружинин напечатал в С и других журналах много статей об английской литературе XVIII—XIX вв.

69. *Никитенко* Александр Васильевич (1804—1877) — профессор русской словесности Петербургского университета, историк литературы и критик, цензор, в 1847—1848 гг. официальный редактор С. Первые два стиха эпиграммы процитированы Некрасовым в его «Заметках о журналах» за март 1856 г. (С, 1856, № 4; Некрасов, т. 9, с. 396). Однако это не является достаточным основанием для датировки эпиграммы — хотя бы и предположительной — февралем 1856 г., как это делает Е. А. Гитлиц (Т. сб., т. 3, с. 68).

70. Ст. 7—12 — в воспоминаниях Полонского и в публикации отрывков из записной книжки Григоровича. Полностью, но с ошибкой в ст. 2 («только» вместо «томно») — в статье Е. А. Гитлиц (Т. сб., т. 3, с. 61; та же ошибка сохранилась в Ак. изд., т. 15, с. 218), по списку ЦГАЛИ, арх. А. В. Дружинина. *Кудрявцев* Петр Николаевич (1816—1858) — историк и беллетрист, сотрудник ОЗ и С, с 1847 г. преподаватель, а с 1851 г. профессор всеобщей истории Московского университета. Графиня, о которой идет речь в эпиграмме, — писательница Евгения Тур (псевдоним графини Е. А. Салиас де Турнемир), автор романа «Племянница»; Антонина — Антонина Бергини, одна из героинь романа. В январе 1852 г. в С была напечатана рецензия Тургенева на «Племянницу». Она возбудила резкое недовольство Тур и ее кружка, к которому принадлежал и Кудрявцев (см. примеч. Ю. Г. Оксмана в Соч., т. 12, с. 512—513). «Графиня все еще продолжает негодовать за разбор, — писал В. П. Боткин Тургеневу

11 февраля 1852 г. — Тут, брат, не помогут никакие объяснения и уверения, авторское самолюбие, разжигаемое хвалами сентиментального педанта и не имеющего своего мнения Галахова — совершенно затемнило здравый смысл дамы» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка, М.—Л., 1930, с. 15—16). «Сентиментальный педант» — это Кудрявцев. Вполне правдоподобна догадка Е. А. Гитлиц (Т. сб., т. 3, с. 62—63), что этими обстоятельствами и вызвана эпиграмма Тургенева, в связи с чем ее следует датировать январем-февралем 1852 г. *Билье-ду* (франц. *billet doux*) — любовная записка.

71. Фет, ч. 1, с. 135. Ответ на экспромт Фета, произнесенный на обеде в честь Тургенева в январе 1856 г. в Петербурге. Тургенев имел в виду свою работу по подготовке сборников стихотворений Тютчева и Фета. Первый вышел в 1854-м, а второй в 1856 г. Анализу редакторской работы Тургенева посвящен ряд исследований. См.: К. В. Пигарев, Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева (ЛН, т. 19—21, М., 1935); Б. Я. Бухштаб, Судьба литературного наследства А. А. Фета (ЛН, т. 22—24, М., 1935). Неясно, почему это четверостишие, вопреки недвусмысленному свидетельству Фета, не включено в Ак. изд. (см. т. 15, с. 414).

72. В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка, М.—Л., 1930, с. 83, в письме Тургенева к В. П. Боткину и А. В. Дружинину от 28 мая 1856 г. из Спасского (с ошибкой в дате: 26 мая). Автограф — Гос. музей Л. Н. Толстого. Ответ на не дошедшее до нас письмо Боткина и Дружинина из Кунцева (дачная местность под Москвой). В середине июля Тургенев провел там у Боткина два дня и затем через Петербург уехал за границу.

73. «Наша старина», 1914, № 1, с. 987, в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 3 января 1857 г. Касаясь эпиграмм Тургенева. А. А. Фет писал: «Про Анненкова, в то время весьма полного, экономного и охотника покушать, Тургенев не раз, возбуждая общее веселье, повторял эпиграмму, из которой помню только последние два стиха:

Чужим наполненным вином
Виляет острым животом»

(Фет, ч. 1, с. 39). Может показаться, что печатаемое четверостишие и эти два стиха — части одной эпиграммы. Однако приведенная Фетом цитата — усеченные и воспроизведенные по памяти стихи из коллективного «Послания к Лонгинову» 1854 г. (см. с. 375). *Анненков* Павел Васильевич (1813—1887) — в 40-х годах член кружка Белинского, сотрудник ОЗ, а затем С, с которым порвал во второй половине 50-х годов, когда во главе его стали Чернышевский и Добролюбов; критик, историк литературы и мемуарист, биограф Пушкина и редактор первого научного издания его сочинений; один из близких друзей Тургенева. *Бог опечаток — наконец!* Имеется в виду указанное собрание сочинений Пушкина, вышедшее в 1855 г. в 6 томах (7-й дополнительный том — во второй половине 1857 г.).

74. ПСП, с. 64, письмо из Виши от 29 июня 1859 г. (с неверной датой: 30 мая 1859 г.). Автограф — ЦГАЛИ. *Колбасин* Елисей Яков-

левич (1831—1885) — писатель и историк литературы, сотрудник С и других журналов 50-х — начала 60-х годов, приятель Тургенева и автор воспоминаний о нем.

75. ПСП, с. 64, письмо из Куртавнеля от 8 июля 1859 г., с неточностями. Автограф — ЦГАЛИ. *Шеншин* А. А. (1812—1860) — парижский знакомый Тургенева. *Адский камень* — ляпис (перевод латинск. lapis infernalis). *Ниже* — даже, даже не. *Десница* — рука, правая рука.

76. ПСП, с. 65, письмо из Куртавнеля от 15 июля 1859 г., с неточностями. Автограф — ЦГАЛИ. *Аниер* (Аньер) — пригород Парижа на берегу Сены. *Брат ваш суровый* — Д. Я. Колбасин (1827—1890), приятель Тургенева, нередко исполнявший его хозяйственные и литературные поручения. *Анна Семеновна* — Белокопытова, свояченица дяди Тургенева, Н. Н. Тургенева, управляющего его имениями. *Диамант* — бриллиант. *Его же размером* — т. е. свободным белым (без рифм) стихом, которым написаны многие стихотворения Фета. Тургенев скептически относился ко всякого рода ритмическим нововведениям и нарушению строгих «метрических правил», хотя и сам подчас прибегал к этому в своих переводах, стремясь воспроизвести стих подлинника, и особенно в оригинальных и переводных стихотворениях, предназначавшихся для романсов П. Виардо (см., например, письмо к К. Н. Леонтьеву от 12 июня 1851 г. — Письма, т. 2, с. 29).

77. Фет, ч. 1, с. 304, письмо из Куртавнеля от 16 июля 1859 г. Автограф — ПД. *«Поляна»* — Ясная поляна, имение Л. Н. Толстого, где в то время гостил Фет. Письмо, на которое отвечает Тургенев, до нас не дошло. *Так спорили жестоко...* В своих воспоминаниях (ч. 1, с. 153—161) Фет подробно описывает свое посещение Тургенева в Куртавнеле осенью 1856 г., говорит и о спорах с Тургеневым, отмечая, что их источником были разные взгляды на жизнь русской деревни. «В запальчивости, особенно со стороны Тургенева, недостатка не было. Впоследствии мы узнали, что дамы в Куртавнеле, поневоле слыша наш оглушительный гам на непонятном и гортанном языке, наперебив восклицали: «Боже мой! они убьют друг друга!» И когда Тургенев, воздевши руки и внезапно воскликнув: «Батюшка! Христа ради не говорите этого!» — повалился мне в ноги, и вдруг наступило взаимное молчание, дамы воскликнули: „Вот они убили друг друга!“» Об этом посещении Фета и неприятном впечатлении, оставленном им, Тургенев писал Л. Н. Толстому 16 ноября 1856 г. (Письма, т. 3, с. 42—43). *И дети выросли...* Дети П. Виардо и внебрачная дочь Тургенева и служившей у его матери белошвейки А. Е. Ивановой — Полина (Пелагея), отправленная им в 1850 г. во Францию, в замужестве Брюэр (1842—1919). *Я к Вам писал из города Виши.* Имеется в виду письмо от 18 июня 1859 г. (Письма, т. 3, с. 311—313). *А на земле — коль есть покойный угол* и т. д. Здесь Тургенев намекает на сочиненное им пародийное двустишие по поводу фетовского перевода «Юлия Цезаря» Шекспира: «Брыкини, коль мог, большого пожелав, Стать им; коль нет — и в меньшем без препон». Эти строки попали в рецензию Д. Л. Михаловского на перевод «Юлия Цезаря» (С, 1859, № 6, с. 258), что вызвало недовольство и самого Тургенева (письмо к Фету от 1 августа 1859 г. — Письма, т. 3, с. 336) и Фета

(Фет, ч. 1, с. 307). *Борисов* И. П. (1832—1871) — приятель Тургенева, Фета, Л. Н. Толстого, орловский помещик; был женат на сестре Фета, Надежде Афанасьевне. *Толстой* Н. Н. (1823—1860) — старший брат Л. Н. Толстого, автор очерков «Охота на Кавказе». Тургенев с большой симпатией относился к нему как писателю и человеку. *Сестре его* — М. Н. Толстой (1830—1912), в которую Тургенев был одно время влюблен. *Слишком в нас различны Стихии*. Отношения Тургенева и Толстого были очень сложными, между ними часто возникали резкие несогласия и споры, приведшие в 1861 г. к полному разрыву; лишь в 1878 г. они возобновили знакомство. *Здесьняя хозяйка* — П. Виардо.

78. ПСП, с. 66, письмо из Куртавнеля от 3 августа 1859 г. Автограф — ЦГАЛИ. «*Фиф лампер!*» — т. е. «Vive l'empereur!» («Да здравствует император!»). Речь идет о празднествах по поводу окончания войны Италии и Франции с Австрией и вступления французской армии в Париж. Тургенев понимал, что военная победа укрепляет трон Наполеона III и режим Второй империи, к которому относился резко враждебно. «Знаю, что завтра происходит в Париже великое преториански-цезарское празднество, — писал он 1 августа 1859 г. П. В. Анненкову, — что все улицы Парижа перерыты, везде наставлены триумфальные ворота, венецианские мачты, статуи, эмблемы, колонны, везде навешаны знамена и цветы: это император будет держать аллокуцию¹ в цесарско-римском духе своим *militibus*. . .² Я, разумеется, бежал из Парижа в то самое время, как сотни поездов со всех концов Европы, с свистом и треском, мчали тысячи гостей в центр мира; всякое военное торжество *ist mir ein Gräuel*³». (Письма, т. 3, с. 333). *Жителям дома Номер четвертый*. Колбасин и А. А. и В. И. Шеншины жили в пригороде Парижа Аньере — на Boulevard de la Comète, № 4.

79. Фет, ч. 2, с. 9, в письме из Парижа от 31 марта 1864 г. Автограф — ПД. *Брат* — Н. С. Тургенев, лечившийся в Дрездене. *Веригина* С. Я. (1819—1898) — приятельница друга Тургенева Е. Е. Ламберт. *Ден* — возможно, собака Веригиной. *Кант* И. (1724—1804) — немецкий философ. *Геродот* (ок. 484—425 до н. э.) — древнегреческий историк.

80. Фет, ч. 2, с. 15, без ст. 5—11 с конца, письмо из Баден-Бадена от 6 июня 1864 г. Полностью — Письма, т. 5, с. 263. Автограф — ПД. Послание обращено к А. А. Фету и В. П. Боткину и написано в два столбца: слева стихами — Фету и справа прозой — Боткину. *Милейшее письмо* — стих. Фета «Тургеневу» («Тебя искал мой стих по всем концам земли. . .»). *Степановка* — имение Фета в Мценском уезде Орловской губернии. *И все наши просьбы. . . презрел*. В 20-х числах мая 1864 г. Боткин провел три дня в Баден-Бадене. *Пулярдка* (пулярка, от франц. *roularde*) — хорошо откормленная курица.

¹ Речь (от лат. *allocutio*, *alloquium*). — *Ред.*

² Воинам (лат.). — *Ред.*

³ Мне отвратительно (нем.). — *Ред.*

81. «Русское обозрение», 1901, № 1, с. 255, в письме Тургенева к Фету от 26 июля 1867 г. Автограф — ПД. «Но отчего Вас в «Русском вестнике» нет? — писал Тургенев. — Боги! отчего не приходится хотя от времени до времени читать такие, нетепденциозные стишки. . . Как бы это было прохладно!»

82. Шукинский сборник, вып. 8, М., 1909, с. 420, в письме Тургенева к П. И. Борисову от 25 января 1868 г. Автограф — ЦГАЛИ. Обращено к Петру Ивановичу Борисову (1858—1888), сыну друга Тургенева, И. П. Борисова. Он учился в Лицее памяти цесаревича Николая (Катковском классическом лицее) в Москве. См. также другие стихотворные отрывки, обращенные к Пете Борисову: «Ай да Петя! Молодец! . . .» — в письме от 5 августа 1865 г. (Письма, т. 6, с. 17) и «У вас каждый день мороз. . .» (Т. А. Кузьминская, *Моя жизнь дома и в Ясной поляне*, 3-е изд., Тула, 1959, с. 391). *Минерва* (римск. миф.) — богиня мудрости.

83. Фет, ч. 2, с. 192, в письме Тургенева к Фету из Карлсруэ от 18 февраля 1869 г., с ошибкой в ст. 4 («хриплый»). Автограф — ПД.

84. Фет, ч. 2, с. 215, в письме Тургенева к Фету из Спасского от 8 июня 1870 г. Автограф — ПД. *Ну что Ваш Шопенгауэр?* Фет был большим поклонником немецкого философа-идеалиста Артура Шопенгауэра (1788—1860) и перевел некоторые его произведения, в том числе основное — «Мир как воля и представление» — на русский язык.

85. Фет, ч. 2, с. 248, в письме Тургенева к Фету от 26 февраля 1872 г. Автограф — ПД. «Прочтя Ваше изумительное изречение, — писал Тургенев, — что: «я (И. С. Т.) консерватор, а Вы (А. А. Ф.) радикал» — я воспыал лирическим пафосом и грянул следующими стихами:

Решено! Ура! виват! . .

Только вот что, новейший Кай Гракх; Вы, как человек впечатлительный и пиит, слишком легко поддаетесь обаянию слова: республиканское заглавие нового петербургского журнала «Гражданин» соблазнило Вас, и Вы посвятили ему свои задушевные излияния, не подозревая того, что Ваша драгоценная влага попадает в простой. . . урыльник, каким несомненно должен быть призван вышереченный „Гражданин“». Письмо Фета, которое цитирует Тургенев, до нас не дошло. *Шешковский С. И.* (1727—1793) — начальник «тайной экспедиции» (тайной полиции) при Екатерине II, прозванный «кнутобойцем»; вел следствие по делам Н. И. Новикова, А. Н. Радищева и др.; применявшиеся им методы сделали имя Шешковского нарицательным для обозначения жестокости и изуверства.

86. Письма, т. 10, с. 222, в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 27 марта 1874 г. Автограф — ПД. *Авсеенко* Василий Григорьевич (1842—1913) — реакционный писатель и критик, в 70-е годы ближайший сотрудник «Русского вестника». Эпиграмма написана по поводу

его статьи «Новое слово старой критики» («Русский вестник», 1874, №№ 2 и 3), в которой дана резко отрицательная характеристика книги П. В. Анненкова «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху». За три недели до этого, 6 марта, Тургенев писал Анненкову по поводу первой половины статьи Авсеенко: «Булгарин redivivus! ¹ Но Катков почище Булгарина — даже в прямом, булгаринском, смысле» (Письма, т. 10, с. 208). А в письме к М. М. Стасюлевичу от 15 марта находим уже эпиграмму в прозаическом изложении: «Что это за омерзительная статья в «Русском вестнике» г-на А. (Авсеенко?) об анненковском этюде? Это перебулгарило Булгарина — перекатоквило Каткова — out-herods Herod!» (там же, с. 214). Английские слова, обозначающие «переиродить Ирода» — цитата из «Гамлета» В. Шекспира (3-е д., 2-я сц., слова Гамлета). Естественно, что статья Авсеенко вызвала у Анненкова чувство досады и гадливости одновременно. «С умысла ли он тупой негодяй, или по натуре такой — господь его знает», — писал он Тургеневу 23 марта 1874 г. (Письма, т. 10, с. 588). Катков М. Н. (1818—1887) — редактор журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». Сначала человек умеренно либеральных взглядов, Катков в начале 60-х годов становится апологетом самодержавия и крупнейшим публицистом дворянской реакции. Булгарин Ф. В. (1789—1859) — реакционный продажный журналист и беллетрист, редактор газеты «Северная пчела», тайный агент III Отделения.

87. П. В. Шумахер, Стихотворения и сатиры, 1937, с. 278 («Библиотека поэта», Большая серия), с неточностями. Список — в письме Шумахера к П. Ф. Перфильевой от 3 ноября 1880 г. — ЦГАЛИ. «Песенка», полученная Тургеневым от Шумахера, — стих. «Как пришла пора весенняя...», которое датируется 21—22 октября 1880 г. «Прочел я Ваше стихотворение. Ответ Вы найдете на следующей странице», — писал Тургенев Шумахеру 29 октября 1880 г. (Письма, т. 12, кн. 2, с. 320). Однако эта страница не сохранилась.

88. Радуга. Альманах Пушкинского дома, Пб., 1922, с. 142. Автограф — ПД. На автографе надпись рукою Я. П. Полонского: «Черновые стихи И. С. Тургенева. Сатира на мальчика-всезнайку. 1881. Спасское-Лутовиново, Ор(ловской) губ(ернии)». Лето 1881 г. Тургенев провел в Спасском вместе со своим другом, поэтом Я. П. Полонским и его семьей. Скоро после смерти писателя Полонский напечатал интересные воспоминания об этом лете «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину» («Нива», 1884, №№ 1—8). Из них мы узнаем, что Тургенев заботливо, по-отечески относился к детям Полонского, играл с ними, рассказывал им сказки собственного сочинения. Полонский записал со слов Тургенева длинную историю о двух мальчиках-братьях, озаглавленную «Самознайка». «Один из них был самоуверен и нерассудителен, другой — рассудительно-мнителен. Первого из них звали Самознайкой, так как он ни над чем не задумывался и постоянно восклицал: О, я это знаю... это я знаю!» Полонский пересказывает фантастические приключения мальчиков и затем отмечает: «Сказки о живой капле и Самознайке в устах его имели

¹ Оживший, воскресший (лат.). — *Ред.*

педагогическую цель; он рассказывал их не просто ради приятного препровождения времени, и, смею думать, сказки эти оставляли кое-какие следы в уме детей, по крайней мере старший сын далеко уже не так часто говорил, что он знает то или это, — до того прозвище самознайки показалось ему обидным» («Нива», 1884, № 5, с. 110—114). Стихотворение явно перекликается с этой сказкой. Самознайка-Всезнайка — это сын Полонского Александр (1868—1934), готовившийся в Спасском к экзамену, которого не выдержал весною. 23 сентября 1881 г. Тургенев писал Ж. А. Полонской: «Поцелуйте за меня всех ваших деток (не забывая «Всезнайку»)» (Письма, т. 13, кн. 1, с. 126). *Мальцев* — по-видимому, С. И. Мальцев (1810—1893), брянский помещик и крупный заводчик, владелец стекольных и чугунолитейных заводов в Орловской губернии, недалеко от имения Тургенева, один из самых богатых и влиятельных людей этого края.

89. Ак. изд., т. 15, с. 230. Авторизованная копия неизданного отрывка из воспоминаний Я. П. Полонского о Тургеневе, где имеются эти строки, — ПД. «Нельзя сказать, — пишет Полонский, — чтоб Ив. Серг. положительно не верил в загробную жизнь; но откровенно сознавался, что мысль вечно жить не только его не привлекала и не радовала, напротив пугала! — Что я буду делать целую вечность?! — говорил он. — Чем я наполню эту непостижимую, непроходимую бездну? Да и стоит ли того эта ничтожная человеческая личность, чтоб быть бессмертной! Жизни же без тела я и представить себе не могу (как будто кто-нибудь может себе представить, кроме спиритов). И вот, вследствие одного из таких разговоров Ив. Серг., развеселившись, экспромтом сложил стихи о том, как он будет жить за гробом:

Отсутствующими очами...»

На полях помета: «Это выпущено цензурой».

ПОЭМЫ И ПЬЕСЫ

90. «Голос минувшего», 1913, № 8, с. 217, с неточностями. Автограф — Британский музей в Лондоне; микрофильм — ПД. Когда Тургенев писал «Стено», он еще плохо владел стихом. В пятистопный ямб вклиниваются шестистопные, четырехстопные и пр., а иногда и вообще трудные для прочтения, нарушающие стихотворный размер строки. Чтение затрудняется еще одним обстоятельством. Тургенев систематически употреблял полные окончания имен существительных (ие, ия, ию, нем) там, где размер требовал кратких — «ье», «ья» и т. д. Во всех бесспорных случаях (их в поэме несколько десятков) «и» заменено на «ь». Замена эта произведена и в именах собственных. Тургенев писал, например: Джулия (воспроизводит итальянское написание и в ремарках и в прямой речи), Джулиетта, Антонио, Риензи даже в тех случаях, когда явно произносилось не «и», а «ь». Написание Джулия всюду заменено на Джулия, а в репликах действующих лиц, кроме того, там, где это подсказывается размером, «и» опять-таки заменено на «ь». Аналогичная замена произведена и в таких словах, как «гладиатор», «кондотиери», «миллионами». С другой стороны, в несколь-

ких случаях явно нужно «и» там, где в автографе значится «ь». Нескольких мест в автографе густо зачеркнуто. Зачеркнутый, но ничем не замененный ст. 92 воспроизводится по первоначальной публикации М. О. Гершензона в «Голосе минувшего». Конъектуры в ст. 647, 859, 1057 заимствованы из этой публикации и Ак. изд. Ст. 30—33 и 272—279, зачеркнутые в автографе, оставлены в тексте, так как не вполне ясно, чьей рукой они зачеркнуты. До сцены 1-й второго действия включительно в автографе — «сцена», затем — «явление»; мы всюду печатаем «сцена», так как речь идет именно о сценах, а не о явлениях. В автографе, на титульной странице, обозначено время работы над поэмой: «Начата 21-го сентября 1834-го года. Окончена 13-го декабря 1834-го года».

В мемуарном очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева» Тургенев вспоминает, как, еще будучи студентом (по всей вероятности, в 1836 г.), он передал Плетневу свою «фантастическую драму в пяти-стопных ямбах под заглавием «Стенио». В одну из следующих лекций Петр Александрович, не называя меня по имени, разобрал, с обычным своим благодушием, это совершенно нелепое произведение, в котором с детскою неумелостью выражалось рабское подражание байроновскому «Манфреду». Выходя из здания университета и увидев меня на улице, он подозвал меня к себе и отечески пожурил меня, причем однако заметил, что во мне что-то есть!» (Ак. изд., т. 14, с. 11). 26 марта 1837 г. Тургенев отправил «Стено» другому своему профессору, А. В. Никитенко, желая узнать его мнение. «Я колебался, — сообщил он Никитенко, — должен ли я был послать драму, писанную мною 16 лет, мое первое произведение, — я столько вижу в ней недостатков, и вообще весь план ее мне теперь так не нравится, что если б я не надеялся на Вашу снисходительность — а главное — если б я не думал, что по первому шагу можно по крайней мере предугадать будущее, я бы никогда не решился бы Вам ее послать. С год тому назад я ее давал П. А. Плетневу — он мне повторил то, что я давно уже думал, что все преувеличено, неверно, незрело. . . и если есть что-нибудь порядочное — то разве некоторые частности — очень немногочисленные. Считаю долгом заметить, что (Вы, конечно, это тотчас заметите) размер стихов очень неправилен. Переделывать их теперь не стоило труда — и я было хотел ее предать совершенному забвению — когда ближайшее знакомство с Вами побудило меня показать ее Вам» (Письма, т. 1, с. 163). Через два десятилетия Тургенев вспомнил о «Стено», вложив в уста Лежнева в «Дворянском гнезде» следующие слова о студенческих годах: «Вы, может, думаете, я стихов не писал? Писал-с, и даже целую драму сочинил, в подражание «Манфреду». В числе действующих лиц был призрак с кровью на груди, и не с своей кровью, заметьте, а с кровью человечества вообще» (Ак. изд., т. 6, с. 300). Юный Тургенев подражал не только произведению, но и герою Байрона. В стихотворении в прозе «У-а. . . У-а. . .» (1882) он вспоминает, как в молодости «лелеял мысль. . . о самоубийстве» и, живя в Швейцарии (это было в 1840 г.), повторил многое из истории Манфреда. Писатель замечает: «Байрон был моим идолом, Манфред моим героем» (Ак. изд., т. 13, с. 216).

Тибр — река в Италии, на которой стоит Рим. *Коллизей* — грандиозный амфитеатр, построенный в Риме в I в.; предназначался для боев гладиаторов и цирковых зрелищ. *Гладьатор* — гладиатор; в Древнем Риме боец из рабов или военнопленных, сражавшийся на

зрелые с другим бойцом или с диким зверем. *Лазарони* или лаццарони, ладзарони — неаполитанский бедняк, живущий случайным заработком или нищенством. *Кондотьеры* или кондотьер — предводитель наемной дружины в Италии в XIV—XV вв.; в переносном значении — человек, готовый сражаться за любое, достаточно оплачиваемое, дело. *Ave Maria* (лат.) — Радуйся, Мария; католическая молитва. *В вышине слышен звук, как будто лопнула струна*. Ср. с последней ремаркой в «Вишневом саде» Чехова: «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный» (та же ремарка в д. 2). Это совпадение тем более интересно, что Чехов не мог, конечно, знать поэмы Тургенева. *Мета* — цель.

91. Песенка Аннунциаты (первоначальная редакция) — Корнилов, с. 137, в письме Тургенева к А. А. Бакунину от 8—17 апреля 1842 г.; автограф письма — ПД. Полностью, со многими неточностями, — «*Révue des études slaves*», t. 30, 1953, p. 21; автограф — Нац. библ.; микрофильм — ПД; большинство неточностей первой публикации устранено в Ак. изд., т. 3, с. 246, отдельные поправки внесены в настоящее издание по фотокопии. Место реплики Астольфо во 2-й сцене «Венчайте меня розами и незабудками» (с. 203, строки 25—27), написанной сбоку, установлено предположительно. В имени «Антонио» на с. 211 и 214 «и» заменено «ь», как это требуется стихотворным размером (ср. примеч. 90, с. 423). Варианты первой строфы песенки Аннунциаты (с. 204) в письме к А. А. Бакунину:

Под окном синьоры бледной
Больше часу — при луне —
Ходит, бродит витязь бедный
В черном бархатном плаще.

Черновой набросок последней песенки Аннунциаты (с. 217):

Порыв... порыв великий,
Неотразимый...
Тебе, скажи, знаком ли тот восторг
Божественный
Душа несется быстро как река
[И вольно так и гордо]
Которая спешит в р[одн(ое)] море

Работа над пьесой относится к весне 1842 г. Начало ее датировано в рукописи 8 марта. В первой половине апреля Тургенев написал А. А. Бакунину: «Я и сплю и вижу «Искушение с. Антония» — 3 первые (большие) сцены совсем готовы — и к моему возвращению — все, я думаю, — будет кончено... Вы познакомитесь с одной девицей — Аннунциатой, которая, хотя и любовница черта — но, ей-ей, прелюбезная девица — и т. д. и т. д.» (Письма, т. 1, с. 224). 30 апреля Тургенев сообщил ему: «„Искушение“ лишится урывками, по ночам — однако готово более половины» (там же, с. 226). Никакими сведениями о дальнейшей работе над пьесой мы не располагаем; закончена она не была. Песенка Аннунциаты «Под окном прекрасной дои-

ны...» в несколько сокращенном и переработанном виде была перенесена в начатую в 1844 г., но затем брошенную комедию «Две сестры»:

Засыпает город сонный.
Полночь! Звучно бьют часы...
Ходит юноша влюбленный
Под окном своей красы.

Вдруг окошко с легким звоном
Растворилось... и едва
Над белеющим балконом
Показалась голова.

Он притих... она с улыбкой
Говорит ему: «Сеньор!
Я боюсь за вас, — ошибкой
Вас возьмет ночной дозор.

Хоть умны вы и прекрасны,
Хоть в меня вы влюблены...
Но нимало не опасны —
Скромный друг чужой жены».

И раздался смех звенящий,
И в тени немых аллей
Пробудился воздух спящий
И лукаво вторит ей.

(Ак. изд., т. 3, с. 278).

В основе фантастического сюжета пьесы лежит старинная легенда, но непосредственным толчком для ее создания была комедия П. Мериме «Женщина-дьявол, или Испытание святого Антония» из книги «Театр Клары Газуль», впервые вышедшей в 1825 и переизданной в 1842 г. (указано Ю. Г. Оксманом в Соч., т. 3, с. 230—231). Характерно самое обращение к Мериме. Книга последнего была воспринята в свое время как своеобразный манифест французского романтизма, но в ней, как подчеркивают исследователи, проявились и черты нового реалистического направления. В произведении Тургенева мы наблюдаем то же сочетание. Фантастические мотивы и ситуации, романтическая стилистика сопровождают подчас иронической улыбкой (чертенята в начале сцены 1, песенка Аннунциаты в сцене 2); другие места (например, рассказ приятеля Антония — кондотьера Карло Спада) богаты бытовыми подробностями и разговорными интонациями. Наконец, в рассказе Карло явственно ощущаются тенденции к реалистической обрисовке характера, проявившиеся в том, что и как он сообщает о самом себе и о возлюбленной Антония Марцеллине. 2-я сцена местами напоминает вечер у Лауры в «Каменном госте» Пушкина (Л. П. Гроссман, *Драматургические замыслы Тургенева*. — «Известия Академии наук СССР, отд. литературы и языка», 1955, вып. 6, с. 552). Сопоставляя сцену 2 «Испытания» с гл. 7 и 16 повести «Первая любовь», автобиографическая основа которой отмечалась самим автором, А. П. Могиланский высказал мнение о наличии аналогичных автобиографических элемен-

тов, разумеется романтически преобразенных, в неоконченной драме Тургенева (Т. сб., т. 1, с. 232—234).

В войске великого, славного, знаменитого Сфорцы. Имеется в виду Джакомоццо Аттендоло (1369—1424), сын крестьянина из Романы, получивший прозвище Сфорца, знаменитый кондотьер, командир отряда наемных войск, родоначальник династии миланских герцогов. *Иоанна* — Иоанна II (1370—1435), неаполитанская королева с 1414 г. *Кондотиери* — см. примеч. 90. *Остерия* (итал. osteria) — трактир, кабачок.

92. Параша. Рассказ в стихах. Т. Л. Писано в начале 1843 года, СПб., 1843 (дата цензурного разрешения — 30 марта 1843 г.). Опечатка в ст. 401 исправлена по изд. 1891, с. 16. В «Сборнике лучших произведений русской поэзии» (СПб., 1858, с. 378) ст. 742—765 помещены под заглавием «Из поэмы» с вариантом в ст. 745: «Благовоннее цветы». Тотчас же после выхода «Параши» В. Г. Белинский поместил в ОЗ (1843, № 5) большую рецензию, где дал весьма высокую оценку поэмы, полной «благоуханной свежести». Автор «Параши», утверждает он, — из числа тех талантов, которые имеют своим источником «глубокое чувство действительности, сердечную симпатию ко всему живому», их чувства всегда истинны и мысли оригинальны, так как не взяты из третьих рук, а возникли в душе поэта. Подобные произведения не бросаются в глаза, им свойственна «простая, тихая и целомудренная красота... Вся поэма проникнута таким строгим единством мысли, тона, колорита, так выдержана, что обличает в авторе не только творческий талант, но и зрелость и силу таланта, умеющего владеть своим предметом» (Белинский, т. 7, с. 66, 39, 79). См. также вступит. статью, с. 38. В письмах Белинского и в воспоминаниях о нем также сохранились высокие оценки «Параши». «Белинский тогда очень благоволил к Тургеневу и восхищался до небес его «Парашей»... за несколько стихов отрицательного и демонического свойства (Белинский особенно восторгался стихом, где говорится о хохоте сатаны...), — писал К. Д. Кавелин (К. Д. Кавелин, Собр. соч., т. 3, СПб., 1899, с. 1087). По словам П. В. Анненкова, Белинский открыл в поэме «признаки недюжинной авторской наблюдательности и способности выбирать оригинальную точку зрения на предметы. „Что мне за дело до всех анекдотов о нем (речь идет об анекдотах, исходивших из славянофильской среды. — И. Я.), — говорил Белинский, — кто написал «Парашу», тот сумеет поправить себя, в чем будет нужно и когда будет нужно“» (П. В. Анненков, Литературные воспоминания, 1960, с. 241). По свидетельству Анненкова, так воспринял «Парашу» не один Белинский: «Мастерской рассказ далеко не затейливого происшествия в «Параши» и свободное, ироническое отношение к действующим ее лицам имели так много свежести и молодого здорового чувства, что обратили на себя общее внимание» (там же, с. 383). 10—11 мая 1843 г. Белинский спрашивает В. П. Боткина: «Читал ли ты «Парашу»? — Это превосходное поэтическое создание» (Белинский, т. 12, с. 220). Через два месяца, 8 июля, он сообщает Тургеневу, что «еще раз десять прочел ее: чудесная вещь, вся насквозь пропитанная и поэзией (что очень хорошо) и умом (что еще лучше, особенно вместе с поэзией). Боткину она очень нравится, потому что Б(откин) умный че-

ловец, а другим она нравится вполнину потому, что другие видят в ней эпиграмму на себя, или потому, что они в поэзии ищут вздора (т. е. прекрасных чувств), а не дела» (там же, с. 168). В конце 1843 г. в статье «Русская литература в 1843 году» Белинский снова обращается к «Параше»: «Роман вроде «Онегина», — пишет он, — поэмы вроде поэм Пушкина и Лермонтова (выше он упомянул «Графа Нулина» и «Тамбовскую казначейшу» — *И. Я.*) могут быть и теперь; но их все как-то боятся, и мы знаем только один счастливый опыт в этом роде, явившийся в последнее время, именно маленькую поэму «Параша», вышедшую в прошлом году. Этот род поэзии гораздо труднее лирической, ибо требует не ощущений и чувств мимолетных, которые могут быть у многих, но и дара поэзии, и образованного, у много взгляда на жизнь, что бывает очень не у многих». В другом месте той же статьи Белинский говорит, что «по необыкновенно умному содержанию и прекрасным, поэтическим стихам» «Параша» «была бы замечательным явлением и не в такое бедное для литературы время, как наше» (Белинский, т. 8, с. 64—65, 92). Одновременно с рецензией Белинского отзыв о «Параше» появился в газете «Русский инвалид» (1843, 9 мая). Говоря о беспорном даровании Тургенева, автор обзора «Петербургская хроника» видел достоинства его поэмы в простоте и верности описания, звучности стиха, единстве мысли, мастерски очерченных характерах. В ней нет «ни уродливых образов, ни сверхъестественных восторгов, ни нелепых приключений — все верно, просто, обыкновенно». Это тем более ценно, что «со смертью Лермонтова осиротел наш Парнас, и мы уже потеряли надежду услышать снова звуки русской лиры». Очень близко к оценке Белинского то, что было сказано о «Параше» в статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году», помещенной в «Литературной газете» (1844, 1 января). На этом основании статья была включена В. С. Спиридоновым в дополнительный том «Полного собрания сочинений» Белинского (т. 13, Л., 1948), но, по-видимому, принадлежит Некрасову (см.: М. М. Гин, О двух приписанных Белинскому статьях. — «Ученые записки Карело-Финского университета», т. 4, вып. 1, 1954, с. 132—141). Об этом отзыве см. во вступит. статье, с. 38. «Прекрасной поэмой» называет «Парашу» В. Н. Майков в начале рецензии на «Разговор» («Финский вестник», 1845, т. 2). Вполне благожелательной, но несравненно более сдержанной была рецензия П. А. Плетнева (С, 1843, т. 31). Критик готов приветствовать поэта, если это его первый опыт. «Легчайшие очерки, исполненные грациозных движений, намеки, понятные душе и удовлетворяющие воображению, звуки неполные, не оканчивающие начатой речи, но прямо доходящие до сердца, мелькание теней, увлекающих за собою думы и желания», — вот что увидел Плетнев в «Параше». В безыскусственном содержании поэмы «нет, по его словам, ни завязки, ни эпизодов, ни резких характеров и противоположностей, — а между тем все поэзия, все жизнь. Образованный в лучшей школе стихотворного искусства (следственно, в школе Пушкина), автор так свободен, так натурален... что его искусство превращается в естественное его положение» (П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. 2, СПб., 1885, с. 400). Совсем иной была рецензия в «Библиотеке для чтения» (1843, т. 58), написанная в насмешливом тоне. Плохие стихи, притязание на остроумие, болтливость — так характеризует

журнал поэму Тургенева. Проходит несколько лет; изменяется общая панорама русской литературы; находит себя в «Записках охотника» Тургенев — и Белинский несколько охладевает к «Параше» и другим его поэмам. В последней своей крупной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он писал: «Параша» «была замечена публикою при ее появлении по бойкому стиху, веселой иронии, верным картинам русской природы, а главное — по удачным физиологическим очеркам помещичьего быта в подробностях. Но прочному успеху поэмы мешало то, что автор, пиша ее, вовсе не думал о физиологическом очерке, а хлопотал в поэме в том смысле, в каком у него нет самостоятельного таланта к этому роду поэзии. Оттого все лучшее в ней проблеснуло как-то случайно, незначай» (Белинский, т. 10, с. 344—345). Любопытные отзывы о «Параше» матери Тургенева сохранились в ее письмах 1843 г. (И. М. Малышева, *Мать И. С. Тургенева и его творчество*. — «Русская мысль», 1915, № 12, с. 110—114). Сам Тургенев очень скоро утратил интерес к своей поэме. Еще в июне 1843 г. он писал П. А. Бакунину: «О моей «поэме» я говорить не хочу — мне она, во-первых, весьма не нравится самому (без всяких шуток), а во-вторых, я не люблю возвращаться к своей блевотине, как говорит Писание» (Письма, т. 1, с. 233).

Приходский — принадлежащий к данному приходу (приход — территория и население, объединенное вокруг одной церкви, низшая церковная организация в христианской церкви). *Татьяна* — Татьяна Ларина из «Евгения Онегина» Пушкина. *Марлинский* — литературный псевдоним писателя-декабриста А. А. Бестужева (1797—1837). В 30-е годы его романтические повести пользовались огромным успехом, но вскоре были развенчаны В. Г. Белинским. Тургенев имеет в виду наивную неразборчивость своей героини. *Я потерял бывалые права*. В 1834 г. Тургенев переехал из Москвы, где до этого прожил семь лет, в Петербург. В этих строках содержится легкая насмешка над славянофилами. *Прежаркий день, но вовсе не такой* и т. д. «Лето — везде лето, — писал Белинский об этой строфе, — везде от него и жарко, и душно, и пыльно; но в Неаполе свое лето, а в России — свое. Первое вы сейчас видели; вот второе» (Белинский, т. 7, с. 70). И далее он приводит следующую строфу. О том, что здесь отразились неаполитанские впечатления Тургенева, писал также И. М. Гревс в книге «Тургенев и Италия», Л., 1925, с. 47. *Как мы рады* — т. е. рады. *Зеницы* — глаза, зрачки.

93. Отрывки: в кн. «XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, с. 591 (ст. 1—24, 33—49); в изд. 1885, с. 223 (эпиграф и ст. 1—24, 33—56, с исключением в тексте слова «поп») и в журнале «Русская старина», 1885, № 11, с. 425 (пересказ с большими цитатами). Полностью: за границей — в 1887 г. (И. С. Тургенев, Поп. Эротическая поэма, Женева, 1887), в России — в 1917 г. (И. С. Тургенев, Поп. Поэма. С предисловием и примечаниями Н. Л. Бродского, М., 1917), по автографу ГПБ, с некоторыми неточностями. Они устранены в Соч., т. 11 и Ак. изд., т. 1. В автографе зачеркнута строфа 4, но так как нет уверенности, что в этом выразилась последняя воля Тургенева, оставляем и ее текст в квадратных скобках. В примечании к строфе 15 и в строфе 18 имеются равноправные

варианты; печатаем, как и в Ак изд., «побочной (а не «позднейшей» или «поставшей») дочерью моей» и «пронюхала (а не «подметила»), как ни была глупа». Еще в 1865 г. поэма была упомянута в биографии Тургенева, написанной М. Д. Хмыровым и появившейся в т. 2 «Портретной галереи русских деятелей», изд. А. Мюнстера («неизданная поэма „Священник“»). Одно время было распространено мнение, что поэма принадлежит М. Н. Лонгинову (Н. М. Гутьяр, Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева. — «Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1910, т. 87, № 2, с. 8 и 127; М. О. Гершензон, Предисловие к сб. «Русские пропилеи», т. 3, М., 1916, с. VI), но Н. Л. Бродский окончательно доказал авторство Тургенева; см. также рецензию В. Е. Чешихина-Ветринского на т. 3 «Русских пропилен» (ВЕ, 1916, № 1, с. 445). Попытка истолковать поэму как существенный факт борьбы передового лагеря со славянофильством и религией (см.: Т. А. Рот, Поэтическое наследие Тургенева. Автореферат. . . , М., 1965, с. 15) лишена серьезных оснований. Наличие в поэме антиклерикальной (не антирелигиозной) тенденции очевидно, однако и она выражена не очень резко. Поэма «Поп», в меру непристойная, в меру изящная и остроумная, не выходит все же за пределы шутки, которая хотя и не предназначалась для печати, но сыграла известную роль в борьбе Тургенева с романтизмом.

Куранты (франц.) — здесь в смысле штука, предмет. *Бывало, я писал стихи — для славы* и т. д. Начало «Попа» напоминает начало «Сашки» Лермонтова:

Наш век смешон и жалок, — всё пиши
Ему про казни, цепи да изгнания,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья. . .
. . . Впадал я прежде в эту слабость сам. . .
. . . Но нынче я не тот уж, как бывало, —
Пою, смеюсь. . .

Но в «Сашке» очень сильна нота социального протеста, которая отсутствует в «Попе». «*Pucelle*» — «*La pucelle d'Orléans*», «Орлеанская девственница», антиклерикальная сатирическая поэма Вольтера. Через несколько лет в письме к П. Виардо от 4 июня 1849 г. Тургенев отзывался о поэме как о довольно скучном произведении. «Но прелестные остроты, — писал он, — смелые, умные и тонкие намеки, язвительные насмешки обнаруживают великого мастера» (Письма, т. 1, с. 485). А уже в начале 70-х годов он рекомендовал В. М. Михайлову перевести «*La pucelle*» (письмо Михайлова к В. С. Печерину от 3 августа 1875 г. — Сб. «И. С. Тургенев», Орел, 1940, с. 57). «*Верро*» — «Беппо», поэма Байрона. Отмечалось сходство отдельных мест «Попа» и «Беппо»: так строфа 8 «Попа» близка к строфе 45 поэмы Байрона (Ак. изд., т. 1, с. 616). Панаев И. И. (1812—1862) — в то время молодой писатель, близкий к кругу Белинского, впоследствии видный журналист и фельетонист, с 1847 г. — один из редакторов С (вместе с Н. А. Некрасовым). *Веверов любезная семья*. По-видимому, имеется в виду семья М. Н. Вевер, к которой обращено письмо М. И. Глинки первой половины 40-х годов (М. И. Глинка, Литературное наследие, т. 2, Л., 1953, с. 226). «Веверша» и ее дочка упоминаются в письме В. П. Тургеневой к Н. С. и И. С. Тургеневым от 28 марта 1843 г.

(Письма, т. 1, с. 616). *Комаров А. С.* (ниже «Комаришка») — двоюродный брат приятеля И. И. Панаева и Белинского А. А. Комарова, военный инженер. Панаев писал о нем впоследствии: «А. С. Комаров... получал всевозможные иностранные журналы и книги литературные, политические и ученые, выучивал наизусть либеральные стишки и декламировал их на дебаркадерах железных дорог и на гуляньях, бегал по знакомым с политическими новостями, хвастал тем, что он все, что делается в Европе, узнает первый... приставал ко всем с своим либерализмом, вмешивался некстати во все разговоры политические, ученые и литературные... В голове этого господина была страшная путаница; его пустота и легкомыслие превосходили все границы» (Литературные воспоминания, 1950, с. 260). Сравнение А. С. Комарова с выдающимся чешским полководцем и политическим деятелем в период гуситских войн *Я. Жижкой* (ок. 1360—1424) имеет шуточный характер. *Языков М. А.* (ум. в 1883) — приятель Тургенева, Белинского, Панаева; был близок к кругу сотрудников ОЗ, а затем *С. Пифагор* (ок. 580—500 до н. э.) — древнегреческий математик и философ. *Сенека Л.-А.* (ок. 3 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ, политический деятель и писатель. *Булгарин* — см. примеч. 86. Философом Булгарин назван, разумеется, иронически. Ср. со словами Белинского в его «Литературных и журнальных заметках» (ОЗ, 1843, № 4): «Булгарин сравнивает себя с Сократом, в которого один афинянин бросил грязью... Вот поистине забавное сравнение! Г-н Булгарин и — Сократ!.. Сократ и — г. Булгарин!..» (Белинский, т. 7, с. 43). *Не смешивать ее с Парашей* и т. д. Параша — героиня одноименной поэмы Тургенева. Интересно, что, подобно тому как Тургенев называет ее «побочной дочерью», мать писателя, говоря о ней, замечает: «моя внучка побочная» (И. М. Малышева, Мать И. С. Тургенева и его творчество. — «Русская мысль», 1915, № 12, с. 111). *Кадетина* — кадет, воспитанник кадетского корпуса, среднего военно-учебного заведения. *Паскевич И. Ф.* (1782—1856) — генерал-фельдмаршал; участник Отечественной войны 1812 г.; командовал русской армией во время войны с Персией и Турцией во второй половине 20-х годов; в 1830—1831 гг. жестоко подавил польское восстание. *Ловлас* — ловелас, волокита, обольститель женщин (от имени героя романа С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу»). *Под шефеем* — под хмельком, пьян. *Приказный* — мелкий чиновник, канцелярский служащий. *Батюшка* — священник. *Гермиона* (греч. миф.) — дочь спартанского царя Менелая и Елены. В трагедии Ж. Расина «Андромаха» Гермиона безудержно ревнует своего жениха Пирра (сына Ахилла и царя Эпира) к вдове троянского героя Гектора — Андромахе (на которой Пирр решил жениться). По словам самого Расина, созданный им образ Гермионы восходит к трагедии Эврипида «Андромаха», и потому Тургенев мог иметь в виду также и ее. *Содом-Гоморра!* — разврат (по названиям древних городов Палестины, которые, согласно библейской легенде, были разрушены огненным дождем и землетрясением за грехи их жителей). *In naturalibus* (лат.) — в естественном виде, т. е. голыми, обнаженными. *На Воскресенской* — улица в Петербурге.

94. Разговор. Стихотворение Ив. Тургенева (Т. Л.), СПб., 1845 (дата цензурного разрешения — 13 декабря 1844 г.), с цензурными

изъятиями ст. 36—41 (заменены двумя строками точек), 146—147, 354, второй половины 604, 605—607 (заменены тремя с половиной строками точек). Все эти изъятия восстановлены в изд. 1885 г. Автограф ст. 386—411 первоначальной редакции, с пометой: С.-Петербург, 15-го мая 1844 — ПД. В черновой рукописи, местонахождение которой в настоящее время неизвестно, дата: 20 августа 1844. С. Парголово (изд. 1885, с. 228; изд. 1891, с. 253). В изд. 1891 есть посвящение: «Посвящено ***»; кроме того, в подстрочных примечаниях приведены черновые варианты. С. Н. Кривенко сообщает: «Участвующий в разговоре старик везде называется монахом и отшельником и преобразился в старика, вероятно, исключительно, в видах цензурных. На стр. 4, 9 и 14 зачеркнуто и отчеркнуто несколько стихов, с отметкою на полях: «выкинуть ради цензуры»; но все места эти, внушавшие автору опасения, не были вымараны цензурой» (с. 253). Из черновых вариантов, приведенных в изд. 1891, отметим:

Ст. 15—16. А звезды вечные высоко над землею
Торжественно неслись в надменной тишине.

Ст. 59—60. Вздохнул задумчиво монах...
И, четки стиснувши в руках

Ст. 527. Прекрасных, гордых и святых?

Вариант автографа ПД:

Ст. 400—401. И летней ночи дивный сон,
И милой речи легкий звон

Сначала «Разговор» предполагалось поместить в № 10 ОЗ за 1844 г.; см. письмо Тургенева к А. В. Никитенко от августа — сентября 1844 г. (Письма, т. 1, с. 238—239). Краевского, сообщил ему Тургенев, «пугает слово «монах» — но Вы увидите, что монах у меня человек весьма почтенный; некоторые стихи я сам зачеркнул, потому что чувствовал их неуместность; а потому я и надеюсь, что Вы к остальным будете снисходительны». Что именно ответил Никитенко — неизвестно, но «Разговор» в ОЗ не появился и вышел отдельным изданием. Белинский читал «Разговор» в корректуре. Он сделал несколько стилистических замечаний, согласно которым Тургенев внес исправления, а в целом отозвался о поэме в письме к нему в высшей степени одобрятельно: «Что за чудная поэма, что за стихи!» (Белинский, т. 12, с. 247—248). В рецензии на «Разговор» (ОЗ, 1845, № 2) Белинский писал, что произведения Тургенева существенно отличаются от произведений других русских поэтов тех лет — и не только «крепким, энергичным и простым стихом, выработанным в школе Лермонтова, и в то же время стихом роскошным и поэтическим»; в них, прежде всего, «всегда есть мысль, озаменованная печатью действительности и современности и, как мысль даровитой природы, всегда оригинальная». Поэтому, считал критик, ст Тургенева можно многого ожидать в будущем, и он «будет иметь свое влияние на современную ему литературу». По сравнению с «Парашей» «Разговор» — большой шаг вперед: там «мысль похожа более на намек, нежели на мысль»; здесь она «с выпуклою и яркою определенностью представляется уму читателя». Эта основная мысль художественно воплощена в двух контрастных фигурах, представителях двух поколений: «юного стар-

ца», который «все еще живет воспоминаниями о своей прошлой жизни, так полно, так могущественно прожитой» и «старого юноши», непрерывно отравляемого и мучимого «каким-то неопределенным чувством внутренней пустоты, тайного недовольства собою и жизнью». «Всякий, кто живет и, следовательно, чувствует себя постигнутым болезнью нашего века — апатией чувства и воли при пожирающей деятельности мысли», утверждает Белинский, прочитав «Разговор», «глубоко, глубоко задумается» (Белинский, т. 8, с. 592—593, 599). Общая оценка «Разговора» в рецензии В. Майкова («Финский вестник», 1845, т. 2) совпадает с оценкой Белинского. Он отмечает богатство содержания и поэтические достоинства, сильную энергию и глубокую мысль поэмы. Каждый из двух ее героев «является, — по словам критика, — до некоторой степени представителем своего поколения, с его мечтами, желаниями, с его любовью, страстями, требованиями и взглядом на жизнь». Майков отмечает попутно, что ему не по душе, что Старик — отшельник. «Это могло бы лишить лицо старика характера действительности, если б, к счастью, не оставалось чем-то чисто внешним и не имеющим дальнейшего влияния на изображение этого лица». Симпатии Майкова больше склоняются на сторону Молодого человека. Старик, сильный и «вольный сердцем в своей юности, мог быть рабом женщины, с которою могла только смерть разлучить его». А вялый и хилый юноша не вынес «забывчивого покоя», его душа рвалась на простор. «Подумайте об этом, и вы почувствуете больше уважения к пустоте души молодого человека, чем к исполненному мечтаний строгому старику». Майков упускал из виду то значение, которое имела у Тургенева тема «трусости», несостоятельности в любви; любовь и тогда уже была для него проверкой героя и проявлением его более широких жизненных, общественных позиций. Ведь и очутившись на просторе, Молодой человек не обрел своего места в жизни, своего дела. Заканчивается рецензия сочувственными словами о страданиях человека, который «исполнен сил к труду, на поприще добра, и силы эти тяготят и томят его, потому что он чужд людям и лишний среди них, и преследует его отчаянье в других и в себе, и нет ему места на земле, и тяжела будет земля над ним!» (В. Н. Майков, Критические опыты, СПб., 1889, с. 117—121). Высокая оценка поэмы дана также в рецензии «Литературной газеты», появившейся еще до отзывов Белинского и Майкова (1845, 11 января). Поэма «задумана глубоко и выполнена превосходно»; стих ее отличается музыкальностью и «энергической сжатостью» («нам давно уже, с самой смерти Лермонтова, не случалось встречать таких стихов в русской поэзии»); она возбудит у читателя много важных вопросов. «Силу и глубину чувства» увидел в поэме и рецензент «Русского инвалида». «В изображении молодого человека, — писал он, — мы видим хоть не злую, но горькую сатиру на современное нам поколение, на малосильное бесстрашие которого с таким скорбным негодованием смотрел Лермонтов в своей „Думе“» (1845, 1 февраля). П. А. Плетнев с большой похвалой отозвался о вступлении к «Разговору» («прелесть и гармония стихов», «мечтательность истинно сердечная» и т. п.), но самая поэма не произвела на него впечатления. В речах Старика и Молодого человека он не увидел истины и убедительности. Антитеза, лежащая в основе «Разговора», по его мнению, придумана, а не основана на действительности (С, 1845,

№ 3; П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. 2, СПб., 1885, с. 475—477). См. также слова Плетнева о «Разговоре» в письме к Я. К. Гроту от 10 января 1845 г.: «Я после обеда читал стихи, но нашел их очень холодными, с претензией на философию о любви» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 2, СПб., 1896, с. 380). Весьма резкая рецензия появилась в «Москвитянине» (1845, № 2, с. 49—53). Автором ее является К. С. Аксаков.¹ Он называет Тургенева «неудачным подражателем» Лермонтова, поэму — «тепличным» произведением, характерным для современного «легкомысленного и... бесталанного направления», стих ее — вялым и бесцветным. В образе Молодого человека Аксаков увидел «холодный», с виду красивый и сильный, но в сущности жалкий, гнилой и бесплодный эгоизм», который отразился в некоторых произведениях Лермонтова, но отразился с исключительной силой и необыкновенным талантом. Аксаков подверг критике «Разговор» со славянофильских позиций. Тургенев, писал он, «возвещает, что предки ничего не сделали (имеется в виду последняя реплика Молодого человека. — И. Я.), а между тем лежат кучи томов, заключающих в себе их живое слово, множество деяний народных хранится в памяти нашей, много глубокой мысли лежит и теперь в началах жизни народа... Странно... это какое-то спокойное отрицание древней жизни предков». О рецензии Аксакова Белинский заметил, что в ней прекрасное произведение Тургенева «наповал разругано за то, что оно написано не в славянофильском духе» (статья о «Физиологии Петербурга» — ОЗ, 1845, № 8; Белинский, т. 9, с. 218). Рецензия на «Разговор» появилась также в «Библиотеке для чтения» (1845, № 2, с. 21—28), где дан издевательский разбор поэмы. Передавая спор Старика и Молодого человека, цитируя их речи, рецензент не только не стремится проникнуть в сущность их столкновения, но намеренно обесмысливает его. Он характеризует персонажей поэмы как «молодого лентяя, Чайльд-Гарольда Невского проспекта» и «хворого старичка, который живет Диогеном в сырой пещере». Следует отметить, что уже в статье «Русская литература в 1845 году» (ОЗ, 1846, № 1) Белинский, отдавая должное «удивительным стихам» и мысли поэмы, вместе с тем подчеркивал, что «в ней слишком заметно влияние Лермонтова», и оказывал предпочтение новой поэме Тургенева — «Андрей» (Белинский, т. 9, с. 390—391). А в отзыве 1848 г. (в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» — С, 1848, № 1) получает еще большее преобладание критическая нота: в «Разговоре» много чувства, ума и мысли, «но как эта мысль чужая, заимствованная, то на первый раз поэма могла даже понравиться, но прочесть ее вторично уже не захочется» (Белинский, т. 10, с. 345).

¹ И. Ф. Масанов (Словарь псевдонимов..., т. 1, М., 1956, с. 25), а вслед за ним М. О. Габель (Образ современника в раннем творчестве И. С. Тургенева. — «Ученые записки» Харьковского гос. библиотечно-института, вып. 4, 1959, с. 44) и Ак. изд. (т. 1, с. 535) ошибочно приписали ее И. С. Аксакову. Масанов сослался при этом на свидетельство Н. П. Колюпанова (Биография А. И. Кошелева, т. 2, М., 1892, с. 71), но Колюпанов пишет именно о К. С. Аксакове. Белинский также считал автором рецензии К. С. Аксакова; намек на это содержится в его статье о «Физиологии Петербурга» (Белинский, т. 9, с. 218, 742).

И звучно тих и золотист и т. д. Ср. в «Мцыри» Лермонтова: «И так прозрачно золотист Играющий на солнце лист!» Есть большое сходство с «Мцыри» и в синтаксически-интонационном строе (например, усилительное «так»). В *кустах рассыпались стрелки* — стих из «Полтавы» Пушкина. В этом отрывке имеется ряд реминисценций из «Полтавы». Например, предшествующий стих ср. со строками: «Ровняясь строятся полки» и в «В строях ровняются полки».

95. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым, СПб., 1846, с. 169, с цензурными изъятиями ст. 199, 243—244, 417—420, замененных отточиями; в ст. 444 отсутствует последнее рифмующееся слово. В оглавлении — подзаголовок «Рассказ в стихах». В тексте — рисунки А. Агина. Поэма была перепечатана Некрасовым в сб. «Для легкого чтения», т. 7, СПб., 1857, с. 256. Ст. 417—420 восстановлены в изд. 1885, с. 82 (с ошибкой в ст. 417: «офицерских» вместо «офицерах»; исправлена в изд. 1891, с. 84). Ст. 199 восстанавливаем по списку в арх. П. И. Вейнберга (ПД), хотя полной уверенности в том, что он соответствует тургеневскому, нет. Восполнить остальные цензурные изъятия пока не представляется возможным. На рукописи поэмы, местонахождение которой в настоящее время неизвестно, стояла дата (очевидно, дата окончания работы): 11 марта 1845 г. Москва (изд. 1885, с. 228; изд. 1891, с. 253). 28 марта 1845 г. Тургенев писал Белинскому: «Некрасов просит меня... отдать ему по обещанию — «Помещика» и требует ответа. Я все это дело предоставляю совершенно на ваше благоусмотрение, хотя не могу сказать, чтобы мне хотелось напечатать эту вещь отдельно; мне кажется даже, что она совсем не годится для отдельного напечатания. Может быть, с помощью поли-типажей она разойдется — но мне от этого не будет легче. Делайте, как знаете» (Письма, т. 1, с. 241). Судя по этому письму, первоначально предполагалось издать поэму, как до этого «Парашу» и «Разговор», отдельной брошюрой, но затем Некрасов включил ее в «Петербургский сборник» и переслал члену С.-Петербургского цензурного комитета А. В. Никитенко для просмотра (Некрасов, т. 10, с. 43). 30 октября 1845 г., докладывая о «Помещике» на заседании комитета, Никитенко привел несколько вызвавших его сомнение мест: два упоминания о богомолье в строфах 3 и 39 и строфу 28. Но комитет не нашел в них «ничего противного правилам цензуры» (Ю. Г. Оксман, И. С. Тургенев, вып. 1, Одесса, 1921, с. 109). В 1857 г., узнав о намерении перепечатать поэму в сб. «Для легкого чтения», Тургенев высказал свою досаду по этому поводу, но особенно беспокоила его 28-я строфа, и он потребовал ее изъятия. Тургенев писал об этом и П. В. Анненкову (6 января), и И. И. Панаеву (12 января), и Е. Я. Колбасину (26 января), и Некрасову (22 ноября) (Письма, т. 3, с. 80—83, 87, 167). «Весь «Помещик» — дрянь, и я никогда не согласился бы его перепечатать — ну уж бог с ними!», но «в «Помещике» есть мерзкая строфа (по поводу Аксакова), единственное мое литературное пятно — и если эта строфа напечатается — я принужден буду публично протестовать», — читаем в письме к Анненкову (там же, с. 80). Тревога Тургенева была вызвана и соображениями личного характера (нежелание портить отношения с Аксаковыми), и, возможно, историческим моментом; в предреформенные годы многие славянофилы занимали относительно прогрессивные позиции, во вся-

ком случае были сторонниками отмены крепостного права. Однако в настоящее время нет достаточных оснований для исключения 28-й строфы, как это сделано в Ак. изд. Причины, вызвавшие требование Тургенева, давно ушли в прошлое, а отсутствие этой строфы бесспорно обедняет поэму. К тому же нельзя не учитывать и следующих обстоятельств. В 28-й строфе имеются, конечно, намеки на К. С. Аксакова, его внешность («кадык», «мурмолка»), но образ «умницы московского» — отнюдь не индивидуальный портрет Аксакова и даже не собирательный портрет славянофилов, которые, как известно, не только не писали «донесений», но сами бывали их жертвами. Этот образ имеет и более широкий и более конкретный смысл. Речь идет о стороннике уваровской формулы «православие, самодержавие и народность», идей так называемой «официальной народности», о человеке, близком по своей идеологии к «Москвитянину» и его руководителям М. П. Погодину и С. П. Шевыреву, к его сорудникам Н. М. Языкову и М. А. Дмитриеву с их памфлетами, направленными против передовых деятелей, и прямыми стихотворными доносами. См. об этом в статье М. О. Габель «И. С. Тургенев в борьбе со славянофильством в 40-х годах и поэма „Помещик“» («Ученые записки» Харьковского гос. библиотечного института, вып. 6, 1962). Кстати сказать, Тургенев не проявил особой последовательности, поскольку не исключил из очерка «Однодворец Овсянников» («Записки охотника») сатирического портрета помещика Любозвонова, в котором также был опознан К. С. Аксаков. Прототипом главного героя — помещика Сергея Петровича — является некий С. П. Лагривый. Из «Воспоминаний о селе Спасском» В. Колонтаевой мы узнаем, что особым благоволением матери Тургенева пользовалась А. И. Губарева, состоявшая при ней «в качестве компаньонки». Она подарила Губаревой имение в 100 душ и выдала замуж за Лагривого. «Это незаконный сын одного из Кологривовых, очень добродушный человек, слегка простоватый и находившийся «под башмаком» своей бойкой супруги. . . Несомненно, Тургенев в своей поэме «Помещик» изобразил Лагривого, не переменяв даже его имени» (ИВ, 1885, № 10, с. 49).

Сразу после выхода «Петербургского сборника» появилось много рецензий и статей, в которых известное место уделялось и поэме Тургенева. Л. В. Брант и Ф. В. Булгарин в «Северной пчеле» (1846, 31 января и 1 февраля), С. П. Шевырев в «Москвитянине» (1846, № 2, с. 174—179), К. С. Аксаков в «Московском ученом и литературном сборнике на 1847 год» (М., 1846, с. 37—38), анонимный рецензент в «Иллюстрации» Н. В. Кукольника (1846, № 4, с. 59), А. В. Никитенко в «Библиотеке для чтения» (1846, № 4, с. 47—50) дали ей отрицательную оценку. Брант и Булгарин заявили, что «Помещик» — «явное, хотя и явно неудачное подражание «Евгению Онегину», а может быть, и пародия на Пушкина», что в поэме «нет ни завязки, ни развязки, ни смешного, ни веселого, ни жалкого, ни грустного, есть только стихи, т. е. строки, заостренные рифмами». Шевырев утверждал, что Тургенев «отличается не столько талантом, сколько смелостью»: после «Мертвых душ» с их галереей помещиков он «взялся за помещика в том же роде». Он обвинял Тургенева в бессодержательности, а «язык русский, — по словам критика, — не дается ему в стихах». К. Аксаков, в свою очередь, назвал поэму «вздором» и реши-

тельно отказал Тургеневу в юмористическом таланте.¹ В ином тоне написана статья Никитенко. По его мнению, Тургенев — умный писатель, но бледный художник, владеющий лишь внешним умением занимательного рассказа. «Как очерк нравов, — писал Никитенко, — статья эта есть повторение так называемых юмористических бесконечных нападений на нравы, и отчасти повторение одних и тех же карикатур». Не пора ли, заметил критик, «пойти далее и глубже от внешней стороны к стихиям помещичьих провинциальных нравов», где, вероятно, скрывается не одна только грязь, «но и золото». Не отрицая положительного влияния сатиры на общество, он высказался против односторонности и преувеличений, «выдуманннх пороков и выдуманнх добродетелей». Все эти отзывы тесно связаны с общим отношением их авторов к натуральной школе. Резко отличается от них оценка В. Г. Белинского. В статье о «Петербургском сборнике» (ОЗ, 1846, № 3) он несколько страниц уделил «Помещику». По его словам, это «легкая, живая, блестящая импровизация, исполненная ума, иронии, остроумия и грации. Кажется, здесь талант г. Тургенева нашел свой истинный род, и в этом роде он неподражаем. Стих легкий, поэтичен, блещет эпиграммой». Жанровую природу «Помещика» Белинский возвел к «Графу Нулину» и «Домику в Коломне» Пушкина, а затем — к «Модной лавке» И. И. Дмитриева и высмеял «Северную пчелу», увидевшую в поэме подражание «Евгению Онегину» (Белинский, т. 9, с. 567). «Помещик» — единственная поэма Тургенева, к которой он не охладел и впоследствии. Белинский не раз упоминал о ней в своих статьях и брал под защиту от нападок славянофилов. В последней своей крупной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (С, 1848, № 1), кратко обрисовав творчество Тургенева до «Записок охотника», Белинский заметил: «Наконец, г. Тургенев написал стихотворный рассказ — «Помещик», — не поэму, а физиологический очерк помещичьего быта, шутку, если хотите, но эта шутка как-то вышла далеко лучше всех поэм автора. Бойкий эпиграмматический стих, веселая ирония, верность картин, вместе с этим выдержанность целого произведения, от начала до конца, — все показывало, что г. Тургенев напал на истинный род своего таланта, взялся за свое и что нет никаких причин оставлять ему вовсе стихи» (Белинский, т. 10, с. 345). Высоко оценена поэма и в рецензии Ап. Григорьева («Финский вестник», 1846, т. 9, с. 31).² По его словам,

¹ В той же статье К. Аксаков с похвалой отозвался о «превосходном рассказе» «Хорь и Калиныч» — «вот что значит прикоснуться к земле и к народу: вмиг дается сила!»

² О принадлежности этой рецензии Григорьеву см.: Б. Ф. Егоров, Аполлон Григорьев — критик («Ученые записки» Тартуского гос. университета, вып. 98, 1960, с. 218—219). Авторство другой рецензии Григорьева на «Петербургский сборник», опубликованной в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» (1846, 9 февраля), установлено Н. И. Мордовченко в его статье «Неизвестная рецензия Ап. Григорьева на «Петербургский сборник» Некрасова» («Ученые записки» Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67, 1948, с. 114—119). В этой рецензии содержится та же оценка поэмы Тургенева, которая дана в «Финском вестнике». В Ак. изд. (т. 1, с. 545—546) рецензия «Финского вестника» приписана почему-то В. Н. Майкову.

Тургенев — «поэт школы Лермонтова, поэт талантливый и покамест еще не оцененный по достоинству». На его произведениях почти всегда лежит «клеймо Пушкина или Лермонтова, из которых с первым роднит его помещичий элемент, а со вторым современные вопросы», но это отнюдь не лишает его «самобытности». Полемизируя с Шевыревым, Григорьев увидел в поэме «множество живо подмеченных черт», «злой юмор», «содержание, прямо выхваченное из русской жизни». Критик подчеркнул, что местами в поэме «мелькают... задушевные вдохновения автора». Так, он отметил «превосходное лирическое место»: «Ребенок бедный мой! Ты будешь женщиной несчастной» и т. д. (строфы 23 и 24). «Остроумным, легким, прелестным рассказом в стихах» назвал «Помещика» рецензент «Русского инвалида» (1846, 12 февраля). Через год после выхода «Петербургского сборника» был напечатан «рассказ в стихах» Е. А. Вердеревского «Вторая жизнь» (Е. Вердеревский, Октавы, ч. 2, СПб., 1847). И в его сюжете, и в образах героев (помещика и его жены) ощущаются явные следы влияния «Помещика» Тургенева.

Столбовой — представитель старинного дворянского рода. *Притом хозяин превосходный*. Ср. в «Евгении Онегине» Пушкина: «Гвоздин, хозяин превосходный» (гл. 5, строфа 26). *Санхоньятон* (Санхониатон) — полумифический финикийский писатель, живший, согласно античной традиции, в XII в. до н. э. Ему приписывалась «История Финикии», которую якобы перевел на греческий язык в I в. н. э. писатель Филон Библиский. От этого произведения сохранились лишь отрывки в сочинениях церковных писателей. В 1836 г. в Португалии, в одном из монастырей, были найдены многие древние рукописи, в том числе полный текст этого перевода (см. заметку «История, написанная Санхониатомом» в «Журнале Министерства народного просвещения», 1836, № 6, с. 633—636). находка наделала много шума. В 1837 г. перевод вышел в Ганновере, но скоро было доказано, что это подделка. *Зубрил «Республику» Платона*. Имеется в виду известный диалог древнегреческого философа Платона (427—347 до н. э.) «Государство», в котором изложен его идеал общественного строя. *Длинную статью О божествах самофракийских*. «О божествах самофракийских» — заглавие работы немецкого философа Ф.-В. Шеллинга (1775—1854), под влиянием которой, как намекает Тургенев, написал свою статью немец-гувернер Адам Адамыч (См.: В. Н. Горбачева, Молодые годы И. С. Тургенева, М., 1926, с. 33). *Среди не чуждых им клопов*. Пародийное использование, «перепев» строки из стих. Пушкина «Клеветникам России»: «Среди не чуждых им гробов». *И разорился б наконец*. Ср. в «Евгении Онегине»: «И промотался наконец» (гл. 1, строфа 3). *И на этом океане* и т. д. Не вполне точная цитата из стих. В. Г. Бенедиктова «Напоминание». У Бенедиктова: «Через дымку, как в тумане. До «степняков» и до «медведей» — т. е. живущих в степной глуши, уединенно, в «медвежьих углах». *И дочь ее в семнадцать лет*. Реминисценция из «Руслана и Людмилы» Пушкина: «А девушке в семнадцать лет Какая шапка не пристанет!» *Донское* — шипучее вино, похожее на шампанское. *И барышень «имел в предмете»*. Иметь в предмете — думать о ком-нибудь, иметь в виду кого-нибудь. Здесь вероятно реминисценция из «Полтавы» Пушкина: «Одно имела я в предмете: Твою любовь». *Какое пестрое собрание...* Ср. в «Братьях разбойниках» Пушкина: «Какая смесь одежд и лиц,

Племен, наречий, состояний». *Коринна* — героиня романа французской писательницы Ж. Сталь (1766—1817) «Коринна, или Италия». Коринна — одаренная женщина, поэтесса и артистка, противопоставлена окружающей ее прозе и обыденщине. Имя ее стало нарицательным для обозначения женщины с возвышенным строем души. *Парис* (греч. миф.) — троянский царевич, отличавшийся исключительной красотой. В современном языке имя Париса стало синонимом слов «красавец», «соблазнитель» — иногда с ироническим оттенком. *Без одобренья, без участия* и т. д. Ср. в «Демоне» Лермонтова: «Без сожаленья, без участия Смотреть на землю станешь ты. . .» *Стоит закондатель бальный*. Ср. в «Евгении Онегине» Пушкина: «В дверях: другой диктатор бальный» (гл. 8, строфа 26). *Крик, хохот, топот, говор, звон*. Ср. в «Евгении Онегине»: «Шум, хохот, беготня, поклоны» (гл. 7, строфа 53), «Шум, хохот, давка у порога» (гл. 5, строфа 25). *Фалетор* — фореитор, при запряжке цугом кучер, сидящий верхом на одной из передних лошадей. *За бешенных коней Отдав полцарства, даже царство*. Здесь использованы слова Ричарда III в одноименной трагедии Шекспира (д. 5, сц. 4). В переводе Н. Х. Кетчера: «Коня! коня! все царство за коня!» *Тарантас. . . набок*. Ср. в «Графе Нулине» Пушкина: «Коляска набок». *Не верил собственным глазам*. Ср. в «Евгении Онегине»: «Ленский сам Не верил собственным глазам» (гл. 5, строфа 41). *Угодник* — христианский святой. *Просвира* — особый хлебец, употреблявшийся в христианском богослужении.

96. ОЗ, 1846, № 1, с. 1, с датой: 1845. В черновой рукописи, местонахождение которой в настоящее время неизвестно, поэма первоначально называлась «Любовь», но затем это заглавие было зачеркнуто и заменено на «Андрей» (изд. 1885, с. 228; изд. 1891, с. 253). В предисловии и в примечаниях к изд. 1891 (с. II—III, 254) С. Н. Кривенко привел некоторые черновые варианты. Факсимиле ст. 1222—1245 — на с. XVII того же издания. 28 марта 1845 г. Тургенев писал Белинскому, что оканчивает поэму «Недолгая любовь» и намеревается напечатать ее «либо отдельно, либо отдавши вам (если план, о котором вы мне говорили, состоится)» (Письма, т. 1, с. 242). Некоторые подробности о работе Тургенева над поэмой имеются в «Воспоминаниях о селе Спасском» В. Колонтаевой (ИВ, 1885, № 10, с. 63—64).

В том же номере ОЗ, где появился «Андрей», была напечатана статья Белинского «Русская литература в 1845 году». Бегло коснувшись новой поэмы, критик заметил, что «в этом последнем роде талант г. Тургенева гораздо свободнее, естественнее, оригинальнее, больше, так сказать, у себя дома, нежели в „Разговоре“» (Белинский, т. 9, с. 391). В следующем годовом обзоре «Андрей», как и «Помещик», также назван в числе лучших стихотворных произведений (Белинский, т. 10, с. 37). Однако, еще через год, сравнивая поэму с «Помещиком» и, особенно, с прозаическими произведениями Тургенева — прежде всего с первыми рассказами из «Записок охотника», критик отозвался об «Андрее» более сдержанно, хотя и не отрицал его некоторых достоинств. «В третьей поэме г. Тургенева — «Андрей», — писал Белинский, — много хорошего, потому что много верных очерков русского быта; но в целом поэма опять не удалась, потому что это повесть любви, изображать которую не в таланте автора..

Письмо героини к герою поэмы длинно и растянуто, в нем больше чувствительности, нежели пафоса». «Вообще в этих опытах г. Тургенева, — замечен талант, но какой-то нерешительный и неопределенный» (Белинский, т. 10, с. 345, статья «Взгляд на русскую литературу 1847 года»). Резко отрицательно отнесся к поэме Я. К. Грот. «Сбираясь прочесть «Андрея» Тургенева... — писал он П. А. Плетневу 26 февраля 1846 г., — я прежде принялся за «Домик в Коломне» — сколько тут ума, грации, народности! В «Андрее» шутки некстати и топорны, сюжет стар и ничтожен, исполнение неискусно» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 2, СПб., 1896, с. 684—685). Ст. 969—984 положены на музыку Н. Ф. Дингельштедом, О. Донауровой, И. М. Кузьминским и А. Д. Кастальским (последним — в опере «Клара Милич»).¹

Эпиграф — из «Руслана и Людмилы» Пушкина (начало 1-й песни). *Пегас* (греч. миф.) — крылатый конь бога солнца и света, покровителя искусств, предводителя муз Аполлона; символ поэтического вдохновения. *Скучал он не как байронов Корсар* и т. д. Корсар — герой одноименной поэмы Байрона, человек пламенных страстей, непонятый людьми и во всем разочаровавшийся. Его романтическая тоска, «мировая скорбь» противопоставлена скуке русского помещика-дворянина. Многие русские дворянские роды происходили от татарских царевичей и мурз, поступивших на службу к русским князьям. «Много наших дворян, — читаем в записке Тургенева «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», — происхождения иностранного — татарского, литовского и т. д., но они явились в Россию в х о з я ц а м и, не победителями, принимали нашу веру, наши обычаи, и уже дети их были чисто русские» (Ак. изд., т. 1, с. 461). *Погребальный... марш Бетховена* — похоронный, траурный марш, составляющий вторую часть «Героической симфонии» Бетховена. «*Соловей Мой, соловей!*» — начальные слова стих. А. А. Дельвига, положенного на музыку А. А. Алябьевым. *Эмпирей* — по представлениям древних греков и ранних христиан, самая высокая часть неба, наполненная огнем и светом, местопребывание богов (у греков) или святых (у христиан); в переносном смысле — высь, воздушное неземное пространство; витать в эмпиреях — предаваться мечтам, жить в отрыве от реальной действительности. *Смотри Шекспира*. По-видимому, речь идет о словах Гамлета из его письма к Офелии (д. 2, сц. 2). Приводим их в прозаическом переводе: «Сомневайся, что звезды горят, сомневайся, что солнце движется в небесах, сомневайся, что истина не может быть лжецом, но никогда не сомневайся, что я тебя люблю!» Тургенев вспомнил эти слова, приписав их по ошибке Ромео, через двадцать с лишним лет. 19 февраля 1868 г. он писал М. А. Милутиной: «Кажется, Ромео говорит у Шекспира: „Сомневайся в солнце, в боге, но в любви моей не сомневай-

¹ Кроме отмеченных выше стихотворений «Весенний вечер» и «Перед охотой», в либретто оперы Кастальского использованы также — большей частью с существенными изменениями — другие места из поэмы «Андрей», отрывки из поэм «Параша» и «Помещик», стихотворений «Толпа», «Когда давно забытое названье...», «Один, опять один я. Разошлась...»

ся» (Письма, т. 7, с. 68). *Фоблаз* — герой скабрезного романа французского писателя Ж.-Б. Луве де Кувре (1760—1797) «Любовные приключения кавалера де Фобласа», молодой аристократ, жизнь которого является цепью любовных историй. *О Турции, гонимой злым роком*. В середине XIX в. ясно обозначились признаки распада феодальной Турции. Осторожные буржуазные реформы не могли его приостановить. К тому же эти реформы вызвали внутри страны сильное сопротивление. Европеизации Турции препятствовали и великие державы, опасавшиеся, что обновление Турции ослабит ее зависимость от иностранного капитала. *На время быстрое пеня* — т. е. пеня, досадуя. *Боссюэ* (Боссюэ) Ж.-Б. (1627—1704) — французский историк, богослов, проповедник, писавший о божественном предопределении в историческом процессе. Одна из книг Боссюэ, в которой развивалась эта мысль, «Discours sur l'histoire universelle» («Рассуждение о всеобщей истории»), имела в библиотеке Тургенева в Спасском. *Стои вот здесь навек!* Отголосок «Фауста» Гете (ч. 2, д. 5), слова из последнего монолога Фауста (приводим их в прозаическом переводе): «Мгновенно мог бы я сказать: остановись же, ты так прекрасно!» *Я благодарна вам... Вы правы... правы!* Ср. в «Евгении Онегине»: «Вы были правы предо мной. Я благодарна всей душой» (гл. 8, строфа 43). *Террас* — терраса. Ст. 1049—1245. Как указывают исследователи Тургенева, письмо Дуняши к Андрею имеет не только литературные источники (письмо Татьяны к Онегину). Л. В. Крестова в статье «Татьяна Бакунина и Тургенев» (сб. «Тургенев и его время», М.—Пг., 1923, с. 46—48), сопоставляя его с письмами Бакуниной к Тургеневу, приходит к выводу, что в его основе лежат и автобиографические мотивы. Ст. 1225—1231 ср. с последним четверостишием стих. Пушкина «Что в имени тебе моем?..».

97. XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1884, с. 209, с подзаголовком «Начало поэмы». М. К. Клеман датирует «Графиню Донато» 40-ми годами, без дальнейшего уточнения (Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева. — Сб. «И. С. Тургенев», Л., 1934, с. 345). По всей вероятности, написана примерно тогда же, когда «Филиппо Стродзи».

Творец Ерусалима — итальянский поэт Т. Тассо (1544—1595), автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». Вызванный в Рим папой Климентом VIII, Тассо умер за несколько дней до увенчания его лавровым венком и связанных с этим торжеств. *Сокольниковый* — придворный, ведавший соколиной охотой.

98. Там же, с. 212. 11 октября 1847 г. Н. А. Некрасов писал А. В. Никитенко: «Есть у Вас стихотворение Тургенева «Филиппо Стродзи», которое нам хотелось бы напечатать в этой книжке. Сделайте одолжение... просмотрите его и пришлите» (Некрасов, т. 10, с. 79). Однако ни в С, ни вообще при жизни Тургенева поэма опубликована не была — возможно, по причинам цензурного характера, хотя никакими данными на этот счет мы не располагаем. Уже в 1884 г., когда сборник Литературного фонда был напечатан, просматривавший его цензор Воронич увидел в поэме Тургенева призыв к царевубийству. Он писал в своем рапорте С.-Петербургскому цензурному комитету: «В этом стихотворении воспроизводится личность

итальянца Филиппо Стродзи, известного борца за свободу во времена царствования императора Карла V. Филиппо Стродзи, возмущенный произволом власти родственного императору Александра Медичиса, приносит на последнего жалобу Карлу V, но безуспешно: «цари друг другу все сродни», говорит автор. Тогда Стродзи решается погубить «надменного владыку», что и приводит в исполнение, а засим погибает и сам. Обращаясь как бы к народу, автор заключает. . .» (далее следуют ст. 131—139). Но цензурный комитет не признал опасения Вороница, связанные с современной русской действительностью, основательными: «Стихотворение Тургенева. . . воспроизводит общеизвестный исторический факт из истории Флоренции в конце XV и начале XVI столетия. Невозможно допустить со стороны автора никакого тенденциозного замысла сблизить или применить это средневековое событие к несчастному событию 1881 года (т. е. к убийству Александра II. — И. Я.). Упрек толпе, скоро забывшей знаменитого патриота, погибшего за отечество, никак не может быть понят в смысле оправдания современных нам преступных покушений и волнений. Медичисы правили Флоренцией, но не были ее наследственными монархами. Стродзи восстал против их злоупотреблений как патриот» (Документы по истории литературы и общественности, вып. 2: И. С. Тургенев, М.—Пг., 1923, с. 105—106).

Герой поэмы — Филиппо Джамбатиста Строцци (1488—1538), итальянский политический деятель. Вел длительную борьбу против господства Медичи во Флоренции и в 1527 г. принимал активное участие во флорентийской революции. Однако в 1530 г., под давлением папы Климента VII (Джулио Медичи), помог Алессандро Медичи захватить власть. Убедившись, что он способствовал усилению тирании, Ф. Строцци вскоре возобновил борьбу. Тургенев знал, по всей вероятности, драму А. Мюссе «Лоренцаччо» (1834), действующими лицами которой также являются Филиппо Строцци, Лоренцо и Алессандро Медичи. Отметим, что слова Тургенева «В нем древний римлянин воскрес» (ст. 15) перекликаются со словами Строцци в драме Мюссе: «Я сидел согбенный над книгами и мечтал для моей родины о том, что восхищало меня в древности» (д. 2, сц. 5). Несколько раз упоминается у Мюссе, по аналогии, и М.-Ю. Брут (д. 3, сц. 3). Может быть, Тургенев знал и флорентийскую хронику («Storia fiorentina. . .») итальянского историка и поэта Б. Варки, современника и единомышленника Ф. Строцци. В этой хронике изложены события 1527—1538 гг., т. е. того времени, о котором говорится в поэме Тургенева.

В отчизне Данта — т. е. во Флоренции, где родился и провел значительную часть своей жизни, до изгнания, Данте. *Монах немецкий* — Мартин Лютер (1483—1546), глава церковной реформации в Германии, основатель протестантского вероисповедания (лютеранства), выступавший против католической церкви и ее догматов. Папский престол занимали в это время Лев X (Джованни Медичи), а затем Климент VII. *Тосканская столица* — Флоренция, столица Тосканы, области в северной Италии. *Зенон* (ок. 336—264 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель философского учения, получившего название стоицизма. Стоики считают, что высшая мудрость и внутренняя свобода человека достигаются тогда, когда он, познав разумную связь и закономерность вещей, живет сообразно природе и сооб-

разно разуму, подчиняя ему аффекты и страсти. *Медичисы* — Медичи, флорентийский род, правивший во Флоренции с середины XV до середины XVIII в. (с перерывами). *Со времени великого Козьмы*. Речь идет о Козимо Медичи Старшем (1389—1464). Неограниченный правитель Флоренции в течение тридцати лет (с 1434 г.), он, однако, не уничтожил республиканских учреждений, много сделал для укрепления политического значения и экономики Флоренции, покровительствовал литературе и искусству. *Карл V* (1500—1558) — испанский король и император «Священной Римской империи германской нации». Способствовал возвращению во Флоренцию изгнанных отсюда Медичи. В 1534 г. Алессандро (Александр) Медичи (1510—1537) стал первым флорентийским герцогом. *Лоренцино* — Лоренцо или Лоренцаччо Медичи; убил своего родственника Алессандро в 1537 г. *Другой Козьма* — Козимо I Медичи (1519—1574), великий герцог Тосканы в 1537—1574 гг. *Его разбили, взяли в плен*. Это было в августе 1538 г., к которому и относится действие поэмы. *Брут* М.-Ю. (85—42 до н. э.) — политический деятель Древнего Рима, глава заговора против Юлия Цезаря и один из участников его убийства. В сражении с преемником Юлия Цезаря — Гаем Октавием (63—14 до н. э.), впоследствии первым римским императором, потерпел поражение и кончил жизнь самоубийством. *Но прежде чем себе нанес он рану*. Ф. Строцци покончил с собою в сентябре 1538 г. *Латинская эпопея* — «Энеида» Вергилия. Имеется в виду проклятие Дидоны бросившему ее Энею: «Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor» — «Из моих костей (т. е. из моего праха) восстанет некий мститель» (песнь 4, ст. 625). *Филиппов сын погиб в земле чужой* и т. д. Маршал Франции Пьетро Строцци был убит при осаде города и крепости Тионфранго (Диденгофена) в Лотарингии в 1558 г. *Внук Филиппа* — Филиппо Строцци (1541—1582), генерал французской службы. Отправившись во главе флота на помощь провозглашенному португальским королем Антонию, был взят в плен испанским адмиралом Санта-Крус и по его приказу брошен в море.

ПЕРЕВОДЫ

99. «Русская мысль», 1912, № 12, с. 146, в письме Тургенева к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 27—29 августа 1840 г. Автограф — ПД. Перевод песенки Клерхен «Freudvoll Und leidvoll...» из 3-го действия трагедии Гете «Эгмонт». Посылая его своим друзьям, Тургенев писал: «Сегодня вспомнил мой перевод песенки Slächchen в «Эгмонте». Сообщаю... Не то чтоб я считал его удачным — а так, просто так... Я придумал нечто вроде музыки на эти слова и пел их целый день. Как они далеки от оригинала, я чувствую глубоко — да что мне за дело. Das deutsche Lied klingt in mir, wenn ich dieses singe:¹ но мне приятно, что я, русский, выражаюсь тогда по-русски. Вот все» (Письма, т. 1, с. 199). Через несколько лет в статье по поводу перевода «Фауста», Тургенев писал: «Первым и последним словом... всей его жизни было, как у всех поэтов, его собственное я; но в этом я вы находите целый

¹ Немецкая песня звучит во мне, когда я пою это (нем.). — *Ред.*

мир — и сознание громадности этой личности до того сильно действует на вас, что какая-нибудь небольшая песенка Клерхен, в которой говорится только то, что без любви нет счастья на земле... поражает вас так, как будто ни вам самим, ни другому ничего подобного в голову не приходило» (Ак. изд., т. 1, с. 223). О тургеневском восприятии Гете см.: В. М. Жирмунский, Гете в русской литературе, Л., 1937, с. 357—367; K. Schütz, Das Goethebild Turgeniews, Bern — Stuttgart, 1952.

100. ОЗ, 1844, № 6, с. 220, с датой: Сентябрь. 1843, подпись: Т. Л. Опечатки в ст. 55 («вод» вместо «воя»), 145 («уж» вместо «где»), 192 («зашел он» вместо «зачем он») устранены в Соч., т. 11, с. 231—239; см. также Ак. изд., т. 1, с. 518. В статье по поводу перевода «Фауста» Тургенев писал: «Гретхен, этот бедный, глупый, обманутый ребенок, в этой сцене не в тысячу ли раз выше умного Фауста, который с торопливым смущением умоляет ее бежать вместе с ним, хотя он очень хорошо знает, что комедия с Гретхен разыграна и что вся эта любовь, говоря гетевским слогом, относится к его прошедшему? Да, «он совершил то, что ему следовало совершить»... но он не ожидал кровавой развязки; он испуган, он желает спасти ее, хотя горе ей, если он действительно спасет ее от смерти!.. Но пошлость не восторжествует на этот раз: Гретхен удостоивается трагической кончины, и ее последним, страшным криком заключается вся трагедия...» (Ак. изд., т. 1, с. 233). В статье «Русская литература в 1844 году» Белинский с похвалой отозвался о переводе Тургенева (Белинский, т. 8, с. 485). В 1859 г. М. Л. Михайлов, отметив, что ни один из русских переводчиков «Фауста» не отвечает предъявляющимся к ним высоким требованиям, прибавил: «за исключением разве И. С. Тургенева, переведшего истинно превосходно последнюю сцену в темнице, но, к сожалению, одну только эту сцену» («Русское слово», 1859, № 10, с. 33, рецензия на сочинения Э. И. Губера). Губер Э. И. (1814—1847) — поэт и переводчик; ему принадлежит первый полный стихотворный перевод первой части «Фауста», законченный в 1835 г.; он был запрещен цензурой и появился лишь в 1838 г.

101. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым, СПб., 1846, с. 512 (дата цензурного разрешения — 12 января 1846 г.). Перевод стих. «Hörest du, Liebchen, das muntre Geschrei den Flaminischen Weg her?..» из цикла «Römische Elegien», XII. Еще в 1839 г. Тургенев писал Т. Н. Грановскому: «Я все не перестаю читать Гете. Это чтение укрепляет меня в эти вялые дни. Какие сокровища я беспрестанно открываю в нем! Вообразите — я до сих пор не читал «Римских элегий». Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! Гете — в Риме, в объятиях римлянки! Особенно 3-я, 5-ая, 7-ая, 12-ая и 15-ая. Эти элегии огнем пролились в мою кровь» (Письма, т. 1, с. 176). С похвалой отозвался о переводе В. Г. Белинский в статье о «Петербургском сборнике» (Белинский, т. 9, с. 575). *Квириты* — в Древнем Риме название римских граждан (главным образом не военных). *Церера* (римск. миф.) — богиня плодородия и земледелия. В греческой мифологии ей соответствует Деметра. *Тайные пиры Элевзиса* — элевзинские мистерии, аграрные

празднества в честь Деметры, сопровождавшиеся таинственными обрядами (от названия города Элевзиса — недалеко от Афин, — где процветал культ Деметры). После завоевания Греции были перенесены и в Древний Рим. В стихотворении описан обряд посвящения. *Язион* — древнее критское божество земледелия. Согласно одному из мифов, Язион сочетался с Деметрой браком на трижды вспаханном поле.

102. Там же, с. 501. Перевод стих. Д.-Н. Байрона «Darkness». Пропуски, обозначенные отточиями, возможно цензурного происхождения. Положительная оценка перевода дана в статье Белинского о «Петербургском сборнике» (Белинский, т. 9, с. 575).

103. ИВ, 1885, № 12, с. 731. Перевод песни Фортунно из комедии французского писателя-романтика А. де Мюссе (1810—1857) «Le chandelier» (д. 2, сц. 3). Сделан, по-видимому, во второй половине 40-х годов, когда Тургенев проявлял большой интерес к драматургии Мюссе. Муз. М. В. Мильмана.

104. Е. А. Баратынский, Сочинения, М., 1869, с. 507 (книга вышла в 1868 г.; см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 3 ноября 1868 г. — Письма, т. 7, с. 235). Не раз повторявшееся в тургеневской литературе указание, что перевод напечатан в 1854 г., не соответствует действительности. При этом Орловский (с. 209) ссылался на несуществующее издание стихотворений Баратынского 1854 г., а М. К. Клеман (Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева. — Сб. «И. С. Тургенев», Л., 1934, с. 352) и Б. М. Эйхенбаум (Соч., т. 11, с. 634) — на № 10 С за 1854 г. Отрывок, как установлено И. С. Чистовой (Ак. изд., т. 13, с. 689), — перевод последней строфы стих. Вольтера «Jean qui pleure et qui rit» («Жан, который плачет и который смеется»). Она процитирована в письме Е. А. Баратынского к матери 1816 г. В 1854 г. Тургенев познакомился с вдовой Баратынского, которая вручила ему альбом, куда вписала «все, что осталось от ее мужа, письма и пр.». «Можно будет составить довольно любопытную статью», — писал Тургенев С. Т. Аксакову 31 мая 1854 г. (Письма, т. 2, с. 222). Осенью того же года, 15 октября, он сообщил Некрасову: «Статейка о Баратынском почти кончена — письма его все переписаны (там же, с. 231). Однако статья, по-видимому, так и не была завершена, во всяком случае не дошла до нас. В № 10 С появились подготовленные Тургеньевым к печати пятнадцать стихотворений Баратынского, а в примечании было помещено его письмо, обращенное к редакторам журнала (с. 147—148). «Кроме дозволения напечатать эти стихотворения, — писал Тургенев, — я получил от г-жи Баратынской небольшое, но драгоценное собрание писем ее покойного мужа к ней, к Пушкину и др. и также несколько писем Дельвига к Баратынскому. Письма эти, вместе с небольшой вступительной статьей, также назначены мною в ваш журнал, но прежде чем посылать их к вам, я решаюсь обратиться с просьбой ко всем друзьям и приятелям Баратынского: не захотят ли те из них, у которых находятся его письма, прислать мне их в копиях для приобщения к собранию писем, порученному мне лестной доверенностью г-жи Баратынской?.. Последним сроком назначается 1 января 1855 года». Таким

образом, публикация намечалась на 1855 г., но осуществлена в С не была. В собрании сочинений Баратынского 1868 г. (с. III) указано, что письма поэта, кроме адресованных Н. В. Путяте, печатаются впервые и что письма «из-за границы, писанные на французском языке, переведены И. С. Тургеневым» (заметим попутно, что письмо к матери 1816 г., где процитирован отрывок из Вольтера, написано на французском языке, но не из-за границы; вряд ли эта неточность дает, однако, основания усомниться в том, что перевод сделан Тургеневым). Трудно сказать с уверенностью, когда переведен отрывок из Вольтера: в 1854—1855 г., во время работы над статьей о Баратынском и подготовки публикации писем поэта или при подготовке издания 1868 г. Более вероятно первое предположение. *Гераклит* Эфесский (ок. 530—470 до н. э.) и *Демокрит* (ок. 460—370 до н. э.) — древнегреческие философы; в данном контексте — «вечно плачущий» пессимист и оптимист; как и *Jean qui pleure* и *qui rit*, — символы двух взглядов на мир, из которых первый все без исключения рисует в дурном, а второй в благожелательном свете.

105. Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа, СПб., 1868. Стихотворение считалось оригинальным произведением Тургенева, но недавно установлено (в заметке Т. П. Ден в Т. сб., т. 1, с. 254—256), что это перевод стих. немецкого поэта Эдуарда-Фридриха Мерики (1804—1875) «*In der Frühe*». Об интересе Тургенева к Мерики и характере его перевода, о знакомстве двух писателей см. статью А. Н. Егунова «Тургенев и Э. Мерики» в сб. «И. С. Тургенев» (Орел, 1960, с. 228—239); см. также статью Р. Б. Заборовой «О переводах Тургенева из Мерики и Гейне» в Т. сб. (т. 2, с. 175—182). И «На заре» и ряд других переводов сделаны уже после того, как Виардо положила на музыку оригиналы, с ориентацией на музыкальный текст.

106. Два романса на слова Гете и Е. Тюркети в переводе И. С. Тургенева. Музыка Полины Виардо-Гарсиа, СПб., (1869). Перевод стих. Гете «*Vor Gericht*». Оно было очень популярно в России в 60—70-е годы. «Своей популярностью эта баллада обязана социальной теме, которую Гете разрешает в духе передовой морали своего времени — оправданием „падшей“» (В. Жирмунский, Гете в русской литературе, Л., 1937, с. 464). Упоминание об этом романсе см. в письме Тургенева к П. Виардо от 7—8 июня 1868 г., в котором он сообщает, что передал его издателю Иогансену (Письма, т. 7, с. 157—158).

107. Там же. Перевод стих. французского поэта-романтика Эдуарда Тюркети (1807—1867) «*Vois-tu la nuit...?*», которое вошло в его сборник «*Primavera*», изданный в 1841 г. Оно было положено на музыку П. Виардо задолго до перевода Тургенева; см. «*Album de m-me Viardot-Garcia*», Paris, 1843. Об этом романсе см. письма Тургенева к Виардо от 9 мая 1844 г. и 26 июля 1849 г. (Письма, т. 1, с. 237, 358).

108. Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мерики и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку

Полиною Виардо-Гарсиа, СПб., (1871). Больной, далекий от оригинала перевод стих. «Märchen» немецкого музыкального критика, композитора и малозаметного поэта, друга семьи Виардо Рихарда Поля (1826—1896). 18 февраля 1871 г. Тургенев писал П. Виардо из Петербурга: «Завтра схожу к Иогансену насчет романсов, которые я перевел» (Письма, т. 9, с. 21). 6 марта он известил Виардо, что «еще раз и очень тщательно просмотрел текст русского перевода романсов» и сделал кое-какие изменения, а издатель Иогансен уже отправил их в печать (там же, с. 40). *Сильф* — в кельтской и германской мифологии легкое и подвижное существо, олицетворяющее стихию воздуха.

109. Там же. Перевод стих. Р. Поля «Verfehltes Leben».

110. Там же. Вольный перевод стих. Р. Поля «Allein». В стих. Поля — шесть стрóf.

111. Там же. Перевод стих. Э. Мерике «Der Gärtner». Автограф первоначального текста — ГПБ. 27 февраля 1871 г. Тургенев писал П. Виардо: «Я думаю послать вам мои русские тексты «Gärtner» и «Es ist ein schlechtes Wetter» («Что за погода злая» — из Гейне). Я выбрал эти два текста потому, что они самые трудные из всех. И дальше о первой строфе «Садовника»: «Лошадь принцессы «Белоснежки» стала вороной, как сталь, но это тоже естественно» (Письма, т. 9, с. 370). У Мерике: лошадка белая как снег («so weiß wie der Schnee»). Печ. по автографу, поскольку ст. 3—4 («Княжна молодая Скок! передо мной») приспособлены к вокальному исполнению. Тургенев перевел стихотворение и на французский язык; текст перевода см. в Ак. изд., т. 13, с. 516.

112. Там же. Перевод стих. Э. Мерике «Agnes» («Rosenzeit! Wie schnell vorbei...»). Автограф первоначального текста — ГПБ, в письме Тургенева к П. Виардо от 3 марта 1871 г. В нем ст. 1—2 второй строфы:

По полянам вокруг меня,
Вкруг меня.

Исправление внесено Тургеневым, по-видимому, в последний момент. Вряд ли можно объяснить его «необходимостью подтекстовки стихов к мелодии», как считает Р. Б. Заборова (Т. сб., т. 2, с. 178). Оно имеет смысловой характер. В нотах эти строки менее благозвучны, но дело в том, что жнут не на полянах, а на полях. Пышная перевод Виардо, Тургенев писал: «Перевод «Rosenzeit» восхитителен (!?!) — вот: посудите сами». И далее: «Смею думать, что маленькое изменение, внесенное мною в последнюю строфу, служит ей на пользу — и Мерике принял бы его» (Письма, т. 9, с. 372). Последняя строфа стих. Мерике:

Oben auf des Hügels Rand
Abgewandt,
Weinn' ich bei der Linde;
An dem Hut mein Rosenband
Von seiner Hand
Spielet in dem Winde.

(Наверху на краю холма, отвернувшись, я плачу у липы; на шляпе моя розовая лента, его подарок, играет на ветру).

113. Там же. Перевод стих. Г. Гейне «Das ist ein schlechtes Wetter...» Автограф первоначального текста — ГПБ. 3 марта 1871 г. Тургенев писал П. Виардо, что в посланный ей текст перевода, т. е. в автограф ГПБ, необходимо внести исправление. «Два последних стиха... неточны. Нужно читать:

«Пушистые кудри мягко
Льются на нежный лик».

Потому что во 2-м стихе ударение падает на „Über das süsse Gesicht“» (Письма, т. 9, с. 372). До этого было:

Пушистые кудри льются
Волной на нежный лик.

Затем Тургенев во второй раз исправил последний стих: «Льются на розовый лик». В печатный текст он внес еще несколько изменений.

114. «Русская литература», 1966, № 2, с. 196. Печ. по Ак. изд., т. 13, с. 290. Черновой автограф — Нац. библ.; фотокопия — ПД. Впервые публикуя стихотворение, И. С. Чистова установила, что это перевод стих. У. Уитмена «Beat! Beat! Drums!» (из книги «Drum-taps»). Третья строфа, очевидно, не вполне обработана. О переводе см. статью К. Чуковского «Тургенев и Уитмен» («Литературная Россия», 1967, № 31, с. 17). К. Чуковский считает, что это «черновой набросок» и даже «подстрочник»; с последним едва ли можно согласиться. Из воспоминаний Х. Бойесена, встречавшегося с Тургеневым в 1873 г., мы знаем, что писатель живо интересовался американской литературой, и в частности «некоторое время его очень интересовали произведения Уота Уитмена» (Иностранная критика о Тургеневе, 2-е изд., СПб., (1908), с. 147). 31 октября Тургенев сообщил П. В. Анненкову, что вместо обещанного Е. И. Рагозину для «Недели» рассказа «Русский немец и реформатор» пошлет ему «несколько переведенных лирических стихотворений удивительного американского поэта Уальта Уитмена (слыхали Вы о нем?) с небольшим предисловием. Ничего более поразительного себе представить нельзя» (Письма, т. 10, с. 18). Однако через месяц, 26 ноября, жалуясь на мучившую его болезнь, он писал тому же Анненкову: «Переводы мои из Уитмена... тоже сели на мель — и потому я Вам ничего пока послать не могу» (там же, с. 31).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

115. Последняя строфа, с вариантами, — в фельетоне И. И. Панаева «Заметки Нового поэта о петербургской жизни» (С, 1855, № 12, с. 240); первые две, тоже с вариантами, — в воспоминаниях Я. П. Полонского «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд

на родину» («Нива», 1884, № 4, с. 87). Полностью — «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, с. 207, по списку, обнаруженному в бумагах Герцена, с датой: 1846. Другой текст — «Из записной книжки Д. В. Григоровича» («Ежемесячные литературные приложения» к «Ниве», 1901, № 11, с. 392). Печ. по «Письмам... к Ал. Ив. Герцену». Полонский считал автором эпиграммы Тургенева; в копиях, сохранившихся у Герцена и Григоровича, значатся имена Тургенева и Некрасова. Другие современники называли одного Некрасова (А. Я. Панаева, Воспоминания, 1948, с. 193; письмо Анненкова к Стасюлевичу от 7 апреля 1880 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 3, СПб., 1912, с. 384), Некрасова, Панаева и др. («От редакции». — ВЕ, 1880, № 5, с. 413). Однако свидетельства Полонского и Григоровича явно восходят к Тургеневу, а остальные им, по существу, не противоречат, поэтому авторство Тургенева и Некрасова можно считать бесспорным. Эпиграмма датируется январем 1846 г., так как «Двойник», напечатанный в № 2 ОЗ, упомянут в ст. 28 как произведение, еще неизданное. Как известно, Белинский и писатели его круга восторженно встретили «Бедных людей», но следующие расхождения между ними, и дело дошло впоследствии до полного разрыва. Стихотворение и отражает эти расхождения, усугубленные к тому же болезненным самолюбием и мнительностью Достоевского. Написано оно в форме письма Белинского с просьбой дать какое-нибудь произведение для задуманного им, но не осуществленного альманаха «Левиафан». С такой просьбой он обратился в начале 1846 г. ко многим писателям. В числе литераторов, обещавших участвовать в альманахе, был и Достоевский. *Тебя знает император*. По словам Я. П. Полонского, «Бедные люди» читались при дворе («Нива», 1884, № 4, с. 87). *Лейхтенберг* — герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1817—1852), муж дочери Николая I, великой княгини Марии Николаевны, президент Академии художеств. *Но когда на раут светский...* По свидетельству Григоровича, «с Достоевским, представленным на вечере у Виельгорских красавице г-же Сенявиной, сделалась от волнения дурно» («Ежемесячные литературные приложения» к «Ниве», 1901, № 11, с. 393). Намек на этот эпизод был сделан Панаевым в предисловии к пародиям Нового поэта (С, 1847, № 4, с. 154). *Обведу тебя каймою* и т. д. Слух о том, что Достоевский требовал, чтобы его произведение (то ли «Бедные люди» в «Петербургском сборнике», то ли «Двойник» или какая-то другая повесть, обещанная Белинскому для альманаха «Левиафан») было помещено на видном месте и чтобы каждая страница его была обведена рамкой, получил широкое распространение в современных ему литературных кругах — см. «Замечательное десятилетие» П. В. Анненкова (Литературные воспоминания, 1960, с. 283, 601—602), указанную выше записную книжку и «Литературные воспоминания» Григоровича (1961, с. 90), воспоминания К. Н. Леонтьева «Мои дела с Тургеневым и т. д.» (Собр. соч., т. 9, СПб., (1914), с. 114). Что-то, без сомнения, было, хотя Достоевский и отрицал это. Заявление по этому поводу Анненкова вызвало в 1880 г. полемику между ВЕ, где было напечатано «Замечательное десятилетие», и «Новым временем» — см.: ВЕ, 1880, № 5, с. 412—414 («От

редакции»); «Новое время», 1880, 4 апреля («Наброски и мелочи»), 2 мая («Среди газет и журналов»), 3 мая, 18 мая («Наброски и мелочи»). См. также указанное выше письмо Анненкова к Стасю-левичу; письмо Достоевского к А. С. Суворину от 14 мая 1880 г. (Ф. М. Достоевский, Письма, т. 4, М., 1959, с. 143); К. Чуковский, Некрасов, Л., 1926, с. 346—348; К. Чуковский, Григорий Толстой и Некрасов (ЛН, № 49—50, М, 1948, с. 390).

116. Н. А. Некрасов, Полное собрание стихотворений, М.—Л., 1927, с. 426, без 3-й и 4-й строк. Печ. по изд.: Н. А. Некрасов, Полное собрание стихотворений, т. 1, Л., 1967, с. 516 («Библиотека поэта», Большая серия). Список — ГПБ, арх. А. А. Краевского; сбоку помета: «Дружинин, Тургенев и Некрасов». А. Д. Галахов, процитировав одну строфу, приписал эпиграмму Тургеневу (Сороковые годы. — ИВ, 1892, № 1, с. 142). Иван Павлович Арапетов (1811—1887), против которого направлена эпиграмма, — воспитанник Московского университета, где учился одновременно с Герценом и Огаревым; видный чиновник министерства уделов, вращавшийся в среде литераторов 40—50-х годов и изредка печатавший в журналах (в том числе в С) свои статьи по экономическим вопросам; с 1859 г. — член редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы. По отзывам современников, претензии на джентльменство совмещались у Арапетова с резкостью и генеральским тоном в обращении с теми, кого он считал ниже себя. Эпиграмма датировалась обычно летом 1854 г., когда Тургенев и Некрасов жили по соседству возле Петергофа. Более вероятно, однако, что она написана в Петербурге в конце 1853 г., после ссоры П. В. Анненкова с Арапетовым (см. Письма, т. 2, с. 207 и 522). В пользу этого говорит и упоминание о французской трагической актрисе Рашели (1821—1858), гастролировавшей в это время в Петербурге. Во всяком случае эпиграмма упоминается в дневнике А. В. Дружинина (ЦГАЛИ), в записи от 6 апреля 1854 г. Примерно в то же время Тургенев вывел Арапетова на последней странице повести «Затишье» под именем Помпонского. «Однажды я приезжаю к Грановскому, — рассказывает Б. Н. Чичерин, — и застаю его смеющимся над книгой. „Ах, этот Тургенев! — воскликнул он. — Никак не может удержаться, чтобы не изобразить какого-нибудь приятеля. Он написал очень милую повесть «Затишье», а в конце, в виде какого-то господина Помпонского, так очертил Арапетова, что нельзя не узнать!“» (Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, с. 135, 137). «Никто на эти эпиграммы не сердился, — говорил впоследствии Тургенев Я. П. Полонскому, — кроме Арапетова; тот только один так обиделся, что на много лет перестал со мной кланяться» («Нива», 1884, № 4, с. 87); о том же свидетельствует и Галахов. *Вре-бонтон* (франц. *врай бон тон*) — истинный хороший тон, хорошие манеры, светская учтивость. *Жантильом* (франц. *gentilhomme*) — дворянин. *Прудон* П.-Ж. (1806—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, анархист. *Перовский* Л. А. (1792—1856) — до 1852 г. министр внутренних дел; в 1852—1856 гг. министр уделов и управляющий кабинетом его имп. величества; непосредственный начальник Арапетова.

117. Там же, по списку ГПБ, где указаны авторы: «Н. Некрасов, И. Тургенев, А. Дружинин». Черновой автограф Тургенева (ст. 35—38 написаны Некрасовым) и белой автограф Дружинина — ЦГАЛИ. Печ. по автографу Дружинина. Основным автором послания является, очевидно, Тургенев, о чем свидетельствует черновой автограф; о том же говорит и обращенный к нему шуточный ответ, написанный от имени Лонгинова Дружининым (и Некрасовым?): «Тургенев! кто тебе внушил Твое посланье роковое? ..» (ЦГАЛИ). Между ст. 22 и 23 в черновом автографе имеются еще четыре зачеркнутые строки:

Кем не был пощажён певец Торквато Тасса,
Того, под чьей рукой не раз трещала касса,
Пока грабителя седого Адлерберг,
Щадя родной театр, в отставку не поверг.

Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф и историк литературы; в 50-е годы умеренный либерал; был близок к редакционному кружку С; затем резко поправел; в 1871—1875 гг. — начальник Главного управления по делам печати. В мае 1854 г. Лонгинов переехал в Москву, где получил должность чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе. Вскоре после этого, в двадцатых числах июля 1854 г., когда Тургенев и Некрасов гостили у Дружинина, и было написано стихотворение, о чем свидетельствует запись в его дневнике от 31 июля 1854 г.: «занимались чернокнижной словесностью, как то сочинением Послания к Лонгинову и ответом на оное» (ЦГАЛИ; в эти же дни написаны «Песнь Васеньке», т. е. В. П. Боткину, «Разговор» и другие неудобные для печати юмористические стихотворения, в сочинении которых принимал участие Тургенев). Датировка «Послания» концом сентября — началом октября (Письма, т. 2, с. 538) неверна. «Некрасов с Тургеневым в деревне, — сообщил Лонгинову И. И. Панаев через два месяца, 29 сентября 1854 г. — Они написали тебе послание — стихи удивительные. Если их еще нет у тебя, то по возвращении Некрасова я тебе их пришлю» (Сборник Пушкинского дома на 1923 год, Пг., 1922, с. 216). См. также письмо Некрасова к Тургеневу от 6 октября 1854 г. — Некрасов, т. 10, с. 206—207. *Клуба кров священный* — т. е. аристократического петербургского Английского клуба, членом которого и постоянным посетителем был Лонгинов. *Анненков* — см. примеч. 73. Приятели нередко подшучивали над тучностью и чревоугодием П. В. Анненкова. *Братец* — И. В. Анненков (1814—1887), в 50-х годах — полковник, флигель-адъютант, вице-директор инспекторского департамента Военного министерства; инициатор издания сочинений Пушкина, осуществленного П. В. Анненковым. *Арапетов* — см. примеч. 116. «*Насмешильвые куплеты*» и (далее) «*меткие стихи*» — стих. «Загадка» (с. 374). *Кочубей М. В.* (1816—1874) — гофмаршал, вице-президент придворной конторы. *Авдулин С. А.* (ум. в 1855 г.) — приятель Лонгинова, завсегдатай Английского клуба. *Мухортов З. Н.* (1820—1876) — чиновник особых поручений при начальнике Главного морского штаба, позже вице-президент Вольного экономического общества, орловский помещик; занимался вопросом о разработке залежей торфа и камен-

ного угля в Петербургской и Новгородской губерниях («С.-Петербургские ведомости», 1854, 8 июля). *Любезнейший поэт*. Лонгинов писал порнографические стихи, которые распространялись в списках; впоследствии, в 1863 г., издал их в Карлсруэ отдельным сборником. Далее (ст. 27—32) речь идет о порнографической и вместе с тем антиклерикальной поэме «Поп Пыхатий», сочиненной Лонгиновым в 40-х годах. *Егунов* А. Н. (1824—1897) — статистик, сотрудник С. Что именно имеется в виду — определить не удалось. *Певец Торквато Тассо* — А. Д. Киреев (1797—1857), автор драмы «Торквато Тассо», изданной анонимно в 1833 г., управляющий конторой петербургских театров. Он занимал эту должность в течение двадцати с лишним лет. В 1853 г. министр двора В. Ф. Адлерберг (1791—1884), в ведении которого находились императорские театры, назначил комиссию, обнаружившую огромные злоупотребления; сам Киреев скопил за время службы немалый капитал (А. И. Вольф, *Хроника петербургских театров*, ч. 1, СПб., 1877, с. 38 и 166; А. Я. Панаева, *Воспоминания* (по указателю имен); В. А. Инсарский, *Воспоминания*. — «Русская старина», 1874, № 10, с. 306—314. Сообщено Е. А. Гитлиц). *Хотинский* М. С. (1813—1866) — популяризатор естественных наук, сотрудник С; впоследствии был изобличен А. И. Герценом как агент III Отделения. У Лонгинова была скабрёзная поэма «Матвей Хотинский». Незадолго до этого, в феврале 1854 г., Лонгинов читал ее у Тургенева (Письма к А. В. Дружинину, М., 1948, с. 315—316). *Кто верно предсказал Мильгофера судьбу*. У Лонгинова было стих. «Мильгофер»; о нем упоминается и в пьесе Некрасова «Как убить вечер?» *Ни времени рука, ни зависть хитрая... Пародийная вариация на мотив «Памятника» Гораация. В газетной комнате... Имеется в виду московский Английский клуб. «Северная пчела»* — см. примеч. 86. *Мейендорф* П. К. (1796—1863) — русский дипломат, в 1850—1854 гг. посланник в Австрии. «Во время последней восточной войны, — писал в 1862 г. П. В. Долгоруков, — русским посланником в Вене, по глупости Николая Павловича, по нелюбви Нессельрода ко всему русскому, по его постоянной угодливости желаниям Меттерниха... русским посланником в Вене находился барон Петр Казимирович Мейендорф, женатый на сестре тогдашнего первого австрийского министра графа Буля!!! Про барона П. К. Мейендорфа один из петербургских сановников... сказал весьма справедливо: барон Мейендорф человек умный и ученый, — он знает все в мире, кроме России, о коей понятия не имеет! Наконец даже Незабвенный (т. е. Николай I. — И. Я.) и граф Нессельрод спохватились... и на его место... в июле 1854 года назначен был князь Горчаков» (П. В. Долгоруков, *Петербургские очерки*, М., 1934, с. 153). *Милютин* Н. А. (1818—1872) — видный государственный деятель, впоследствии товарищ министра внутренних дел и участник крестьянской реформы 1861 г. Имеются в виду «Правила для промышленяющих извозом в С.-Петербурге, на 1854 год», подписанные министром внутренних дел Д. Г. Бибиковым и директором хозяйственного департамента министерства Н. А. Милютиним и изданные отдельной брошюрой. В «Правилах» была сделана попытка установить единую норму оплаты извозчиков; она не увенчалась успехом; см. позднейшие заметки И. И. Панаева «Петербургская жизнь» (С, 1860, № 6, с. 282), где цитируется это ме-

сто из «Послания к Лонгинову». *Языков* — см. примеч. 93. Во второй половине 40-х годов он вложил свой капитал в «контору агентства и комиссионерства», которая занималась высылкой по заказу провинциальных жителей «всех возможных предметов необходимости, пользы и роскоши», наведением справок, продажей имущества и т. д. Дела велись довольно бесхозяйственно и кончились банкротством. Речь идет о третейском суде между Языковым и его компаньоном Н. Н. Тютчевым. (См.: А. Я. Панаева. Воспоминания, 1948, с. 226—229.) *Соллогуб* В. А. (1813—1882) — заметный писатель 40-х годов, автор «Гарантаса», к этому времени совершенно утративший свое значение. Слова о подлости вызваны письмом Соллогуба в редакцию газеты «Journal de St.-Petersbourg» (1854, 11 июня), перевод которого появился в «С.-Петербургских ведомостях» (1854, 18 июля). Это письмо — ответ на статью французского журнала «L'illustration» (1854, 29 апреля), где старые повести Соллогуба были использованы для критики русского дворянства. Признав эти повести легкомысленными, Соллогуб охарактеризовал его теперь как «цвет русского общества», заслуживающий «дань самого восторженного удивления». Письмо изобилует казенно-патриотическими утверждениями о преданности дворянства и всего народа религии и царю (сообщено Е. А. Гитлиц). *А Майков* *Аполлон*... Имеются в виду шовинистические и верноподданнические стихи А. Н. Майкова в годы Крымской войны, в первую очередь прославляющая Николая I «Коляска».

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ И. С. ТУРГЕНЕВУ

118. «Литературная газета», 1840, 13 апреля, с. 701, под заглавием «Христос воскресел!», подпись: Л. Печ. по письму Тургенева к Анненкову от 14 октября 1853 г. (Письма, т. 2, с. 191). Автограф — ПД. Сведения об этом стихотворении содержатся в переписке Тургенева с П. В. Анненковым (Письма, т. 2, с. 189—193; 196—198, 203, 208, 514—516; см. также автографы писем Анненкова в ПД). 14 октября 1853 г., находясь в ссылке в Спасском, Тургенев послал ему стихотворение, сообщив, что автором его является 54-летний маляр, дворový Николай Федосеевич Градов. Подробно охарактеризовав Градова, Тургенев приводит следующий разговор: «На вопрос мой, точно он ли написал стихи, принесенные моим камердинером — он, после первого смущенья, отвечал: Наши. — Я, продолжал он... все упрекал нашего попа, что он... ни одной проповеди не написал — а он мне сказал: ты художник — напиши-ка ты. Вот я и написал». Отправляя Анненкову стихотворение, Тургенев назвал его «странной и удивительной» вещью. Через несколько дней Тургенев сообщил Анненкову, что Градов надул его, стихотворение написал якобы малоархангельский поп, а 2 ноября сообщил о своем знакомстве с протопопом Иваном Розовым, когда еще не подозревал об его поэтическом даровании. Отвечая на первое из этих писем, Анненков не поверил версии об авторстве Градова, но высоко оценил стихотворение: «Либо Н. Ф. вас обманывает, либо вы меня морочите... Но пьеса сама по себе чудо! У меня сейчас был Некрасов и повторяет — чудо!.. Если это ваша пьеса, то она показывает, что на под-

делку вы не мастер... но что вы в минуту светлую написали вещь, замечательную по верности колорита и вообще по созданию. Мне бы хотелось думать, что Вы ее написали, потому что если написал ее Николай Федосеев, то мне придется сознаться, что я дурак, а это неприятно, во всяком случае». Не поверил Анненков и второй версии — о малоархангельском попе, хотя он прямо и не возражал против нее. «Если стихи... принадлежат малоархангельскому попу, — писал он 31 октября, — то пусть будет так. Одно несомненно, что они столько же замечательны по благородству картины, сколько и по твердости кисти. В этом небольшом произведении есть то, чего давно не встречал я в литературе, — стиль. Честь попу!» 17 ноября 1853 г. Некрасов писал Тургеневу: «Кому б ни принадлежали эти стихи — они превосходны. Это мое мнение после троекратного их прочтения, с значительными промежутками. Если ты позволишь, мы бы напечатали их, даже прошу об этом» (Некрасов, т. 10, с. 198). Но стихотворение в С не появилось. Тургенев не мог не знать, что оно задолго до этого было опубликовано в «Литературной газете»: комплект газеты за 1840 г. находился в библиотеке Спасского. Еще в 1889 г., не зная переписки Тургенева с Анненковым, Н. Юшков натолкнулся на стихотворение в «Литературной газете» и высказал предположение, что оно принадлежит Тургеневу, опираясь главным образом на подпись: Л., которая напомнила ему известную тургеневскую подпись этих лет: Т. Л. («Волжский вестник», 1889, 9 апреля). И хотя Тургенев отрицал свое авторство (6 ноября он писал Анненкову: «Не стыдно ли Вам продолжать намекать на то, что «должно быть» — я написал посланные Вам стихи» и т. д.), вопрос все же остается открытым.

119. «Звенья», т. 6, М.—Л., 1936, с. 792, по 4-й части рукописного «Сборника прозаических и поэтических произведений различных авторов» (с. 191), составленной М. И. Семевским в сентябре 1857 г. (ГПБ); приписано здесь А. И. Кронебергу. В аналогичном рукописном сборнике, составленном П. А. Ефремовым («Разные стихотворения. 1850» — ЦГАЛИ), стихотворение тоже сначала фигурировало под именем Кронеберга, затем его фамилия зачеркнута и рукою Ефремова написано: «И. Тургенев». Печ. по списку ЦГАЛИ. Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — журналист-предприниматель, умеренный либерал; редактор-издатель ОЗ (1839—1867) и газеты «Голос» (1863—1884). Как журналист Краевский имеет свои заслуги, но вместе с тем он жестоко эксплуатировал своих сотрудников, в частности Белинского и Кронеберга; сам он почти ничего не писал, но охотно пользовался и материальными и литературными плодами их работы. В фельетоне «Петербургский литературный промышленник», где Краевский выведен под именем «Петр Васильевич», И. И. Панаев писал: «Петр Васильч в утешение называл своих сотрудников презрительным именем борзописцев, что не мешало ему иногда приписывать себе те из статей борзописцев, которые обращали на себя особенное внимание публики». В кругу подобных ему дельцов полагали, что «он один сочиняет весь свой журнал или, по крайней мере, те статьи, которые печатаются в нем без имени; он даже сам любил намекать об этом, повторяя беспрестанно: «Мой журнал, я написал (хотя он ни-

чего не писал), я составил» (хотя он ничего не составлял)» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, 1950, с. 341, 347). Тургенев писал Л. Н. Толстому в конце 1856 г., что Белинский всю жизнь был «работником спекулятора, который его руками загребал деньги и часто себе приписывал его заслуги» (Письма, т. 3, с. 61). Вспоминая свои студенческие годы, П. П. Пекарский писал: «Тогдашние «Отечественные записки» читались с большою охотою студентами». Критические статьи «находили такое одобрение, что целые страницы разборов многим известны были почти наизусть. Однако студенты не знали автора их и, в провинциальной наивности, уверены были, что нравившиеся им критические статьи написаны самим редактором «Отечественных записок». Мейер вывел из заблуждения студентов, рассказав с большим увлечением, что за человек был Белинский, автор неподписанных критик» (П. Пекарский, Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере, профессоре Казанского университета. — Сб. «Братчина», СПб., 1859, с. 215). Эпиграмма написана, по всей вероятности, в конце 40-х годов, после разрыва с Краевским Белинского, Некрасова, Панаева и некоторых других сотрудников ОЗ. *Из холопов управитель*. По-видимому, это намек на темное происхождение Краевского, тайну которого он тщательно скрывал. Он был побочным сыном незаконной дочери екатерининского вельможи Н. П. Архарова. Мать его была женщиной легкого поведения. «Произведя на свет великого издателя «Отечественных записок», — читаем в воспоминаниях Н. И. Греча, — сама не знала, чей он сын, ибо имела, при редакции его, много сотрудников. Один белорусский подлец, по фамилии Краевский, дал ему свою фамилию за благодарность матушки» (Н. И. Греч, Записки о моей жизни, М.—Л., 1930, с. 150). См. также донос Ф. В. Булгарина 1846 г. в III Отделение в кн. М. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», СПб., 1909, с. 302. *И полиция с любовью* и т. д. Возможно, что речь идет о статьях Краевского «Мысли о России» (1836) и «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» (1849), проникнутых верноподданническими чувствами и вызвавших одобрение правительственных сфер и III Отделения. См. указанную книгу М. Лемке, с. 193—194. *Булгарин* (далее — *Фаддей*) — см. примеч. 86. Вражда между Краевским и Булгариным была вызвана прежде всего соображениями журнальной конкуренции. Еще в 1846 г., накануне разрыва с Краевским, Белинский писал Герцену: «Служить орудием подлецу для достижения его подлых целей и ругать другого подлеца не во имя истины и добра, а в качестве холопа подлеца № 1 — это гадко... Чем же Булгарин хуже Краевского? Нет, Краевский во сто раз хуже и теперь в 1000 раз опаснее Булгарина. Он захватил все, завладел всем» (Белинский, т. 12, с. 253—254). *Но никем еще не бит*. За свои «подвиги» Булгарин не раз был публично бит. См., например: П. Каратыгин, «Северная пчела». — «Русский архив», 1882, № 4, с. 287, а также карикатуру Н. А. Степанова, изображающую один из таких эпизодов, с подписью: «Помню также, как в магазине Ольхина плут Песоцкий сломал свою палку об мою спину. Помню... но стоит ли упоминать о пощечинах, толчках и других ничтожных случаях» (воспроизведена в кн.: И. И. Панаев, Литературные воспоминания, 1950, между с. 48—49). *Фактор* — мелкий посредник, комиссионер. *Видок* Ф.-Э.

(1775—1857) — французский сыщик; имя его стало нарицательным; так, Пушкин назвал Булгарина «Видок-Фиглярин».

120. Ак. изд., т. 15, с. 222, с неточностями. Беловой автограф (фамилия К. С. Аксакова в нем не названа, на ее месте стоит отточие) — ПД, среди писем Тургенева к П. М. Грибовскому. Однако наличие белого автографа не является еще бесспорным доказательством авторства Тургенева; он мог переслать Грибовскому не принадлежавшее ему, ходившее по рукам стихотворение. В Ак. изд. (т. 15, с. 417) точно датируется «временем между окончанием Крымской войны (1856 г.) и отъездом Тургенева за границу (середина июля того же года)», но такая датировка недостаточно обоснована. Поскольку стихотворение не было непосредственным откликом на события 1854 г. (см. ниже), неясно, почему, например, оно не могло быть написано в 1855 г., после смерти Николая I, но до окончания войны. Направлено против казенно-патриотических, националистических настроений эпохи Крымской войны. *Монарх наш незабвенный*. «Незабвенным нашим родителем» был назван Николай I в манифесте Александра II по поводу его смерти и своего вступления на престол. Это выражение не раз являлось объектом насмешек. Иронически называли Николая I «незабвенным» Герцен и Огарев, и по их почину насмешливое словечко, содержащее оценку всего николаевского царствования, вошло в обиход. *Как алмазным щитом* — т. е. под крепкой, надежной защитой. Алмаз — алмаз, бриллиант, у древних греков также — металл, сталь. *Камуфлет* — скрытый, подземный взрыв мины. *Серет* — приток Дуная. Летом 1853 г. Россия прервала дипломатические отношения с Турцией и заняла дунайские княжества Молдавию и Валахию. Однако через год русские войска принуждены были освободить занятые территории, которые, по договоренности с Турцией, были оккупированы Австрией. По мирному договору 1856 г. Молдавия и Валахия были признаны «независимыми» государствами, но под верховной властью турецкого султана и протекторатом европейских держав. *Тоггенбург* — герой баллады Ф. Шиллера «Рыцарь Тоггенбург», воплощение идеальной романтической любви. В пользу авторства Тургенева говорит то, что он упомянул Тоггенбурга в связи с К. С. Аксаковым в письме к И. С. Аксакову 1859 г. (Письма, т. 3, с. 368—369).

121. «Полярная звезда на 1859, кн. 5», Лондон, 1859, с. 47, без подписи. Перепечатывалось в других изданиях «вольной русской печати»: сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», вышедшем в 1861 г. под редакцией Н. П. Огарева; сб. «Лютня»; журнале «Общее дело». В России впервые — «Всемирный вестник», 1906, № 1, с. 18 (перепечатка из «Русской потаенной литературы», без ст. 31). Публикуя стихотворение на своих страницах, женевское «Общее дело», которое редактировал хорошо осведомленный и знавший Тургенева в последние годы его жизни Н. А. Белоголовый, снабдило «Кнут» следующим примечанием: «Помещаем стихотворную шалость покойного Тургенева, как не попавшую в сборник его стихотворений, вышедший недавно в Петербурге» (1885, № 71, с. 11). Автором «Кнута» считал Тургенева и П. А. Ефремов, сделавший

соответствующую помету в принадлежавшем ему рукописном сборнике (см.: Е. Г. Бушканец, Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов. — «Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка», 1962, № 4, с. 343—344). В экземпляре «Русской потаенной литературы», принадлежавшем А. Ф. Онегину-Отто, над стихотворением имеется надпись: «И. С. Тургенева?» (ПД). Перепечатывая некоторые произведения из «Русской потаенной литературы», Н. О. Лернер указал, что бывший владелец принадлежащего ему экземпляра подписал под «Кнутом» имя Тургенева, и прибавил от себя: «Заметим, что никому иному оно никогда не приписывалось: традиция, значит, создалась рано и сохранилась прочно» (Из времен крепостничества. — «Литературно-художественный сборник „Красной панорамы“», 1928, сентябрь, с. 72). Бесспорно тургеневским считали «Кнут» исследователи изданий А. И. Герцена — М. М. Клевенский (Герцен-издатель и его сотрудники. — ЛН, № 41—42, М., 1941, с. 610) и Н. Я. Эйдельман (Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, с. 109—110). Тем не менее в Ак. изд. стихотворение не включено. Ефремов датировал «Кнут» 1852 г., Лернер — концом царствования Николая I. Стихотворение использовалось для революционной пропаганды. Интересно в этом отношении письмо М. Д. Муравского, находившегося в Бирске, к В. А. Манасеину в Казань от 20 января 1861 г. Обращаясь к нему с просьбой прислать побольше запрещенных сочинений, Муравский приводит список уже имеющихся у него, среди которых назван и «Кнут» (М. Лемке, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, с. 315). Муравский также считал его автором Тургенева. «Кнут» — «перепев», сатирическое использование стих. Пушкина «Цветок» («Цветок засохший, безуханный...»). Некоторые другие сведения о стихотворении, его датировке и пр. см. в заметке М. П. Алексеева в Т. сб., т. 3, с. 92—100. *Земский* — служитель земской полиции, назначавшийся помещиком.

122—125. «Искра», 1859, № 50, с. 514, в фельетоне «Шестилетний обличитель». И. Ф. Масанов, следуя указанию П. В. Быкова, приписал фельетон мелкому юмористу 60-х годов Р. Е. Баху (Русские сатиро-юмористические журналы, вып. 1, Владимир, 1910, с. 10 и 147; Словарь псевдонимов... , т. 2, М., 1957, с. 255). П. И. Пашино, близко стоявший в конце 50-х — начале 60-х годов к редакционному кружку «Искры», хорошо знавший Н. А. Добролюбова, утверждает, что автором его является Тургенев: «Есть еще стихотворения Иереми Недобובה, принадлежащие нашему известному и в настоящее время знаменитому писателю И. С. Тургеневу» (Литературные воспоминания. — «Минута», 1882, 13 мая). Это было напечатано при жизни Тургенева и ряда его приятелей, когда были живы многие хорошо осведомленные сотрудники «Искры», в первую очередь Н. С. Курочкин. Никаких опровержений не последовало. К тому же следует указать, что другие сведения Пашино о сотрудниках «Искры» и их псевдонимах подтвердились. Фельетон состоит из двух частей: первая — письмо в редакцию «Искры» отставного учителя российской словесности Платона Недобובה, который пересылает стихотворения своего сына, «шестилетнего обличителя» Иереми Недобובה; вторая — эти стихотво-

рения. Самый псевдоним «Недобобов» представляет собою откровенную пародию на добролюбовскую подпись: «—бов». В письме Платон Недобобов приводит некоторые факты из жизни своего сына и говорит об эволюции его умнастроений с трехлетнего до шестилетнего возраста: «Он рос знаменательно странно: до двух лет кормился грудью и казался слабым и даже обыкновенным ребенком... но уже с трехлетнего возраста совершилась в нем перемена: он стал задумываться и вздыхать; горькая улыбка появилась на губах его и не покинула их более; он перестал плакать — зато ирония змеится по его чертам даже когда он спит. На четвертом году он был разочарован; но скоро понял отсталость этого момента самосознания и стал выше его; холодное, желчное спокойствие, изредка прерываемое вспышками энергического сарказма, — вот обычное состояние его духа». Из четырех стихотворений Иеремии Недобобова первые два, по словам его отца, «написаны им года два тому назад; они отзываются еще наивностью первых детских впечатлений», особенно первое, «в котором способ немедленно объяснения обличительной мысли посредством комментария напоминает манеру живописцев тринадцатого столетия»; третье стихотворение написано «в эпоху меланхолического разочарования», четвертое «вырвалось из груди моего сына недавно». Большинство писателей не удовлетворяют Иеремию. По его мнению, Щедрин односторонен и слаб в сатире, Некрасов слишком мягок, только статьи «г-на —бова» в «Современнике» и писания М. П. Розенгейма ему по душе: «—бов и Розенгейм враждуют друг с другом, а между тем они цветки, растущие на одной и той же ветке!». «Искра» сразу выступила как журнал демократического лагеря, но в первое время она не была вполне свободна от мелочного обличительства. Это вызвало недовольство Добролюбова, о чем сохранились свидетельства в воспоминаниях П. И. Пашино (Мои старые знакомые. — «С.-Петербургские ведомости», 1882, 17 января; Литературные воспоминания. — «Минута», 1882, 13 мая) и М. А. Антоновича (Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания, 1933, с. 153). Появление фельетона на страницах «Искры» и было в какой-то мере ответом на упреки и насмешки Добролюбова. Характерно в этом отношении сопоставление Добролюбова с типичным представителем обличительства, весьма умеренным либералом, поэтом М. П. Розенгеймом, который не раз служил объектом сатирических выступлений Добролюбова. Фельетон Недобобова следует, кроме того, связать с полемикой между «Колоколом» и С. Герценом и Добролюбовым о роли обличительной литературы. Некоторые данные об этом имеются в статье Г. Ф. Перминова «Неизвестный фельетон-пародия Тургенева в „Искре“» (Т. сб., т. 3), не все положения которой, однако, бесспорны. 1. *Становой* — становой пристав, полицейский чиновник, начальник стана (административно-полицейское подразделение уезда в России). *Пряжка* — нагрудный знак, выдававшийся за усердие, беспорочную службу и т. д. 4. *Нет, ты знаешь, серебра*. Намек на недостаток мелкой разменной монеты.

126. Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par A. Mazon, Paris, 1930, p. 94. А. Мазон считал, что печатает стихотворение по автографу Тургенева, между тем текст его сохра-

нился в списке рукою неизвестного лица; тою же рукою — текст пародируемого стих. Фета «Я долго стоял неподвижно. В далекие звезды вглядясь...»; оба описки — в Нац. библ. Авторство Тургенева вполне вероятно, но точных данных, подтверждающих его, нет. М. К. Клеман датировал стихотворение 1863 г. (см. Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева в сб. «И. С. Тургенев», Л., 1934, с. 359), но и эта дата может быть принята лишь как предположительная.

127. Фет, ч. 2, с. 283 (др. ред.). Печ. по воспоминаниям А. Д. Галахова «Сороковые годы» — ИВ, 1892, № 1, с. 142. По словам Фета, эпиграмма появилась в газете «Новое время», откуда он ее и узнал; однако, обнаружить ее в «Новом времени» не удалось. Эпиграмма вызвана следующими обстоятельствами. А. А. Фет был сыном дармштадтского чиновника И. Фета, но до четырнадцати лет считался сыном своего отчима, помещика А. Н. Шеншина. В 1834 г. запись в метрической книге была признана неправильной, так как поэт родился задолго до оформления второго брака его матери. С этих пор он потерял и дворянское звание, и права на родовое имение. Только в самом конце 1873 г., после длительных хлопот, Фет, «по высочайшему повелению», был снова причислен к роду Шеншиных и получил потомственное дворянство. По этому поводу Тургенев писал Фету 12 декабря 1874 г.: «Как Фет, Вы имели имя, как Шеншин, Вы имеете только фамилию» (Письма, т. 10, с. 339). Острота эта, по-видимому, получила широкое распространение. В дневнике В. П. Гаевского 1883 г. читаем: «Превращение Фета в Шеншина напоминает мне выражение Тургенева, что Фет имел имя, которое променял на фамилию» («Красный архив», 1940, т. 3, с. 236). Припомнив эти слова Тургенева, Галахов заметил: «Кстати приведу появившееся на этот случай четверостишие». Галахов не говорит прямо, что эпиграмма также принадлежит Тургеневу, однако тот факт, что в ней повторена острота Тургенева, делает его авторство вполне вероятным. Кроме того, есть в ней некоторые совпадения со стихотворным посланием Тургенева к Фету 1864 г.:

И шепчут гор верхи: «Где Фет? Где тот поэт,
Чей стих свежей икры и сладостней конфет?»

Т. А. Кузьминская в письме к Г. П. Блоку от 9 декабря 1920 г. сообщила, что эпиграмма, «кажется», принадлежит К. К. Скальковскому («Русская литература», 1968, № 2, с. 171).

128. Пять стихотворений Гете, Пушкина, Мерике, Гейбеля и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсия, СПб., 1874. Перевод стих. Гете «Finnisches Lied». В альбоме романсов Виардо имя переводчика нигде не указано, но М. О. Гершензон высказал довольно обоснованное предположение, что переводы, как и для предшествующих альбомов, сделаны Тургеневым («Русские пропылен», т. 3, М., 1916, с. 306). См. также: М. П. Алексеев, Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо. — Т. сб., т. 4, Л., 1968, с. 201—202. Для характеристики тургеневского восприятия Гете представляет интерес следующий эпизод, относящийся к 1875 г.,

о котором рассказывает А. Доде. На одном из воскресных обедов у Флобера разговор зашел о Гете. «Вы его не знаете», — сказал Тургенев. В следующий раз он принес с собою «Прометея» и «Сатира» и стал переводить. «Мы четверо (т. е. Флобер, Золя, Э. Гонкур и Доде. — *И. Я.*), ... взволнованные этой величественной импровизацией, внимали гению, переводившему гения. Человек, всегда с трепетом бравшийся за перо, импровизируя, обнаруживал дерзновенную смелость поэта. Это был не тот обманчивый перевод, который замораживает и обесцвечивает, — словно сам Гете был среди нас и обращался к нам» (A. Daudet, *Trente ans de Paris, Paris, 1889*, p. 333). См. также: Э. и Ж. де Гонкур, *Дневник*, т. 2, М., 1964, с. 202.

129. Там же. Перевод стих. Р. Поля «Der Nachtwandler».

130. Там же. Перевод стих. Э. Мерике «Die Soldatenbraut».

131. Там же. Перевод стих. немецкого поэта Эммануила Гейбеля (1815—1884) «Im April».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- Абсолютная ирония ((Стихотворения Иеремии Недобובה). 2. «Исполненный строгой гордыни. . .») 387
(В. Г. Авсеенко) «По морде б я его ударил. . .» 139
«Алексей божий человек. . .» (А. А. Бакунину) 125
«Альбомчик Ваш перебирая. . .» (М. П. Боткиной) 125
Андрей («„Начало трудно“, — слышал я не раз. . .») 301
(П. В. Анненкову) «Идеалист с широким пузом. . .» 128
(И. П. Арапетову) — см. Загадка 374
«Ах, давно ли гулял я с тобой! . .» (Варияции. 2) 89
«Ах, зачем с младенческих пеленок. . .» ((Стихотворения Иеремии Недобובה). 3. Вздох) 388
- Д.-Н. Байрон
Тьма («Я видел сон. . . не всё в нем было сном. . .») 361
(А. А. Бакунину) «Алексей божий человек. . .» 125
Баллада («Перед воеводой молча он стоит. . .») 76
Безлунная ночь (Деревня. 3. «О ночь безлунная, ночь теплая, немая! . .») 109
Бейте, бейте, барабаны! («Бейте, бейте, барабаны! Трубите, трубы, трубите! . .» (Из У. Уитмена)) 369
(М. В. Белинской) «Отец твой, поп-бездельник. . .» 125
«Бесценный Фет, мудрец и стихотворец. . .» (А. А. Фету) 130
«Богиня красоты, любви и наслажденья! . .» (К Венере Медицеской) 63
(П. И. Борисову) «Милый Петя! Непростительно. . .» 136
(М. П. Боткиной) «Альбомчик Ваш перебирая. . .» 125
(В. П. Боткину и А. В. Дружинину) «О мои кунцевские друзья. . .» 127
(Брожу над озером). («Брожу над озером. . . туманны. . .») 102
«Бывало, я писал стихи — для славы. . .» (Поп) 246
«Был светлый летний день, когда с охоты знойной. . .» (Графиня Донато) 343
Былое счастье («Счастья дни! как скоро вы. . .» (Из Э. Мерике)) 368
- В. Н. Б. («Когда в весенний день, о ангел мой послушный. . .») 98
(В дороге) (Варияции. 3. «Утро туманное, утро седое. . .») 90

- «В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный. . .» 90
 «В ответ на возглас соловьиный. . .» (А. А. Фету) 137
 «В отлогих берегах реки дремали волны. . .» (Вечер) 65
 «В отчизне Данта, древней, знаменитой. . .» (Филиппо Стродзи) 344
 Вариации. 1—3. 88
 «Верхом на лошадке. . .» (Садовник (Из Э. Мерике)) 367
 Весенний вечер («Гуляют тучи золотые. . .») 91
 Весенний вечер («Весенний влажный вечер. . .» (Из Э. Гейбеля)) 391
 Вечер («В отлогих берегах реки дремали волны. . .») 65
 Вздых ((Стихотворения Иеремии Недобובה). 3. «Ах, зачем с младенческих пеленок. . .») 388
 «Витязь горестной фигуры. . .» (Послание Белинского к Достоевскому) 373
 Вольтер
 «Признаться надо нам, так наша жизнь проходит. . .» 364
 Восторг души или чувства души в высокаторжественный день праздника («Таинственно в безмолвии ночном. . .») 381
 «Вот еще светило мира! . .» (Н. Х. Кетчеру) 126
 «Вот и настал последний час. . .» (Старый помещик) 74
 «Вот он — тоже сочинитель! . .» (К портрету Краевского) 383
 «Все эти похвалы едва ль ко мне придутся. . .» (А. А. Фету) 127
 «Вчера в лесу пришлось мне. . .» (Деревня. 4. Дед) 109
 «Вы говорили мне — что мы должны расстаться. . .» (Русский) 71
 «Где-то, что-то веет, млеет. . .» (А. А. Фету) 136
 Э. Гейбель
 Весенний вечер («Весенний влажный вечер. . .») 391
 Г. Гейне
 «Что за погода злая!» 368
 И.-В. Гете
 Перед судом («Под сердцем моим чье дитя я ношу. . .») 364
 (Песня Клерхен из трагедии Гете «Эгмонт») «Одной лишь любовью. . .» 351
 Последняя сцена первой части «Фауста» Гете («Я чувствую тревожное волнение. . .») 351
 Римская элегия («Слышишь? веселые клики с Фламинской дороги несутся. . .») 360
 Финская песня («Лишь бы милый воротился. . .») 390
 «Глядит на закат она солнца. . .» (Загубленная жизнь (Из Р. Поля)) 366
 Графиня Донато («Был светлый летний день, когда с охоты знойной. . .») 343
 Гроза (Деревня. 5. «Уже давно вдали толпились тучи. . .») 110
 Гроза промчалась («Гроза промчалась низко над землею. . .») 99
 «Грустно мне, но не приходят слезы. . .» 67
 «Гуляют тучи золотые. . .» (Весенний вечер) 91
 «Давненько не бывал я в стороне родной. . .» (Сон) 119
 «Дай мне руку — и пойдем мы в поле. . .» 80
 Дед (Деревня. 4. «Вчера в лесу пришлось мне. . .») 109
 Деревня. 1—9. 107
 «Для недолгого свиданья. . .» 85
 «Долгие, белые тучи плывут. . .» 77

- Другая ночь (Деревня. 6. «Уж поздно... Конь усталый мой...») 111
 «Друже милый, Петр Васильевич...» (П. В. Шумахеру) 139
 «Дружинин корчит европейца...» (А. В. Дружинину) 126
 (А. В. Дружинину) — см. (В. П. Боткину и А. В. Дружинину) 127
- «Жарко, мучительно жарко... Но лес недалёко зеленый...» (Деревня. 2. На охоте — летом) 108
 «Жил был некакий мальчишка...» 139
- «За чайным столиком, весной...» (Помещик) 282
 Загадка («Художества любитель...») 374
 Загубленная жизнь («Глядит на закат она солнца...» (Из Р. Поля)) 366
 «Заметила ли ты, о друг мой молчаливый...» 81
 «Здравствуйте, легкие звезды пушистого, первого снега!...» (Деревня. 9. Первый снег) 113
- «...И понемногу начало назад...» (Из поэмы, преданной сожжению) 114
 «Идеалист с широким пузом...» (П. В. Анненкову) 128
 (Из Вольтера) «Признаться надо нам, так наша жизнь проходит...» 364
 (Из поэмы, преданной сожжению) («...И понемногу начало назад...») 114
- Из «Соборного послания двум обитателям Степановки от смиренного Иоанна» («Любезнейший Фет!...») 134
- Искушение святого Антония 197
 Исповедь («Нам тягостно негодование...») 106
 «Исполненный ненужных слов...» (А. В. Никитенко) 126
 «Исполненный строгой гордыни...» ((Стихотворения Иеремии Недобובה). 2. Абсолютная ирония) 387
- К *** («Через поля к холмам тенистым...») 100
 К А. С. («Я вас знавал... тому давно...») 97
 К Венере Медицейской («Богиня красоты, любви и наслажденья!...») 63
- К портрету Краевского («Вот он — тоже сочинитель!...») 383
 «К чему твержу я стих унылый...» 91
 «Как грустный взгляд, люблю я осень...» (Осень) 82
 «Как приливала к сердцу...» (Разгадка) 116
 «Как снег вершин...» (А. А. Фету) 390
 (Н. Х. Кетчеру) «Вот еще светило мира!...» 126
 Кнут («Ремянный кнут, не безуханный...») 386
 «Когда в весенний день, о ангел мой послушный...» (В. Н. Б.) 98
 «Когда давно забытое названье...» 94
 «Когда монарх наш незабвенный...» 385
 «Когда с тобой расстался я...» 93
 «Когда так радостно, так нежно...» (Варияции. 1) 88
 Когда я молюсь («Когда томительное, злое...») 87
 (Е. Я. Колбасину) «Милый Колбасин!...» 132
 (Е. Я. Колбасину) «Многострадальный Колбасин, и в то же время счастливец!...» 129
 (Е. Я. Колбасину) «Мой юный друг, Колбасин Елисей...» 128

(Е. Я. Колбасину) «О юный Колбасин!..» 129
Конец жизни («Ночью зимней — в темный лес...») 95
«Конь мой ржет и бьет копытом...» (Похищение) 78
Кошка и мышка ((Стихотворения Иеремии Недобובה). 1. «На полу сидит мышонок...») 387
Краевский — см. К портрету Краевского 383
Крoкет в Виндзоре («Сидит королева в Виндзорском бору...») 117
«Кроткие льются лучи с небес на согретую землю...» (Деревня. 7) 112
«К(удряв)цев, локоть отставляя...» (П. Н. Кудрявцеву) 127
(П. Н. Кудрявцеву) «К(удряв)цев, локоть отставляя...» 127

Лесная тишь («Лесная тишь! лесная тишь!..» (Из Р. Поля)) 366
«Лишь бы милый воротился...» (Финская песня. (Из Гете)) 390
Лонгинову послание — см. Послание к Лонгинову 375
«Любезнейший Фет!..» (Из «Соборного послания двум обитателям Степановки от смиренного Иоанна») 134
«Люблю я вечером к деревне подъезжать...» (Деревня. 1) 107
«Луна плывет высоко над землею...» 73

Э. Мерике

Былое счастье («Счастья дни! как скоро вы...») 368
На заре («Сон не коснулся глаз моих...») 364
Садовник («Верхом на лошадке...») 367
Солдатская невеста («Солдат удалой мой жених!..») 391
«Милый друг, когда я буду...» 118
«Милый Колбасин!..» (Е. Я. Колбасину) 132
«Милый Петя! Непростительно...» (П. И. Борисову) 136
«Мне тягостно негодованье...» (Исповедь) 106
«Многострадальный Колбасин, и в то же время счастливец!..» (Е. Я. Колбасину) 129
«Мой юный друг, Колбасин Елисей...» (Е. Я. Колбасину) 128
«Молча въезжает — да ночью морозной...» (Федя) 96
«Молю тебя, мой бог! Когда...» (Моя молитва) 63
Моя молитва («Молю тебя, мой бог! Когда...») 63
«Мужа мне, муза, воспой; с пределов далекой Финляндьи...» 122
А. Мюссе

(Песня Фортуни из комедии А. Мюссе «Подсвечник») «Не ждете ль вы, что назову я...» 363

«На Альбанских горах — что за дьявол такой?..» 123
На заре («Сон не коснулся глаз моих...» (Из Э. Мерике)) 364
На охоте — летом (Деревня. 2. «Жарко, мучительно жарко... Но лес недалёко зеленый...») 108
«На полу сидит мышонок...» ((Стихотворения Иеремии Недобובה) 1. Кошка и мышка) 387
«На твой балкон взобраться снизу...» 117
«Нам тягостно негодованье...» (Исповедь) 106
«„Начало трудно“, — слышал я не раз...» (Андрей) 301
«Не ждете ль вы, что назову я...» (Песня Фортуни из комедии А. Мюссе «Подсвечник») 363.
«Не считай часов разлуки...» (Призвание) 100
Нева («Нет, никогда передо мной...») 83

- «Недавний гражданин дряхлеющей Москвы...» (Послание к Лонгинову) 375
- Немец («Ich lag im hochgewachs'nen dunklen Kraute...») 67
- «Нет, никогда передо мной...» (Нева) 83
- (А. В. Никитенко) «Исполненный ненужных слов...» 126
- «Новым чувствам всем сердцем отдался...» 115
- Ночь и день («Уже бегут ночные грезы...») (Из Э. Тюркети)) 365
- «Ночью зимней — в темный лес...» (Конец жизни) 95
- «О мои кунцевские друзья...» (В. П. Боткину и А. В. Дружинину) 127
- «О ночь безлунная, ночь теплая, немая!...» (Деревня. 3. Безлунная ночь) 109
- «О разлука, разлука!...» (Разлука) 116
- «О юный Колбасин!...» (Е. Я. Колбасину) 129
- «Один, опять один я. Разошлась...» 104
- «Один перед немым и сумрачным дворцом...» (Разговор) 261
- «Одной лишь любовью...» (Песня Клерхен из трагедии Гете «Эгмонт») 351
- Ожидание («Он дом сейчас покинул мой...») (Из Р. Поля)) 367
- «Он вырос в доме старой тетки...» (Человек, каких много) 93
- «Он дом сейчас покинул мой...» (Ожидание. (Из Р. Поля)) 367
- «Он хлыщ, но как он тих и скромн...» — см. К(удряв)цев, локоть отставляя...» 127
- «Осенний вечер... Небо ясно...» 80
- Осень («Как грустный взгляд, люблю я осень...») 82
- «Отец твой, поп-бездельник...» (М. В. Белинской) 125
- «Откуда веет тишиной?..» 103
- «Отсутствующими очами...» 141
- Параша («Читатель, бью смиренно вам челом...») 218
- Первый снег (Деревня. 9. «Здравствуйте, легкие звезды пушистого, первого снега!...») 113
- «Перед воеводой молча он стоит...» (Баллада) 76
- Перед охотой (Деревня. 8. «Утро! вот утро! Едва над холмами...») 112
- Перед судом («Под сердцем моим чье дитя я ношу...») (Из Гете)) 364
- (Песня Клерхен из трагедии Гете «Эгмонт») «Одной лишь любовью...» 351
- (Песня Фортуню из комедии А. Мюссе «Подсвечник») «Не ждете ль вы, что назову я...» 363
- «По жизненному полю...» (Слепец. (Из Р. Поля)) 390
- «По морде б я его ударил...» (В. Г. Авсеенко) 139
- «Под сердцем моим чье дитя я ношу...» (Перед судом (Из Гете)) 364
- «Покинув град Петров, я в Баден поспешил...» (А. А. Фету) 133
- Р. Польша
- Загубленная жизнь («Глядит на закат она солнца...») 366
- Лесная тишь («Лесная тишь! лесная тишь!...») 366
- Ожидание («Он дом сейчас покинул мой...») 367
- Слепец («По жизненному полю...») 390
- Помещик («За чайным столиком, весной...») 282
- Поп («Бывало, я писал стихи — для славы...») 246
- (Послание Белинского к Достоевскому) «Витязь горестной фигуры...» 373

- Послание к Лонгинову («Недавний гражданин дряхлеющей Москвы...») 375
- Последняя сцена первой части «Фауста» Гете («Я чувствую тревожное волнение...») 351
- Похищение («Конь мой ржет и бьет копытом...») 78
- Призвание («Не считай часов разлуки...») 100
- «Признаться надо нам, так наша жизнь проходит...» (Из Вольтера) 364
- Разгадка («Как прилиwała к сердцу...») 116
- Разговор («Один перед немым и сумрачным дворцом...») 261
- Разговор ((Стихотворения Иеремии Недобובה). 4. «Ты сегодня скучен, мой сынок...») 388
- Разлука («О разлука, разлука!...») 116
- «Ремянный кнут, не безуханный...» (Кнут) 386
- «Решено! Ура! виват!...» (А. А. Фету) 138
- Римская элегия (Гете. 12) («Слышишь? веселые клики с Фламинской дороги несутся...») 360
- Русский («Вы говорили мне — что мы должны расстаться...») 71
- Садовник («Верхом на лошадке...» (Из Э. Мерике)) 367
- «Сидит королева в Виндзорском бору...» (Крбкет в Виндзоре) 117
- Синица («Слышу я: звенит синица...») 115
- Слепец («По жизненному полю...» (Из Р. Поля)) 390
- «Слышишь? веселые клики с Фламинской дороги несутся...» (Римская элегия. Гете. 12) 360
- «Слышу я: звенит синица...» (Синица) 115
- Соборное послание двум обитателям Степановки от смиренного Иоанна («Любезнейший Фет!...») 134
- «Солдат удалой мой жених!...» (Солдатская невеста. (Из Э. Мерике)) 391
- Солдатская невеста («Солдат удалой мой жених!...» (Из Э. Мерике)) 391
- Сон («Давненько не бывал я в стороне родной...») 119
- «Сон не коснулся глаз моих...» (На заре. (Из Э. Мерике)) 364
- «Среди людей, мне близких... и чужих...» (Толпа) 86
- Старый помещик («Вот и настал последний час...») 74
- Стено 145
- (Стихотворения Иеремии Недобובה). 1—4. 387
- «Счастья дни! как скоро вы...» (Былое счастье. (Из Э. Мерике)) 368
- «Таинственно в безмолвии ночном...» (Восторг души или чувства души в высокаторжественный день праздника) 381
- «Тебе случилось — в роще темной...» (Цветок) 84
- «Теперь, когда Россия наша...» (К.-А. Фарнгагену фон Энзе) 114
- Толпа («Среди людей, мне близких... и чужих...») 86
- «Ты сегодня скучен, мой сынок...» ((Стихотворения Иеремии Недобובה). 4. Разговор) 388
- Тьма (Из Байрона) («Я видел сон... не всё в нем было сном...») 361
- Э. Тюркети
- Ночь и день («Уже бегут ночные грезы...») 365

- «Уж поздно... Конь усталый мой...» (Деревня. 6. Другая ночь) 111
«Уже бегут ночные грезы...» (Ночь и день. (Из Э. Тюркети)) 365
«Уже давно вдали толпились тучи...» (Деревня. 5. Гроза) 110
У. Уитмен
Бейте, бейте, барабаны! 369
«Утро! вот утро! Едва над холмами...» (Деревня. 8. Перед охотой)
112
«Утро туманное, утро седое...» (Варияции. 3. В дороге) 90
К.-А. Фарнгагену фон Энзе («Теперь, когда Россия наша...») 114
Федя («Молча въезжает — да ночью морозной...») 96
«Фет, ну что Ваш Шопенгауэр?..» (А. А. Фету) 138
(А. А. Фету) «Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...» 130
(А. А. Фету) «В ответ на возглас соловьиный...» 137
(А. А. Фету) «Все эти похвалы едва ль ко мне придутся...» 127
(А. А. Фету) «Где-то, что-то веет, млеет...» 136
(А. А. Фету) «Как снег вершин...» 390
(А. А. Фету) «Любезнейший Фет!..» (Из «Соборного послания...») 134
(А. А. Фету) «Покинув град Петров, я в Баден поспешил...» 133
(А. А. Фету) «Решено! Ура! виват!..» 138
(А. А. Фету) «Фет, ну что Ваш Шопенгауэр?..» 138
(А. А. Фету) «Я долго стоял неподвижно...» 389
Филиппо Стродзи («В отчизне Данта, древней, знаменитой...») 344
Финская песня («Лишь бы милый воротился...» (Из Гете)) 390
К А. Н. Х(овриной) — см. «Луна плывет высоко над землею...» 73
(А. Н. Ховриной) «Что тебя я не люблю...» 72
«Художества любитель...» (Загадка) 374
Цветок («Тебе случилось — в роще темной...») 84
Человек, каких много («Он вырос в доме старой тетки...») 93
«Через поля к холмам тенистым...» (К ***) 100
«Читатель, бью смиренно вам челом...» (Параша) 218
«Что за погода злая!» (Из Г. Гейне) 368
«Что тебя я не люблю...» (А. Н. Ховриной) 72
(П. В. Шумахеру) «Друже милый, Петр Васильевич...» 139
«Я вас знавал... тому давно...» (К А. С.) 97
«Я видел сон... не всё в нем было сном...» (Тьма. Из Байрона) 361
«Я всходил на холм зеленый...» 73
«Я долго стоял неподвижно...» (А. А. Фету) 389
«Я чувствую тревожное волнение...» (Последняя сцена первой части «Фауста» Гете) 351
Я шел среди высоких гор... 120

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. И. С. Тургенев. Акварель К. А. Горбунова. Конец 1830-х годов.

2. С. 92. Ноты романса А. Г. Рубинштейна на слова стих. «Весенний вечер», «Иллюстрация», 1848, № 22, с. 344.

3. С. 122. Автограф стих. «Мужа мне, муза, воспой; с пределов далекой Финляндьи...» ПД.

4. С. 260. Обложка отдельного издания поэмы «Разговор» (1845).

5—10. *Между с. 288—289 и 320—321*. Рисунки А. Агина к поэме «Помещик». «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым» (1846).

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия И. С. Тургенева. *Вступительная статья И. Ямпольского* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Моя молитва	63
2. К Венере Медицейской	63
3. Вечер. <i>Дума</i>	65
4. «Грустно мне, но не приходят слезы...»	67
5. Немец. Русский	67
6. (А. Н. Ховриной) «Что тебя я не люблю...»	72
7. «Луна плывет высоко над землею...»	73
8. «Я всходил на холм зеленый...»	73
9. Старый помещик	74
10. Баллада	76
11. «Долгие, белые тучи плывут...»	77
12. Похищение	78
13. «Осенний вечер... Небо ясно...»	80
14. «Дай мне руку — и пойдем мы в поле...»	80
15. «Заметила ли ты, о друг мой молчаливый...»	81
16. Осень	82
17. Нева	83
18. Цветок	84
19. «Для недолгого свиданья...»	85
20. Толпа	86
21. Когда я молось	87
22—24. Вариации	
1. «Когда так радостно, так нежно...»	88
2. «Ах, давно ли гулял я с тобой!...»	89
3. (В дороге). «Утро туманное, утро седое...»	90
25. «В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный...»	90
26. «К чему твержу я стих унылый...»	91
27. Весенний вечер	91
28. «Когда с тобой расстался я...»	93
29. Человек, каких много	93

30.	«Когда давно забытое название...»	94
31.	Конец жизни	95
32.	Федя	96
33.	К А. С. («Я вас знал. . . тому давно...»)	97
34.	В. Н. Б. («Когда в весенний день, о ангел мой послушный...»)	98
35.	Гроза промчалась	99
36.	К*** («Через поля к холмам тенистым...»)	100
37.	Призвание (<i>Из непечатанной поэмы</i>)	100
38.	(Брожу над озером)	102
39.	«Откуда веет тишиной?...»	103
40.	«Один, опять один я. Разошлась...»	104
41.	Исповедь	106
42—50.	Деревня	
1.	«Люблю я вечером к деревне подъезжать...»	107
2.	На охоте — летом	108
3.	Безлунная ночь	109
4.	Дед	109
5.	Гроза	110
6.	Другая ночь	111
7.	«Кроткие люются лучи с небес на согретую землю...»	112
8.	Перед охотой	112
9.	Первый снег	113
51.	К.-А. Фарнгагену фон Энзе	114
52.	(Из поэмы, преданной сожжению)	114
53.	«Новым чувствам всем сердцем отдался...»	115
54.	Синица	115
55.	Разгадка	116
56.	Разлука	116
57.	«На твой балкон взобраться снизу...»	117
58.	Крoкет в Виндзоре	117
59.	«Милый друг, когда я буду...»	118
60.	Сон	119
61.	Я шел среди высоких гор	120

Шуточные стихотворения и эпиграммы

62.	«Мужа мне, муза, воспой; с пределов далекой Финляндии...»	122
63.	«На Альбанских горах — что за дьявол такой?...»	123
64.	(А. А. Бакунину) «Алексей божий человек...»	125
65.	(М. В. Белинской) «Отец твой, поп-бездельник...»	125
66.	(М. П. Боткиной) «Альбомчик Ваш перебирая...»	125
67.	(Н. Х. Кетчеру) «Вот еще светило мира!...»	126
68.	(А. В. Дружинину) «Дружинин корчит европейца...»	126
69.	(А. В. Никитенко) «Исполненный ненужных слов...»	126
70.	(П. Н. Кудрявцеву) «К(удряв)цев, локоть отставляя...»	127
71.	(А. А. Фету) «Все эти похвалы едва ль ко мне придутся...»	127
72.	(В. П. Боткину и А. В. Дружинину) «О мои кунцевские друзья...»	127
73.	(П. В. Анненкову) «Идеалист с широким пузом...»	128
74.	(Е. Я. Колбасину) «Мой юный друг, Колбасин Елисей...»	128
75.	(Е. Я. Колбасину) «Многострадальный Колбасин, и в то же время счастливец!...»	129

76.	⟨Е. Я. Колбасину⟩ «О юный Колбасин!..»	129
77.	⟨А. А. Фету⟩ «Бесценный Фет, мудрец и стихотворец..»	130
78.	⟨Е. Я. Колбасину⟩ «Милый Колбасин!..»	132
79.	⟨А. А. Фету⟩ «Покинув град Петров, я в Баден поспешил..»	133
80.	Из «Соборного послания двум обитателям Степановки от смиренного Иоанна»	134
81.	⟨А. А. Фету⟩ «Где-то, что-то веет, млеет..»	136
82.	⟨П. И. Борисову⟩ «Милый Петя! Непростительно..»	136
83.	⟨А. А. Фету⟩ «В ответ на возглас соловьиный..»	137
84.	⟨А. А. Фету⟩ «Фет, ну что Ваш Шопенгауэр?..»	138
85.	⟨А. А. Фету⟩ «Решено! Ура! виват!..»	138
86.	⟨В. Г. Авсенко⟩ «По морде б я его ударил..»	139
87.	⟨П. В. Шумахеру⟩ «Друже милый, Петр Васильевич..»	139
88.	«Жил был некакий мальчишка..»	139
89.	«Отсутствующими очами..»	141

ПОЭМЫ И ПЬЕСЫ

90.	Стено. <i>Драматическая поэма</i>	145
91.	Искушение святого Антония. <i>Драма в одном действии</i>	197
92.	Параша. <i>Рассказ в стихах</i>	218
93.	Поп. <i>Поэма</i>	246
94.	Разговор. <i>Стихотворение</i>	261
95.	Помещик	282
96.	Андрей. <i>Поэма</i>	301
97.	Графиня Донато	343
98.	Филиппо Стродзи	344

ПЕРЕВОДЫ

99.	⟨Песня Клерхен из трагедии Гете «Эгмонт»⟩ «Одной лишь любовью..»	351
100.	Последняя сцена первой части «Фауста» Гете	351
101.	Римская элегия (Гёте. 12). «Слышишь? веселые клики с Фламминской дороги несутся..»	360
102.	Тьма (Из Байрона)	361
103.	⟨Песня Фортуню из комедии А. Мюссе «Подсвечник»⟩ «Не ждете ль вы, что назову я..»	363
104.	⟨Из Вольтера⟩ «Признаться надо нам, так наша жизнь проходит..»	364
105.	На заре (Из Э. Мерике)	364
106.	Перед судом (Из Гете)	364
107.	Ночь и день (Из Э. Тюркети)	365
108.	Лесная тишь (Из Р. Поля)	366
109.	Загубленная жизнь (Из Р. Поля)	366
110.	Ожидание (Из Р. Поля)	367
111.	Садовник (Из Э. Мерике)	367
112.	Былое счастье (Из Э. Мерике)	368
113.	«Что за погода злая!» (Из Г. Гейне)	368
114.	Бейте, бейте, барабаны! (Из У. Уитмена)	369

КОЛЛЕКТИВНОЕ

115. (Послание Белинского к Достоевскому) «Витязь горестной фигуры...»	373
116. Загадка	374
117. Послание к Лонгинову	375

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ И. С. ТУРГЕНЕВУ

118. Восторг души или чувства души в высокаторжественный день праздника	381
119. К портрету Краевского	383
120. «Когда монарх наш незабвенный...»	385
121. Кнут	386
122—125. (Стихотворения Иеремии Недобобова)	
1. Кошка и мышка	387
2. Абсолютная ирония	387
3. Вздох (<i>Элегия</i>)	388
4. Разговор	388
126. «Я долго стоял неподвижно...»	389
127. (А. А. Фету) «Как снег вершин...»	390
128. Финская песня (Из Гете)	390
129. Слепец (Из Р. Поля)	390
130. Солдатская невеста (Из Э. Мерике)	391
131. Весенний вечер (Из Э. Гейбеля)	391
Примечания	393
Алфавитный указатель произведений	461
К иллюстрациям	468

Тургенев Иван Сергеевич

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1970, 472 стр. Тем. план вып. 1970 г. № 328.

Редактор *Л. А. Николаева*. Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *И. Г. Клейнер*

Сдано в набор 10/VI 1970 г. Подписано в печать 20/VIII 1970 г. Бумага 84×108¹/₃₂, № 2. Печ. л. 14³/₄ + 3 вкл. (25,08). Уч.-изд. л. 24,08. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1007. Цена 1 руб.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград. Невский пр., 28. Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3